

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 8/08

Scientific monthly

“History” series
(Records management, archives administration)

Moscow 2008

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 8/08

Ежемесячный научный журнал

Серия «История»
(Документоведение, архивоведение)

Москва 2008

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии
«История» (Документоведение, архивоведение)

Е.М. Бурова – ответственный редактор
Т.В. Кузнецова – заместитель ответственного редактора
Е.А. Серегина – ответственный секретарь
В.Ю. Афиани
Е.В. Старостин

© Коллектив авторов, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Форум

- Заседание круглого стола по проблеме:
«Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние
и перспективы развития». 4 апреля 2007 г. 9

Археография

- А.Д. Степанский*
Отечественная археографическая мысль середины 1950-х –
1960-х гг. и ее ведущие представители 54

Архивоведение

- Е.В. Алексеева*
Документ в системе социальных коммуникаций 90

- Е.М. Бурова*
Маркетинг архивных документов и архивной информации 104

- Т.С. Волкова*
Ведомственность в архивной практике СССР
и Российской Федерации (нормативно-правовой аспект) 125

- О.Н. Косенко*
Органы управления архивным делом на территории
Советской зоны оккупации Германии (1945–1949 гг.) 139

- А.В. Попов*
Русское зарубежье и архивы: история российской эмиграции
в отечественных и зарубежных хранилищах 151

- В.Б. Прозорова*
Удивительные приключения принципа единства фонда на родине ... 184

- О.Г. Санин*
Архив Кабинета Петра I в XVIII–XX веках 197

- Е.В. Старостин*
Архивы Русской Православной Церкви в период становления
и развития Московского государства (XIV–XVII веков) 214

Документоведение

<i>Е.Т. Аляутдинова</i>	
Понимание термина «устав» и зарождение этого вида документа в Киевской Руси	223
<i>А.С. Голотик</i>	
Современная нормативная база документационного обеспечения управления Австралийского Союза (разработка и содержание)	234
<i>Е.М. Емышева</i>	
Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа	248
<i>С.А. Прошина</i>	
Отражение распорядительной деятельности в документах XIII–XVII веков	262
<i>Е.Н. Филенко</i>	
Развитие понятия «документ» с внедрением новых информационных технологий	269
Abstracts	281
Сведения об авторах	287

CONTENTS

Forum

- The conference of the round table on the subject:
“Teaching archeography in RGGU: the modern condition
and development prospects. April 4, 2007” 9

Archeography

- A.D. Stepanyuk*
Trends in Russian archeography in the middle 1950s and 1960s
and the leading members of the Russian archaeological school 54

Archives administration

- E.V. Alekseyeva*
The document in social communications 90

- E.M. Burova*
The marketing of archival documents and the archival information 104

- T.S. Volkova*
The juridical aspect of the archives administration in the USSR
and the Russian Federation 125

- O.N. Kosenko*
Archives administration bodies in the Soviet occupation zone
in Germany (1945–1949) 139

- A.V. Popov*
Russian emigrants and archives: history of the Russian
emigration in Russian and foreign holdings 151

- V.B. Prozorova*
Miraculous adventures of the stock unity principle in its homeland 184

- O.G. Sanin*
The archive of the government of Peter the Great
in the 18th–19th centuries 197

- Eu.V. Starostin*
Archives of the Russian Orthodox Church during the formation and develop-
ment of the Moscow State (14th–17th centuries) 214

Records management

<i>E.T. Alyautdinova</i>	
The meaning of the term “ustav” and the origin of this type of document in Kievan Rus’	223
<i>A.S. Golotiik</i>	
The contemporary regulatory system for the records management in Australia, its origin and content	234
<i>E.M. Emysheva</i>	
General Regulations’ of 1720 as an example of an attempt to createan organizational document	248
<i>S.A. Pronina</i>	
The administrative activity as reflected in the documents of the13 th –17 th centuries	267
<i>E.N. Filenco</i>	
The development of the notion of the record following the implementation of new information technologies	269
Abstracts	281
Authors	287

Форум

ЗАСЕДАНИЕ КРУГЛОГО СТОЛА ПО ПРОБЛЕМЕ: «ПРЕПОДАВАНИЕ АРХЕОГРАФИИ В РГГУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ» 4 апреля 2007 г.

На заседании круглого стола было заслушано сообщение завкафедрой археологии ИАИ РГГУ, к.и.н. В.Ю. Афиани о проблемах преподавания археологии в университете. В обсуждении сообщения приняли участие ведущие специалисты в области археологии: руководители и преподаватели РГГУ и ИАИ РГГУ, руководители и сотрудники Росархива, Мосгорархива, директора федеральных архивов, руководители институтов и учреждений РАН и др. Участники круглого стола приняли рекомендации по расширению преподавания археологии в РГГУ. На заседании круглого стола председательствовали ректор РГГУ, проф. Е.И. Пивовар и почетный председатель Археологической комиссии РАН, академик РАО, проф. С.О. Шмидт.

4 апреля в зале Ученого совета РГГУ состоялось заседание круглого стола «Преподавание археологии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития». На обсуждение были вынесены следующие проблемы: теоретические и методологические аспекты преподавания археологии; предмет современной археологии; нормативно-методическая база современной публикаторской работы; состав и содержание основного лекционного курса по археологии и специальных курсов; проблемы археологии электронных документов; место Internet-публикаций в учебном процессе и др.

В работе круглого стола приняли участие: известные специалисты в области археологии, руководители и преподаватели РГГУ и ИАИ РГГУ, руководители и сотрудники Росархива, Мосгорархива, директора федеральных архивов, руководители институтов и учреждений РАН и др.

Заседание круглого стола открыл и вел ректор РГГУ, проф. Е.И. Пивовар. Вторую часть заседания вел почетный председатель Археологической комиссии РАН, академик РАО, проф. С.О. Шмидт.

В выступлениях был обсужден широкий круг проблем организации преподавания археологии в РГГУ на современном уровне, были предложены пути их решения, был поддержан проект рекомендаций, подготовленных кафедрой археологии ИАИ РГГУ, дополнены и уточнены отдельные положения проекта.

Заседание круглого стола...

Заседание круглого стола стало заметным событием в деятельности РГГУ и в разработке проблем современной археографии, поэтому в «Вестнике РГГУ» стенограмма круглого стола публикуется полностью.

В.Ю. Афиани, В.М. Магидов

Выступили:

Е.И. Пивовар, проф., д.и.н., ректор РГГУ;
В.Ю. Афиани, доц., к.и.н., и.о. завкафедрой археографии ИАИ РГГУ, директор Архива РАН;
Т.Ф. Павлова, начальник управления Росархива;
В.М. Магидов, проф., д.и.н., декан факультета технотронных документов ИАИ РГГУ;
М.М. Горинев, первый заместитель начальника Мосгорархива;
Е.В. Старостин, проф., д.и.н., завкафедрой ИАИ РГГУ;
С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, проф., председатель Археографической комиссии РАН;
С.О. Шмидт, проф., академик РАО, почетный председатель Археографической комиссии РАН;
И.Н. Киселев, к.и.н., замначальника отдела Росархива;
В.П. Козлов, чл.-корр. РАН, проф., Руководитель Росархива;
А.А. Чернобаев, проф., д.и.н., гл. редактор журнала «Исторический архив»;
В.А. Черных, к.и.н., ученый секретарь Археографической комиссии РАН;
А.Д. Степанский, проф., д.и.н., ИАИ РГГУ, гл. редактор журнала «Вестник архивиста»;
И.В. Зайцев, к.и.н., замдиректора Института востоковедения РАН;
А.Б. Безбородов, проф., д.и.н., директор ИАИ РГГУ.

Е.И. Пивовар

Уважаемые коллеги!

Мы открываем заседание круглого стола «Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития». Учитывая ситуацию, сложившуюся в области преподавания историко-архивоведения в России в целом и в РГГУ в частности, очевидна необходимость своевременного обсуждения этого вопроса и согласования мер, призванных исправить положение.

В условиях переходного процесса в нашем образовании, когда стандарт документоведения и историко-архивоведения как направления подготовки бакалавров и магистров существует еще только в виде проекта, обсуждаемая проблематика приобретает особое значение. Я надеюсь, что хотя бы в качестве эксперимента, с сентября этого года, мы проведем

набор студентов для подготовки бакалавров. Новые образовательные стандарты, новые учебные программы по подготовке бакалавров должны будут помочь нам сфокусировать внимание на архивоведческой и документоведческой проблематике. Мы ставим задачу сохранить их в качестве самостоятельных направлений и продолжать подготовку специалистов в этих областях.

Документоведение и всё историко-архивоведение, как известно, тесным образом связано с практикой использования документов и архивных материалов, а одним из важнейших направлений в рамках этой работы является публикаторская деятельность, археография.

РГГУ и Историко-архивный институт, в частности, славятся своими давними и глубокими традициями преподавания археографической деятельности. Кафедра археографии факультета архивного дела ИАИ занимала одно из ведущих мест и по количеству студентов, и по числу дипломных работ. Обучение основам археографии и в перспективе предполагается использовать не только для подготовки таких специалистов, как историк-архивист или документовед, но и других специальностей – так, как это в настоящее время происходит с преподаванием источниковедения, истории и теории исторической науки. Уже сейчас очевидна несомненная польза, которую принесет обучение археографии в рамках специализации по издательскому делу, в частности в сфере издания научной продукции. И мы добиваемся разрешения открыть такую специализацию на кафедре археографии.

Значение археографии представляется шире, чем один из компонентов специальности историка-архивиста. Для меня очевидно, что археография – это один из инструментов повышения научной значимости архивной деятельности как таковой, а также один из значимых элементов повышения социального статуса работы архивистов, архивной службы. Именно археографическая деятельность архивистов может стать основой для развития научной деятельности архивов, общественного заказа для подготовки архивистов.

Сегодня обсуждению подлежит не только концепция преподавания этого комплекса дисциплин, но и место самого этого комплекса в системе подготовки историка-архивиста. Если в середине 1980-х гг. именно археография, наряду с источниковедением и историей госучреждений, являлась важным связующим звеном в образовательном стандарте направления «историк-архивист», то сегодня археография, безусловно, сдала свои позиции и нуждается в новом импульсе к дальнейшему развитию. И преподавание источниковедения и так называемых «специальных дисциплин», конечно, требует усиления. И, как мне кажется, тут у нас тоже есть резервы.

В выполнении этих задач не стоит недооценивать опыт прошлого. Хотя наш университет ориентируется прежде всего на использование инновационных подходов, мы готовы восстановить то, что доказало свою эффективность в прошлом и представляется целесообразным сегодня.

На заседании присутствует практически весь цвет архивного сообщества во главе с руководителем федеральной архивной службы В.П. Козло-

Заседание круглого стола...

вым. Я рад приветствовать здесь руководителей крупнейших федеральных архивов, московских архивов, руководителей всех наших архивоведческих кафедр и руководство Историко-архивного института, факультетов архивного дела и технотронных архивов, представителей Российской академии наук.

Я надеюсь, что этот разговор будет заинтересованным и откровенным и что этот конструктивный диалог даст позитивные результаты.

Мне кажется, что обсуждаемый вопрос стоит сегодня достаточно остро, а потому мы очень рассчитываем на рекомендации специалистов. Всестороннее обсуждение заявленной темы, ваши комментарии и предложения позволят нам уточнить и скорректировать нашу деятельность.

Однако я хотел бы напомнить, что вне зависимости от того, удастся ли нам провести экспериментальный набор будущих бакалавров, не следует забывать и о сегодняшних студентах, значительное число которых учится в нашем университете по специальности «историк-архивист». Каким бы образом ни была реализована новая стратегия образования, обсуждаемая сегодня как в Министерстве науки и образования, так и в правительстве, мы не можем допустить, чтобы переходный период от одной образовательной модели к другой негативно сказался на качестве обучения наших студентов. Это касается и головного вуза, и филиалов РГГУ.

Я бы хотел отметить, что в последнее мы начали укреплять археографическое направление в РГГУ. Во главе кафедры встал руководитель Архива Российской академии наук В.Ю. Афиани. Он активно занимается практической публикаторской деятельностью, известен своими работами по истории и теории археографии. В настоящее время мы работаем также на укрепление и развитие ряда других направлений. Так, мы пригласили и руководителя ВНИИДАД М.В. Ларина на одну из кафедр факультета документоведения в качестве заведующего кафедрой. Недавно мы создали в ИАИ РГГУ историко-краеведческое отделение, которое тоже бесспорно связано с археографической деятельностью, открыли кафедру москвоведения. И я глубоко признателен С.О. Шмидту, который, несмотря на огромную занятость в научной и научно-организационной областях, согласился поддержать это начинание личным примером, – и это тоже повод для нашей совместной деятельности. Не могу не отметить, что и факультет технотронных архивов недавно представил концепцию своего развития, которая включает в себя археографический элемент. И у кафедры археографии с факультетом есть общие интересы, должно развиваться сотрудничество.

Я надеюсь, что сегодняшняя встреча окажет заметное воздействие не только на практику преподавания в нашем университете, но затронет также преподавание в наших филиалах и у наших партнеров. Конструктивное обсуждение, готовность решать возникающие вопросы, анализ проблем, с которыми сталкивается современная археография, и предложения, направленные на оптимизацию разрабатываемых нами стандартов, – всё это позволит выработать ответы на многочисленные вопросы, возникающие сегодня. Хочу верить, что в свете разработки новых образовательных стандартов и нового всплеска интереса к проблематике архе-

ографии это направление, значение которого в университете невозможно переоценить, выйдет на новый уровень.

В.Ю. Афиани

В преподавании археологии в РГГУ за прошедшее время накопилось много проблем. Преподавание археологии в Историко-архивном институте имеет богатейшие традиции. Оно началось вместе с созданием Архивного института в 1930-е гг. и ведется вот уже семьдесят пять лет, даже чуть больше. Начало преподавания археологии связано с именем, к сожалению незаслуженно несколько подзабытого, на мой взгляд, человека, – ответственного секретаря редакции журнала «Красный архив» и «Архивное дело» А.А. Сергеева. В 1920–1930-е гг. журналы были ведущими периодическими изданиями, систематически публиковавшими на своих страницах архивные документы. Курс лекций А.А. Сергеева «Методика публикации исторических документов» стал первым. Учитывая то обстоятельство, что и у меня – опыт работы в журнале «Исторический архив», мне такое совпадение представляется символическим.

Так началось преподавание археологии в стенах института. В разные годы в нем принимали участие известные историки, археологи и архивисты. Мне приятно отметить, что в 40-е гг. здесь оставили свой след, преподавали, в том числе археологию, ученики Лаппо-Данилевского – С.Н. Валк и А.И. Андреев. Есть даже предположение, что именно С.Н. Валк имелся в виду, когда в 1947 г. было принято решение Министерства высшего образования по созданию кафедры археологии в институте. К сожалению, оно тогда не реализовалось.

Уже в другую эпоху, в 1957 г., на волне хрущевской оттепели, была создана кафедра археологии, первая и уникальная. И это тоже символично, что специальная кафедра была создана именно тогда, когда, как в 1920-е гг., и в эпоху перестройки, стали массово рассекречиваться и публиковаться исторические документы, источники по новейшей истории. Таким образом, в этом году, осенью, исполняется полвека с основания кафедры. Эти две даты – начало преподавания археологии в институте, создание кафедры – события, которым, может быть, стоит посвятить научное заседание кафедры или научную конференцию, совместно с Археологической комиссией, с другими заинтересованными учреждениями и специалистами. И там продолжить обсуждение теоретических и методологических вопросы археологии, всего того, что мы не успеем обсудить на круглом столе.

Многое в преподавании археологии в МГИАИ было первым, новаторским, как мы бы сейчас сказали – экспериментальным. Первый курс лекций – А.А. Сергеева, первое опубликованное учебное пособие по археологии – А.А. Шилова, «Руководство по публикации документов XIX и начала XX века», первые очерки по истории археологии, спецкурсы по актуальным, современным темам, защита первых канди-

Заседание круглого стола...

датских и докторских диссертаций по историографии – всё это происходило в Историко-архивном институте.

Кафедра играла одну из ведущих ролей в разработке курса истории археологии, в разработке методологических, теоретических вопросов, не раз выступала инициатором дискуссии по проблемам историографии. Кафедра развивалась и благодаря тесным связям с коллегами, преподавателями МГИАИ, с архивами, с институтами Академии наук. Всё это, конечно, давало положительные импульсы и для лекционных курсов, и для разработки теоретических и методических вопросов. Помимо общего курса археологии в МГИАИ были разработаны курсы по теории археологии, зарубежной археологии, публикации источников по истории литературы и искусства, специальных видов источников (кино-фото, технических) и др.

Нельзя сказать, что в развитии кафедры всегда и всё было безоблачно. Фигура многолетнего заведующего кафедрой, Михаила Степановича Селезнева, неоднозначна и очень противоречива. Он – первый заведующий кафедрой, ратовал за разработку теоретических и методических проблем археологии, благодаря его усилиям преподавание археологии заняло достойное место в институте среди других дисциплин. Но политизированность, попытка разработки методологических вопросов на основе догматически понимаемого марксизма-ленинизма, пресловутых принципов «партийности», – всё это приводило к упрощениям, схоластике. Нельзя забыть и о тех сомнительных методах, которые он избирал для отстаивания своего представления об археологии, борьбе с оппонентами. Ослабели связи кафедры археологии с другими кафедрами и факультетами МГИАИ, с архивами и академическими научными учреждениями. Всё это, несомненно, снижало авторитет кафедры археологии и в научном, общественном мнении, и ее восприятия студентами.

События конца 1980-х – начала 1990-х гг., получившие название «архивной революции», вывели археологию из тихих кабинетов и аудиторий на улицу. Исторические документы выплеснулись на страницы газет и журналов. Сложилась благоприятная ситуация для переосмысления преподавания и разработки важнейших вопросов археологии.

В исследованиях, диссертациях, учебных курсах преподавателей и выпускников Историко-архивного института, нашел отражение широкий круг проблем археологии – истории и теории, проблем направлений археологии и отдельных видов источников отдельных видов источников публикации (в средствах массовой информации), отдельных видов источников (актов), факсимильных публикаций, публикаций документов по актуальным историческим проблемам: по истории революций, мировых войн, политических партий, императорской фамилии и др. Но далеко не всё из этого нашло адекватное отражение в лекционных курсах.

Отшумела газетная и журнальная шумиха, и тихо совершилась «археологическая революция». Не все заметили, как исторические документы повседневно вошли в жизнь тысяч и тысяч людей, приобрели

самую массовую аудиторию, какой они не имели раньше – Интернет. Таким образом, археографическая деятельность приобрела какое-то новое качество.

За прошедшие годы произошло и переосмысление многих проблем археографии, ее места среди родственных дисциплин и в контексте исторической науки, архивного дела, в системе массовых коммуникаций, наконец, в культуре общества. От первоначального представления об археографии как в основном о методике, технике подготовки к печати исторических документов, мы подошли сейчас к более глубокому ее пониманию. Всё больше и больше утверждается новое, более широкое понимание археографии. Она рассматривается и как один из важнейших элементов процесса сохранения исторической памяти в обществе, как средство социокультурной коммуникации, и как составная часть информационных процессов. Сформировалось представление об археографической культуре как о компоненте общей культуры, о публикации исторических документов как важной части историко-культурного наследия.

В очевидное противоречие с этими процессами вступило решение прежнего руководства РГГУ о ликвидации кафедры археографии в 1996 г. Были серьезно сокращены тематика и объем лекционных курсов, штаты преподавателей, прекратилось преподавание лекционных курсов по зарубежной археографии, по публикациям источников по истории литературы и искусства. Это, несомненно, нанесло серьезный ущерб преподаванию археографии в университете, и, в целом, уровню подготовки специалистов.

По моему убеждению, преподавание археографии в XXI в. и по содержанию, и по форме, должно отвечать вызовам времени, отражать современное состояние археографической деятельности, ее место в системе информационных коммуникаций в социокультурном широком контексте. Здесь, думается, недостаточно просто восстановить прежний объем преподавания, лекций и спецкурсов. Преподавание, на мой взгляд, должно вестись с учетом и на основе научных исследований, которые подготовлены и в самом институте, и его выпускниками. Это и зарубежный опыт археографии, археография русского зарубежья. Отельная проблема – разработка новейших проблем археографии в странах СНГ – опыт публикации документов XX столетия. Здесь мы рассчитываем на особую заинтересованность и поддержку Е.И. Пивовара как одного из зачинателей изучения новейшей истории стран СНГ, основавшего специальную кафедру в МГУ. Современная археографическая практика чрезвычайно разнообразна и многолика. Она не сводится только к классической идентификационной археографии. Необходимо обобщить весь опыт использования современных форм публикации документов: на микрокопиях, в электронном формате, в средствах массовой информации, в Интернете.

Я убежден, что преподавание археографии в том или ином объеме, в том или ином виде должно быть введено не только для историков-архивистов, но и для студентов всех тех специальностей, которые ори-

Заседание круглого стола...

ентированы на сферы человеческой деятельности, в широком плане связаны с историческим документом, с текстом. Это и филологи, и историки литературы, искусства, политологи и др. Перечень этих специальностей достаточно велик.

Целесообразна разработка цикла специальных курсов по актуальным проблемам археографии. В ряде случаев их нужно только восстановить. Нужно широко использовать в разных формах для участия в образовательном процессе известных археографов, историков и архивистов. Формы могут быть разные. Преподаватели и студенты должны участвовать в живой практической работе по подготовке не учебных, а реальных публикаций исторических документов в сотрудничестве с архивами и научно-исследовательскими институтами Академии Наук. У Архива РАН традиционно хорошие связи с ИАИ РГГУ. Многие студенты к нам приходят на практику, приходят и архивисты, и историки, и политологи. Архив РАН готов принимать и специалистов других специальностей – и филологов, и историков искусства или науки. Разнообразие содержания фондов Архива РАН позволяет это сделать. Но в практических занятиях нужно использовать не только традиционные, проверенные формы. По примеру других университетов, например, МГУ, я бы предложил использовать такую зарекомендовавшую себя форму работы со студентами, как археографические экспедиции. Их можно сделать в содружестве с другими кафедрами, комплексными – этнографическими, археографическими и филологическими. И поставить задачи изучения, описания и сбора памятников традиционной русской, а может быть и не только русской, культуры. В этом, как и в координации различных направлений археографической работы в РГГУ, могло бы помочь создание специального Археографического центра. С одной стороны, для разработки программ публикации исторических источников в научных и учебных целях в университете, с другой – для расширения контактов с архивами и академическими институтами.

Мне кажутся очень перспективными планы введения на кафедре подготовки специалистов по специальности «издательское дело и редактирование». Очевиден недостаток квалифицированных специалистов в этой области при росте числа издательств и объема издающейся научной, учебной и справочной литературы. Если специализироваться в этой области на издании исторической литературы, на издании публикаций источников, то есть на научной литературе гуманитарного профиля, то необходимо углубленное знание археографии.

Еще одна важнейшая задача кафедры – вписаться в процесс перехода на двухуровневую систему образования. Многие еще остаются неясным. Придется перерабатывать курсы с учетом новых требований и подходов. Вероятно, придется разделить вопросы истории, методики и теории. При подготовке бакалавров по специальности «историк-архивист» целесообразно преподавание базового курса археографии, включающего разделы по истории и методике. А преподавание курсов по теоретическим вопросам и углубленных отдельных курсов по актуальным проблемам археографии, в соответствии со специализацией, пере-

нести для подготовки магистров. Думается, уместно было бы углубить научный уровень преподавания в магистратуре по сравнению с современным.

Одним из важнейших направлений работы кафедры на перспективу я считаю установление тесных творческих связей с архивными научными учреждениями, с академической отраслевой наукой и привлечение специалистов из этих отраслей, в том числе для участия в образовательном процессе. Это обогащает образовательный процесс и устанавливает более тесную его связь с современной практической деятельностью.

Ну и конечно, если говорить об отклике археографии на современные вызовы времени – то речь должна идти и об использовании современных мультимедийных способов представления лекций, которые на родственной кафедре архивоведения и вообще в Историко-архивном институте уже развиваются.

Конечно, все эти планы должны быть увязаны с возможностями, в том числе материально-техническими, РГГУ и Историко-архивного института. И здесь есть определенные сложности, достаточно сказать, что кафедра не имеет своего кабинета. Российская академия наук в последнее годы тесно развивает с университетами такие формы сотрудничества, как создание базовых кафедр по различным проблемам. Пример – связи институтов Академгородка и университета в Новосибирске. Несмотря на многие трудности, накоплен определенный опыт. Может быть, стоит подумать о создании совместной кафедры или учебно-производственного центра совместно с другими архивными учреждениями. Архив РАН может выступить одним из организаторов такой совместной структуры.

Знаменитый историк и археограф, академик Н.Н. Покровский, совершивший, по выражению Дмитрия Сергеевича Лихачева, «археографическое открытие Сибири», одну из своих статей назвал «Время публиковать источники». (Кстати сказать, Н.Н. Покровский горячо поддержал восстановление кафедры в РГГУ и высказал несколько соображений по содержанию преподавания археографии.) Для того, чтобы осуществить это, нужна подготовка специалистов высокой квалификации. Перефразируя эти задачи, слова академика Покровского, я бы сказал – пришло время преподавать археографию на современном уровне. Отражая в учебной работе реальное место археографии в исторической науке, в современной жизни, в средствах информации и коммуникации, в отечественной культуре!

Т.Ф. Павлова

Меня попросили рассказать, как обстоят дела с научно-методическими разработками в области публикации архивных документов. Еще в начале 90-х гг. была поставлена задача проанализировать действующие на то время «Правила издания исторических документов в СССР»

Заседание круглого стола...

(М., 1990) с точки зрения решения вопроса – нуждается ли этот базовый, нормативный документ в переработке или, может быть, в замене. Мы запросили в то время все федеральные архивы и собрали их мнения. Оно было однозначным: эти «Правила» настолько качественный нормативный документ, разработанный на базе опыта, накопленного поколениями археографов, что в принципе он не нуждается в переработке (за исключением одной позиции, где речь идет о том, что при отборе документов для публикации составители руководствуются принципом коммунистической партийности, что должно обеспечивать раскрытие социальной природы источника как продукта социальной деятельности определенных общественных классов). Примеры, которые приводились, были вполне удовлетворяющими наших публикаторов. Поэтому вопрос о переработке «Правил» как базового нормативного документа был снят с повестки дня.

Вместе с тем изменение ситуации с составом и содержанием архивного фонда Российской Федерации, которое произошло с начала 90-х гг., а это, если говорить о принципиальных изменениях – включение в состав Архивного фонда Российской Федерации документов, созданных в деятельности партийных органов, и частично – документов КГБ СССР (речь идет о комплексе судебно-следственных и фильтрационных дел), поставило задачу создания неких нормативных или методических документов, которые оказывали бы содействие нашим публикаторам в подготовке публикаций именно по этим комплексам документов. Учитывая, что эти документы имели определенную специфику, имели специфику и методы их публикации. В свете этого Росархив инициировал разработку ВНИИДАДом (это была середина 90-х гг.) методического пособия, о публикации документов судебно-следственных дел периода массовых репрессий. Этот проект был обсужден на научно-методической комиссии Росархива и одобрен, с некими рекомендациями по доработке. Насколько я знаю, он был доработан и депонирован во ВНИИДАДе. К сожалению, до настоящего момента он не издан, и, думаю, в этом основная проблема, неизвестен публикаторам, работающим в архивных службах федеральных органов исполнительной власти, а также ученым. Мы буквально недавно, зная, что может появиться какая-то материальная возможность издания его, обратились во ВНИИДАД с таким предложением. Предисловие к пособию частично нуждается в переработке, а так в целом методы и подходы, предложенные его составителями, вполне удовлетворяют современных публикаторов. Вопрос с его изданием пока только в финансовой составляющей. Как только появятся деньги, можно будет это пособие издать.

Следующим методическим пособием, необходимость которого была оценена нашими архивистами, была разработана сотрудниками Российского Государственного архива новейшей истории, (по их инициативе) очень важного методического документа – «Публикации документов РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: высшие и центральные органы». Этот методический документ также был разработан, обсужден на комиссии по научно-методической работе Росархива, доработан по заме-

чаниям – и так же, как предшествующий, не тиражирован и не используется в публикационной деятельности архивов, хранящих документы КПСС (федеральные архивы – РГАНИ и РГАСПИ, государственные архивы в субъектах Российской Федерации). В связи с выходом в последнее время ряда нормативных правовых актов это пособие нуждается в незначительной доработке. Вопрос о том, что это пособие необходимо доработать и издать, стоит на повестке дня.

Третье пособие, которое мы заказали ВНИИДАДу, было вызвано появлением, прежде всего на Западе (в меньшей степени в Российской Федерации, где к тому времени практический опыт был еще не накоплен), электронных публикаций или публикаций документов в электронной форме. Было два этапа разработки этой темы. На первом этапе ВНИИДАД с помощью лаборатории МГУ, которую возглавляет Л.И. Бородкин, проведен анализ всех имеющихся и доступных на тот момент публикаций в электронной форме с анализом, что это за публикации, чем они отличаются от традиционных публикаций, какие методы и способы применяются. Был сделан очень качественный, очень добротный обзор. Обзор тоже депонирован во ВНИИДАДе и доступен тому, кто пожелает. Потом на базе этого обзора было разработано методическое пособие. Но это был конец 90-х гг. – думаю, что к сегодняшнему моменту оно уже существенно устарело. То есть пособие нуждается в «осовременивании» – но, тем не менее, нужда в таком методическом пособии крайне ощущается нашими архивистами. Ознакомление с отчетами федеральных архивов и государственных архивов субъектов Российской Федерации о публикационной деятельности свидетельствует, что уже сейчас появляются публикации в электронной форме, большей частью, в регионах. В регионах более легко достают деньги, готовят такие публикации по самым разнообразным темам. Федеральные наши архивы в этой части не преуспели – и во многом, возможно, из-за отсутствия таких вот методических документов, которые давали бы им возможность использовать мировой опыт.

Таким образом, можно констатировать, что фактически на сегодняшний момент три методических документа по археографии, имеющие отраслевое значение, не внедрены в деятельность архивных учреждений из-за того, что, разработанные и принятые к реализации, они в свое время не были тиражированы и распространены.

В этой связи сотрудничество с РГГУ и МГИАИ может заключаться как в том, чтобы специалисты- археографы могли бы принять участие в доработке вышеуказанных методических пособий, так и в финансовой поддержке их тиражирования и распространения. Я думаю, что ВНИИДАД и РГАНИ будут благодарны, если им помогут тиражировать эти материалы.

Актуальность затронутой на заседании круглого стола проблематики очевидна. Большая часть поднятых здесь вопросов имеет непосредственное отношение и к кинофотофонодокументам (КФФД). Преобладание до настоящего времени в их публикации ярко выраженного иллюстративного подхода не позволяет поднимать вопросы археографии аудиовизуальных документов на качественно новый научный уровень, а если шире – технотронных документов, включая сюда, помимо КФФД, прежде всего научно-техническую документацию и электронные документы. Сложность здесь кроется не столько в теоретической области (хотя и эта сторона разработана слабо), сколько, в первую очередь, в методической – и заключается в особенностях кодирования и передачи информации, специфике используемых носителей информации, выборе оптимального формата КФФД с учетом развития компьютерных технологий. Важно в данном случае подчеркнуть, что без соответствующей археографической подготовки в области аудиовизуальных документов практически невозможны качественные электронные публикации. В таком аспекте, по крайней мере, рассматривается эта проблема и в зарубежной историографии.

Когда говорят, что у нас в стране недостаточно разработаны вопросы археографии применительно к аудиовизуальным документам на нормативно-методическом уровне, то, на наш взгляд, это не совсем правильно. Существуют и реально действуют на практике одни из самых лучших нормативно-методических документов в данной предметной области – «Правила издания исторических документов в СССР» (1990 г.), которые разрабатывались группой специалистов под руководством профессора К.И. Рудельсон, А.В. Елпатьевского, Э.И. Хан-Пира. Именно в этом, сегодня уже раритетном, уникальном издании достаточно полно освещены практически все основные вопросы археографии письменных документов, и кинофотофонодокументов в частности. Понятно, что это издание требует порой серьезных корректировок, доработки и дополнений с учетом современных требований и развития информационных технологий. В этой связи Федеральным архивным агентством вполне правомерно может быть поставлен вопрос об их переиздании, с учетом новых моментов.

Обычно (все участники круглого стола себе это очень хорошо представляют) при подготовке книги или статьи к печати включенным в нее кинофотофонодокументам уделяется в лучшем случае вспомогательная роль. Не случайно большинство крупных обобщающих работ, в том числе подавляющая часть монографических, информационно-справочных изданий (в том числе и энциклопедий) крайне редко снабжены фото- или кинокадрами с необходимыми археографически проработанными атрибутами, имеющими непосредственное отношение к происхождению, содержанию и внешним особенностям публикуемых изобразительных и изобразительно-звуковых документов.

Практически то же самое верно для публикаций кинофотофонодокументов в альбомном варианте¹. Такое положение не может не беспокоить тех, кто нуждается в этой разновидности литературы (имеются в виду в первую очередь ученые и работники средств массовой коммуникации, преподаватели и учащиеся).

Что касается учебного процесса, то мы здесь должны быть особенно внимательны и осторожны. Заслуживают серьезного внимания в этом отношении размышления В.П. Козлова в его интересной и неординарной монографии «Теоретические основы археографии» (Новосибирск, 2003) о том, что для археографии в принципе безразлично, является ли подлинным или достоверным ставший историческим источником опубликованный документ².

Такой подход нам представляется спорным, поскольку это может в конечном счете привести к тому, что на страницах печати появятся в массовом количестве публикации документов поливидового характера и назначения, предварительно не подвергнутые источниковедческой критике. Другими словами, источниковедческий анализ отображенных для публикации документов должен в каждом конкретном случае стать необходимым и обязательным этапом в этой работе.

Применительно к аудиовизуальным документам эти вопросы стоят чрезвычайно остро. Приведем только один весьма показательный пример. Несколько лет тому назад одно зарубежное издательство обратилось к сотрудникам РГАКФД с просьбой ответить на первый взгляд элементарный вопрос: является ли широко распространенный в советских изданиях различного типа (прежде всего в научных и учебно-образовательных) фотоснимок «Расстрел рабочих на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г.» подлинным и достоверным?

Исследование показало, что этот снимок не обладает документальной ценностью. Он воспроизведен с одного из кинокадров игрового фильма 1920-х гг. «Девятое января» (Севзапкино, 1925 г., режиссер В. Висковский). Среди серьезных аргументов, вызвавших определенные сомнения в документальности данного снимка и позволяющих считать его инсценировкой, следующие: вследствие непредсказуемости развития этих событий фотохроникеру было практически невозможно предвидеть их ход и установить аппаратуру (в то время весьма тяжелую и неудобную для использования) именно на Дворцовой площади; явно заранее избрана точка съемки (она велась сверху) с целью охватить значительную часть площади, что вряд ли удалось бы сделать фотографу в разгар событий; две шеренги солдат одеты в длинные кавалерийские шинели, а винтовки у них пехотные, со штыками; стрельба производилась не в соответствии с гвардейским уставом, согласно которому первая шеренга солдат должна стрелять с колена, вторая – стоя (на снимке обе шеренги стреляют стоя, причем вторая через плечо первой); окраска здания Главного штаба, на фоне которого сгруппирована толпа людей, не соответствует времени, она имеет два цвета, в то время как в момент рассматриваемого события оно было окрашено в один цвет и др.

Заседание круглого стола...

Несколько слов об использовании кинофотофонодокументов непосредственно в учебном процессе. Студентам необходимо предоставлять для ознакомления и последующего анализа все без исключения кино-, фотосъемки и звукозаписи независимо от того, можно ли причислить те или иные кино- или фотокадры или звукозаписи к оригинальным документам, не вызывающим сомнений. Кроме того, важно установить – подвергались ли они ранее источниковедческому изучению или нет. Следовательно, учащиеся должны быть ознакомлены и знать практически все встречающиеся на практике случаи инсценировок, фальсификации, монтажа, ретуши и др. применительно к аудиовизуальным способам фиксации информации.

Широко известны в археографической литературе три способа издания – типографский, нетипографский и смешанный способы. Они, как известно, широко используются в различного рода публикационной деятельности. Особенно серьезная проблемная ситуация возникает вокруг нетипографского способа издания. Большая часть археографов считает, что этот способ неприемлем для кинофотодокументов.

Дело в том, что до последнего времени использование документальных кинокадров в самых различных видах и жанрах кинематографа не считалось полноценной публикацией, несмотря на то, что данный способ издания документов был предусмотрен «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969), но не получил в них достаточного освещения. И до сегодняшнего дня среди археографов существует довольно устойчивая точка зрения (хотя она и не получила четкого отражения в печати), согласно которой включение архивных КФФД в произведения киноискусства нельзя рассматривать как явление, имеющее строго научное обоснование и отвечающее требованиям документальной публикации. С таким утверждением вряд ли можно полностью согласиться. Анализ творческой деятельности авторов кинопроизведений и самого процесса кинопроизводства позволяет говорить о том, что в приемах и методах работы сценариста, режиссера и кинооператора и других создателей фильма имеется много принципиально общего с деятельностью археографов. В том и другом случаях (естественно, в различных, соответствующих специфике документа, формах и проявлениях) имеют место выявление и отбор документов для публикации, интерпретация и атрибуция заключенной в них информации.

Отсюда важность рассмотрения с самых разных сторон существующих способов издания исторических документов, учитывая то широкое распространение, которое получили в настоящее время документы, созданные на нетрадиционных, пленочных и других носителях информации с присущими им особенностями как исторических источников. Необходимость более подробного рассмотрения этих вопросов особенно отчетливо выявляется в случае нетипографского издания кинодокументов. Прежде всего, крайне важно дать четкое и конкретное определение самого понятия «нетипографское издание». Здесь следует исходить из того факта, что сам по себе нетипографский способ издания

является самостоятельным и сугубо профессиональным способом передачи информации и применительно к кинодокументам практически может осуществляться только кинематографистами в процессе создания кинопроизведений различных видов и жанров с использованием кинокадров документального характера. Такой подход к трактовке не-типографского способа изданий кинодокументов вполне обоснован и позволяет говорить о них как об изданиях кинематографического типа, содержащих оригинальную изобразительную или аудиовизуальную информацию, идентичную той, которая имеется в подлиннике.

Важное место в публикационной работе с кинофотофонодокументами занимает их археографическое оформление и научно-справочный аппарат к ним. Работая в течение многих лет в конкурсной комиссии Росархива, мы редко встречаем среди выдвинутых на конкурс фотоальбомов или других видов архивных изданий кино-, фотокадров те, в которых соблюдались бы хотя бы элементарные требования к археографическому оформлению. Крайне редко можно увидеть в подобных публикациях наличие хотя бы элементарных атрибутов научно-справочного аппарата. Среди наиболее удачных зарубежных публикаций последнего времени, в которых это важнейшее направление археографической работы нашло реальное воплощение, следует назвать издание на DVD документов об участии Великобритании во Второй мировой войне на заключительном этапе («How the war was won. The victory years. 1944–1945»)³. Эта документальная публикация, несмотря на свою ярко выраженную не только просветительскую, но и политическую и идеологически-патриотическую направленность, представляет определенный научный интерес и может выступать в качестве учебного пособия для преподавания археографических дисциплин. Несмотря на свою краткость, она подготовлена с соблюдением основных правил издания архивных документов, содержит достаточно полное информационное сопровождение в виде буклета (по терминологии В.П. Козлова – «конвой»). Благодаря документальной публикации, по мнению В.П. Козлова, происходит якобы «возбуждение документа», т. е. он становится актуальным в качестве исторического источника⁴).

Программа, представленная в буклете, документирует события военных лет, показывает, как граждане королевства преодолевали трудности военного времени. Разнообразные фото-, киносъемки и звукозаписи демонстрируют, как обычные британцы всех слоев населения и социальных групп «превратили эти годы борьбы и сердечной боли в торжество спокойного мужества и непоколебимого юмора». Перед нами убедительный аудиовизуальный документ «о душевных страданиях сыновей и мужей, разлученных со своими женами и семьями и, в конце концов, о радости воссоединившихся любящих». Он в целом имеет непосредственное отношение к повседневной истории и требует серьезного критического анализа.

Для оптимизации современного учебного процесса в Историко-архивном институте применительно к археографии целесообразно рассмотреть по существу следующие конкретные предложения⁵.

Заседание круглого стола...

Первое – выработка доступной для восприятия учащихся системы теоретических и методологических понятий, относящихся к археографии в целом и применимых для археографии аудиовизуальных документов, имеющих специфические материальные информационные особенности. Естественно, речь здесь идет о документах, входящих в состав Архивного фонда страны.

Второе – курс по археографии должен быть ориентирован не только на освоение меняющихся воззрений различных исследователей, но и на изучение, осмысление и адекватную интерпретацию принятого в архивоведении пока еще действующего нормативного документа – «Правил издания исторических документов» 1990 г. Учитывая это, речь идет, прежде всего, об определенных корректировках и дополнениях с целью повышения археографической культуры.

Третье – в области практических занятий необходимо опираться на реальную документальную базу; акцентировать внимание учащихся на каждом методически предусмотренном этапе подготовки документальных публикаций различного типа. Крайне важен вопрос о возрождении в Историко-архивном институте лабораторной базы для занятий по археографии.

Четвертое – при самостоятельной работе студентов необходимо стимулировать обращение к методическим пособиям, к их аналитическому восприятию и возможностям их эффективного применения.

Пятое – в преподавании курса археографии, включая публикации аудиовизуальных документов, необходимо акцентировать внимание на максимальном разъяснении связи этой научной дисциплины с архивоведением, источниковедением, документоведением. Это важно не только в дидактическом отношении, но и в связи с актуальностью изучения междисциплинарных связей археографии в современном научном пространстве.

М.М. Горинов

Дорогие коллеги, я скажу несколько слов с точки зрения практиков. Наш издательский центр (Мосгорархива) вот уже в течение пятнадцати лет сотрудничает с Историко-архивным институтом и с РГГУ в целом. И нам очень приятно, что новое руководство гуманитарного университета приняло решение о создании двух новых кафедр: москововедения и археографии, которые возглавили очень уважаемые в архивном мире люди.

Почему нас это радует? Учитывая тему сегодняшнего обсуждения, остановлюсь на значении воссоздания кафедры археографии. Дело в том, что мы на себе почувствовали отрицательные последствия ее ликвидации в 1996 г. В чем выразились последствия этого непродуманного шага? В снижении качества подготовки учащихся. Мы, Главархив Москвы, регулярно принимаем студентов на практику. И здесь – будем говорить честно – если сравнить учащихся, которые приходят к нам из

МГУ, с истфака, и из РГГУ, то сравнение будет не в пользу последних. Если студенты истфака МГУ имеет более солидную археографическую подготовку, проявляют неподдельный интерес к публикации архивных документов, то у учащихся РГГУ зачастую нет ни знаний, ни вкуса к археографии. Чувствуешь, что у них одно желание – ничего не делая, получить «пятерку». В глазах нет никакого интереса. Причем, к сожалению, это не случайное явление, характерное для потока какого-то одного года, а постоянный факт, наблюдающийся на протяжении всех последних лет.

И мне кажется, что воссоздание специальной кафедры археографии, чтение углубленных курсов по данной проблематике будет способствовать тому, что мы будем получать практикантов из РГГУ с качественно иным уровнем археографической подготовки и заинтересованности в публикаторской работе.

А это, в свою очередь, даст новый импульс сотрудничеству Главархива Москвы с РГГУ. Наполнит реальным содержанием совместную работу на уровне филиалов кафедр. Позволит подключать студентов РГГУ, готовящих курсовые и дипломные работы, к осуществлению наших планов по изданию книг, подготовке выставок, съемке историко-документальных фильмов, научному описанию комплектуемых документов. А в перспективе поможет получить достойную смену нашим археографам и редакторам.

Ведь только сочетание солидной профессиональной подготовки и искренней заинтересованности в «деле, которому ты служишь», является неперенным условием, как не так давно говорили, трудовых свершений. Более того, интерес зачастую появляется при «глубоком погружении» в предмет. Когда студент не ограничивается прослушиванием «краткого курса», а сочетает это с системными лекционными циклами, с самостоятельной работой с архивными документами, обретение профессиональных навыков идет активнее. И воссоздание кафедры археографии дает нам надежду на достижение в учебном процессе упомянутой педагогической триады.

Е.В. Старостин

Я думаю, что тема, которую мы сегодня обсуждаем, чрезвычайно важна. И не только для восстановления археографии в Историко-архивном институте – это гораздо важнее для страны, для общества, для России.

Я хочу напомнить одну пословицу, которая довольно хорошо известна, в том числе за пределами нашей страны – общество, игнорирующее свое прошлое, не может понять настоящее и не может построить будущее. Тот кризис, который наблюдается не только в России, но и в других развитых странах, он достаточно символичен. И я полагаю, что сейчас именно этой постановкой вопроса мы можем способствовать выходу из создавшегося кризиса. Ясно, что нужно расширять публикатор-

Заседание круглого стола...

скую работу, это совершенно необходимо для просвещения – не только тех, кто непросвещен, но и, прежде всего, для просвещения той правящей элиты, которая должна знать истинные, подлинные документы, отражающие историю нашей страны. А иначе их поведение не вполне будет адекватно нашей идентичности.

Многие зарубежные архивные школы, с программами которых я знаком, археографию, правда под другим названием, ввели в учебный план. Мы очень внимательно изучали учебные планы известной Школы хартий в Париже – по существу половина дисциплин в ней так или иначе связана с археографической составляющей.

Те дипломные работы, которые готовят «шартисты», это дипломные работы – на 50% публикации документальных материалов, с научными комментариями, безусловно, со всеми необходимыми элементами археографической культуры.

Я знаком с работой нашей кафедрой археографии. Дело в том, что после ухода М.С. Селезнева меня пригласили где-то на года-полтора руководить этой кафедрой, и тогда мне бросилось в глаза, – что не указал, кстати, прекрасно сделавший доклад В.Ю. Афиани, – что преподаватели этой кафедры, сам Михаил Степанович, Звягинцева и другие, не публиковали документальные материалы. Они только рассказывали, как нужно публиковать, проводили методологические, методические и прочие работы. Но почему-то не занимались практической археографической работой. А это было большое упущение. Я полагаю и предложил бы сегодня принять решение о том, что любая дипломная работа, которая сегодня пишется в Историко-архивном институте, должна содержать археографическую часть. Например, студент, работающий у С.В. Мироненко в Государственном архиве России, если он обнаружил интересный документ, неизвестный науке, – он его в качестве приложения помещает к своей работе. Это необходимо. Это, конечно, усложнит задачу студента, но это будет тот маленький вклад, который он внесет в развитие исторической науки.

И тогда мы, может быть, еще посмотрим, стоит ли через четыре-пять лет выкидывать эти работы на свалку, как ненужный материал, тогда мы их сохраняли бы – на вечное хранение, как это делают, кстати, во всех университетах мира.

С.И. Каштанов

Уважаемые коллеги! Я к этому важному заседанию специально не готовился. Но написал для себя некоторые заметки. Они касаются не столько археографии, сколько тех условий, в которых она развивается. Конечно, я очень рад и приветствую тот факт, что воссоздана кафедра археографии, которая всегда играла важную роль в жизни Историко-архивного института. И всегда там преподавалась, во-первых, методика издания актов, во-вторых, история археографии, что тоже очень важно, поскольку этот момент очень показателен для развития вообще – не

только археографии, не только историографии, но и страны в целом – что публикуется, когда и как, и в каком количестве.

В развитие археографии внесли свой вклад многие учреждения. Я бы специально отметил тот огромный вклад в расцвет публикаторской деятельности, который внес Российский государственный архив древних актов, где очень много издано новых документов и обзоров документов, которые обогащают нашу науку.

Нужно отметить те новые моменты в археографии, которые появились благодаря компьютерам. Я в целом их не приветствую, но с их помощью увеличились возможности подготовки более сложных изданий, чем раньше. То, что раньше можно было достигнуть только ручным набором, как это делал Л.В. Черепнин в «Актах духовных и договорных грамот», теперь легко сделать с помощью компьютера. Компьютерные программы дают возможность издавать тексты усложненным способом. Это, конечно, очень отрадное явление. И оно используется историками, по мере возможности, и издательствами, например, «Наукой» и другими.

Когда мы касаемся и методов издания, и истории археографии, мы, конечно, должны уделять значительное внимание не только отечественной истории и историографии, но и зарубежной.

Например, за рубежом очень хорошо поставлены факсимильные издания – чего у нас нет. Факсимильное издание грамот и прочих источников, такое как «Монументы палеографики», имеет большое значение. Это опыт, который следовало бы использовать.

Но в использовании книжных изданий, и отечественных, и, тем более, зарубежных, сейчас возникли большие проблемы. Когда мы приходим в библиотеку, что мы там можем достать? Как правило, старые издания бывшей Ленинской библиотеки отправлены в Химки, новые не поступают. А если старое что-нибудь и есть – то не дается по разным мотивам. Я, например, заказал однажды издание Самарана, грамот Мервингов, 1836 г. – классическое издание факсимильное, все грамоты Мервингов. И, конечно, я его не получил, потому что оно, оказывается, «большого формата»! Вообще, я считаю что в наших библиотеках идет постепенный, последовательный и неуклонный регресс. По сравнению с тем, что было в 50-х – 60-х гг., сейчас просто мрак совершенный! Ничего не получишь, во-первых. Во-вторых, я вот говорил, что компьютеры дали новые возможности. Но переход с картотек на компьютеры приводит к тому, что ничего не найдешь! Была в Исторической библиотеке прекрасная картотека статей. Теперь, с 2000 г., она не ведется, так же как не ведется картотека в Ленинской библиотеке. Что получается – никто на библиотеки не обращает внимания! Вот недавно в газете «Московский комсомолец» было сказано, что в Ленинской библиотеке многое заштабелировано книг...

А библиотеки – очень важны для нашей культуры. А сейчас обращают больше внимания на театры... Естественно, какой-нибудь журнал «Семь дней» подробно повествует о всяких деталях личной жизни всевозможных звезд... А то, что библиотеки гибнут и архивы не процветают – на это никто не обращает внимания! Из лиц, имеющих власть и

Заседание круглого стола...

деньги, никто не интересуется, никто не является спонсором библиотек, да и архивов тоже.

Я однажды в библиотеке видел Лазаря Моисеевича Кагановича, давно. Он сидел в третьем зале и что-то читал – когда уже был в отставке, и даже лишен всех своих регалий. Видел однажды маршала Г.К. Жукова, проходящего мимо Рукописного отдела Ленинской библиотеки, с адъютантом, когда он шел из Генерального штаба в Кремль. Однажды в дверях Ленинской библиотеки я столкнулся с Раисой Горбачевой. И всё. Кто интересуется сейчас библиотеками?

Вот президент Франции Ф. Миттеран считал делом чести создание нового здания для Национальной библиотеки, куда она переехала, между прочим, за две недели! Я представляю сейчас, как Рукописный отдел будет переезжать обратно в свои помещения. На три года, по крайней мере, он, наверное, закроется! Издание актов в это время будет невозможно, ничего проверить будет нельзя.

Печально и другое – крупные ученые сами не ходят в библиотеку! Вот например в первом зале – кого вы встретите из академиков или член-корреспондентов, для которых этот зал и предназначался? Да почти никого и никогда. Даже докторов наук там мало. Вот меня интересует, какими книгами и как они пользуются вообще, когда пишут свои труды? Они же пишут, всё время пишут, но не читают, наверное, новой литературы! Теперь в Ленинской библиотеке кто основной контингент? Студенты и студентки, которые там целуются и обнимаются. И всё. А где солидные ученые? Они не интересуются библиотекой, не поднимают свой голос в защиту библиотек!

Еще один момент, на который я хотел бы обратить внимание. Кроме археографической методики, кроме важности рассмотрения, анализа разных изданий иностранных, еще конечно очень важным было бы, чтобы кафедра преподавала историю археографии. В истории есть много интересного и поучительного. Вот, например, – необычайный расцвет, просто потрясающий, археографической деятельности при Николае Первом! Полное собрание законов в одном 1830 г., в 45, что ли, томах, издания Археографической комиссии, и прочие замечательные издания... Вот это был подъем! Интересно, чем он вызывался? Парадоксально, но время Николая Первого, когда Россия была «жандармом Европы», было важным периодом не только в археографии и исторической науке. Россия занимала очень влиятельные позиции в мире.

Другой пример. Посмотрите – вот издания Румынии при Чаушеску, при диктаторском режиме! Огромное количество актов было издано XIV–XVII вв., в нескольких сериях, молдавских, румынских, трансильванских... Это просто удивительно. Видимо, иногда дело заключается в развитии национального самосознания, которое способствует и развитию археографии. Историки нашей археографии, безусловно, на все эти моменты обращали внимание и раньше, и должны будут обращать внимание и в будущем.

В.Ю. Афиани подготовил прогрессивную программу развития кафедры, и это я расцениваю как чрезвычайно положительное явление.

Но проблем у кафедры много. Одна из важнейших – проблема кадров! Кадров-то у него мало! Почему, например, Г.И. Королев, который знал развитие археографии в Западной Европе, в свое время ушел с кафедры? Почему он оказался ненужным, невостребованным? Этому я понять не могу. Тот же В.А. Черных занимался западной историографией, он об этом, может быть, скажет. Можно было бы привлекать и новых специалистов, которые занимаются русской и западной археографией. Например, русской – Л.В. Столярова, западной – Е.С. Герасимова, которая занимается латинской палеографией... Вообще археография теснейшим образом связана с палеографией! Хороший археограф не может не быть палеографом. Вот это тоже надо иметь в виду. Связь кафедры археографии с кафедрой вспомогательных дисциплин, связи между преподаванием этих дисциплин всегда надо иметь в виду как один из важнейших аспектов развития археографии.

С.О. Шмидт

Очень хорошо, что восстановлена кафедра археографии – это необходимо для Историко-архивного института. Это тем более необходимо для поддержания представления о том, что именно Архивный институт является центром, моделью для подготовки историков-архивистов и тех специалистов, которые занимаются документальными памятниками.

И очень важно, что руководителем кафедры археографии утвержден человек, имеющий большой опыт публикаторской работы, описательной работы, практической работы в архивах. Полезно, что В.Ю. Афиани и руководство института и РГГУ решили начать свою деятельность с совета с широким кругом лиц, связанных с преподаванием, хранением документов, исследовательской работой. Потому, что одним из недостатков предшествовавшего периода работы кафедры, до ее закрытия, были нездоровые элементы изоляции, отдаления и от архивного ведомства, и от архивов, и от Академии Наук. Все это не шло на пользу нашему институту в целом.

В этом были виноваты и ректор – С.И. Мурашов, и зав. кафедрой М.С. Селезнев. Но было бы неправильно объединять Селезнева и Мурашова. Это были разные люди. Мурашов – конъюнктурщик, карьерист и в историческом плане малограмотный человек, лентяй. А Селезнев был, безусловно, человеком, увлеченным и уверенным в своей правоте, неутомимо трудолюбивым. Но опыт практической подготовки публикаций у него отсутствовал, а его кругозор был политизирован и идеологизирован. Помню слова академика Н.М. Дружинина, когда на заседании Археографической комиссии обсуждали мой доклад о том, что Союз российских архивных деятелей – явление прогрессивное... М.С. Селезнев ополчился против этого. Н.М. Дружинин мне шепотом сказал: «Какой темный человек!». Вот это вот выражение для меня осталось как определение личности М.С. Селезнева. Но вернемся к сегодняшнему дню.

Заседание круглого стола...

Думаю, что сейчас важно продумать многие моменты в работе кафедры и в преподавании археологии в РГГУ.

Во-первых, должно восстановить в необходимом объеме преподавание археологии и специальных исторических дисциплин, связанных с ней.

Во-вторых, конечно, нужно восстановить лабораторию археологии, об этом уже говорилось.

В-третьих, должно подумать о новом в преподавании археологии. Сейчас многое изменилось даже в пределах института и РГГУ – не говоря уже об изменениях в мире. Нужно учитывать новые явления в источниковедении, новые типы источников, новые явления в археологии. У нас в институте не было технологического отделения, а сейчас есть, и там читаются лекции об аудио-визуальных архивах. У нас не было и многого другого в то время. У нас фактически не было возможности общения с коллегами, усвоения зарубежного опыта. Дальше соцстран ехать было практически невозможно.

С.М. Каштанов напомнил нам о постановке преподавания в «Эколь де Шарт». Это классический центр изучения источников, но он имеет специфику – там изучаются документы преимущественно давних эпох. У советских ученых общение с сотрудниками центров по изучению и публикации документов нового времени было в тот период существенно затруднено. У нас тогда практически не было таких совместных изданий, как сейчас. В.П. Козлов может подробно рассказать, как плодотворно и результативно сейчас ведется совместная работа наших отечественных архивов и архивов зарубежных, сотрудников архивов и ученых других учреждений, в том числе зарубежных. Это один из примеров нового в археологической деятельности, который заставляет нас рассматривать в другом плане нынешние возможности организации обучения в ИАИ.

Правильно говорили – и Е.В. Старостин, и другие – о том, что благодаря Историко-архивному институту РГГУ отличается от других университетов, даже от такого замечательного, как Московский университет. Это я говорю притом, что мы с Е.И. Пивоваром выпускники МГУ, прошли его высокую научную школу, и сохранили самые лучшие чувства к нему.

Одна из главных особенностей ИАИ – углубленное знание архивного дела, изучение и использование архивных материалов, методики источниковедения и специальных исторических дисциплин. Это и есть лицо Историко-архивного института.

Это должно сохраняться и развиваться и впредь. Курсы лекций, исследовательские работы, даже студенческие работы в ИАИ должны быть основаны на архивных материалах. Может быть, не обязательно к каждой дипломной работе прилагать публикации архивных документов, это не всегда нужно. Но ценность дипломных работ, основанных на архивных документах, а тем более публикаций архивных документов, очевидна. Тут кто-то вспоминал, что в ИАИ были уничтожены многие студенческие работы. Они, может быть, и не всегда талантливо были

написаны, но многие из них были основаны на архивных документах. Такого рода студенческие работы долго сохраняют свое практическое значение. Это, конечно, чрезвычайно жалко, что они утрачены.

Одно из важных условий плодотворности развития института и университета – взаимосвязь кафедр. Взаимосвязь между собой – кафедр архивоведения, источниковедения, вспомогательных дисциплин, с другими кафедрами. Формы этой связи могут быть разными. Это могут быть совместные кафедральные дипломные работы чтобы подготовка публикаторской части работы, шла при участии преподавателей архивоведческих кафедр. Само исследование велось бы на кафедре отечественной или зарубежной истории, при участии специалистов в области архивных, специальных дисциплин и археографии. В большей мере это относится к темам по отечественной истории, чем зарубежной, фонд зарубежных источников в наших хранилищах несколько беднее, чем фонд отечественный. (Но хранится и немало уникальных источников по зарубежной истории!). Это очень важное дело нуждается в планировании подобных межкафедральных работ студентов и аспирантов, а также преподавателей.

Повторяю, что очень существенно, чтобы у нас была связь с другими научными учреждениями, вузами для развития образовательного процесса, и повышения его уровня. Это, между прочим, может быть и материально выигрышно. Марка издательства РГГУ достаточно высока. Издания могут иметь одновременно и грифы других вузов и региональных учреждений. Они могут готовиться при консультации преподавателей и с участием студентов РГГУ, на средства, полученные из местных источников. Это дело выигрышное для всех.

В РГГУ своя специализация, ведь мы, в отличие от остальных вузов, не готовим учителей средних школ по истории или русскому языку. Но есть еще одна область, которая выделяет РГГУ – это краеведение. Сейчас бум краеведческой работы в стране, и она во многом опирается на фонды местных архивов. Если бы организовать координацию такой работы, мы бы могли и местным краеведам, археографам подсказать те темы, по которым имеются архивные материалы в центральных архивах. Мы могли бы, например, организовать выявление документов по местной истории и подготовке серии публикаций. Для расширения публикаций по местной истории сейчас есть на что ориентироваться. Во многих регионах вышли региональные энциклопедии с данными о наиболее значительных событиях, явлениях, с биографиями наиболее знаменитых людей. Важную роль в координации работы может сыграть кафедра региональной истории и краеведения в сотрудничестве с кафедрой археографии.

Благодаря усилиям РГГУ и, в частности, Н.А. Козловой, повышается результативность студенческой практики. Но нужно думать о дальнейшем повышении ее эффективности, практической значимости, чтобы в ходе практики выявлялись и описывались документальные памятники. Важная область работы – выявление источников по местной истории, по истории Москвы, чтобы мы стали реальным методическим

Заседание круглого стола...

центром москвоведения. Москва – огромный культурный и научный центр, с давними культурными, в том числе научными и преподавательскими, традициями. Здесь изобилие выдающихся деятелей, знаменитых соотечественников. Она – естественный центр изучения нашего культурного наследия. Я сейчас выступаю и как редактор Московской энциклопедии, ее сотрудники – выпускники МГИАИ и РГГУ. Мы сумели подготовить первую часть первого тома «Улицы Москвы» – при очень сложных условиях и малой технике, сумели много добиться, в том числе потому, что у сотрудников был опыт обучения в ИАИ.

Безусловно, важно продумать план и формы изданий исторических документов в РГГУ. Это будет ориентир и для студентов, и для краеведов.

Нужно шире подходить к пониманию документа, источника. Сейчас нужна практика работы и с аудиовизуальными документами. Это ведь основной для нового времени источник.

Очень рад, что во главе кафедры – директор архива Академии Наук. И если бы мы стали готовить и издания научного наследия, хранящегося в Академии Наук, в Архиве РАН, и в архивах институтов, В.Ю. Афиани как директор подсказал бы, как включить в эти планы студенческую работу. Это могла бы быть полезная и нужная работа, с указанием в грифе Историко-архивного института.

Было бы желательно привлечь к преподаванию археографии, да и других дисциплин, наиболее крупных специалистов. У них много дел и обязанностей, а иногда они и в немалом возрасте. Привлечь их к систематической преподавательской работе трудно. В этой связи, не ввести ли нам систему мастер-классов? Чтобы кто-то из приглашенных известных ученых мог выступить один-два раза перед студентами. Чтобы, к примеру, И.В. Поздеева рассказала, как она собирает и описывает документы в археографических экспедициях. Чтобы С.М. Каштанов, профессор кафедры вспомогательных дисциплин, который является сейчас одним из самых авторитетных в мире специалистов по актам источниковедения Средних веков, прочел бы маленький спецкурс по этой теме. Чтобы В.Ф. Козлов рассказал, как выявлял архивный материал по памятниковедению. Кого пригласить из известных специалистов, могут подсказать и другие преподаватели ИАИ, такие как В.М. Магидов. Чтобы, может быть, тот же Н.Х. Клейман, пришел и рассказал о кинодокументах или – конкретно – какое значение имеет архив Эйзенштейна, каковы приемы издания его документов...

По инициативе В.Ф. Козлова уже который год в последнюю пятницу каждого месяца происходит обсуждение новой литературы по москвоведению и краеведению. Почему бы нам не устроить археографические среды? Чтобы обсуждались новые публикации документов. Чтобы пришел к нам руководитель РОССПЭНа А.К. Сорокин, Р.Г. Пихоя, другие специалисты, издающие документы. Чтобы пришли археографы, издающие документы по древним периодам, акты и летописи. Чтобы специалисты приезжали к нам с периферии, из-за рубежа. Мы могли бы это освещать в периодической печати, например, в «Вестнике архивиста». Спасибо А.Д. Степанскому, что он организует публикацию

информации о такого рода событиях в нашей жизни. Пусть будет в журнале такая рубрика – «Археографическая среда». Какие-то новые формы работы нам необходимы.

Очень важно обдумать содержание общего курса и системы спецкурсов, их взаимосвязь. В частности, полагаю, что некоторым темам не место в общем курсе. Вот сегодня уже упоминались очень ярко, живо и убежденно написанные труды В.П. Козлова, посвященные вопросам изменения терминологии археографии. Они вызвали дискуссию. Сама дискуссия представляет, конечно, интерес. Но суждения В.П. Козлова, как показала приведенная дискуссия, не встретили поддержки большинства ее участников – авторитетных археографов и историков разных поколений. Полагаю, особенно после выступления Т.Ф. Павловой сегодня, что закрепившаяся терминология в имеющихся правилах и рекомендациях по публикации документов, т. е. в нормативной для архивистов документации, сохранила свое значение в практике нашей архивной и археографической деятельности. И в общем курсе археографии должно в обязательном порядке знакомить с общепринятым, указывая, если кому-либо это особо интересно, в историографическом аспекте на наличие разных толкований в специальной литературе. И лишь в тех разделах, где еще нет устоявшегося понятийного аппарата в археографическом лексиконе, рекомендовать нововведения, скажем, в определении терминов, вводимых В.П. Козловым при рассмотрении того, что связано с проблемой фальсификации документов. И то, если это не вносит иного смысла в уже вошедшие в практику термины, как термин «конвой», введенный в нашу область науки академиком Д.С. Лихачевым. Допустимо его употребление в сфере текстологии и археографии лишь в одном значении.

Другое дело, спецкурсы, где знакомят обычно с оригинальными авторскими разработками. Если бы В.П. Козлов как профессор читал спецкурс примерно такого названия: «Терминология археографии в свете современного наукознания», где попытался бы, пояснив устоявшиеся термины, перевести их на язык более связанный и с современным негуманитарным знанием, и с его терминологией, и издал бы его именно как спецкурс – это было бы и интересно и полезно. Но, повторяю, в общем курсе, рассчитанном на тех, кто ограничится в дальнейшем лишь археографической практикой, не имеет влечения к теоретическим вопросам, недопустимо навязывать не принятую еще сообществом историков, археографов и архивистов терминологию. Это может внести путаницу в понимание явлений нашей каждодневной археографической культуры. Или пусть В.П. Козлов, как руководитель архивной службы, инициирует внесение терминологических новаций в существующие нормативные документы, регламентирующие и наш понятийный аппарат, в том числе в те документы, которые были им же подписаны, или даже инициированы.

Полагаю, что археография, основные ее элементы, должна читаться для значительной части студентов наших факультетов. Мы должны иметь какой-то общий курс лекций по археографии, элементарный минимум для всех курсов, для всех факультетов. (Это, конечно, должен

Заседание круглого стола...

быть курс общепринятой терминологией, с основной историографией по теме. Одновременно должны быть подготовлены и различного рода специальные курсы).

Ну и в заключение – мне казалось, что было бы очень важным, если бы руководство нашего института обеспечило возможность, во-первых, публикации сборников работ студентов и аспирантов, преподавателей, специальной археографической направленности, во-вторых – самостоятельных сборников работ преподавателей. Здесь объединялись бы специалисты, специализирующиеся по разным кафедрам – и археографические работы нашли бы свое место рядом с другими! И чтобы для них это было честью и гордостью – печататься под маркой РГГУ или Историко-архивного института. Такие издания могут вызывать широкий общественный резонанс. Возьмите недавний пример, презентации М.М. Гориневым последнего сборника «Московские архивы». Отклики об этом событии уже в «Известиях», в других газетах... Это талантливо подготовленное издание, самого разного содержания и разной общественной направленности. Издание вызывает живой интерес общественности! Значит, к этому тянутся, нужно объединять людей.

Полагаю, что сегодняшнее собрание заведующих кафедр, присутствие здесь руководителей архивов, руководства нашего университета, – обнадеживающее событие. Есть надежда, что будут объединены усилия разных специалистов, разных структурных подразделений. Объединение усилий необходимо для того, чтобы поднять преподавание археографии в РГГУ на должную высоту. От этого выиграют все, и в первую очередь будущие молодые специалисты.

И.Н. Киселев

Актуальность моего сообщения связана с необходимостью публикации документов в сети Интернет, а также с таким вопросом, как обеспечить студентов литературой в процессе обучения. Такие издания малотиражны, а студентам, как правило, они требуются одновременно и в большом количестве. Отсюда – неизбежный периодический дефицит публикаций, требующихся для студентов в нужное время и в нужном месте. Иными словами, здесь, как и в архивном деле – сложность реального доступа. Специфика проблемы – в локальном дефиците конкретных изданий.

Ситуация усугубляется тем очевидным обстоятельством, что для студента при изучении какой-то определенной темы необходимо не просто работать с соответствующей публикацией источника. Нужно иметь: связанные с источником другие документы, комментарии, толкования, варианты перевода, отражение палеографических особенностей, ссылки на критику и т. д. И всё это необходимо выискивать, физически получать, делать закладки в нужных местах, выписки, систематизировать, перерабатывать, формировать свои тексты. Фактически выстраивается вполне определенный и формально стереотипный тех-

нологический процесс. Процесс трудоемкий, с большими затратами сил и, главное, – времени. В этом отношении уместны слова Владимира Владимировича Маяковского, сказанные, впрочем, по другому поводу: «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Таким образом, для оптимизации обучения встает вопрос об упрощении описанного процесса, об избавлении, по возможности, от рутинных и неудобных его элементов.

Что же дает в этом отношении Интернет?

Первое – решение проблемы доступа. Если требуемая публикация источника создана и выложена в сети Интернет, то студент в идеале получает ее не тогда, когда она освободится в библиотеке, а практически немедленно и дома, то есть «здесь и сейчас». Так же он получает всю сопутствующую литературу. При этом он в своем компьютере формирует единый текст, копирует в файл цитаты, делает сноски и т. п.

Безусловно, процесс облегчается и ускоряется. Но это лишь поверхностная автоматизация традиционной работы. Современные технологии идут значительно дальше в этом направлении.

Существуют западные образцы современных публикаций исторических источников в сети Интернет. Например, технология «Turn the page», то есть «Переверни страницу».

Вы находите по Интернету через поисковую машину (или с помощью тематических каталогов) нужную публикацию. На экране – факсимильное изображение обложки или любой страницы издания источника, манускрипта. Щелкая мышкой на правой странице вы ее переворачиваете (соответственно, щелкая по левой странице – переворачиваете обратно). Чтобы увеличить нужный фрагмент текста, щелкаете на значок «лупа» и рассматриваете увеличенный текст. Щелчок – и виден перевод на выбранный язык или тот же текст в обычном шрифте вместо, скажем, средневекового готического, что в оригинале. В разделах меню можно найти гиперссылки на связанные с источником документы и статьи и открыть их. Здесь же мы найдем и варианты авторского текста, авторские пометы и т. д.

Если источник представляет собой коллекцию документов, то предоставляется возможность их систематизации – по географическому или предметному принципу, в хронологическом порядке и т. п.

В Рунете таких примеров пока нет. Хотя некоторые элементы описанной технологии присутствуют в базе данных «Путеводители по российским архивам», выложенной на портале «Архивы России» и содержащей информацию о 103 тыс. архивных фондах из 60 архивных путеводителей. В этой БД реализован сквозной поиск по всем путеводителям и по объединенным указателям, т. е. можно составить тематическую коллекцию источников (точнее – ссылок на источники). Допускается просмотр материала в двух формах – как структурированной совокупности информации, так и путем последовательного «перелистывания» страниц.

Таким образом, имеются разработанные и апробированные технологии с необычайными возможностями. С другой стороны, сегодняш-

Заседание круглого стола...

ние реалии таковы, что, получив список рекомендованной литературы, студент прежде всего не отправляется в библиотеку, а прикидывает к компьютеру и запускает поисковые машины Яндекс или Google.

И сейчас самое время от описанного рая земного вернуться на землю грешную. Ибо студент может ничего не найти. А иногда ситуация может быть еще хуже – когда студент находит нечто под искомым заголовком...

Речь идет о проблеме качества интернет-публикаций. Традиционные издания проходят стандартный конвейер: рецензенты, редактор, обсуждение на советах или редколлегиях, технический редактор, корректор и т. д. Все эти этапы работы сами по себе, как правило, улучшают издание, да к тому же дисциплинируют авторов, повышают их ответственность. В Интернете можно встретить публикацию, которая не является копией уже изданного текста. Значительная часть Интернета, если называть вещи своими именами – это самиздат. Причем даже в отношении сайтов, которые принадлежат солидным организациям, остаются сомнения относительно качества публикаций, адекватности текстов.

О научном уровне интернет-публикации исторического документа. Он может соблюдаться в том случае, если полностью повторяется издание, уже вышедшее, как говорят, в виде «твердой копии». Актуальной является разработка правил публикации документов в Интернете. Такие правила должны включить имеющиеся положения правил для традиционного типа изданий, а также специфические инструкции для интернет-публикаций. Причем эта вторая часть правил, в свою очередь, должна подразделяться на два раздела. Один раздел – посвященный принципиальным правилам представления информации в электронном виде, во втором же необходимо отразить использование общепринятых на определенном этапе технологий.

Например, существует важнейшая проблема указания ссылок. Это техническая задача для изданий традиционных: проставляется ссылка на конкретную страницу конкретного издания. Однако в Интернете существуют только гипертекстовые страницы со своими интернет-адресами, причем по объему одна такая страница может соответствовать полному тексту книги. Соответственно, ссылка на этот адрес будет означать ссылку на всю книгу, что лишает смысла ссылку. Нередки и другие осложнения. В момент цитирования источник цитаты в Интернете существует, а затем может исчезнуть. Или же под этим адресом может появиться другой вариант текста или вообще другой текст. Может исчезнуть и сам сайт, на который сделана ссылка.

Подготовка и размещение в Интернете научных публикаций исторических источников – необходимость и неизбежность, для реализации которой имеются технологическая база, методические наработки. Нужно при этом учитывать, что подготовка каждой такой публикации – процесс сложный и более трудоемкий, нежели подготовка традиционного издания. И разумеется, для выполнения этой работы нужны квалифицированные кадры, причем различных специальностей.

В этой связи уместно сказать, что обучение технологиям подготовки таких интернет-изданий почти не ведется. Мне известен только один курс по этой теме, который читает Е.В. Боброва на кафедре электронных документов архивов и технологий Историко-архивного института.

Намного более простое и малозатратное (но не менее важное) направление использования Интернета в процессе обучения – публикация в сети методической литературы. Я в своих лекциях не только указываю на то, что опубликовано по предмету – я стараюсь под конкретные предметы помещать на сайте «Архивы России» нужные методички. Думаю, было бы полезно именно системно размещать на сайте Историко-архивного института литературу в соответствии с перечнями, представляемыми преподавателями.

Существует еще один аспект темы «Археография, Интернет и учебный процесс», который заслуживает отдельного обсуждения. Подготовка добротной публикации в Интернете – это исследовательский процесс. Помимо традиционных работ – обработка источника, переводы, ссылки, иллюстрации, карты, графики, варианты, пометы и т. д. – материал нужно систематизировать в программной среде, представить в определенных форматах, прошить взаимными гиперссылками, запрограммировать навигацию, дизайн, провести гипертекстовую верстку в HTML или разместить в базе данных, использовать технологические методы оптимального вхождения в поисковые системы Интернета. С одной стороны, перечисленное составляет предмет для учебного процесса, с другой – весьма конструктивная проблематика для дипломных работ и диссертаций.

Если вернуться к названию сообщения, которое было помещено в программе круглого стола – «О месте интернет-публикаций в учебном процессе» – то, по-видимому, лучше звучало бы более традиционное название, «Роль и место интернет-публикаций в учебном процессе». Соответственно можно предельно кратко резюмировать, говоря о Рунете, что его потенциальная роль – колоссальна, а место – вакантно, хотя имеются предпосылки его заполнить.

В настоящее время имеются опыт традиционных изданий, готовые технологии, методики типа проспекта правил подготовки электронных публикаций, разработанного американским консорциумом семи издательств исторических документов. В документе зафиксированы основные принципы электронных исторических изданий.

В совокупности это означает, что мы имеем прочную базу для создания вполне определенной целевой программы, которая, как кажется, идеально может вписаться в национальный проект по образованию. И в этой связи есть предложение включить в рекомендации круглого стола в какой-либо формулировке, либо в мягкой – «изучить вопрос», или в более конкретной – «подготовить проект программы для включения ее в Национальный проект по образованию».

Заседание круглого стола...

Е.И. Пивовар. Игорь Николаевич, главное, чтобы нам еще войти в сам этот Национальный проект по образованию, а потом уже включать...

И.Н. Киселев. Это уже вопрос последовательности действий. Я говорю о том – с чем входить в Национальный проект.

В.П. Козлов

У меня остается пока двойственное, даже противоречивое впечатление от нашей сегодняшней дискуссии. Публичное обсуждение проблем преподавания археологии с привлечением широкого круга специалистов – руководителей федеральных архивов, представителей Российской академии наук – в формате «круглого стола» является знаковым явлением для современной ситуации в РГГУ. Это может свидетельствовать о том, что новое руководство университета профессионально, а не политизированно задумалось над судьбой этой дисциплины в Историко-архивном институте. Да и как не задуматься над этим, если вспомнить, что кафедра археологии в университете словно в насмешку была ликвидирована как раз тогда, когда весь мир заговорил об «археологическом буме» в России.

С другой стороны, возникают опасения, связанные с тем, что проблемы преподавания археологии поставлены на рассмотрение слишком поспешно, а самое главное – в отрыве, вне контекста проблем и перспектив развития самого Историко-архивного института в целом. Изменить или хотя бы восстановить частичку целого таким, каким оно было (разумеется, с учетом новых реалий и требований жизни) очень нелегко. Посмотрите в зал – там находится мною очень уважаемый, но далеко не полный состав преподавателей института. При таком отношении к одной из важнейших, знаковых для Историко-архивного института дисциплин воссозданная кафедра очень скоро, а то и изначально, может стать эдаким одиноким странником. Мне кажется поэтому, что было бы правильнее обсуждать проблемы преподавания археологии в контексте развития Историко-архивного института, в рамках концепции его будущего как ведущего центра страны по подготовке специалистов по работе с документами в самом широком смысле этого слова, с учетом не только научной, образовательной, но и государственной составляющей его предназначения.

Для того, чтобы определить перспективы, направления, вообще – логику преподавания археологии в Историко-архивном институте и в РГГУ – нужно еще раз задуматься над тем, что такое археология сегодня и для чего она нужна. В самом широком и в то же время достаточно прагматическом смысле археология – это дисциплина, занимающаяся проблемами трансформации документа в исторический источник (теоретическая археология) и непосредственно реализующая такую трансформацию (прикладная археология). Размышляя над ее преподаванием в РГГУ важно, на мой взгляд, исходить из того, что такое преподавание в гуманитарном вузе должно быть нацелено на повыше-

ние документальной культуры или культуры работы с документом, умения не только создавать его, не только хранить, а делать максимально публичным, сохраняя в публикации его аутентичность. В этом отличие археографии, например, от документоведения и архивоведения.

Понятно, что по этой причине преподавание археографии важно и необходимо для будущих историков и архивистов – им в первую очередь важно знать принципы и правила той части культуры работы с документом, которая касается подготовки исторических документальных публикаций. Но разве не нужно такое знание для будущих юристов, которые среди прочего будут всё больше и больше озабочены публикацией нормативных правовых актов, внесением в них в оперативном порядке изменений и дополнений, подчас их комментированием в специальных изданиях? Уверен, что необходимо. В современном мире с циничной откровенностью всё чаще и чаще демонстрируется политическая роль документа. Лет пятнадцать-двадцать назад мы немало иронизировали над «принципом партийности» в археографии. И справедливо иронизировали, потому что требовалось его неукоснительное соблюдение и при подготовке академических документальных публикаций. Открывшийся нам мир в последние пятнадцать лет не раз демонстрировал, что «принцип партийности» очень популярен в нем. Не хочу приводить примеры, но о некоторых таких публикациях за рубежом вы хорошо знаете или по крайней мере слышали. В этой связи я думаю, что знание археографии было бы полезно и тем студентам РГГУ, кто хочет стать политологами. Особый разговор – трудно реализуемая, но хотя бы намеченная попытка интеграции преподавания археографии и текстологии для студентов-филологов.

Современная российская прикладная археография существует в несколько иных, нежели в советские времена, условиях, которые невозможно не учитывать и при размышлениях о ее теоретических основах, и при разработке конкретных прикладных археографических проектов.

Во-первых, новый закон об архивном деле в Российской Федерации 2004 г. впервые в истории нашей страны сделал легитимной подготовку документальных публикаций архивами России. Это значит, что теперь на это могут выделяться вполне законно бюджетные финансовые ресурсы. Их пока не так много, но они имеются, давая нам возможность быть менее зависимыми от зарубежных партнеров.

Во-вторых, существенно изменились и другие стороны правового поля археографии. Я имею в виду не только закон об архивном деле в Российской Федерации, но и другие законодательные акты, регулирующие вопросы доступа и использования архивных документов, содержащих государственную тайну, персональную информацию, определяющие порядок рассекречивания документов. Новые правовые нормы, с одной стороны, значительно расширили возможности археографа по сравнению с советским периодом нашей истории, а с другой – в определенных сферах их и ограничили. Не говорю уже о том, что при публикации документов по истории XX в. сегодня очень остро встают проблемы этического порядка, к разрешению которых некоторые из практикующих археографов оказались не готовы.

Заседание круглого стола...

В-третьих, сегодня меняется сама археография как научная дисциплина. И речь идет не только о новом сущностном ее понимании, которое я, например, попытался показать в своей книге, но и о новых подходах к разрешению традиционных археографических проблем. Так, в частности, одной из центральных таких проблем всегда являлась проблема фильтрации – отбора документов для документальной публикации из всей выявленной их совокупности, отбора документов наиболее интересных, отвечающих концепции издания. И здесь всегда присутствовал и элемент субъективности, и уж во всяком случае элемент неуверенности. Причем даже пофондовые документальные публикации в этом смысле не гарантировали преодоления неуверенности и субъективизма. Сегодня развитие информационных технологий фактически эту проблему нейтрализует. В принципе, сейчас в электронном виде можно подготовить документальную публикацию любого фонда и даже нескольких фондов, связанных определенной темой.

Вообще внедрение в археографию современных информационных технологий уже сегодня, не в отдаленном будущем мы вправе рассматривать как вполне самостоятельный, четвертый фактор новизны ее развития. Он затрагивает вопросы не только отбора, но и воспроизведения текстов документов, принципов их конвоирования, заданного поиска в документальной публикации информации. Информационные технологии в документальных публикациях ныне всё настойчивее становятся особым разделом археографии, требуя осмысления при ее преподавании. В том числе или даже прежде всего рассмотрения уже сделанного.

В-пятых, прикладная археография последних лет изменилась не только по содержанию, но и по форме. Расширились возможности использования для подготовки документальных публикаций не только отечественных, но и зарубежных архивов, создавая условия для появления трансграничных документальных публикаций. Большинство фундаментальных публикаций последних лет являются результатом усилий больших творческих коллективов с многоканальным финансированием. По этой причине археограф сегодня – это не только ученый, но и менеджер. Студенты должны отчетливо осознавать это, получая соответствующие правовые, экономические и административные знания.

Теперь хотелось бы сказать несколько слов об основном содержании курса археографии. Я могу неверно толковать прозвучавшие здесь слова С.О. Шмидта как соображение о том, что такой курс мог бы представлять собой нечто вроде комментария неплохих правил издания исторических документов в СССР, включая их терминологическую составляющую. Но именно так я понял их. Пусть меня поправят, если ошибаюсь. В таком случае замечу, что высказанные предложения о подготовке новых таких правил ныне абсолютно нереализуемы. Сегодня любые «правила» – это нормативный документ, требующий обязательной регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации. Сферы, подлежащие нормативному регулированию, в новой России давно и четко прописаны. Археографии там нет и быть не может, как не может быть «правил» написания исторического труда или каких-либо

иных «правил» регулирования духовной сферы. Такие «правила» – это нормы научного знания, в том числе и археографического. А они без теоретической составляющей, в том числе и при преподавании обсуждаемой дисциплины, невозможны.

Эта теоретическая составляющая содержится в известной книге С.Н. Валка, основательно проработана в 90-е гг. прошлого века Е.М. Добрушкиным, а затем в значительной степени с иных позиций в моей книге, тезисы которой, кстати, встретили не только критику «большинства» археографов, как только что сказал С.О. Шмидт, но и очень позитивные отклики, а ее отдельные главы опубликованы в шести странах. Ей-Богу, я не собираюсь перед присутствующими ее рекламировать, тем более заявлять, что в ней прописаны истины в последней инстанции, хотя и не могу не порадоваться тому, что в этом году она выйдет в существенно дополненном виде вторым изданием. Но, кажется, я имею право требовать от своих оппонентов системной оценки предложенного мною видения теоретических основ археографии, а вовсе не всего лишь, по словам С.О. Шмидта, «изменения терминологии археографии». Не раз и не два, как бы походя, С.О. Шмидт и публично, в том числе и сегодня, и в печатной форме критикует это видение. Заметьте, критикует не книгу в целом, не ее опубликованные тезисы, на которые когда-то он дал в целом положительное заключение как член редколлегии журнала «Отечественные архивы» (я сберегу его с благодарностью в своем архиве), не всю терминосистему автора книги (в такой системной критике было бы бессмысленно отрицать не замечавшиеся до моей работы «трансграничные» или «адаптированные», «неадаптированные», «полуадаптированные» документальные публикации и массу других понятий, зафиксировавших археографически значимые явления в практике подготовки документальных публикаций), а всего-то два-три термина, в том числе злосчастный «конвой». Уважаемый Сигурд Оттович! Нет в моей книге такого термина! Есть термин «конвой документа в документальной публикации» – согласитесь, что это совсем иное, чем просто «конвой», тем более «конвой» по Д.С. Лихачеву.

Задаюсь вопросом: для чего нужна такая критика «походя», да еще с такими передергиваниями? Ответ опять же находим в словах С.О. Шмидта: Я-то думаю, что общий курс археографии должен знакомить прежде всего с тем, что общепринято, если не будет принято решение менять нам в какой-то мере установки». Этот посыл прагматически очень понятен: я читаю в Историко-архивном институте не один год этот самый «общий курс» археографии и потому С.О. Шмидт изящно предлагает мне либо отказаться от собственных размышлений, следуя «общепринятому» (где, кем, когда?), либо... выйти вон, как говорят. И не замечает всеми уважаемый и обожаемый профессор в такой рекомендации холодок и сталь мыслей и действий того самого М.С. Селезнева, которого он осуждает и донос которого в ЦК КПСС на Археографическую комиссию мы во второй половине 80-х гг. ушедшего века вместе столь блистательно по-бюрократически и по-научному отбили.

Заседание круглого стола...

Предложенная альтернатива в случае ее реализации может стать по-своему знаковой, если учесть, что автор этих строк никогда не выберет первый вариант, и вовсе не по своей упертости, а по причине преклонения перед пьянящей стихией и логикой познания и уважения их.

Поэтому в этой коллизии для меня очень важной является фраза С.О. Шмидта о возможности принятия «решения» «менять нам в какой-то мере установки» относительно археографии. Что за установки? Чьи установки? Какие «решения» и кого?

Мир нашего прошлого сегодня свободен или почти свободен от идеологического или какого-то иного диктата. Говори, пиши, показывай, доказывай, обольщай себя и других через призму этого прошлого по телевизору. Эту свободу дают и утвержденные программы преподавания учебных дисциплин РГГУ, обозначающие необходимый минимум знаний, в том числе и в области археографии.

Я прошу прощения за то, что увлекся и обсуждаемый сегодня вопрос облек немного личностным подходом. Возвращаюсь к сути его проблематики в контексте преподавания археографии в РГГУ. Не желаю делить нашу дисциплину «по вертикали» – бакалавриат – магистратура. Тут столько неясностей, столько авантюрных идей, что невольно иногда думаешь о консервативности как разумной осторожности и как защитном панцире во всяком случае историко-архивного образования. «Подождать – не устать, было б потерпежное» – гласит народная мудрость. «Потерпежное» – это всего лишь выгода, которая может быть самой разнообразной. И в первую очередь научно-познавательной для археографии как научной и учебной дисциплины.

«Ответвлениями» общего курса могли бы стать отдельные тематические спецкурсы и спецсеминары по истории прикладной археографии и археографической мысли в России и за рубежом. Для студентов-историков были бы полезны спецкурсы и спецсеминары по археографии политической, военной документации, для студентов-экономистов интерес могли бы представить аналогичные курсы по археографии экономической документации, для будущих юристов – по археографии судебно-следственной, законодательной документации, филологам было бы важно знать об археографии документов личного происхождения (ее блестящим примером можно считать только что вышедшую книгу Б.С. Илизарова «И Слово воскрешает, или Прецедент Лазаря»), студентам-международникам можно было бы предложить курсы по археографии дипломатической документации. И так далее.

Если говорить откровенно, восстановленная кафедра должна стать своеобразной «перехватывающей» кафедрой, а ее основной курс читаться не позже, чем на втором году обучения.

На этом, пожалуй, я и хотел бы завершить свое выступление, выражая надежду на то, что сегодняшнее обсуждение послужит стимулом для дальнейших размышлений над проблемами археографии как научной и учебной дисциплины.

А.А. Чернобаев

Уважаемые коллеги, прежде всего хотелось бы сказать, что я полностью согласен с главным тезисом первого докладчика, Виталия Юрьевича Афиани, что в области археографии накопилось немало проблем – и хорошо, что они обсуждаются и что воссоздана кафедра археографии в РГГУ. Объективно в настоящее время значимость всего того, что связано с этой наукой, возросло – однако субъективно это еще не вполне так. Может быть, далеко не всем еще пока известно, что решением Президиума ВАК научно-публикаторский журнал «Исторический архив» исключен из числа так называемых «ваковских» изданий, причем исключен несмотря на то, что экспертный совет дважды выносил рекомендацию включить его в этот список. В решении же, которое на сайте ВАКа опубликовано, сказано, что так рекомендовал экспертный совет. Целый ряд изданий, которые экспертный совет рекомендовал включить в список, были из него исключены, но зато появились новые, неизвестно откуда взявшиеся. В результате уже в декабре, буквально через несколько недель после того, как этот список был утвержден, Президиум вынужден был внести туда ряд дополнений. Появятся они и в дальнейшем, потому что в ВАК поступает лавина требований, рекомендаций, связанных с этим списком. Особенно это сказывается сейчас на защите кандидатских диссертаций (после того, как появилось требование наличия хотя бы одной публикации по этому списку для соискателей ученой степени).

Итак, непонимание значимости археографии существует. В качестве объяснения причины исключения нашего журнала из «ваковского списка» было заявлено, что «Исторический архив» публикует не статьи, а только документы, а это, дескать, не столь значимо для науки. Однако хорошо известно, что выявление, подготовка документов, вводные статьи, примечаний – это, безусловно, исследовательский труд.

Уже прозвучали слова академика Николая Николаевича Покровского о том, что сегодня время публиковать источники. Я бы добавил, и это, я думаю, знают все, кто следит за тем, какого рода исследования появляются, необходимо более широкое введение новых опубликованных источников в исследовательский оборот. Анализ диссертаций, авторефератов показывает, что очень часто многое из изданного за последние годы неизвестно исследователям, работающим над теми или иными темами и проблемами.

В 1990-е и в 2000-е гг. издан огромный массив документов, и этот процесс продолжается. Буквально пару недель назад в Мосархиве прошла презентация сборника «Московский архив», выпуск 4-й, главный редактор – Михаил Михайлович Горинов. Содержание этого сборника свидетельствует, что и сегодня имеются колоссальные возможности введения в научный оборот интереснейших источников. В связи с практикой подготовки их к публикации, а это именно то, чем нам приходится заниматься в связи с журналом, мне бы хотелось высказать несколько соображений.

Заседание круглого стола...

Очевидно, что в настоящее время представление об археографии лишь как методике, технике подготовки документов к публикации изменилось, оно стало значительно шире. Оно изменилось. К этому следует добавить и необходимость обобщения как российского, так и мирового опыта в области археографии. Отсюда настоятельная потребность в разработке теории данной науки. В этом отношении, на мой взгляд, многое сегодня делается, сделано, несмотря на то, а может быть, и благодаря тому, что порой высказываются дискуссионные, спорные утверждения. Но это как раз и приводит к тому, что в ходе этих дискуссий вырабатывается правильная позиция.

А вот в чем, на мой взгляд, сегодня острейшая проблема – это как раз в казалось бы известном: как готовить и публиковать документы разного происхождения, тематики и т. д. к изданию. Достаточно обратиться к изданным сборникам документов, центральным и местным, и мы увидим, какой в этом деле существует разнородность. В практике работы по подготовке документов к публикации возникает множество вопросов. Ответа на них в имеющихся правилах, в других нормативных документах, мы порой не находим. Конечно, всё и вся предусмотреть ни в каких правилах невозможно. И всё же. Хорошо, что мы у нас в редакции журнала «Исторический архив» имеем возможность консультироваться и с Сигурдом Оттовичем Шмидтом, и с Сергеем Михайловичем Каштановым, с другими известными археографами и снимать имеющиеся вопросы, но, согласитесь, что такая возможность имеется далеко не у всех.

Поэтому бесспорно, что документы нормативного уровня нужны, и вряд ли правомерно прозвучавшее у нас сегодня утверждение, что «Правила издания исторических документов» 1990 г., нуждаются только в небольшой доработке, в небольшой корректировке. Вряд ли это так, потому что в ходе «археографической революции», «археографического бума» появилось очень много нового. Например, только что речь шла об особенностях, проблемах публикации документов в Интернете.

В этой связи мое предложение сводится к тому, что Научному совету Росархива, ВНИИДАДу, надо активизировать данную работу, разработать новые нормативные документы, обязательно их опубликовать и внедрить в практику. Ни в коем случае не допустить, чтобы они оставались только сугубо ведомственными документами. Сделать это нужно как можно скорее. Я говорил об этом уже на ряде конференций – Владимир Петрович Козлов, наверное, это помнит. К сожалению, прошло уже более пятнадцати лет, а новых правил издания исторических документов еще нет.

В.А. Черных

Дорогие коллеги, мне кажется очень правильным и плодотворным, что вновь восстановленная кафедра археографии наряду с проблемами модернизации, осовременивания всего курса археографии поставила вопрос и об использовании всего опыта преподавания археографии в

Историко-архивном институте. Мне очень горько сознавать, что, кажется, особенно после смерти Тамары Васильевны Батаевой, я остался последним, кто может вспомнить о кафедре археографии и о секции археографии кафедры теории и практики архивного дела в 1950-е гг.

Очень многое забывается. Например, я с горьким чувством заметил, что в преамбуле к этому документу, с которым мы ознакомились, где перечислены многие преподаватели кафедры археографии, забыта Евгения Моисеевна Тальман, – то есть она попала в число «и др.». Хотя она очень многое сделала – читала лекции, много лет вела практические занятия, руководила археографической практикой студентов, после смерти Ильи Лукича Маяковского была научным руководителем моей кандидатской диссертации – и вот она уже почти забыта.

Прошу прощения, что мое выступление будет носить мемуарный характер – может быть что-то в этом имеет не только историографический, но и практический интерес. Хочу вспомнить один, видимо совершенно забытый эпизод из истории преподавания археографии в Историко-архивном институте. В 1961 г., когда я работал еще в Главном архивном управлении при СМ СССР, в отделе внешних сношений, тогдашний заведующий кафедрой Михаил Степанович Селезнев предложил мне подготовить программу и прочесть несколько пробных лекций по истории зарубежной археографии. Я не уверен, что это инициатива принадлежала самому Селезневу. Тогда на кафедре еще работали и Дора Михайловна Эпштейн, и Евгения Моисеевна Тальман – скорее, это их инициатива. В 1962 г. такая программа была мною разработана, обсуждена на кафедре – и был прочтен мною спецкурс (я вот сейчас только не могу вспомнить, на пятом или на четвертом курсе) – по зарубежной археографии. Были прочитаны вводная лекция, лекция об издании документов в Италии в период Возрождения, и, по-моему, две лекции о крупнейшем археографическом предприятии XIX в., продолжающемся до сих пор – «*Monumenta Germaniae Historica*». Как я помню, народу на нем присутствовало немного – но среди слушателей были такие яркие личности, как, например, Игорь Фесуненко, как Эдвард Радзинский.

Этот курс был разработан тогда на основе западной литературы – я не уверен, кстати, появилась ли с тех пор на русском языке какая-нибудь монография об этом важнейшем издании источников по истории европейского Средневековья. Боюсь, что нет. Хотя я знаю немецкую и польскую монографии по этой теме. А ведь изучение опыта этого издания могло бы быть темой не только кандидатской, но и докторской диссертации.

Много лет спустя курс зарубежной историографии стал читать Геннадий Иванович Королев – я не знаю, использовал ли он те материалы, или, может быть, совсем не использовал. Мне только хочется сказать о том, что хорошо было бы собрать на кафедре археографии тексты лекций преподавателей прошлых лет. Я хочу подать пример и отдать на кафедру сохранившиеся черновики моих лекций и программу курса зарубежной археографии.

Заседание круглого стола...

В общем, сегодня очень много сказано полезного и важного. Жаль, что сегодня не представлены такие крупные научные учреждения, занимающиеся публикацией исторических источников, как, например, Дипломатический архив Министерства иностранных дел, отделы рукописей Исторического музея, РГБ и др. С ними тоже, конечно, нужно крепить контакты и их опыт изучать.

В перечислении специальных гуманитарных дисциплин, с которыми должна контактировать археография, почему-то совершенно выпала текстология, хотя, по-моему, нет такой общегуманитарной дисциплины, которая была бы так тесно связана с археографией, как именно текстология.

В заключение хочу пожелать, чтобы восстановившаяся кафедра археографии действительно процветала. А эти материалы по истории преподавания археографии на кафедре я передаю Виталию Юрьевичу.

А.Д. Степанский

Возрождение в составе ИАИ РГГУ кафедры археографии весьма своевременно и необходимо. Можно считать, что в постсоветской России произошла «археографическая революция». «Открытие архивов» и смягчение цензуры породили огромный поток публикаций документов, во многом существенно изменивший представления о прошлом. Археография становится важной частью общественного сознания. В данной связи ее можно рассматривать как существенный элемент не только исторического, но и гуманитарного образования.

В соответствии со сказанным перед новой кафедрой встает широкий круг задач, связанных как с решением сферы преподавания археографии (не только в масштабе РГГУ, но и гуманитарном образовании в целом), так и с разработкой конкретных проблем истории, теории и методики археографии на новом уровне, а также ее «отраслевых» направлений (по эпохам, проблематике и др.).

Существенно и то, что сказанное совпадает с предстоящим переходом к двухуровневому высшему образованию (подчеркнем особое значение археографии для магистратуры). Следовательно, пересмотр касающихся археографии разделов учебных планов должен стать необходимой частью пересмотра учебных планов в целом.

Для решения возникающих задач необходим коллектив специалистов и определенное время. Между тем, сейчас количество преподавателей археографии близко к нулю – одна ставка, две полставки, один почасовик. Следовательно, состав кафедры должен быть заметно увеличен – и не только на основе расширения учебной нагрузки.

Полагаем, что в наступающем 2007/2008 учебном году главным занятием преподавателей археографии (наряду с аудиторными занятиями) должна стать именно подготовка учебных курсов (общих и специальных) и разработка соответствующих учебных пособий и программ. В итоге это создаст базу для дальнейшего развития археографии как научной и учебной дисциплины.

И.В. Зайцев

Здесь, на круглом столе, справедливо говорилось о необходимости широкого подхода к археографии и отражения этого подхода в преподавании. Большинство выступающих так или иначе затрагивало вопросы эдиционной археографии, – публикации исторических документов по отечественной истории, преимущественно на русском языке.

Мне хотелось бы сказать о двух принципиальных моментах – многоязычии в археографической деятельности и археографии, и о том традиционном направлении в археографии, которое называется «камеральным», описанием архивных документов, рукописей, каталогизацией рукописей.

Документальное богатство, хранящееся в отечественных хранилищах, в том числе в Архиве Академии наук, не сводится к документам на русском языке. В нашей стране существуют огромные, уникальные собрания документов на других языках. Этот момент очень часто, когда мы говорим об археографии, упускается из виду. Мы забываем, что археография – это не только публикация документов на русском или западноевропейских языках, включая язык древности – латынь. Археография, как известно, появилась в Западной Европе, поэтому традиция публикации документов на европейских языках наиболее развита. Огромное поле деятельности – письменность на восточных языках.

Наша страна принадлежит одновременно и Востоку, и Западу. Если говорить только о Москве, то совокупное собрание рукописей на фарси, арабском и турецком в хранилищах нашего города очень велико и составляет, по моим подсчетам, несколько тысяч единиц. Но значительная часть их не прошла научного описания и неизвестна специалистам. Если мы посмотрим, какая археографическая работа ведется в этом направлении, то можно только руками развести. На все это богатство приходится только два полноценных каталога – краткий каталог арабских рукописей РГАДА Д.А. Морозова и мой каталог арабских, персидских и тюркских рукописей из научной библиотеки МГУ. Других каталогов нет, даже отдельных статей фактически нет. Пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать специальные статьи, посвященные восточным рукописям в московских хранилищах (архивных, библиотечных, музейных) и проблемам их научного описания, каталогизации.

При таком документальном богатстве, количестве первоклассных рукописей, и при достаточном числе людей, знающих восточные языки, казалось бы, описание и публикация документов на восточных языках должны активно развиваться, но эта археографическая работа почти не ведется.

И причины тут вполне прозрачны: нет никакой связи между учебными заведениями, которые, с одной стороны готовят специалистов-востоковедов, знающих восточные языки, и теми, которые дают теоретическую и практическую археографическую подготовку. Есть надежда, что в РГГУ, где воссоздана кафедра археографии, а с другой стороны – налажено преподавание восточных языков (арабского, персидского и турецкого), это может получиться.

Заседание круглого стола...

Тогда Археографический центр, о котором упоминается в выступлениях и рекомендациях нашего круглого стола, стал бы идеальной площадкой для работы в «восточном направлении». Во всяком случае, Институт востоковедения РАН, который я представляю, будет способствовать этой деятельности в РГГУ.

А.Б. Безбородов

Нынешний круглый стол – первый после многих лет весьма прохладного отношения в РГГУ к предмету археографии. «Архивная революция» в России, как известно, дала мощный импульс публикаторской деятельности. Именно тогда, в первой половине 1990-х гг., казалось, появились дополнительные стимулы для перевода кафедры археографии Историко-архивного института РГГУ на новый качественный уровень, для открытия на ней интересных специализаций и научно-образовательных программ, в чем преуспели другие кафедры Института, но только не археографическая. Более того, в середине 1996 г. кафедра археографии была объединена с кафедрой архивоведения. Почему такое стало возможным? Можно назвать несколько основных причин. Во-первых, высочайшая политизированность этой учебной дисциплины в предшествующую, советскую эпоху, что в более поздние годы привело к падению научной активности в соответствующей области. Во-вторых, отток молодых кадров со всех архивоведческих кафедр, но в наибольшей степени обескровилась именно кафедра археографии. В-третьих, возросшая академическая конкуренция в ИАИ и РГГУ в целом, когда в традиционной для вузов «битве за часы» кафедры специальной подготовки стали уступать пальму первенства вновь созданным в Университете структурам общегуманитарной направленности.

Поэтому основная задача руководителей факультета архивного дела и Института заключается в скорейшем формировании престижного образа археографии в РГГУ, в том числе организации ее своеобразной интеллектуальной экспансии на другие структурные поля академического профиля в Университете. При этом следует учитывать, что иного пути обзавестись учебными часами для занятий у кафедры просто нет и в будущем не предвидится. Набор инструментов у нас при этом невелик, важно расширить его как можно быстрее и эффективно использовать. Назовем лишь два принципиально важных, на наш взгляд, начинания. Это, во-первых, объявление набора на междисциплинарный и межфакультетский спецкурс «Археографическая культура» (возможные лекторы здесь – С.О. Шмидт, В.П. Козлов, В.Ю. Афиани, А.Д. Степанский, С.В. Мироненко и др.). В случае его успеха на кафедре образуется твердое ядро дипломников с разных факультетов РГГУ, что позволит в будущем не только решить кадровую проблему на кафедре, но и расширить на ней тематику спецкурсов.

Во-вторых. По-нашему мнению, совершенно ненормальным выглядит отсутствие фундаментального учебника по этой дисциплине. Его не

могут заменить учебные и тематические пособия, а также всевозможные методические указания. В нем на современном уровне следует прописать теоретическую и методологическую части. В коллектив авторов могут войти не только археографы, но и архивисты, историки, источниковеды, специалисты по мультимедийным технологиям. Немалую роль в этом начинании должен сыграть Совет архивоведческих кафедр Историко-архивного института.

И последнее. Переход на двухуровневую систему обучения позволит преподавателям археографии в рамках магистерских программ выйти на новый исследовательский уровень и создать с нашими зарубежными партнерами (в первую очередь, из Школы хартий) совместные оригинальные проекты.

Есть основания считать, что наш круглый стол положит начало обсуждению назревших проблем современной археографии, ее преподавания в РГГУ и России, особенно с учетом перспективы открытия в нем специальности «Издательское дело и редактирование».

РЕКОМЕНДАЦИИ

круглого стола

Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития

Участники круглого стола отмечают, что преподавание археографии в ИАИ РГГУ имеет богатые традиции, началось с созданием института в 1930-х гг. и ведется вот уже более 75 лет, кафедре археографии ИАИ РГГУ исполнилось в этом году полвека.

В МГИАИ археографию преподавали известные историки и археографы: А.А. Сергеев, А.А. Шилов, А.И. Андреев, С.Н. Валк, П.Г. Софинов, М.С. Селезнев, Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн, Т.В. Батаева, Г.И. Королев, Е.М. Добрушкин, В.В. Крылов и др. В настоящее время в образовательном процессе участвуют профессора В.П. Козлов и А.Д. Степанский.

МГИАИ играл ведущую роль в разработке курсов археографии, активно участвовал в научной разработке исторических, методических и теоретических вопросов археографии в стране, не раз выступая инициатором плодотворных научных дискуссий. Помимо общего курса археографии, в МГИАИ были разработаны новаторские курсы по теории археографии, по зарубежной археографии, публикации источников по истории литературы и искусства, публикации специальных видов источников (кино-фото и технических) и др. Научные проблемы археографии разрабатывались в диссертационных исследованиях, подготовленных преподавателями кафедры и выпускниками МГИАИ.

Археология прочно заняла место в системе исторических и архивных учебных дисциплин (источниковедение, архивоведение, специальные дисциплины) в качестве одной из базовых дисциплин, преподавание которых создавало уникальный облик МГИАИ, отличавшее его от других высших заведений страны. В центре такого подхода – всесторон-

Заседание круглого стола...

нее и глубокое изучение документа-источника-текста как составной части исторической памяти общества, важного элемента процесса исторического познания. Традиционно археография в ИАИ служила объединяющим элементом в подготовке специалистов историков-архивистов.

В то же время в советский период разработка методологических вопросов археографии на кафедре МГИАИ многие годы велась на основе догматического марксизма-ленинизма, так называемых «принципов партийности», что приводило к неоправданным упрощениям и схоластике. Постепенно ослабли связи кафедры с историческими и архивоведческими кафедрами института, с государственными архивами, научно-исследовательскими центрами, с академической и отраслевой наукой. Образовался разрыв между теоретическими и методическими разработками сотрудников кафедры и археографической практикой. Содержание курсов археографии освещало главным образом вопросы эдиционной археографии и не охватывало всех основных направлений археографической деятельности. Всё это снижало научный уровень преподавания археографии и престиж дисциплины в глазах студентов.

С начала 1990-х гг. сложились благоприятные условия для дальнейшего развития преподавания, разработки исторических и теоретических вопросов на фоне «археографического бума» в стране. Значительно возросли объемы публикуемых исторических документов, расширилась тематика публикаций, были введены в научный и общественный оборот новые комплексы документов, в том числе рассекреченных. Значительную роль в публикации документов сыграли периодические издания и другие средства массовой информации. Новую страницу в археографической практике открыло использование информационных технологий.

Утверждается новое, более широкое представление об археографии как об одном из важнейших элементов процесса сохранения исторической памяти в обществе, публикации исторических документов как части национального историко-культурного наследия, об археографической деятельности как о средстве социокультурной коммуникации и составной части информационных процессов в общественной жизни и культуре. Возникло понятие археографической культуры. Всё это создавало предпосылки для развития археографии и подъема ее преподавания на новый уровень, соответствующий запросам времени.

Но неоправданная ликвидация уникальной кафедры археографии руководством РГГУ в 1996 г., объединение ее с кафедрой архивоведения, нанесли серьезный урон преподаванию археографии в ИАИ РГГУ, подготовке высококвалифицированных кадров историков-архивистов в целом. В результате этого были значительно сокращены тематика и объем лекционных курсов по археографии, штаты преподавателей, прекратилось преподавание важных лекционных курсов и спецкурсов, в том числе по зарубежной археографии, по публикации средневековых источников, источников по истории литературы и искусства и др.

Недостатки в преподавании археографии в ИАИ РГГУ отражают современные проблемы, существующие в науке. Недостаточно изучается и обобщается опыт археографической практики XX столетия, ис-

пользования современных форм публикации документов в средствах массовой информации, Интернете, публикаций технотронной документации, опыт подготовки тематических публикаций по наиболее актуальным темам и др.

Участники круглого стола исходят из понимания того, что археография является одним из важнейших инструментов повышения научного уровня архивной деятельности, социального статуса работы архивистов, востребованности архивной деятельности обществом, а археографическая культура является важной составной частью отечественной культуры.

Роль археографии в образовательном процессе в РГГУ должна усиливаться. Необходимо расширение преподавания археографии в университете, использование базисных археографических знаний в подготовке специалистов разных специальностей.

Переход образования в стране и в РГГУ на двухуровневую систему, подготовку бакалавров и магистров, ставит новые вопросы по содержанию и объему курсов археографии, их месту в ряду других учебных дисциплин.

Участники круглого стола считают: в целях улучшения подготовки специалистов в РГГУ необходимо обеспечить преподавание археографии на современном уровне. По содержанию и по форме оно должно отвечать вызовам времени, отражать современное состояние археографической деятельности, ее место в системе информационных коммуникаций, в широком социокультурном контексте.

Одним из приоритетных направлений должно стать преподавание археографии в широком историко-культурном контексте, объединяя опыт классической археографии и новейшей археографической деятельности.

Участники круглого стола поддерживают планы ИАИ РГГУ по введению на кафедре археографии специальности «Издательское дело и редактирование» научной литературы гуманитарного и естественного профиля, с углубленным знанием археографии.

Участники круглого стола поддерживают предложение о необходимости развития изучения и преподавания археографии восточных рукописей, подготовки специалистов по восточной археографии – научного описания документов и рукописей на восточных языках и их публикаций.

Руководству РГГУ рекомендуется принять меры по:

- восстановлению в необходимом объеме часов преподавания лекционных курсов на ФАД ИАИ РГГУ;
- штатному и материально-техническому обеспечению кафедры для решения поставленных перед ней задач;
- поэтапному расширению преподавания археографии в РГГУ для студентов других специальностей, ориентированных на определенные сферы человеческой деятельности, связанной с историческим документом, текстом;
- возрождению лабораторной базы археографии (созданию Археографического центра) как учебно-производственного комплекса, а также как экспериментального центра для разработки программ публи-

Заседание круглого стола...

кации исторических источников в научных и учебных целях, и координации этой работы в РГГУ, а также по развитию полевой археографии;

- поддержке комплексных этнографо-филологическо-археографических экспедиций студентов и преподавателей РГГУ для изучения традиционной культуры и сбора памятников культуры и письменности.

Руководству Историко-архивного института рекомендуется:

- при разработке нового стандарта преподавания специальности «историк-архивист» учесть потребности расширения преподавания археографии;

- оказать содействие кафедре в расширении преподавания археографии в РГГУ, в подготовке новых и восстановлении преподавания ряда зарекомендовавших себя спецкурсов;

- способствовать расширению междисциплинарных связей, связей между кафедрами;

- принять меры по материально-техническому обеспечению кафедры археографии;

- оказать кафедре содействие в организации «Археографических сред» для популяризации археографической деятельности, а также в целях ознакомления студентов, аспирантов и преподавателей РГГУ, общественности с важнейшими публикациями исторических источников.

Кафедре археографии:

- одной из важнейших задач на перспективу считать подготовку нового учебника по археографии, обобщающего новейшие достижения в области археографии;

- запланировать переработку программ и курсов археографии с учетом новых требований и подходов;

- разработать программу и базовый лекционный курс по археографии, учитывающий особенности подготовки бакалавров (историков-архивистов). Курс археографии для других специальностей должен включать сведения по истории и методике археографии с учетом их особенностей;

- при разработке программ для обучения магистров учитывать специфику подготовки магистров, тематику магистерских работ; целесообразно включение в курсы лекций для магистров теоретических вопросов археографии;

- подготовить предложения по расширению тематики лекционных курсов по археографии, восстановлению ранее читавшихся курсов, подготовке новых курсов;

- разработать курс лекций «Археографическая культура», имеющих междисциплинарный и межфакультетский характер;

- учитывать в лекционных курсах актуальные проблемы археографии: зарубежной археографии, археографии стран СНГ, русского зарубежья; публикации документов политических партий и организаций, документов по военной истории, истории литературы и культуры, истории науки; технотронных документов; публикации исторических документов в средствах массовой информации и в электронном формате; археография и региональной истории, археографии и традиционной русской культуры;

- развивать тесные, творческие связи с архивными и научными учреждениями, с академической и отраслевой наукой, вузами, привлечение ведущих специалистов из этих областей для преподавания и проведения практических занятий («мастер-классов»);
- одним из приоритетных направлений работы кафедры считать научную разработку актуальных проблем археографии, участие в подготовке научно-методической литературы по археографии;
- в практической реализации предложений о становлении кафедры как одного из научно-методических центров по археографии рекомендуется принять участие в доработке и подготовке к изданию методических рекомендаций по публикации документов судебно-следственных дел периода массовых репрессий документов, высших и центральных органов РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, а также публикаций в электронной форме;
- преподавание методических и теоретических основ археографии необходимо сочетать с практической работой студентов, участием в подготовке реальных публикаций документов и в полевой археографической работе;
- расширить использование в образовательном процессе современных мультимедийных средств;
- в связи с 75-летием преподавания археографии в МИГИА и 50-летием создания кафедры целесообразно совместно с другими учреждениями и организациями с целью популяризации археографии, привлечения общественного внимания к ее проблемам, провести научное заседание, посвященное этой теме, подготовить очерк истории преподавания археографии в МГИАИ.

Росархиву рекомендовать:

- организовать издание методических рекомендаций по публикации документов судебно-следственных дел периода массовых репрессий и высших и центральных органов РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, публикаций в электронной форме;
- способствовать расширению и углублению связей между федеральными архивами и кафедрой археографии ИАИ РГГУ для учета и обобщения опыта практической работы в области археографии.

Примечания

- 1 Среди отдельных исключений этого рода следует назвать издание, подготовленное С.И. Медведевым «Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917: Ист.-библиогр. альбом. Альбом – каталог. М., 1996 г.».
- 2 Козлов В.П. Теоретические основы археографии. Новосибирск, 2003. С. 27.
- 3 «Как война была выиграна. Годы победы. 1944–1945».
- 4 Обновление и широкое распространение в учебном процессе понятийного аппарата, имеющего отношение к археографии, является одним из важнейших научных направлений и требует серьезной проработки до внедрения в учебный процесс.
- 5 Данные предложения сформулированы автором совместно с Г.Н. Ланским.

А.Д. Степанский

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СЕРЕДИНЫ 1950-х – 1960-х гг. И ЕЕ ВЕДУЩИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Статья является частью цикла работ автора по истории отечественной археографической мысли XX в. Эта мысль стала активно развиваться в середине 1950-х – 1960-х гг., когда в стране усиленно развивалась археографическая деятельность. В статье подробно рассматривается процесс обсуждения актуальных вопросов теории и методики археографии в работах кафедры археографии МГИАИ, Археографической комиссии АН СССР, на страницах научных периодических изданий, на научных конференциях. Выкладываемые тогда положения разделяются на сократившие и утратившие актуальность.

Ключевые слова: Правила, исследования, дискуссии, содержание, оформление.

Период, начавшийся с середины 1950-х гг., можно в известном смысле считать «золотым веком» советской археографии. В это время археографическая деятельность достигла (в соответствии с «указаниями партии и правительства») невиданных масштабов. Количество регулярно выпускавшихся сборников документов измерялось сотнями. При этом активно развивалась (а зачастую создавалась заново) региональная археография – практически все местные государственные и партийные архивы готовили публикации. Соответственно резко возрос круг археографов-практиков (большинство которых не имело специальной подготовки).

Свидетельством повышения статуса археографической деятельности стало внимание, уделенное ей в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (июль 1967 г.). Один из пунктов этого постановления гласил: «Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главному архивному управлению при Совете министров СССР принять меры к пополнению и лучшему использованию архивных фондов; расширить публикацию документальных материалов по истории КПСС и советского общества, в том числе документов Коммунистической партии и Советского правительства об индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурном строительстве, разработке и осуществлению первых пятилетних планов развития народного хозяйства СССР»¹.

Говоря об указанной тематике публикаций, следует иметь в виду не только ее явную идеологическую направленность и ориентацию преимущественно на XX в., но и новизну. Речь фактически шла об «освоении археографической целины», о публикации документов из ранее не разрабатывавшихся комплексов. Данное обстоятельство не могло не ставить новых проблем перед археографической мыслью.

О количественном росте масштабов этой мысли свидетельствуют библиографические данные. В книге «Советская археография. Аннотированный каталог научно-методической литературы (1917–1970 гг.). Выпуск 1» (М., 1974) учтены 713 работ за 1956–1970 гг., (за 1917–1955 гг. – 377). Сюда входят книги, правила и инструкции, статьи, авторефераты диссертаций, обзоры и рецензии, материалы научных заседаний и т. п.

Развитию археографии как научной и учебной дисциплины способствовало создание новых центров. В 1956 г. возродилась Археографическая комиссия при Академии наук СССР. В 1957 г. в МГИАИ из кафедры теории и практики архивного дела выделилась самостоятельная кафедра археографии. В Институте истории АН СССР были созданы секторы публикации источников (дореволюционного и советского периодов). В 1966 г. в системе архивного ведомства открылся Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) с сектором археографии. Увеличилось число периодических изданий, уделявших внимание вопросам археографии.

Роль центров археографической мысли будет показана в дальнейшем изложении. Сейчас же отметим наличие сотрудничества между этими центрами, проявившегося прежде всего в ходе подготовки «Правил издания исторических документов в СССР» (1969), изданных под грифами ГАУ СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории СССР Академии наук, МГИАИ, ВНИИДАД, а также Комитета по печати при Совете министров СССР².

* * *

В соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР № 782 от 26 июля 1957 г. в МГИАИ была создана кафедра археографии (первое ее заседание состоялось 18 сентября того же года). В ее состав вошли преподаватели, ранее работавшие на кафедре теории и практики архивного дела. Возглавил новую кафедру М.С. Селезнев, руководивший ею почти 30 лет (параллельно он долгое время был заместителем директора института по научной работе). Михаил Степанович являлся личностью весьма своеобразной и противоречивой. Идеологический догматизм (порой даже превышавший нормы своего времени) сочетался у него с искренней любовью к археографии и организаторскими способностями, что во многом содействовало повышению роли этой дисциплины в деятельности института.

В информационном сообщении «Десять лет работы кафедры археографии»³ были обозначены три основных направления ее научной деятельности: подготовка учебных пособий и методических разработок

А.Д. Степанский

по теории и истории отечественной археографии, изучение и обобщение опыта советских научных учреждений в области публикации исторических источников (в форме научных статей), подготовка сборников документов, их редактирование и рецензирование.

Далее отмечалось, что «кафедра поддерживает постоянную связь с сектором публикации источников советского периода Института истории АН СССР, научно-издательским отделом Главного архивного управления, комиссией по изданию историко-дипломатических документов МИД СССР, публикаторскими отделами центральных государственных архивов СССР, рецензирует рукописи сборников документов, дает консультации и отзывы об инструкциях и правилах этих учреждений по публикации документальных источников. Коллектив кафедры участвует в обсуждении вопросов археографии заседаниях Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР, Научного совета Главного архивного управления, научных советов центральных государственных архивов СССР. В настоящее время сотрудники кафедры совместно с Главным архивным управлением и Институтом истории АН СССР готовят к изданию новые Правила публикации исторических источников» (с. 124).

В 1958 г. в МГИАИ издано первое в своем роде «Методическое пособие по археографии» под редакцией М.С. Селезнева и Е.М. Тальман. В отличие от вышедшего в 1939 г. пособия А.А. Шилова, здесь рассматривались публикации, относившиеся не к одному периоду, а ко всей отечественной истории. Авторами отдельных глав (помимо редакторов) были Т.В. Ивницкая, И.И. Корнева, В.А. Черных, Д.М. Эпштейн. Подготовка книги в общем совпала по времени с подготовкой «Правил издания исторических документов» 1955 г. (в составлении последних участвовали Т.В. Ивницкая и Д.М. Эпштейн). Однако структура пособия не дублировала структуру правил, будучи ориентированной на учебный процесс.

Внимание студентов предлагались следующие главы:

- I. Выбор темы публикации и предварительная работа археографа.
- II. Выявление и отбор документов для печати.
- III. Выбор текста документов (с разделами: 1. Выбор текста документов раннего периода; 2. Выбор текстов документов официального происхождения нового и новейшего времени; 3. Выбор текста документов неофициального происхождения; 4. Подведение разночтений).
- IV. Передача текста публикуемых документов (здесь рассматривались общие требования, а также специфики работы с документами до XVI в., XVI–XVII вв., XVIII в., XIX – начала XX в., советской эпохи, а также телеграфного текста, литературного текста, повествовательных текстов и сокращенной передачи текстов).
- V. Археографическое оформление документов.
- VI. Расположение документов внутри публикации.
- VII. Научно-справочный аппарата изданий документов.
- VIII. Редактирование рукописи публикации.
- IX. Техническое редактирование изданий.

Х. Корректур.

Завершала пособие библиография методической литературы.

Важно подчеркнуть, что авторами был основательно изучен опыт отечественных (особенно новейших) публикаций и по ходу изложения приводились соответствующие примеры, высказывались позитивные и критические оценки. (Данное обстоятельство было очень важным для студентов и читателей). Разумеется, принцип партийности был представлен весомо – особенно по проблемам выбора темы и отбора документов для публикации.

Предисловие к пособию содержало важное положение: «К сожалению, не все вопросы, относящиеся к теории и практике публикации документов, могут считаться достаточно освещенными. По ряду вопросов совершенно отсутствуют исследования, которые давали бы глубокую и всестороннюю разработку методологических и методических вопросов археографии. Естественно, что это не могло не сказаться и на содержании данной книги. В частности это относится, например, к вопросу методики публикаций специальных документов: технических, статистических и др. Поэтому, хотя пособие дает читателю конкретные методологические и методические указания по раскрытию основных вопросов публикации документов, оно не может исчерпать всего многообразия теории и практики издания документов и, следовательно, стеснять творческую инициативу научных кадров в разработке проблем археографии» (с. 3).

В целом данное пособие сыграло заметную роль в преподавании археографии и в разработке ее научных проблем. В рецензии на пособие⁴ рецензенты А.А. Зимин, Д.А. Коваленко и В.Е. Полетаев в целом оценили работу положительно, отметив, однако, недостаточное внимание, уделенное некоторым вопросам (классификации изданий, публикация иностранных текстов и др.).

В изданном в том же 1958 г. учебном пособии «Теория и практика архивного дела в СССР» проблемам археографии были посвящены главы 14–16, написанные начальником научно-издательского отдела ГАУ А.И. Логиновой. Здесь рассматривались (на основе правил 1955 г.) выявление и отбор документов для публикации, передача текста документов, археографическое оформление, расположение документов в сборнике, основные виды научно-справочного аппарата.

В 1959 г. под грифами ГАУ СССР и МГИАИ увидела свет небольшая (44 стр.) книга М.С. Селезнева «Предмет и вопросы методологии советской археографии» – фактически первая работа, специально посвященная указанной теме. Автор начинает с того, что «определение предмета археографии имеет весьма важное значение. В нем выражается основная цель и основное содержание этой дисциплины, общая направленность ее теории» (с. 5). Далее следует содержательный историографический обзор «Определение предмета археографии в русской дореволюционной и в советской литературе».

В разделе «Предмет и задачи советской археографии» обращает на себя внимание следующее важное положение: «В отношении истории

А.Д. Степанский

как науки археография является вспомогательной исторической дисциплиной. Цели и задачи археографии в отношении целей и задач исторической науки носят подчиненный характер. Эта подчиненность выражается в том, что археография призвана способствовать созданию полноценной в научном отношении базы печатных источников для исторической науки. Вспомогательный характер археографии не принижает, однако, ее роли и значения, а лишь указывает на место этой дисциплины в рамках исторической науки» (с. 18).

Центральное место в разделе (и во всей работе в целом) занимает определение археографии. «Археография, как вспомогательная историческая дисциплина, изучает историю организации и развития практики, теории и методики опубликования письменных исторических источников, связывает это учение с освещением вопроса об использовании публикаций в научных, политических и практических целях, а также разрабатывает, на основе обобщения прошлой и настоящей археографической практики, теорию и методику (общую и частную) публикации письменных источников применительно к их конкретным видам и времени происхождения, а также типам издания» (с. 21).

Оригинальным по теме явился раздел «Связь археографии с другими отраслями научных знаний». Прежде всего, конечно, рассматривается связь с «историческим материализмом, всеобщей историей и историей СССР». Здесь автор делает следующий вывод: «Словом, археограф должен быть историком. Конечно, из этого не следует, что археограф может с одинаковым успехом заниматься изданием документов всех исторических периодов. Специализация внутри археографии так же необходима, как и в остальных отраслях знаний. Преимущественное занятие археографа опубликованием документов определенной эпохи, а внутри эпохи – документов соответствующего периода облегчает организацию публикаторской работы, повышает ее темпы и способствует разработке частной методики публикации письменных источников» (с. 23). Далее в разделе прослеживаются связи археографии с языкознанием и вспомогательными историческими дисциплинами (источниковедением, палеографией, хронологией, метрологией, геральдикой, сфрагистикой, нумизматикой, исторической географией) и, разумеется, с историей делопроизводства, историей, теорией и практикой архивного дела. По словам автора, «без данной архивоведческой подготовки археографическая деятельность не может быть успешной» (с. 26).

Завершает работу самый обширный раздел – «О вопросах методологии советской археографии». Прежде всего здесь указывается на то, что «методология каждой науки по своей сути является диалектической, но имеет свои особенности, зависящие от предмета данной научной дисциплины» (с. 27).

Применительно к археографии диалектико-материалистический метод проявляется прежде всего в отношении ее важнейших проблем – выбора темы публикации, выявления и отбора документов для печати и передачи текста документов.

Тематика публикаций, разумеется, «должна соответствовать современным запросам марксистской исторической науки и практике коммунистического строительства» (с. 28–29). При этом, однако, «следует обратить особое внимание на то, чтобы тема публикации отличалась определенной степенью новизны, чтобы публикуемые документы способствовали разработке либо нерешенных, неподнятых еще в науке, либо недостаточно или неправильно выясненных и освещенных вопросов. Следует указать и на то, что тема публикации должна носить конкретный характер, а ее хронологические и географические рамки должны быть хорошо продуманы. Существенным является также, чтобы избранная тема была обеспечена необходимой источниковедческой базой» (с. 29).

Далее подчеркивается, что «требование полноты выявления всех документов по теме может и должно неуклонно и без всяких компромиссов проводиться в жизнь. Только в этом случае создается подлинная гарантия правильного и убедительного выяснения истины, а следовательно, осуществления целей марксистской исторической науки» (с. 30).

Однако полнота выявления отнюдь не означала полноты публикации выявленных документов. В качестве важнейшей археографической проблемы обозначен отбор документов для публикации. Автор отмечает, что «на отборе документов существенно сказывается количественная их сторона» (с. 32), но главное здесь заключалось не в этом, а в классовом подходе. При этом документ «подлежит анализу с точки зрения принципа марксистской партийности, находящегося в неразрывной связи с принципом историзма» (с. 37). Специально указывается, что «особой осторожности требуют документы, исходящие от противного нам лагеря» (с. 31).

Вместе с тем Селезнев указывает на то, что на отбор влияет и цель публикации – научно-исследовательская, учебная или агитационно-пропагандистская. Кроме того, «следует сказать о задачах небольших подборок исторических документов, а также публикаций отдельных источников. В этих случаях проблема отбора не снимается полностью, но и не встает широко, так как в задачу подобных публикаций не входит сколько-нибудь всестороннее и детальное освещение темы. Они призваны дать отдельные ценные источники к определенной теме» (с. 39).

Некоторое внимание автор уделил и вопросам передачи текста – впрочем, не сказав ничего нового.

В конце работы Селезнев возвращается к принципу марксистской партийности, без которого невозможно «решение существенных вопросов археографии». При этом подчеркивается, что «принцип партийности применительно к изданию документальных источников означает решительную борьбу за истину» (с. 41). Как мы теперь понимаем, всё было как раз наоборот.

В заключение автор заявляет: «Нам представляется, что археография, как и ряд других вспомогательных исторических дисциплин, с точки зрения разработки своих теоретических основ находится еще в

А.Д. Степанский

стадии формирования. Хотя эта дисциплина в ряде гуманитарных вузов и на специальных курсах читается уже давно, до настоящего времени не достигнуто еще необходимой, достаточно высокой теоретической разработки ее проблем, в имеющейся археографической литературе много рецептурности, описательности и мало обобщений. Уровень теоретической работы пока еще сильно отстает от требований практики. Такое отставание является следствием прежде всего явной недооценки значения научной разработки теоретических проблем в области специальных отраслей знаний» (с. 43).

В том же 1959 г. увидела свет (под грифом кафедры археологии) первая в своем роде книжка А.А. Зимина «Методика издания древнерусских актов» (64 стр.). Как и в работе М.С. Селезнева, на титульном листе отсутствовал термин «учебное пособие» – учебная функция здесь совмещалась с научно-исследовательской. Во введении автор указывал, что «актовая археология, будучи частью археологии, имеет и свои собственные задачи в силу того, что акты являются особым видом исторических источников, требующим специфических приемов изучения и издания. С другой стороны, методика актовой археологии представляет собою раздел общей методики дипломатического исследования актов. Без изучения методики актового источниковедения в целом нельзя выработать научные методы издания актовых материалов» (с. 3–4).

Далее в книжке рассматривается весь комплекс проблем, относящихся к ее теме. Читатель находит здесь обзор новейших (за послевоенные годы) публикаций древнерусских актов, очерк истории правил публикации (с начала XIX в.) и такие сюжеты, как выбор темы, вид издания, выявление и отбор источников для публикации, установление и воспроизведение текста (в том числе реставрация), составление заголовков и легенд, распределение материалов внутри сборника, составление научно-справочного аппарата. Во всех случаях автор анализирует опыт имеющихся изданий и неоднократно полемизирует с публикаторами и авторами работ по археологии. Выполненный на высоком уровне труд Зимина вполне сохраняет свое значение и в нынешнее время.

Изданная в 1960 г. (под грифом ГАУ) брошюра Т.В. Ивницкой «Публикации документов по истории рабочего класса СССР (1918–1920 гг.)» излагала основные положения диссертации автора.

В 1960 г. была напечатана первая подготовленная коллективом кафедры программа курса «Археология», содержащая разделы: введение, история археологии (дореволюционной и советской), основные принципы и методы советской археологии, литература и источники. В целом положительная рецензия В.А. Кондратьева на программу была опубликована в «Вопросах архивоведения» (1961, № 3).

Во второй половине 1960-х гг. был издан написанный преподавателями кафедры цикл учебных пособий по истории отечественной археологии. Видное место здесь занимал критический анализ многих известных публикаций (дореволюционных и советских) с точки зрения их состава и приемов подготовки. В пособиях И.И. Корневой, Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн «История археологии в дореволюционной Рос-

сии» (М., 1969) во 2-й главе («Археография в первой половине XIX в.») имелся специальный раздел «Правила и литература по методике публикации документов» (автор – И.И. Корнева) – единственный во всем цикле.

Большое место в деятельности кафедры занимала подготовка диссертаций. Свои работы защитили: Л.И. Арапова – «Трудовая деятельность ленинградцев в период блокады (1941–1943 гг.). Источники, их анализ и приемы издания»; И.Ф. Астраханцева «Трудовая деятельность шахтеров Кузбасса в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Анализ источников и методы их публикации» – в 1966 г.; Е.Л. Сонечкина – «Деятельность ВОИР по развитию массового научно-технического творчества в машиностроении (1965 г.). Источники. Методы публикации» – в 1968 г. Будущий преподаватель кафедры В.А. Кондратьев в 1959 г. защитил в Институте истории АН диссертацию на тему «Документальные источники о деятельности Советов рабочих депутатов в первой русской революции 1905–1907 гг. (состав источников и методы их публикации)».

Статьи по археографии регулярно появлялись на страницах Трудов МГИАИ. В 8-м томе (1957) опубликованы работы М.С. Селезнева, И.И. Корневой, Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн, Г.Г. Чумаловой, в 10-м томе (1957) – И.Л. Дешалыт и Л.Н. Уткиной, в 11-м томе (1958) – Т.В. Ивницкой, в 15-м томе (1962) – Т.В. Ивницкой, М.С. Селезнева, И.И. Корневой, Е.М. Тальман, в 23-м томе (1967) – Е.Л. Сонечкиной, в 25-м и 27-м томах – М.С. Селезнева. Преподаватели кафедры выступали и в других научных изданиях. Отметим также, что в Трудах МГИАИ публиковались и некоторые работы студентов.

Наиболее активно выступал в печати М.С. Селезнев. Прежде всего он рассматривал проблемы методологии (разумеется, в определенном направлении) и теории археографии. Характерно название его статьи в 8-м томе трудов – «Некоторые вопросы археографии и их отражение в трудах классиков марксизма-ленинизма». Как известно, эти классики археографией непосредственно не занимались, и речь у автора шла фактически о путях применения к своей дисциплине общих положений учения. Эта тенденция прослеживается и в ряде других работ Селезнева.

С современной точки зрения заслуживает внимания его статья «Некоторые вопросы методологии советской археографии» (в 25-м томе Трудов МГИАИ). Здесь высказан ряд существенных соображений по таким вопросам, как место археографии в исторической науке, практическое значение археографии, разработка теории археографии. Большое внимание (как и в других работах) уделено проблеме отбора документов для публикации. Наряду с неизбежным принципом партийности, автор указывает и на другие факторы. Подчеркивается связь отбора с типом публикации. Высшим типом называется «академический», куда включаются все источники. В качестве примеров названы Полное собрание сочинений В.И. Ленина, стенографические отчеты партийных съездов, полные собрания сочинений классиков литературы, а также пофондовые и повидовые публикации. Вместе с тем право

А.Д. Степанский

на существование имеет и «выборочный тип». Неожиданным выглядит следующее заявление Селезнева: «конечно, в отборе источников неизбежно сказывается субъективный момент. Он вообще не может быть устранен из науки... Любой историк и археограф, оценивая источник, тем самым выражает свое отношение к нему» (с. 84).

В 1960 г. Селезнев выступил на страницах «Вопросов архивоведения» (№ 7) с рецензией на только что вышедшие «Правила издания документов советского периода». Оценивая их в целом положительно, он высказал и ряд замечаний по отдельным пунктам. Так, он считал, что нельзя полностью согласиться с требованием «избегать тенденциозных документов, исходящих из враждебного нам лагеря». Аргументировалось это ссылками на работы В.И. Ленина, иногда публиковавшего «враждебные» материалы с целью их разоблачения. По мнению Селезнева, «документы из враждебного лагеря в ряде случаев могут быть опубликованы. Необходимо, однако, сопровождать их положительными источниками, разоблачающими их показания и восстанавливающими, следовательно, факты и события в их истинном виде» (с. 124).

Оригинальной по теме была статья Селезнева «Из истории развития археографической мысли в 1919 – 1920 гг.»⁵. Здесь рассматриваются «Правила издания документов» 1919 г. и ряд статей в периодике того времени. Наряду с положительными моментами фиксируется главный недостаток – отсутствие «партийного, классового подхода к публикации документов» (с. 149).

Неоднократно выступал Селезнев с обзорами новейших публикаций. Некоторые случаи его полемики с другими авторами будут рассмотрены ниже.

Работы других членов кафедры в основном были посвящены рассмотрению конкретного опыта археографических публикаций с точки зрения их состава и приемов публикации. Особо стоит выделить статью Л.И. Араповой с традиционным названием «В.И. Ленин о публикации документов»⁶. Дело в том, что автор здесь показывает отношение Ленина к изданию сочинений Маркса и Энгельса – единственный случай хоть какой-нибудь связи Ленина с археографией.

В обзоре «Публикации документов по истории Великой Отечественной войны»⁷ Л.И. Арапова основательно проанализировала соответствующие сборники и, наряду с положительными оценками, отметила и характерные слабые стороны: а) односторонний отбор – в основном представлены руководящие документы; б) несоблюдение необходимых требований при публикации документов в извлечениях; в) отсутствие единообразия в передаче текста; г) слабость некоторых примечаний и предисловий.

Статья Т.В. Ивницкой «К вопросам выявления и отбора документов по истории советского общества для публикации»⁸ строилась на материалах ее диссертации. Отметим здесь следующее положение: «Выявление и отбор документов для печати по истории советского общества проводится с учетом особенностей источников двух различных категорий: советских и вражеских»: первая из них «имеет самостоя-

тельное (ведущее) значение, а вторая – привлекается в случаях необходимости и имеет значение дополнительной» (с. 135).

Актуальная проблема рассматривалась в статье того же автора «О передаче в извлечениях текста документов советской эпохи»⁹. Здесь отмечалось, что «в современной практике метод издания текста документов в извлечениях применяется не как исключение, а как система» (с. 188). В связи с этим вопрос о выборе для публикации части документа тесно связан с вопросом о выборе документа в целом. Очень важное наблюдение: «как показывает сличение опубликованных текстов с оригиналами, этот метод порой применяется для исключения из документа неудобных издателю частей текста» (с. 201). Статья содержит и необходимые рекомендации.

Конкретные проблемы отбора и воспроизведения документов рассмотрены в статье Ивницкой «Об использовании материалов советской прессы в документальных публикациях»¹⁰.

Некоторые критические замечания (наряду с общей высокой оценкой) были высказаны И.И. Корневой в статье «О методике публикации документов в новом Ленинском сборнике»¹¹.

В статье Е.М. Тальман «К вопросу о передаче содержания документов в форме регест и таблиц»¹² анализируется имеющийся конкретный опыт. Любопытно, что здесь имеются ссылки на дипломные работы студентов МГИАИ.

К проблематике истории археографической мысли (в сочетании с практикой) относится содержательная статья Д.М. Эпштейн «О видах публикации исторических источников»¹³.

Статья Г.И. Королева «Издание исторических источников во Франции в первой трети XIX столетия»¹⁴ положила начало изучению в МГИАИ истории зарубежной археографии.

Следует отметить, что кафедра неоднократно организовывала дискуссии по проблемам археографии. Так, 7 октября 1958 г. состоялось расширенное заседание кафедры с участием сотрудников Института марксизма-ленинизма, Института истории АН СССР, ГАУ МВД СССР, АУ МВД РСФСР, государственных архивов Москвы¹⁵. На заседании обсуждались новейшие статьи по археографии, появившиеся в научно-исторических журналах. Выступали М.С. Селезнев, М.Н. Черноморский, Н.А. Ивницкий, В.М. Хевролина, Б.Г. Литвак, Т.В. Ивницкая, К.Г. Митяев, А.Е. Шнейдер, Е.М. Тальман, С.О. Шмидт, И.И. Корнева, В.А. Кондратьев, В.В. Максаков, И.А. Кудрявцев. Обсуждались (весьма содержательно) такие отдельные проблемы, как периодизация истории советской археографии, типы, виды и формы публикации, отбор документов для публикации, воспроизведение документов, научно-справочный аппарат, археография фотодокументов, микрофильмирование.

На «Совещании археографов в МГИАИ»¹⁶ М.С. Селезнев сделал доклад «О задачах и перспективах советской археографии в свете решений XXII съезда КПСС». Докладчик говорил о тематике публикаций, необходимости развивать изучение истории археографии и зарубежной археографии, проблемах подготовки кадров археографов. В прениях

А.Д. Степанский

выступали В.А. Кондратьев, И.Н. Фирсов, К.И. Рудельсон, Г.Е. Рейхберг, Д.М. Эпштейн, Ю.У. Томашевич, И.А. Ивницкий, Е.А. Луцкий.

В пятом номере «Советских архивов» за 1967 г. (посвященном 50-летию Октябрьской революции) была опубликована статья Т.В. Батаевой, И.И. Корневой, М.С. Селезнева, Е.М. Тальман и Д.М. Эпштейн «К 50-летию советской археографии» (с. 122 – 129). Наряду с характеристикой основных этапов истории советской археографии здесь были обозначены основные проблемы, требовавшие научной и организационно-методической разработки. К ним относились: создание единого плана публикаторской работы, вопросы совместной публикации с социалистическими странами, а также типы изданий, выявление и отбор документов для публикации, применение таблиц, повторная публикация, информация о документах, не включенных в публикацию, регесты, научное воспроизведение текста источников, научно-справочный аппарат публикаций, вопросы унификации терминологии, полиграфическое оформление. Авторы поддержали предложение В.И. Шункова¹⁷ о создании специализированного археографического издательства.

Разработка и обсуждение на кафедре актуальных вопросов археографии в значительной степени способствовали учебному процессу.

* * *

Постановлением Президиума Академии наук СССР от 13 апреля 1956 г. (по инициативе академика М.Н. Тихомирова) была создана Археографическая комиссия. Понятие «археография» в данном случае употреблялось в его прежнем значении, включавшем наряду с эдиционной археографией источниковедение, архивоведение и др. Основным «печатным продуктом» комиссии стали «Археографические ежегодники», на страницах которых проблемам публикации источников неизменно отводилось видное место.

В статье «Вопросы публикации источников на страницах “Археографического ежегодника”»¹⁸ Б.Г. Литвак выделил следующие тематические рубрики: 1) теоретические проблемы археографии и ее эдиционного раздела; 2) история издания источников в советское время (по археографическим центрам и по темам); 3) опыт издания различных видов источников, формы издания; 4) выдающиеся отечественные археографы (с. 255).

Важным событием стало появление в ежегоднике за 1961 г. знаменитой статьи С.Н. Валка «Судьбы “археографии”»¹⁹. Тщательно проследив историю термина, автор «Советской археографии» предложил (явно с учетом новой обстановки) отказаться от этого термина в ставшем уже общепринятым эдиционном значении, заменив его на «методологию, методику, технику или даже практику издания документов» (с. 464).

Статья содержала и высказывания, явно направленные против кафедры археографии МГИАИ. По словам Валка, «еще в недавние годы почти все “археографы” были и практиками, и теоретиками. Созданные теперь условия развития археографии привели постепенно к тому,

что в течение последних лет произошло некоторое новое разделение труда. Одни лица, преподающие “археологию”, занимаются теоретизированием в вопросах издания документов, но сами издания не ведут, а иногда даже никогда и не вели; материалом для их суждений служат по преимуществу не сами подлежащие изучению документы, а уже продланная другими над этими документами работа по их изданию. Другие же заняты именно работой по изданию документов; в этой живой работе они наталкиваются на всё новые вопросы и впервые сами их разрешают, излагая всё это главным образом в предисловиях к своим изданиям. Этому останавливающемуся разделению труда мы обязаны попыткой еще одного нового определения, к чему же именно надлежит применять тот же термин “археология”» (с. 463). В этой связи Валк критикует Селезнева, который в своем учебном пособии разделил «археологию» и «археологическую практику».

Селезнев не замедлил выступить с ответом (в ежегоднике за 1983 г.) – «По поводу термина “археология”». Он высказался за сохранение термина именно в эдиционном значении. По вопросу об «археологии» и «археологической практике» Валк, оказывается, неправильно его понял. И далее: «преподавателей археологии нужно критиковать, однако не за теорию, а скорее за недостаточное занятие ею, за описательный характер части их работ. Необходимо расширить и привлечение преподавателей к публикации архивных источников» (с. 217).

По свидетельству С.О. Шмидта²⁰, публиковавшиеся в ежегодниках статьи Валка фактически являлись главами из готовившегося им нового издания своей книги. В рассматриваемый период, помимо указанной выше, были опубликованы его работы «Б.Д. Греков как деятель археологии» (1958), «Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х годов XIX в.» (1959), «Археологическая деятельность академика М.Н. Тихомирова» (1962), «Регесты в их прошлом и настоящем» (1968), «Археологическая “легенда”» (1971).

Широкий круг проблем был рассмотрен в статье Д.А. Чугаева «О методике археологии советской эпохи» (1962). Автору «хотелось бы высказать некоторые предложения по вопросам методики, возникшие в процессе обобщения опыта археологической практики и в связи с задачами по ликвидации последствий культа личности Сталина в области истории советского общества» (с. 359). В этой связи отмечалось, что появившиеся в 1960 г. «Правила издания документов советского периода» «далеко не совершенны» (с. 360).

Первая проблема, рассмотренная Чугаевым, – классификация публикаций по типам, видам и формам издания. Здесь он в основном опирается на материалы дискуссии, прошедшей в 1960–1961 гг. на страницах журнала «Исторический архив».

Говоря о проблемах выявления и отбора документов для публикации, Чугаев критикует тех историков, которые «не учитывают специфических условий археологии советского периода истории. Теорию и методику публикации документов предшествующих эпох, в частности феодального общества, они пытаются механически перенести на публи-

А.Д. Степанский

кацию источников советского общества» (с. 362). Главное различие заключается в том, что «письменных источников эпохи социализма – миллионы, тогда как по истории феодализма они исчисляются тысячами» (там же). Отсюда вытекает важнейшее обстоятельство: «Все документы нельзя опубликовать хотя бы потому, что их миллионы; поэтому обязательно нужен научный отбор. Следовательно, археография советского общества требует сплошного выявления и необходимого отбора источников для публикации» (с. 363).

Практика отбора документов для тематических публикаций исходит из двух принципов: 1) опора на марксистско-ленинскую методологию и методику; 2) соответствие отбора целям и задачам публикации. Говоря об острой проблеме публикации «вражеских документов», автор отвергает публикацию «лживых» сведений, но «данные, отражающие политику классовых врагов, разоблачающие их враждебную народу деятельность... необходимо публиковать» (с. 363).

Рассматривает Чугаев и такие практические вопросы, как переиздание ранее опубликованных документов, применение регестов, дифференциация научно-справочного аппарата в соответствии с типом публикации.

Ряд статей в ежегодниках был посвящен анализу опыта осуществлявшихся в то время крупных серийных публикаторских проектов: «Великая Октябрьская социалистическая революция»²¹, история коллективизации сельского хозяйства²², история индустриализации СССР²³.

Комплексное рассмотрение вопросов источниковедения и археографии было осуществлено в работах В.К. Яцунского «О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII–XIX веков» (1957) и А.Т. Николаевой «Вопросы источниковедения и археографии в трудах И.Н. Болтина» (1958).

История отечественной археографии была представлена циклами работ преподавателей кафедры археографии МГИАИ, легших затем в основу соответствующих учебных пособий. Археографической деятельности выдающихся ученых посвящены статьи С.Н. Валка (1958) и Н.В. Устюгова (1959) о Б.Д. Грекове, С.Н. Валка о М.Н. Тихомирове (1962), В.Д. Кузьминой о В.П. Андриановой-Перетц (1968), В.Т. Пашуто о С.А. Аннинском (1969), В.И. Мендельсона об А.Л. Попове (1970).

Новой в сущности проблеме была посвящена статья А.Д. Вартаньян и В.М. Хевролиной «К вопросу о публикации документов на иностранных языках в переводах» (1966). Здесь подчеркивалось, что «в последнее десятилетие публикация документов на иностранных языках не только вновь приобрела права гражданства, но и достигла значительного размаха в связи с введением в постоянный научный оборот такой формы документального издания, как публикация, подготовленная силами архивистов двух и более стран» (с. 189). В этой связи авторами высказан ряд конкретных соображений по всем основным вопросам археографической методики.

В декабре 1958 г. состоялось общее собрание Археографической комиссии, специально посвященное вопросам археографии истории со-

ветского периода. Основной доклад – «О правилах публикации источников по истории советского общества» – сделали И.А. Булыгин и Г.Е. Рейхберг. С докладами по другим темам выступили также Т.В. Ивницкая (по теме своей диссертации), В.А. Кондратьев (о научно-справочном аппарате документальных изданий), Б.И. Мусатов (зам. начальника АУ МВД РСФСР) – о местных изданиях, В.В. Кузин (МГУ) – о значении археографии в преподавании истории в высшей школе. В прениях выступили академик М.Н. Тихомиров, историки Э.Б. Генкина, Ю.С. Токарев, преподаватели МГИАИ В.В. Максаков, М.С. Селезнев, М.Н. Черноморский, И.И. Корнева, сотрудница ГАУ МВД СССР Н.В. Михайлова; отчет о заседании опубликован в журнале «История СССР» (1959, № 3).

* * *

15 мая 1954 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление об издании журнала «Исторический архив» периодичностью 6 номеров в год, объемом 15 печатных листов, тиражом 10 тыс. экземпляров. Как известно, журнал просуществовал всего 8 лет (1955–1962) и был закрыт по идеологическим мотивам, но за время своего существования успел напечатать немало ценного. Основное место здесь занимали публикации исторических источников, но публиковались и статьи по проблемам архивоведения и археографии, а также критико-библиографические обзоры и рецензии.

Дебютной в сфере археографической мысли стала статья В.А. Черных «Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии»²⁴, написанная на основе кандидатской диссертации. Автор указывал, что «задачи дальнейшего расширения публикаторской деятельности наших архивов и других научных учреждений настоятельно требуют теоретически сообщить опыт издания документов в нашей стране и всемерно использовать его в археографической практике. В плане важное значение имеет также критическое использование опыта русской дореволюционной археографии» (с. 201). Далее в статье содержался очень интересный (сохраняющий значение и поныне) очерк истории археографической методики XVIII – начала XX в. Но в условиях своего времени автор не мог не соблюдать известных идеологических требований. Статья завершалась характерной фразой: «Приведенный краткий очерк развития методов передачи текста документов в русской дореволюционной археографии позволяет сделать вывод, что разработка этих методов велась в обстановке борьбы между критическим и формалистическим направлениями в археографии. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции эта борьба не прекратилась, но, наоборот, разгорелась с новой силой» (с. 211).

Указанный вывод вызвал резкие возражения в статье Д.С. Лихачева «По поводу статьи В.А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников»²⁵. В примечании редакция призвала читателей к обсуждению затронутых вопросов, но таковое не состоялось.

А.Д. Степанский

Программный характер носила передовая статья первого номера за 1956 г. – «Шире развернуть публикацию документов по истории советского общества». Здесь давался обзор новейших публикаций, причем делался такой вывод: «Однако при всей важности работы, проделанной научными учреждениями по изданию и подготовке сборников, следует признать, что публикация источников по истории советского общества всё еще отстает от требований, предъявляемых Коммунистической партией и советским народом к исторической науке и всем работникам идеологического фронта» (с. 5). Конкретно указывалось на почти полное отсутствие публикаций по истории социалистического строительства 1921–1941 гг., Великой Отечественной войны, освоения целинных и залежных земель, а также на слабую разработку вопросов источниковедения и археографии истории советского периода.

В дальнейшем журнал неоднократно публиковал обзоры выходящих публикаций. Итоговый характер приобрела статья Н.А. Ивницкого и Д.А. Чугаева «К итогам развития советской археографии от XX к XXII съезду КПСС»²⁶, где анализировались не только сборники документов, но и правила и литература по археографии.

Отметим и некоторые статьи по конкретным вопросам: «Из опыта научно-публикаторской работы ЦГВИА»²⁷, «О методике издания картографических источников»²⁸.

Наконец, необходимо подчеркнуть совершенно исключительную (и поныне уникальную) роль журнала в рецензировании выходящих сборников документов. Всего за 8 лет были опубликованы 74 рецензии, выполненные, как правило, на профессиональном уровне.

В плане развития археографической мысли центральное место на страницах журнала заняла дискуссия, прошедшая в 1960–1961 гг. Начало ей шла напечатанная «в порядке обсуждения» статья Б.Г. Литвака «Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи»²⁹. Автор указывал, что «период после XX съезда нашей партии знаменуется небывалым расцветом публикаторской деятельности в стране, внешним явлением которого является тот факт, что публикация документов стала делом десятков научных учреждений, сотен археографов во всех уголках нашей страны. Подняты глубинные пласты документальных материалов сотен центральных и местных архивов, выявлены десятки тысяч документов по истории советского общества. Естественно, что обилие документов заставляет археографа в первую очередь решать вопрос об отборе их для публикации. Опыт дореволюционной археографии, выработавшей классические приемы публикации уникальных или сравнительно редких, немногочисленных документов, вряд ли применим в новых условиях, не говоря уже о том, что отбор документов – это вопрос методологический. Вот почему советская археографическая мысль, вооруженная марксистско-ленинской методологией, ищет решения этого вопроса (с. 186).

Далее Литвак пишет: «когда мы говорим о научном отборе документов печати, мы подразумеваем отбор фактов, в этих документах содержащихся. Отсюда следует, что сумму выводов анализа приемов

отбора документов по одной определенной теме нельзя применить при работе над другой темой. Из выводов пригодны для применения только внешние стороны приемов отбора. Как же выйти из этого замкнутого круга?» (с. 187). Ответы на эти вопросы автор нашел в работах В.И. Ленина (причем полемизирует с М.С. Селезневым по поводу его трактовки некоторых ленинских положений).

Затем Литвак обращает внимание на то, что, говоря об отборе документов (и фактов), «необходимо прежде всего внести ясность в вопрос о назначении публикации... В практике публикации текстов (литературных и научных) существуют академические и массовые издания, каждое издание имеет свое назначение и соответствующие особенности, присущие каждому из них. Однако при публикации документов советского периода такой подход не получает еще одобрения, так как широко распространено мнение, что эти публикации должны быть рассчитаны “на научных работников и широкие круги общественности”. В результате они не удовлетворяют ни тех, ни других: для одних они недостаточны как исторический источник, для вторых они излишне перегружены документами, не представляющими для них интереса» (с. 188). Автору представляется, что для массового читателя надо печатать самое яркое», «академическое же издание должно документально отразить всю совокупность фактов без единого исключения, так как речь идет об источнике научного исследования» (с. 189).

Далее речь идет об учете при отборе для публикации специфики разновидностей документов, одни из которых отражают «коренное и существенное», а другие – «частности общей картины». В этой связи указывается на то, что “видовые” публикации долговечнее тематических сборников; они будут служить различным научным интересам исследователей, возможности их научного использования практически безграничны. Археографическая практика публикации источников такого характера по истории дореволюционной России накопила ценнейший материал. Очень многое из этого опыта может быть применено и для публикации документов советской эпохи. Здесь трудностей археографического порядка не предвидится» (с. 190).

Говоря о тематических сборниках академического характера, Литвак высказал спорное мнение о том, что подобное издание должно, как правило, содержать только неопубликованные документы (с. 190).

Особое место в статье уделено тому обстоятельству, что «методика публикации массовых документов находится в зародышевом состоянии» (с. 191). В данной связи рассматриваются такие вопросы, как сокращенная передача текста документов с разработанным формуляром, «табличный» прием передачи содержания массовых источников, публикация документов в извлечениях, регесты.

Первым ответом Литваку стала статья М.С. Селезнева «О некоторых вопросах советской археографии»³⁰, содержащая полемику по ряду вопросов. Прежде всего автор возразил против того, что академические издания должны содержать только неопубликованные документы – ведь в таких случаях нельзя отразить всю совокупность фактов.

А.Д. Степанский

Далее речь пошла о типах публикаций. Селезнев отметил, что «нельзя требовать от любого издания, чтобы в нем были отражены все факты и события, относящиеся к данной проблеме, всех их стороны и качества и т. д. В различных изданиях степень полноты освещения проблемы может быть и бывает неодинаковой» (с. 189).

В данной связи предлагались такие типы публикаций: «а) академический (претендующий на возможно большую полноту документов); б) выборочный для научно-исследовательских целей; в) научно-популярный; г) учебный; д) публикация, дающая отдельные факты и материалы к теме (в газетах, журналах и др.)» (с. 190). Указывалось и на необходимость различать тип и форму публикации.

«В зависимости от типа и назначения издания решается вопрос об отборе документов для печати. И хотя археограф должен располагать всеми необходимыми источниками по теме, однако это обстоятельство не означает, что всё, чем располагает публикатор, обязательно подлежит изданию. Учитывая тип и цель публикации, археограф обязан либо поместить весь материал, либо собрать определенную часть его» (с. 181).

Указывает Селезнев и на то, что «заслуживает широкого обсуждения вопрос о соотношении факта и документа, с чем постоянно практически приходится иметь дело археографу» (с. 181). В данной связи отмечается большое значение, которое имеет деление документов на первоначальные (или первичные) и производные (или вторичные). Не мог Михаил Степанович не указать и на то, что «решающей гарантией объективности в области археографии, как и в других областях науки, является безраздельное господство марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической партийности» (с. 183).

Значительное внимание уделил автор регестам. «Для того, чтобы применение регест было правильным, необходимо:

1) обобщить опыт применения регест в дореволюционное время в России и особенно в период после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Наш отечественный опыт в этом отношении незаслуженно недооценивается. Некоторые авторы ориентируют внимание лишь на изучение иностранного опыта, игнорируя свой собственный. Нужно сочетать отечественный опыт с зарубежным;

2) подвергнуть специальному обсуждению вопрос о категориях документов, в отношении которых целесообразно применение метода регест. В первую очередь здесь необходимо иметь в виду документы, отражающие данные учета, который систематически ведется на всех предприятиях, в организациях и учреждениях, данные специальных переписей, по предприятию, министерству, отрасли народного хозяйства или по району, области и т. д., учитывая, что такого рода источники имеют, с одной стороны, очень важное значение для изучения истории советского общества, а с другой – трудность их опубликования целиком;

3) разработать методику применения регест, принимая во внимание, что формы регест могут быть различны (составление таблиц, вос-

произведение содержания документов с помощью переложения их данных, приведение дословных выдержек и др.)» (с. 184–185).

Затрагиваются в статье и вопросы планирования археографической работы, создания «археографического центра для согласования и направления научно-публикаторской работы в СССР» (с. 153), подготовки правил публикации специальных видов документов, а также изучения истории археографии.

В 5-м номере «Исторического архива» со статьей «О типах, видах и формах публикации документов» выступили И.А. Булыгин и Г.Е. Рейхберг. По словам авторов, «одним из основных недостатков многих публикаций, вышедших за последние годы, является неопределенность их целевого назначения, а отсюда неправильный отбор документов» (с. 149). Отмечается существующий в литературе разнобой в толковании терминов «тип», «вид» и «форма» публикации.

Авторам «представляется, что основой понятия “тип” является целевое назначение издания, и поэтому, говоря о типе издания, мы должны исходить прежде всего из тех задач, которые ставились перед ним, из того круга читателей, на который издание было рассчитано. Для разделения же публикаций по их объему (серия, отдельный сборник, журнальная или газетная подборка, отдельный документ) можно использовать понятие и термин “форма”. Однако публикации различаются не только целями и объемами, но и формой документов, их происхождением, местом хранения и т. п. или, как говорится в “Методическом пособии по археографии” и в программе курса “Археография”, составом своих документов. Думается, что такое определение для выражения указанных различий можно положить в основу деления изданий по “видам”, различая следующие основные виды издания: 1) тематические, 2) по разновидностям документов, 3) пофондовые» (с. 149–150).

Для типов издания предлагаются термины «академические», «агитационно-пропагандистские или научно-популярные», учебные. При этом авторы настаивают на том, что «одним из главных требований, которое должно предъявляться к академическим изданиями, является, на наш взгляд, их полнота, причем это должно соблюдаться независимо от вида и формы публикаций» (с. 151). В этой связи «наиболее приемлемым и легко осуществимым видам академического издания являются так называемые “видовые издания”, т. е. издания определенной разновидности документов. Однако это не значит, что академическое издание не может быть осуществлено и в виде тематического сборника или серии. Хотя тематическое издание и труднее, но оно вполне осуществимо» (с. 153).

Главной трудностью полных публикаций авторы считают вопрос о том, «как публиковать так называемые “массовые” документы, сохранившиеся в огромных количествах» (с. 154). Здесь авторы поддерживают «табличный» метод и публикации документов в извлечениях.

«Некоторые вопросы передачи текста массовых источников» рассматриваются в статье В.З. Дробижева (№ 6). Приведем из нее одно важное соображение: «Археографу нужно обработать сотни, а иногда и

А.Д. Степанский

тысячи однородных документов таким образом, чтобы в экономной форме дать в руки исследователей материал, в котором бы нашли отражение все основные данные массового источника. Задача эта чрезвычайно трудная. Успешное решение ее возможно лишь в том случае, если публикатор в полной мере владеет методикой источниковедческого анализа. Не случайно наиболее квалифицированные публикации, как правило, готовятся специалистами того или иного вопроса. Археография, таким образом, непосредственно смыкается с чисто исследовательской работой» (с. 143).

Фактическим завершением дискуссии стала статья Н.А. Ивницкого «О некоторых вопросах публикации документов по истории советского общества». Здесь имеются отклики (положительные и дискуссионные) на ряд положений, содержащихся в предыдущих статьях и вместе с тем высказаны и оригинальные соображения.

«Вполне понятно, что практически невозможно опубликовать все документы по данной теме (речь идет о тематических публикациях), так как по истории советского общества отложился и продолжает откладываться в еще больших масштабах безбрежный океан документальных материалов... Но, с другой стороны, исследователь, для которого предназначено академическое изучение, заинтересован в исчерпывающей публикации документов по тому или иному вопросу. Вывод может быть один – найти такие формы публикации источников, которые бы позволили при минимальном объеме дать максимальное количество документов» (с. 115).

Далее указывается: «...решающее значение для исследователя при изучении исторических процессов имеют обобщенные, сводные документы (отчеты, обзоры, доклады и т. д.), а не частные, иллюстративные. В академических изданиях документы первого рода следует публиковать все без единого исключения, а документы второго рода – выборочно с приложением перечня всех выявленных по данной теме документов» (с. 115–116).

По мнению автора, публиковать все документы без исключения следует в видовых изданиях (например, при подготовке протоколов Совнаркома, СТО, ВСНХ и др.). «Что касается пофондовых изданий, то теоретически они возможны, но практически вряд ли можно найти такой фонд, который возможно было бы издать полностью. Зато вполне осуществимо издание описей архивных фондов, наиболее важных по своему содержанию» (с. 116).

Остановился Ивницкий и «на одном частном, но имеющем большое значение для публикаторской деятельности вопросе... о возможности использования документов вражеского лагеря» (с. 116–117). Здесь высказаны конкретные соображения.

«Документы, исходящие из вражеского лагеря, нередко помогают разоблачить контрреволюционную сущность врагов советской власти, агрессивные происки империалистических держав против СССР и т. п. Вместе с тем эти документы нужны для освещения некоторых фактов, а иногда и всей истории подпольного революционного и освободитель-

ных движений на бывших оккупированных врагом территориях (в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, Великой Отечественной войны)» (с. 117). Ивницкий имеет в виду известное обстоятельство, когда архивы подпольных организаций отсутствуют, а единственным источником остаются документы вражеских органов. В данной связи возможны два рода публикаций: целиком состоящие из вражеских документов и частично включающие их.

В статье такие рассматриваются вопросы о создании единого археографического центра, о подготовке кадров археографов, об издательской базе и о популяризации археографических изданий в средствах массовой информации.

Автор отмечает, что преподавание археологии ведется только в МГИАИ и Киевском государственном университете. По его мнению, «учебные программы исторических факультетов университетов должны предусматривать, чтобы студенты получали необходимый минимум знаний не только по источниковедению, но и по археологии» (с. 119).

Высказано и еще одно интересное предположение: «Возможно, что назрела необходимость в создании при Главном архивном управлении при Совете Министров СССР специального издательства для выпуска литературы по архивоведению и археологии и публикации документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР» (с. 119).

* * *

Довольно заметное место занимали вопросы эдиционной археологии на страницах академических журналов «Вопросы истории» и «История СССР». Прежде всего это проявлялось в рецензировании и обзорах публикаций. При этом в некоторых работах наряду с конкретными замечаниями поднимались и общие вопросы. Так, обзор «Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах»³¹ завершался такими соображениями:

«Давно назрел вопрос о создании общесоюзного археографического центра, что способствовало бы внедрению единых и подлинно научных приемов издания исторических источников. Нам представляется необходимым создать специальный межведомственный орган по руководству публикаторской деятельностью всех научных учреждений страны. В функции этого органа должны входить не только выработка единых правил и методическое руководство публикацией документальных материалов ГАФ СССР, но и разработка единого перспективного плана выпуска документальных сборников как в центре, так и на местах. Положительный опыт издания юбилейных сборников в связи с 40-летием Октябрьской революции позволяет поставить вопрос о необходимости широкого развертывания научной работы в области публикации документальных материалов по истории социалистического строительства в нашей стране» (с. 137).

Л.И. Арапова в обзоре «Публикации документов по истории Великой Отечественной войны»³² указала на общие слабые стороны изда-

А.Д. Степанский

ний: а) односторонний отбор (в основном документов руководящих органов); б) несоблюдение основных требований публикации; в) отсутствие единообразия в воспроизведении и археографическом оформлении документов; г) отсутствие анализа публикуемых документов в предисловиях.

Отметим также, что в «Вопросах истории» неоднократно печатался начальник ГАУ СССР Г.А. Белов.

Большой интерес вызвала дискуссия на страницах «Вопросов истории», начатая статьей А.И. Гуковского «Вспомогательные исторические дисциплины и история советского общества»³³. Рассматривая вопросы археографии, автор обрушился на «капитальные по объему тематические публикации». По его словам, «такие публикации, даже если они весьма обширны, изобилуют ярким материалом, снабжены добротным справочным аппаратом и со всею тщательностью соблюдают формальные археографические требования, всё же не могут удовлетворить исследователя. Они связывают его, лишают возможности самостоятельно определить, какие документы наиболее существенны, типичны. К тому же практически между исследователем и архивными источниками стоит не публикатор (редактор издания), а выявитель документов, который при всей тщательности контроля со стороны последнего неизбежно вносит свои, субъективные представления в отбор документов, включенных в тематическое издание. Вследствие этого остаются вне публикации материалы, на первый взгляд неяркие, второстепенные, но при тщательном изучении в совокупности с другими документами дающие исследователю важнейшие сведения по тому или иному вопросу. Тематическая публикация нарушает целостность комплекса документов и тем самым лишает историка (в случае, если он будет пользоваться только ей) всесторонности исследования проблемы» (с. 61).

Автор подчеркивает, что тематические публикации получили особенно широкое распространение в период культа личности. Далее он оговаривает, что тематические публикации в принципе годятся для массовых и учебных изданий, но «только незачем превращать их в многотомные, дорогостоящие и во всех отношениях малодоступные широкому кругу читателей фолианты» (с. 62).

Гуковскому возразили М.П. Губенко и Б.Г. Литвак в статье «Конкретное источниковедение истории советского общества»³⁴. Они полагают, что «тематическая публикация наряду с видовыми и фондовыми публикациями должна быть сохранена в арсенале научной публикации. Она должна выполнять функции разведчика в овладении новой тематикой или новом решением вопроса. Обязательным условием при этом должно быть помещение в виде приложений к опубликованному документу регистр всех выявленных документов, не вошедших в сборник» (с. 13). Вместе с тем отмечалось, что «в настоящее время... интересы исторической науки требуют расширения пофондовых и особенно видовых публикаций» (там же).

Гуковский ответил оппонентам в статье «Спорные вопросы советской археографии»³⁵. Здесь он прежде всего предложил разделить архе-

ографические публикации на 6 «типов» (возразив против термина «вид»): 1. Целый фонд или определенная его часть. 2. Все выявленные документы одного вида. 3. То же, но с тематическим отбором. 4. «Все выявленные документы по конкретно очерченной теме, характер которой допускает полный отбор». 5. Тематические издания. 6. Отдельные документы.

Далее в статье дан критический обзор имеющихся советских публикаций по всем типам, причем, разумеется, подчеркивается преобладание 5-го типа. Рассматривает автор и соответствующую археографическую литературу, и правила 1945, 1955 и 1960 гг. (причем подчеркивается, что в последних по существу фигурируют лишь тематические издания). О книге А.А. Шилова сказано: «Автор пишет так, словно не бывает других изданий, кроме тематических» (с. 72).

Критическое замечание высказано было и в адрес М.С. Селезнева за то что тот предлагал в случае наличия противоречивых документов публиковать «правильный» (а не оба).

Отдельные работы по эдиционной археографии появлялись и в продолжающихся научных изданиях («Вспомогательные исторические дисциплины», «Проблемы источниковедения», «Средние века»), тематических сборниках статей, трудах научных конференций.

* * *

Некоторый интерес к археографии проявил «теоретический и политический журнал» ЦК КПСС «Коммунист». В № 9 за 1956 г. была напечатана рецензия Е.С. Лихтенштейна на Справочный том к 4-му изданию сочинений В.И. Ленина. Высоко оценивая научно-справочный аппарат издания, рецензент в то же время высказал и некоторые критические замечания (что было новшеством).

Своего рода сенсацией для своего времени стало появление в № 5 за 1958 г. в разделе «Критика и библиография» обзора, написанного сотрудниками публикаторского отдела АУ МВД РСФСР И.Д. Анашкиным и И.И. Варжо – «Живое дыхание Великого Октября (О сборниках документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции на местах)». Авторы рассказали читателям «Коммуниста» о том, как много нового внесли в историю Октябрьской революции на местах свыше 90 сборников, выпущенных к ее 40-летию.

Итоговый вывод был такой: «Публикация громадного числа документов, освещающих революционную борьбу народов России, поможет нашим рабочим, колхозникам, интеллигенции, нашим друзьям за рубежом глубже изучить и понять историю возникновения первого в мире социалистического государства» (с. 110).

Вместе с тем в обзоре были высказаны и критические замечания, которые мы воспроизводим полностью, учитывая статус журнала.

«Существенным упущением многих рассматриваемых изданий является недостаток документальных данных о трудностях роста нового общества. Читатель найдет здесь материалы о борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, соглашательскими партиями, саботажем

А.Д. Степанский

буржуазии, о классовой борьбе с купечеством. Но следовало привлечь и документы, рассказывающие о трудностях в преодолении хозяйственной разрухи и безработицы, технико-экономической и культурной отсталости и т. д.

Пробелы в содержании отдельных сборников в значительной степени объясняются неполным использованием документов местных и центральных архивов, в особенности Центрального партийного архива и Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Это особенно сказалось в сборниках по Владимирской, Новгородской, Иркутской губерниям и по Забайкалью.

Есть и другие изъяны. Составители некоторых сборников мало внимания обратили на проверку достоверности публикуемых документов. Это привело не только к разночтениям в текстах одних и тех же документов, помещенных в разных сборниках, но и к грубым искажениям содержания документов. Так, резолюции I съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Средней Сибири, состоявшегося в сентябре 1917 г., в сборниках по Алтайскому и Красноярскому краям не только даны с разночтениями, но в первом сборнике с явным искажением. Текст листовки Московского комитета, Московского областного бюро и Московского окружного комитета РСДРП (б), относящейся к августу 1917 г., в сборниках передается не идентично: в сборнике “Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве” начальная фраза листовки опущена, и потому смысл всего первого абзаца стал неверным.

В предисловиях ко многим сборникам отсутствует анализ использованных архивных фондов, отдельных документов, периодической печати, ранее изданных сборников и других источников. Слабо раскрываются, а зачастую и вовсе остаются нераскрытыми особенности документов, исходящих из враждебного лагеря, в то время как публикация их имеет различное назначение и требует особого подхода и должной оценки.

В ряде сборников допущены ошибки в систематизации документов. Часто документы располагаются применительно к общероссийской схеме революционных событий 1917 – 1918 годов, без учета местных особенностей революционного движения. Иногда документы механически делятся по мелким тематическим разделам. В некоторых сборниках вообще не чувствуется систематизации, если не считать общей хронологической последовательности в расположении материалов.

К недостаткам следует отнести и разноречивые редакционные заголовки. Встречаются также аполитичные заголовки. Так, составители сборника “Борьба за власть Советов в Молдавии” непродуманно составили редакционный заголовок к документу № 367. В сборнике документ озаглавлен так: “Отношение Французского посольства в Румынии Французскому консулу в Кишиневе о том, что по решению государств Антанты ввод в Бессарабию румынских войск не повлияет на ее будущую судьбу”. В действительности страны Антанты способствовали захвату Бессарабии боярской Румынией и заявлению французского по-

сла было маневром, чтобы отвлечь внимание трудящихся Бессарабии от борьбы с оккупантами. Подобные заголовки, не вскрывающие, а затемняющие истинное содержание документов, встречаются и в некоторых других рассматриваемых изданиях.

Научная ценность многих сборников снижается и в силу того, что их составители попытались осветить революционные события 1917–1918 гг. не в тех масштабах, в каких они действительно происходили, а в рамках современного административно-территориального деления. В результате оказалась нарушенной историческая связь событий. Например, составителям сборников по истории установления Советской власти на территории Брянской, Великолукской и Курганской областей не удалось уложить в современные рамки действительный ход исторических событий прежде всего потому, что в 1917–1918 гг. не существовало подобных территориальных образований.

Кроме того, попытки подогнать освещение истории к современному административно-территориальному делению приводят к повторению документов в сборниках соседних республик, краев и областей. Иногда это даже вводит читателя в заблуждение: например, исследователь, интересующийся деятельностью А.А. Жданова в 1918 г. в Шадринском уезде, казалось бы, должен иметь эти материалы в сборнике «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии», но они помещены в сборнике «Установление Советской власти на территории Курганской области», так как в настоящее время территория бывшего Шадринского уезда входит в Курганскую область.

Несомненно, качество публикаций значительно повысилось бы, если бы архивы и научно-исследовательские учреждения союзных и автономных республик, краев и областей теснее кооперировались в изучении исторических источников. На наш взгляд, было бы целесообразно также подготовить сборники не только по отдельным губерниям Сибири, но и по Сибири в целом, по всему Дальнему Востоку, Северному Кавказу и т. д.

В нашем кратком обзоре трудно дать подробный анализ такого большого числа документальных сборников. Многие из них заслуживают специальных рецензий с глубоким разбором содержания и археографической обработки. К сожалению, приходится констатировать, что редакции научных журналов и периодическая печать невнимательно отнеслись к этим изданиям. Упрек этот особенно следует отнести в адрес журнала «Исторический архив», который до сих пор не выступал с разбором юбилейных изданий.

Отмеченные недостатки в подготовке сборников не лишают их научной ценности и актуальности» (с. 109–110).

Здесь следует сказать, что круг отмеченных авторами недостатков в общем совпадает с тем, что высказывались и в других обзорах и рецензиях, публиковавшихся в различных изданиях.

Специализированный партийный журнал «Вопросы истории КПСС» лишь изредка публиковал отзывы на археографические издания. Приведем лишь одно высказывание из статьи С.М. Петрова и

А.Д. Степанский

Ю.И. Кораблева «О предисловиях к новым изданиям протоколов съездов и конференций КПСС»: «Предисловия к документальным сборникам, в том числе и к протоколам съездов, должны опираться прежде всего на документы, приводимые в издаваемой книге, а не на литературу, посвященную данной теме»³⁶.

В деятельности государственной архивной службы (и прежде всего ГАУ СССР) наряду с археографической практикой (организация, планирование, отчетность) значительное внимание уделялось и разработке теоретико-методических вопросов. Прежде всего это, разумеется, выразилось в подготовке правил и инструкций. Важную роль здесь сыграли и проводившиеся научные заседания и конференции.

На заседании Научного совета ГАУ 4 декабря 1956 г. (материалы опубликованы в «Информационном бюллетене ГАУ МВД СССР», 1957, № 5) был заслушан и обсужден доклад начальника публикаторского отдела ГАУ А.И. Логиновой «Итоги выполнения планов научно-публикаторской работы ГАУ МВД СССР и центральных государственных архивов СССР за 1956 г. и планы научно-публикаторской работы за 1957 г.». В прениях выступили академик А.М. Панкратова, директор Института истории АН СССР А.Л. Сидоров, историки Д.А. Чугаев, П.А. Зайончковский, Л.Г. Бескровный, И.М. Разгон, представители МГИАИ В.В. Максаков и К.И. Рудельсон и др. Важное место, разумеется заняли проблемы, поставленные XX съездом КПСС.

Приведем в данной связи высказывание А.Л. Сидорова о серии сборников по истории революции 1905–1907 гг. «Нами сделан вывод о необходимости исправления недостатков этой публикации путем издания специального тома с документами политических партий, раскрывающих эволюцию этих партий в ходе революции. Одно время было мнение, что только тогда наши публикации будут на должном идейном уровне, когда кроме документов большевистской партии там ничего не будет. Это неправильное толкование, ибо исторический процесс проходил в значительно более сложных условиях, в условиях буржуазно-демократической революции, и нам приходится сейчас передумывать, переоценивать свою собственную практику» (с. 21).

В.Е. Полетаев отметил, что некоторые местные архивы присылают документы для союзных сборников в «отредактированном виде». В этой связи выступающий подчеркнул: «Известно, что всякое искажение документов является находкой для клеветнических выпадов врагов нашей науки» (с. 27).

В решении Совета было записано: «В целях повышения научного уровня издаваемых сборников считать целесообразным проведение общесоюзной конференции публикаторов историков-архивистов» (с. 35).

13–15 октября 1958 г. в ГАУ состоялось теоретическая конференция на тему «Виды и формы публикаций исторических источников» (см. «Вопросы архивоведения», 1959, № 3). В конференции приняли участие около 200 человек из Москвы, Ленинграда, союзных республик. С докладом выступила А.И. Логинова. Она отметила, что «разнообразие форм и видов публикаций, разноречивой в приемах их подготовки,

разногласия в определении характера публикаций в зависимости от их целевого назначения вызывают необходимость организации широкого обмена мнениями» (с. 66). Докладчица отметила, что основным видом публикации была и остается тематическая публикация. Вместе с тем следует увеличить и публикацию документов по номинальному признаку. Здесь речь шла прежде всего о видовых публикациях, что же касается пофондовых, то они могли допускаться только в порядке исключения (при этом рекомендовалось переходить к микрофильмированию важнейших фондов).

По докладу развернулись интересные прения. Свои известные взгляды о типах высказал М.С. Селезнев. В.В. Кузин (МГУ) обратился к историкам-архивистам с просьбой создавать публикации хрестоматийного характера – «крайне необходимые студентам-заочникам и вечерникам, которые живут вдали от университетских центров» (с. 67).

М.Е. Лепехина (ЦГАОР СССР) выделили два основных, по ее мнению, недостатка в работе публикаторов. Во-первых, публикации не дифференцированы для определенных категорий читателей. Во-вторых, объем публикации не соответствует значимости темы (с. 67).

26–30 мая 1964 г. в Москве состоялась Научная конференция по вопросам архивного дела в СССР. На первом пленарном заседании начальник ГАУ СССР Г.А. Белов выступил с докладом «Основные теоретические и организационные проблемы советского архивоведения». На тексте доклада была основана статья Белова «Некоторые вопросы теории и практики архивного дела»³⁷. Значительное место здесь было отведено проблемам археографии. Приведем основные положения.

«Важным средством архивных учреждений в области идеологической работы является *публикация документальных материалов*. Советская археография как вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся теоретическим обобщением вопросов подготовки исторических источников к изданию, прошла большой и сложный путь. С подъемом и развитием публикационной деятельности советских архивов неразрывно связаны имена М.Н. Покровского, В.В. Адоратского, Б.Д. Грекова, Н.М. Дружинина, С.Н. Валка, В.В. Максакова, В.М. Хвостова, А.Л. Сидорова, П.Г. Софинова и других видных ученых. К сожалению, в археографической практике ряда архивов в прошлые годы получило широкое распространение издание документов в извлечениях, причем опущенные части текста нередко не оговаривались и даже не отличались отточиями. Это было грубейшим нарушением элементарных правил передачи текста, приводившим к искажению смысла источников и, тем самым, к фальсификации истории. “Всякое искажение текста, – писал К. Маркс в связи с изданием материалов о Кельнском процессе, – показалось мне фальсификацией исторического документа”. Нетерпимо относились к какому-либо изменению текста документов, ставших историческими, Ф. Энгельс и В.И. Ленин» (с. 9). «Отбор документов для публикации производился по принципу замалчивания одних фактов и выпячивания других. Тематика публикаций искусственно сужалась, внимание археографов привлекалось к второ-

А.Д. Степанский

степенным фактам и событиям, умалялась роль народных масс в историческом процессе» (с. 10).

Далее Белов отмечал, что коренной перелом в советской археографии произошел в результате XX съезда КПСС. Наряду с увеличением количества публикаций повысилось качество отбора документов, улучшилась их археографическая обработка. Вместе с тем имеются недостатки – прежде всего отсутствие координации в подготовке изданий и низкий научный уровень многих сборников.

Говоря о типах публикаций, Белов возразил тем, кто предлагал различать академический и научно-выборочный типы; по его мнению, тут имеет место различие между видами – пофондовыми и тематическими. «Серьезным недостатком наших изданий является то, что они не имеют “точного адреса” и часто предназначены одновременно исследователю и широкому читателю» (с. 10). В этой связи «насущными задачами публикаторов остаются создание четкой классификации публикаций, определение специфических особенностей отдельных типов и видов публикаций, каждый из которых, наряду с общими принципами, нуждается в конкретных методических указаниях. От разрешения этих вопросов зависит решение отбора документов для печати, повторной публикации, научно-справочного аппарата и т. д.» (с. 11).

В продолжение этой темы Белов писал: «Ряд исследователей высказывает мнение о бесперспективности тематической публикации, якобы уже сыгравшей свою роль. Выдвигается теория стадийного развития археографии, из которой проистекает, что тип тематической публикации документов раннего периода истории советского общества уже устарел. Исследователи, выступающие в этих взглядах, ссылаются на то, что при отборе документов (неизбежном в тематической публикации) складывается субъективное отношение составителя сборника, что неполнота тематических публикаций тоже нежелательное явление. На наш взгляд, тематическая выборочная публикация еще долго будет основным видом публикации. Пофондовые издания теоретически возможны, но практически вряд ли можно назвать такой фонд, который можно и целесообразно было бы опубликовать полностью. И действительно, в нашем распоряжении не больше двух-трех примеров таких изданий. Видовая публикация, по нашему мнению, имеет и будет иметь ограниченное значение и ни в коей мере не заменит тематическую. Для научно-популярных изданий вообще не может быть никаких сомнений в целесообразности тематической публикации» (с. 12).

Руководителем ГАУ были рассмотрены и другие важные проблемы. «Наличие огромного количества документов советского общества приводит к выводу, что вряд ли возможно абсолютно полное выявление всех архивных источников по теме (если она не носит очень узкого характера), не говоря уже об их полном издании. В связи с этим серьезной проблемой современной археографии являются вопросы выявления и отбора документов для печати в сборниках, посвященных истории советского общества.

Следует подумать о таких формах публикации, которые позволили бы при минимальном объеме дать максимальное количество докумен-

тов. Особое значение этот вопрос имеет для сборников научно-исследовательского характера. В этом случае можно пойти двумя путями: 1) максимально использовать метод сокращенной передачи текста (сведение однотипных документов в таблицы, передача в извлечениях, употребление регест); 2) использовать для информации о выявленных, но не опубликованных источниках научно-справочный аппарат сборника: перечни документов, обзоры их, комментарии, предисловие и т. д.

Требует методической разработки и вопрос о повторной публикации документов, с которой мы сталкиваемся всё чаще. Решение этого вопроса должно идти прежде всего по линии четкого определения, какие документы и в каких изданиях можно публиковать вторично, а также использования научно-справочного аппарата сборника для указания на опубликованные документы.

Недостаточно разработаны приемы публикации текстов документов на иностранных языках и языках народов СССР. Они должны сопровождаться переводами, либо краткими аннотациями содержания документа, более подробным научно-справочным аппаратом и т. д.

Археографическая практика настоятельно выдвигает необходимость обобщения опыта проделанной работы и коренного усовершенствования существующих правил издания исторических источников, не удовлетворяющих в настоящее время археографов. Думается, что следует подготовить и издать несколько отдельных правил по подготовке различных типов и видов публикаций. Работа эта уже начата Научно-исследовательским отделом ГАУ, однако, учитывая ее сложность и многоплановость, необходимо привлечь к ней сотрудников государственных архивов, МГИАИ, Института истории АН СССР и др.

Важной задачей является разработка дальнейших путей и направлений в издательской деятельности архивных учреждений. Высказывались взгляды, что архивы должны готовить, главным образом, сборники научно-популярного характера, предоставив пальму первенства в издании научно-исследовательских публикаций учреждениям Академии наук СССР и т. п. На наш взгляд, центральные архивы СССР и ряда союзных республик, безусловно, имеют возможность подготовить издания для научного исследования. Что же касается областных и краевых архивов, то создание более или менее крупного научного сборника им, как правило, не под силу; здесь должны иметь место либо объединение усилий ряда областных архивов, либо совместная работа с центральным архивом» (с. 11–12).

В составе конференции «Виды и формы публикаций исторических источников» функционировала секция «Источниковедение, археография и другие вспомогательные исторические дисциплины». Выступления по археографии были опубликованы во втором томе Трудов конференции (М., 1965) и на страницах «Вопросов архивоведения».

Работа В.М. Хевролиной «Повторная и параллельная публикация документов» была напечатана № 2 «Вопросов архивоведения» за 1964 г. Автор указывает, что повторная публикация вполне закономерна в сборниках агитационно-массового и учебного характера, но в научных

А.Д. Степанский

сборниках это в принципе не нужно. Однако на практике такие повторы часто бывают, причем нередко без указания на предыдущие издания. Данное обстоятельство во многом связано с переплетением тем сборников. Особое значение здесь имеет соотношение между общесоюзными и региональными изданиями. Допустимы повторные публикации в фондовых и видовых сборниках.

В принятых конференцией рекомендациях археографии был посвящен раздел VII:

«Главной задачей в области публикационной деятельности архивных учреждений страны считать повышение идейно-политического воздействия документальных изданий на развитие общественной жизни. Для этого необходимо улучшить координацию изданий, обратив особое внимание на выпуск массово-популярных сборников и публикаций, приуроченных к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летию со дня рождения В.И. Ленина.

В области теории и методики археографии рекомендуется:

– разработать и в 1966 г. издать совместно с другими заинтересованными учреждениями новые правила публикации документов советской эпохи;

– подготовить обобщающий труд по истории советской археографии и отдельные работы по истории археографической деятельности Главного архивного управления и центральных государственных архивов СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его филиалов, Института истории АН СССР и других научных учреждений;

– дифференцировать методы и виды подготовки публикаций в зависимости от их целевого назначения. Считать тематические публикации одним из основных видов изданий документов, повысить качество тематических публикаций, издающихся в научных целях, обратив особое внимание на повышение уровня научно-справочного аппарата к публикациям;

– уделить особое внимание разработке методов подготовки к изданию публикаций научно-популярного характера. Выработать методику публикации мемуарных источников, передачи текстов на иностранных языках и языках народов СССР, редактирования переводов, публикации исторических источников в виде регест и таблиц;

– рекомендовать Главному архивному управлению при Совете Министров СССР в творческом содружестве с Институтом истории АН СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и другими научными учреждениями разработать единый пятилетний перспективный план публикационной деятельности, подготовить вопрос и войти в директивные органы с ходатайством о создании при Главном архивном управлении центра координации публикационной деятельности в стране» («Вопросы архивоведения», 1964, № 3, С. 21).

Вопросы археографии находили свое отражение на страницах периодических изданий ГАУ – Информационного бюллетеня (1956–1958), «Вопросов архивоведения» (1959–1965), «Советских архивов»

(с 1966 г.). Ссылки на некоторые материалы этих изданий уже приводились выше. Отметим еще ряд статей.

В № 6 «Вопросов архивоведения» за 1960 г. появилась весьма актуальная работа Г.Е. Рейхберга и В.Е. Полетаева «О серийном издании документов по истории советского общества». Авторы указали на то, что «указанные издания – новая форма публикаций научных исторических учреждений. Впервые такие издания появились только в послевоенные годы. Работая над ними, историки-археографы встретили немало трудностей, так как не имели должного опыта, а в существующих трудах по археографии вопросы серийного издания документов освещены очень слабо» (с. 36).

Далее отмечается, что серийное издание рассчитано в основном на исследователя. Однако «следует сразу оговорить отличие тематики документального издания от тематики исследовательской работы. Как правило, тема всякого документального издания более конкретна и ставит перед собой более узкие задачи, чем исследование по этому же вопросу» (с. 36 – 37).

Рассматривая опыт подготовки серии по истории Октябрьской революции, авторы уделили особое внимание проблеме полноты выявления и отбора. Здесь неизбежно встал вопрос о документах из лагеря врагов революции. Подчеркивалось, что «их опубликованию должна предшествовать тщательная проверка достоверности сообщаемых сведений» (с. 39).

В № 3 за 1961 г. опубликована рецензия В.А. Кондратьева на новую программу МГИАИ по археографии (1960 г.). Оценивая ее в общем положительно, автор вместе с тем утверждал, что термин «археография» здесь должен быть заменен (например, на «публикацию исторических источников»). С интересом воспринималось и такое критическое замечание:

«В программе требуется дать критику буржуазным методов издания документов... однако в ней найдешь ни одного названия буржуазной публикации, ни указаний на зарубежные правила издания документов. Между тем без знания конкретных публикаций, методов публикаторской работы зарубежных учреждений и археографов нельзя глубоко и с основанием критиковать буржуазные издания документов» (с. 111).

Весьма актуальной проблеме посвящена статья И.И. Носовой «Типы, виды и формы документальных изданий и подготовка научно-популярных сборников документов»³⁸. Автор отмечает, что имеющиеся серьезные недостатки в публикаторской деятельности во многом связаны с тем, что «документальные издания зачастую готовятся без выяснения их целевого назначения, а следовательно и выбора наиболее целесообразного типа, вида и формы издания. В археографической практике стала распространяться подготовка таких универсальных сборников документов, которые по мнению составителей должны бы удовлетворять запросы различных категорий читателей, как научных работников, так и широких кругов общественности. Это многие сбор-

А.Д. Степанский

ники по истории первой русской революции и истории борьбы за установление Советской власти, подготовленные архивными учреждениями на местах. Однако эти сборники не могут удовлетворить в полной мере ни специалистов, ни массового читателя, ибо для первых – они не дают исчерпывающего освещения темы, носят хрестоматийный характер, а для вторых – велики по объему изобилуют излишним материалом, к тому же трудно воспринимаются из-за слишком официального оформления документов» (с. 55). Далее автором были высказаны конкретные предложения по составу научно-популярных сборников.

Интересные соображения о типах, видах и формах публикаций были высказаны в статье И.Ф. Астраханцевой и В.М. Хевролиной «Некоторые вопросы советской археографии»³⁹.

В статье Д.А. Чугаева «Опыт публикации архивного фонда»⁴⁰ рассказывалось о подготовке первого в археографии истории советского общества подобного издания – сборника (в трех томах) документов Петроградского военно-революционного комитета. При этом отмечалось, что пофондовая публикация была пополнена и некоторыми документами из других фондов (а также документами В.И. Ленина и ЦК партии). Указывалось и на то, что не все документы фонда публиковались полностью. Так, в случае наличия одинаковых документов воспроизводился один, а затем следовали заголовки остальных. Применялись и суммарные описания документов (например, пропусков).

Вообще сообщения об опыте подготовки конкретных публикаций занимает заметное место на страницах архивной периодики. Регулярно публиковались также рецензии и обзоры публикаций.

Особо отметим уникальную в своем роде рецензию С.Н. Валка на чешские «Правила издания источников новейшей истории» (Информационный бюллетень, 1958, № 7).

В 1969 г. ГАУ СССР издало сборник работ Д.А. Чугаева (члена научного совета ГАУ, руководителя сектора публикации источников по истории советского общества Института истории АН СССР, одно время главного редактора «Исторического архива») «Археология и источниковедение». В книгу вошли статьи, ранее печатавшиеся в различных изданиях, а также выступления автора на заседаниях научного совета.

Под грифом ГАУ при СМ СССР и ЦГИА СССР были изданы книжки сотрудницы ЦГИА Э.С. Паиной «Крестьянское движение в России в XIX – начале XX в. Обзор публикаций государственных архивов СССР»⁴¹ и «Экономическая история России 1861–1917 гг. Обзор публикаций государственных архивов СССР (1918–1963)»⁴².

В «Археологическом ежегоднике» за 1968 г. появилась статья В.М. Хевролиной «О работе сектора археографии Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела в 1967–1969 гг.». Здесь сообщалось, что в секторе большое внимание уделялось истории археографии, ее историографии и библиографии (готовился аннотированный каталог научно-методической литературы). Были также подготовлены методические пособия по сокращенной передаче содержания документальных источников по истории совет-

ского общества и о публикации источников мемуарного характера, а также методическое письмо о подготовке серийных изданий (организационные и методические вопросы). При секторе состояла Научно-методическая секция с участием представителей других научных центров.

В 1969 г. ВНИИДАД выпустил книжку (49 стр.) И.Ф. Астраханцевой, В.А. Кондратьева, В.М. Хевролиной «Документы и материалы по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Археографический обзор изданий архивных учреждений СССР к 50-летию Советской власти».

Не могли не привлечь внимание и материалы по археографии и энциклопедических изданиях. В вышедшем в 1961 г. первом томе Советской исторической энциклопедии была помещена большая (с. 810–822) статья «Археология». Введение и раздел «История археографии в России» написал сотрудник Института истории И.А. Булыгин, раздел «Археология в зарубежных странах» – группа авторов. Приведем данное здесь определение археографии.

«Вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся вопросами издания письменных исторических источников. Принципы и методы издания, организация публикаторской работы, история публикации документов – основные проблемы, разрабатываемые археологией. В задачу археологов входит также работа по изданию источников» (с. 810). Далее рассматривались этапы подготовки документальной публикации, типы, виды и формы публикаций, приемы передачи текста, археографическое оформление, научно-справочный аппарат. Особо отметим такое положение: «Публикация для исследователей должна по возможности включать все документы, относящиеся к данной теме. Для остальных изданий отбираются наиболее яркие и типичные документы» (с. 810).

В 1970 г. статья того же Булыгина «Археология» появилась во втором томе нового издания «Большой советской энциклопедии». Здесь мы находим такое определение: «Археология – специальная историческая дисциплина, разрабатывающая теорию и практику издания письменных исторических источников (организация публикаторской работы, выявление и сбор исторических источников, разработка методов и способов публикации, выработка правил научно-критического издания источников и т. д.). Археология тесно связана с филологией, источниковедением, палеографией, текстологией, дипломатикой, архивоведением и др. В западноевропейской исторической науке археология как самостоятельная историческая дисциплина обычно не выделяется, не употребляется и термин “Археология”, археология во многом смыкается с палеографией» (с. 280).

* * *

Наконец, следует хотя бы вкратце сказать о том, что в 60-е гг. активно разрабатывались и проблемы «текстологии», т. е. «литературной археологии». Здесь прежде всего нужно отметить роль академика Д.С. Лихачева, выпустившего книги «Текстология. На материале рус-

А.Д. Степанский

ской литературы X–XVII вв.»⁴³, «Текстология. Краткий очерк»⁴⁴. Высказанные Лихачевым идеи вызвали дискуссию на страницах журнала «Русская литература».

Назовем также книгу «Основы текстологии» под редакцией В.С. Нечаевой⁴⁵ и учебное пособие Е.И. Прохорова «Текстология (принципы издания классической литературы)»⁴⁶, а также сборник статей «Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии» (М., 1964).

* * *

Говоря об итогах развития археографической мысли в рассматриваемый период, необходимо подчеркнуть многообразие разрабатывавшейся тематики. Ценную информацию в этом отношении дает систематический указатель к упоминавшемуся справочнику «Советская археография» (выпуск I). Раздел «Теория и методика издания документов» содержит здесь в общей сложности 13 тематических подразделов, включающих практически все возникавшие в то время общие и конкретные вопросы.

В целом можно сказать, что в это время археография оформилась как достаточно развитая научная и учебная дисциплина, изучавшая проблемы теории, методики и истории публикаций исторических источников. Важным фактором являлась тесная связь археографической мысли с практикой, рост масштабов которой ставил много новых вопросов. При этом на первый план вышли проблемы публикации документов советского периода, где очень многое надо было начинать «с нуля». Разумеется мощное влияние на археографию оказывал принцип «партийности». В данной связи нельзя не сказать об обозначившихся объективных противоречиях между идеологическими и «технологическими» проблемами археографии.

В общем археографам (теоретикам и практикам) надо было решать три главные проблемы: что публиковать, для кого публиковать и как публиковать. Данная проблематика получала конкретное проявление в вопросе о типах, видах и формах изданий.

Как известно, тематика публикаций мало зависела от археографов (да и от исследователей). Поэтому им приходилось думать о том, что публиковать в рамках утвержденных свыше тем. И здесь неизбежно вставал вопрос об отборе документов для публикации в уже обозначенных рамках. Вопрос этот в свою очередь имел два аспекта: идеологический и собственно научный. Во втором случае речь шла о том, следует ли (и возможно ли) публиковать все имеющиеся (и доступные) документы, а если публиковать не все, то какие. Проблема эта в очень значительной степени порождалась обилием документов XX в. Большое значение в данном случае имеет тип издания – т. е. его адресат. Отбор документов для научного типа в большей мере опирался на источниковедческие и документоведческие соображения – и в этой области историки и археографы выдвигали немало ценных соображений.

Более «спокойный» характер имела проблема «как публиковать». Официально нигде не давались указания исказить тексты докумен-

тов – хотя на практике такое случалось неоднократно (и по невежеству, и с сознательным умыслом). Именно вопросы воспроизведения источников (и научно-справочного аппарата) рассматривались в археографической литературе на научном уровне.

Отечественная археографическая мысль получила дальнейшее развитие в последующие десятилетия.

Надеемся, что читатель статьи получил возможность определить, кого из цитируемых авторов можно считать ведущими представителями археографической мысли своего времени.

Примечания

- 1 Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // Коммунист. 1967. № 13. С. 11.
- 2 См.: *Степанский А.Д.* История правил издания исторических документов // Вестник архивиста. 2003. № 3–4.
- 3 Десять лет работы кафедры археографии // Советские архивы. 1967. № 4. С. 123–124.
- 4 *Зимин А.А., Коваленко Д.А., Полетаев В.Е.* [Рец. на кн.:] Методическое пособие по археографии / Под ред. М.С. Селезнева, Е.М. Тальман; МГИАИ. М., 1958. С. 302. // Исторический архив. 1960. № 1. С. 225–229.
- 5 *Селезнев М.С.* Из истории развития археографической мысли в 1919–1920 гг. // Труды МГИАИ. 1962. Т. 15.
- 6 *Арапова Л.И.* В.И. Ленин о публикации документов // Советские архивы. 1970. № 2.
- 7 *Арапова Л.И.* Публикации документов по истории Великой Отечественной войны // История СССР. 1965. № 3. С. 66–76.
- 8 *Ивеницкая Т.В.* К вопросам выявления и отбора документов по истории советского общества для публикации // Исторический архив. 1955. № 3. С. 192–202.
- 9 *Батаева Т.В.* О передаче в извлечениях текста документов советской эпохи // Исторический архив. 1957. № 3. С. 199–208.
- 10 *Ивеницкая Т.В.* Об использовании материалов советской прессы в документальных публикациях // Исторический архив. 1960. № 3. С. 162–171.
- 11 *Корнева И.И.* О методике публикации документов в новом Ленинском сборнике // Труды МГИАИ. Т. 15.
- 12 *Тальман Е.М.* К вопросу о передаче содержания документов в форме регест и таблиц // Советские архивы. 1969. № 5.
- 13 *Эшштейн Д.М.* О видах публикации исторических источников // Советские архивы. 1970. № 3.
- 14 *Королев Г.И.* Издание исторических источников во Франции в первой трети XIX столетия // Труды МГИАИ. Т. 28.
- 15 Отчет опубликован в журнале «Исторический архив». 1959. № 2.
- 16 Совещание археографов в МГИАИ // Исторический архив. 1962. № 4. С. 218–219.

А.Д. Степанский

- 17 *Шунков В.И.* Издание исторических источников в СССР в 1957 г. // Исторический архив. 1958. № 3. С. 177–184.
- 18 *Литвак Б.Г.* Вопросы публикации источников на страницах «Археографического ежегодника» // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 255–260.
- 19 *Валк С.Н.* Судьбы «археографии» // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 453–455.
- 20 *Шмидт С.О.* 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР // Археографический ежегодник за 1981 г. М. 1982. С. 245.
- 21 *Рейхберг Г.Е.* Издание серии документальных сборников «Великая Октябрьская социалистическая революция» и местные архивы // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 210–216.
- 22 *Ивеницкий Н.А.* О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1968. С. 242–248.
- 23 *Звездин З.К., Полетаев В.Е.* О серийном издании документов по истории индустриализации СССР // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1968. С. 249–257.
- 24 *Черных В.А.* Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии // Исторический архив. 1955. № 4. С. 201–211.
- 25 *Лихачев Д.С.* По поводу статьи В.А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников // Исторический архив. 1956. № 3. С. 184–193.
- 26 *Ивеницкий Н.А., Чугаев Д.А.* К итогам развития советской археографии от XX к XXII съезду КПСС // Исторический архив. 1961. № 5. С. 179–193.
- 27 *Альшиллер Р.Е., Воронин Е.П.* Из опыта научно-публикаторской работы ЦВГИА // Исторический архив. 1958. № 2. С. 191–202.
- 28 *Гольденберг Л.А., Медушевская О.М.* О методике издания картографических источников // Исторический архив. 1961. № 4. С. 193–203.
- 29 *Литвак Б.Г.* Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи // Исторический архив. 1960. № 2. С. 186–194.
- 30 *Селезнев М.С.* О некоторых вопросах советской археографии // Исторический архив. 1960. № 4. С. 189–196.
- 31 *Арутюнов Г.А., Ивеницкий Н.А., Иконников С.Н., Конюхов Г.А., Литвак Б.Г.* Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах // Вопросы истории. 1958. № 7.
- 32 *Арапова Л.И.* Публикации документов по истории Великой Отечественной войны // История СССР. 1965. № 3.
- 33 *Гуковский А.И.* Вспомогательные исторические дисциплины и история советского общества // Вопросы истории. 1964. № 2.
- 34 *Губенко М.П., Литвак Б.Г.* Конкретное источниковедение истории советского общества // Вопросы истории. 1965. № 1.
- 35 *Гуковский А.И.* Спорные вопросы советской археографии // Вопросы истории. 1966. № 5.
- 36 *Петрова С.М., Кораблева Ю.И.* О предисловиях к новым изданиям протоколов съездов и конференций КПСС // Вопросы истории КПСС. 1960. № 6. С. 188.

- 37 *Белов Г.А.* Некоторые вопросы теории и практики архивного дела // Вопросы архивоведения. 1964. № 4.
- 38 *Носова И.И.* Типы, виды и формы документальных изданий и подготовка научно-популярных сборников документов // Вопросы архивоведения. 1964. № 3.
- 39 *Астраханцева И.Ф., Хевролина В.М.* Некоторые вопросы советской археографии // Советские архивы. 1968. № 1.
- 40 *Чугаев Д.А.* Опыт публикации архивного фонда // Советские архивы. 1967. № 1.
- 41 *Паина Э.С.* Крестьянское движение в России в XIX – начале XX в.: Обзор публикаций государственных архивов СССР. М., 1963.
- 42 *Паина Э.С.* Экономическая история России 1861–1917 гг.: Обзор публикаций государственных архивов СССР (1918–1963) // М., 1967.
- 43 *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. // М.; Л., 1962.
- 44 *Лихачев Д.С.* Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964.
- 45 *Основы текстологии / Под ред. В.С. Нечаевой.* М., 1962.
- 46 *Прохорова Е.И.* Текстология (принципы издания классической литературы). М., 1966.

ДОКУМЕНТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Статья посвящена исследованию вопроса функционирования документа в системе социальных коммуникаций, и в частности с точки зрения архивов. Автор проводит разбор дефиниций концепта документ, тем самым описывая его функции. В исследовании проводится анализ различных точек зрения на как само понятие документа так и на различия в его обработке из смежных областей таких как лингвистика, философия, информатика, психология, архивоведение.

Центральное место в статье занимает исследование архивной сферы и архивов, как основных хранилищ ретроспективных документов. Автор описывает концепцию всенаправленной работы с документом. Формирование информационных без знаний, посредством которых можно системно анализировать информацию. Анализирует работы В.Н. Автократова, Б.С. Илизарова, и других исследователей данной проблемы.

Работа представляет интерес для специалистов многих областей. От исследователей историков, лингвистов, философов до психологов.

Ключевые слова: документ в системе социальных коммуникаций, архивоведение, социальная память, информация.

Разнообразные по видам, формам и назначению документы, возникшие из потребностей общества в межличностном общении, государственном управлении, фиксации и передаче научного знания, культуры, искусства и т. д., являются результатом общественного развития и общественного сознания.

На всем протяжении истории человека разумного невозможно представить его существование вне информации: от предупреждения об опасности и передачи накопленного знания об окружающем мире до создания философских концепций, познания природы, культуры, общества.

Что же такое информация? В научной литературе встречается множество разнообразных определений понятия «информация». Вот лишь некоторые из них, иллюстрирующие различные подходы к этому понятию. «Информация есть информация, а не материя и не энергия», – утверждал основоположник кибернетики М. Винер, полагая, что понятие «информация» сродни таким категориям, как движение, жизнь, сознание, и отказываясь давать ему более «четкое» определение¹.

В общем виде формулировка понятия информация приведена в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова – это «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством». Таким образом, понятие «информация» раскрывается через понятие «сведения», под которым понимается – «познания в какой-либо области, известия, сообщения, знания, представление о чем-либо»².

Значительный объем представлений о содержании понятия «информация» характерен для философии. По мнению Р.Ф. Абдеева, в философской науке существуют два различных подхода, две противостоящие друг другу концепции информации – атрибутивная и функциональная³.

«Атрибутивисты» определяют информацию как свойство всех без исключения материальных объектов – как живых, так и неживых, т. е. как атрибут материи⁴.

«Функционалисты» связывают информацию с функционированием самоорганизующихся систем, так как информация, по их мнению, неразрывно связана с высшими видами его отражения, с высокоактивными формами, характеризующими процессы управления. Информация понимается при этом как свойство не всей, а лишь высокоорганизованной материи⁵.

Приведенные примеры представляют собой лишь небольшой срез из существующих ныне концепций «информации».

В архивоведении понятие информация детально проанализировано в работах В.Н. Автократова, которому был близок атрибутивный подход к определению информации⁶.

В своих работах В.Н. Автократов рассматривал информацию и как процесс получения сообщений, и как отношение структур и сообщений. Он отмечал, что существуют два основных типа информации – «связанная» и «свободная».

Под «связанной» информацией В.Н. Автократов понимал уровень организации объекта (память).

Под «свободной» информацией В.Н. Автократов понимал воздействие одного объекта на другой, благодаря чему второй из них становится носителем информации о первом.

Между «связанной» и «свободной» информацией, по мнению В.Н. Автократова, существует взаимосвязь – так, в результате изучения «свободная» информация становится «связанной» и приобретает свойства «потенциальной» информации.

В.Н. Автократов указывал, что само понятие об информации не ставится в прямую связь с процессом восприятия, и это дает возможность говорить о накоплении и значении информации⁷.

Существуют и иные подходы к трактовке информации: так, качественный аспект информации рассматривался учеными в основном в связи с анализом сложившихся математико-теоретических подходов, средств и методов. Теоретико-множительный подход к информации связывается с классификацией ее видов.

Е.В. Алексеева

Анализ качественных проблем информации проводится с позиций семантического анализа объекта, а полезность информации исследуется с применением таких показателей, как «вероятность достижения цели после получения некоторой информации» и «вероятность достижения цели до получения информации»⁸.

Таким образом, информацию можно рассматривать как результат интеллектуального труда или знание научного, технического, технологического, коммерческого и иного характера.

В повседневной жизни информация – это сообщение о чем-либо, в научной сфере – это сведения, которые являются объектом изучения, хранения, переработки и передачи⁹.

За почти тысячелетнюю историю человечество накопило и продолжает вырабатывать огромный массив информации, обеспечивающей стремительное развитие социума. В рамках социальной информации функционируют конкретные информационные системы, которые обусловлены дифференциацией социальной информации¹⁰.

Под социальной информацией понимается та часть информации, которая обусловлена существованием человеческой деятельности¹¹.

Проблемами классификации социальной информации, особенно важной для документоведения, занимались Г.Г. Воробьев, В.Г. Афанасьев, А.И. Михайлов, В.С. Раппопорт, М.В. Ларин, каждый из которых предлагал различные ее основания¹².

В архивоведении существует понятие ретроспективной документной информации (РДИ). В развитие этого понятия в 80-е гг. XX в. было введено новое понятие «палеогенная информация» (т. е. созданная в прошлом)¹³.

Документ выступает формой, организующей содержание любой информации: законодательной, научной, художественной и проч. – и тем самым способствует осуществлению социальных функций, реализация которых возможна только в обществе.

С 60-х гг. XX в. различные аспекты социальных функций документов являлись предметом изучения ряда естественно-математических и гуманитарных дисциплин.

Лингвистика, документоведение изучали весьма близкие, но не совпадающие понятия «текст» и «документ» (З. Канько, Л.Н. Пушкарев, Г.А. Князев и др.). Аксиоматичен взгляд на текст различных видов и форм как на «не имеющий четких границ» в противоположность документу как форме, его организующей.

Источниковедение, анализируя совокупность документов, имеющих единые функции, схожие формы, доказало, что виды документальных исторических источников соотносятся с формами социальной жизнедеятельности общества и отражают их (О.М. Медушевская, А.А. Курносков, С.М. Каштанов, Б.Г. Литвак, А.Б. Елпатьевский и др.). «Эти виды... устойчивы и находят соответствие в документах разных времен и народов, разных общественных структур. Практически во всех обществах со сложившейся государственностью возникали и эволюционировали по близким схемам такие виды документов, как лето-

писи, законы, близкие по форме делопроизводственные документы, переписка, мемуары и т. д.»¹⁴.

Проблемы передачи информации в обществе, формы непосредственного и опосредованного общения и, как следствие последнего, проявления социально-коммуникативной функции документа анализировались в работах по психологии, лингвистике (Р. Якобсон, А.Г. Спиркин, Л.С. Выготский, В.С. Библер и др.). В частности, В.С. Библер в своей работе «Мышление как творчество» (М., 1975) анализирует механизм общения, предполагающий участие хотя бы двух действующих лиц – «адресанта» (того, кто сообщает) и «адресата» (того, кому предназначено сообщение). Причем последний может быть не конкретным лицом, а абстрактным, отдаленным во времени и пространстве. Документ в этом случае – посредник в их общении и диалоге. Суммируя многочисленные исследования, связанные с различными аспектами проявления социальных функций документов, Б.С. Илизаров соглашается с выводом А.Г. Тартаковского, что «развитие средств опосредованной коммуникации идет от примитивных рисунков-знаков к сложным формам организации текста в современных научных и художественных произведениях; от многоцелевых документов к узкоспециализированным. Чем древнее документы, тем их информация организована проще, примитивнее, но, в то же время, они были способны обслуживать сразу несколько социальных функций»¹⁵.

По мнению Б.С. Илизарова, функция документирования как средства опосредованного общения не может быть сведена к беспристрастной фиксации сложившихся социальных отношений. «Документ – есть средство воздействия на того, кому он направлен, а поскольку и адресант и адресат являются членами общества и выполняют в нем различные социальные роли, то любой документ есть средство опосредованного регулирования социальных отношений. Таким образом, коммуникативная функция документа сводится к установлению контакта... в целях диалога, а его регулятивная функция переводит этот контакт в отношения социальные»¹⁶.

В трудах Л.С. Выготского рассматриваются знак, текст с точки зрения их регулирующей функции в обществе и делается важный вывод о том, что за каждым высказыванием стоит волевая задача. Продолжая исследования в данном направлении, Б.С. Илизаров заключает, что «за каждым документом, а не только художественным текстом стоят волевые задачи: управления (императивная: приказ, закон, план, распоряжение и все то, что носит в себе “установочно-принудительный” элемент); просительная (жалоба, запрос, т. е. все, что находится в зависимости от адресанта и может быть получено только по его воле); договорная (международный договор, акты и т. д.); отчетно-обзорная (все виды отчетов)»¹⁷. К перечисленным задачам следует добавить еще две эмоционально-волевые задачи, на которые указывает применительно к документам С.М. Каштанов: художественное видение, т. е. объяснение окружающего мира человеком «изнутри», так как он его представляет; научное видение, т. е. анализ мира «извне».

Е.В. Алексеева

И.Д. Ковальченко, анализируя природу исторических источников указывал, что «все категории исторических источников... не только являются носителями социальной информации, но и... возникли в процессе отражательно-информационной деятельности людей, которая обеспечивала необходимые сведения для выполнения функций, связанных с общением, регулированием, управлением научно-познавательной, просветительско-воспитательной и др. деятельностью»¹⁸.

Исследования в различных областях позволяют выделить вторую функцию, присущую документам, – регулятивную. В процессе исторического развития регулятивные свойства документов развиваются. Происходит упорядочивание форм документов и уточнения управленческих функций различных видов документов (в нашей стране это находит нормативно-правовое закрепление в ГОСТ по делопроизводству и архивному делу)¹⁹.

Любой документ вне зависимости от цели его создания, места, времени возникновения, авторства несет в себе информацию, которая может быть востребована через некий временной период, и в этом случае реализуется мнемоническая функция документа – функция памяти, закрепления и воспроизведения знания с целью передачи его от человека к человеку, от одного поколения к другому.

Исходные социальные функции документов: коммуникативная, регулятивная и мнемоническая – слиты, и можно лишь выделить в документе одну из функций, как доминирующую²⁰.

Таким образом, документы включены в «социальную память» как элементы, передающие накопленные знания и опыт от поколения к поколению.

Где проходило накопление документов? Какие институты специально создавались в обществе для осуществления этой задачи? Ответ очевиден – библиотеки, архивы, музеи.

Место архивов в социальной памяти

Архив – термин многозначный; одним из его значений является «место хранения документов» (применительно к государственным и муниципальным архивам речь идет о постоянном хранении документной информации). Одна из основных задач архива как организации – обеспечение информацией, применительно к обществу речь идет о ретроспективной документной информации. Ее возникновение связано с одним из свойств оперативной информации – устареванием ее «текущей ценности». Однако, обладая потенциальной ценностью, документы продолжают храниться, образуя ретроспективный уровень²¹. Таким образом, архивы в современном обществе являются не только частью государственного аппарата с функциями управления, но и «особым институтом, выполняющим роль социальной памяти, где концентрируется и организуется информация об общественном опыте»²².

Понятие «социальная память» являлось предметом исследования различных областей знания. Традиционно подобные понятия являются

предметом пристального изучения психологии. В частности, уже в середине 30-х гг. XX в. С.Л. Рубинштейн указывал, что «память позволяет человеку овладеть временем... навыками, знаниями... и стать существом, имеющим свою историю. Таким образом, память человека социальна по своей природе»²³.

Переноса сказанное на объектную область архивоведения, следует помнить, что в документе происходят фиксация, сохранение и передача общественного опыта и сознания.

С начала 70-х гг. XX в. появляются работы, посвященные изучению принципов социальной памяти, механизмам взаимодействия информации и социальной памяти; социальной детерминации познания и научных знаний, историческому развитию познавательных процессов, структурно-функциональному анализу памяти; социальной информации в контексте управления обществом и др.²⁴

Значительный вклад в развитие понятия «социальная память» применительно к архивной сфере внес Б.С. Илизаров. В своих теоретико-методологических исследованиях он проанализировал ряд фундаментальных понятий, концепцию социальной памяти в архивоведении. Б.С. Илизаров, полемизируя с рядом исследователей по вопросу толкования коллективной памяти, приходит к заключению, что «коллективная память (как память «совокупного субъекта») не является памятью социальной, аргументируя это тем, что, во-первых, «социальная память, в отличие от коллективной, всегда опосредована: знаками (документами), орудиями и средствами труда, воспринимаемыми как знаки, или – памятью других людей»; во-вторых, социальная память «целенаправленно формируется, как особый социальный институт специально предназначенный для передачи накопленного опыта от поколения к поколению. Коллективная же память чаще всего организуется стихийно. Социальная память – это совокупность социально-культурных средств и систем информации... охватывающая весь комплекс всевозможных источников информации как документальных, так и не документальных, возникших или бытующих в рамках данного государства. Если социальную память рассматривать как совокупность источников информации... то ее можно определить и через понятие “информационный (источниковый фонд страны)”»²⁵. Источники информации (документы) уязвимы с точки зрения сохранности: гибель или преднамеренное уничтожение архивных документов и других культурных ценностей влияют на социальную память общества.

Б.С. Илизаров, исследуя составляющие социальной памяти общества, выделяет три блока: сознание живущих людей; документы в широком смысле слова; вещественные объекты, не предназначенные изначально для передачи информации. Б.С. Илизаров заключает, что «архивные документы составляют лишь часть социальной памяти. В нее входят содержание библиотек, музеев, научно-информационных систем, средств массовой информации и коммуникации, предметы материальной культуры, память живущих поколений. Но архивы являются самой ценной частью социальной памяти, так как они долговечны,

Е.В. Алексеева

специально создаются для хранения документов и концентрируют информацию о наиболее глубинных сторонах жизни данного общества»²⁶.

Любое искусственно созданное, специально предназначенное для собирания «информации о прошлом» учреждение (архив, музей, библиотека) формируется в определенных рамках общественного развития, что влияет на состав, содержание информации. В большей мере это относится к библиотекам и архивам. Следовательно, на формирование социальной памяти (в государственных учреждениях особенно) можно влиять, ею можно управлять на стадии формирования. В этом отношении, на наш взгляд, наиболее уязвимы архивы. Они наиболее подвергнуты влиянию «текущей идеологии», которая может быть весьма безжалостна к «инакомыслию», отраженному в документальном виде. (У нашей страны, к сожалению, в этом отношении богатый опыт). Стремление к абсолютной объективности столь же утопично, как и стремление к всеобщему «благоденствию». Однако попытаться хотя бы приблизиться к адекватному отражению действительности во всем ее разнообразии, противоречии следует и в этом отношении – архивы могут стать той информационно системой, которая аккумулирует в себе многоплановую информацию о прошлом. На практике сложности экономического характера (недостаточное финансирование, нерешенность правовых вопросов и ряд других «текущих проблем») опосредованно влияют на формирование репрезентивной источниковой базы Архивного фонда Российской Федерации.

Любое абстрактное понятие (в данном случае – социальная память) становится более доступным для анализа, если попытаться представить его в некоем формализованном виде: разделить на составляющие и проследить механизм внутренних связей.

Обратимся к схеме, предложенной Б.С. Илизаровым, которая наиболее полно раскрывает уровни социальной памяти, а они, в свою очередь, удачно проецируются на организацию архивной среды. В этом контексте наиболее интересен для нас второй блок «отчужденная от сознания знаковая информация», которая формируется на трех последовательных взаимосвязанных уровнях создания, использования, хранения документной информации.

Создание документной информации происходит при непосредственном документировании в процессе коммуникации и управления (данный уровень социальной памяти обеспечивает текущие действия человека). В качестве второго уровня выступает оперативное хранение («оперативная память»), т. е. хранение информации в архивах организаций, в специализированных информационных центрах (например, СМИ), а также в личных или семейных архивах граждан страны. Третий уровень («долговременная память») представлен ретроспективной информацией (постоянного хранения), которая хранится в архивах, музеях, библиотеках, или в более широком смысле – откладывается в архивном, музейном и библиотечном фондах страны²⁷.

В наше время очевидно прослеживается тенденция расширения ведомственного хранения документов, стремление к увеличению сроков

хранения информации, вплоть до постоянного. Это закреплено и в архивном законодательстве РФ²⁸, в котором, в частности, предусмотрена форма депозитарного хранения информации соответствующими отраслевыми фондами, весьма схожая с условиями постоянного хранения документов государственными архивохранилищами. Таким образом, смыкаются по своим задачам второй и третий уровни социальной памяти.

В этой связи уместно поставить вопросы – что такое ретроспективная информация, с какого момента она приобретает это качество.

На первый вопрос ответ прост – «ретроспектива – обращение в прошлое, взгляд назад»²⁹. Ретроспекция – от латинских слов *retro* – назад и *spesio* – смотрю.

Второй вопрос не имеет однозначного ответа. Применительно к «документу» – одному из носителей информации – переход от оперативного в ретроспективное состояние определяется множеством факторов, обусловленных его бытованием во внешней среде: целевым назначением, функционированием в обществе и межличностном общении. Ретроспективная документная информация – документ, включенный в специализированную общественную мнемоническую систему³⁰.

Однако в контексте современного деления Архивного фонда страны на несколько частей, в том числе негосударственную, включение ретроспективной информации в общественную систему, помимо ее информационных характеристик, зависит от воли держателя документов.

С 70-х гг. XX в. в работах В.Н. Автократова, А.В. Елпатьевского, Н.Н. Конновой, А.П. Пшеничного, Г.И. Поповой и др. с архивоведческой точки зрения анализировалось понятие «ретроспективная информация». Так, в работах В.Н. Автократова и А.В. Елпатьевского прослеживается тенденция рассматривать ретроспективную документную информацию как результат исследовательской деятельности архивиста³¹.

По мнению Б.С. Илизарова, в архиве происходит длительный процесс преобразования некогда оперативной (в первую очередь делопроизводственной документации) в качественно новую – ретроспективную. «Этот процесс начинается с формирования общих представлений о возможной ценности документа как будущего источника ретроспективной информации... до систематизации, описания дел, фондов»³².

Для обозначения всей совокупности дошедших из прошлого знаковых источников информации Б.С. Илизаров предложил использовать термин «палеогенные документы». Понятие «палеогенные документы» уже понятия «исторические источники», так как последнее включает все источники информации, как прошлого, так и современности³³.

В настоящее время в научной литературе достаточно часто используется понятие «историческая память», которое включает в себя общие с третьим уровнем социальной памяти объекты: музеи, библиотеки, архивы. На этом основании можно сделать вывод о том, что понятие «социальная память» шире понятия «историческая память» и их нельзя считать идентичными.

Различные аспекты исторической памяти нашли развитие в исследованиях последних десятилетий. Интересен подход, связанный с ана-

Е.В. Алексеева

лизом трех информационных подсистем – музеев, библиотек, архивов – в контексте единой системы исторической памяти. В.П. Козлов анализирует эти подсистемы по принципу «сходство – различие», выбирая в качестве сопоставимых величин объекты хранения и предметную область: комплектование, использование накопленной информации³⁴.

Отмечая «большую публичность», известность для общества музеев и библиотек, автор отмечает их сильные и слабые стороны в сопоставлении с архивами. В частности, применительно к архивам отмечается, что комплектование этой подсистемы в сравнении с тем же процессом в библиотеках и музеях отличает системность, упорядоченность, базирующаяся на методологических основах экспертизы ценности документов. По мнению В.П. Козлова, это обеспечивает большие возможности сохранения исторической памяти по сравнению с музеями.

Кроме того, важным фактором, влияющим на системную организацию сохранения исторической памяти, является фондовый принцип комплектования и хранения. Исторические и логические связи между документами в фонде позволяют в хронологической последовательности изучить отраженные в документах факты, события, явления. Каждый конкретный фонд в архиве обнаруживает взаимосвязь с другими комплексами документов. Например, фонды вышестоящего и нижестоящего (подчиненного) учреждений в рамках одной системы управления позволяют проследить причинно-следственные связи, обусловленные различными факторами политического, экономического, социального и иного характера.

Те же элементы взаимосвязи прослеживаются и в фондах личного происхождения (творческие, семейные, общественные и др.).

В.П. Козлов отмечает и различие в функции использования информации в архивах, музеях, библиотеках: «Архивы в силу свойства аутентичности, юридической доказательности сконцентрированных в них документов в значительной степени... обязаны удовлетворять социальные запросы общества»³⁵, а также обращает внимание на другие направления использования архивных документов.

Несмотря на соответствующие различия, музеи, библиотеки, архивы являются равноценными и взаимодополняющими друг друга подсистемами единой системы исторической памяти; в то же время роль архивов в общественном сознании несколько уменьшена.

Ряд положений В.П. Козлова вызвал дискуссию. В частности, вызвало возражение утверждение, что документ в отличие от музейного предмета или книги «с большей частотой, оперативностью, обыденностью» отражает действительность, а значит, является основным носителем исторической памяти.

И.В. Фаизова, отстаивая равную значимость для исторической памяти трех основных институций, ее сохраняющих, отмечает бинарность структуры исторической памяти. «Помимо рационального компонента знаний в ней присутствует компонент психо-эмоциональный – представления... который формируется средствами литературы и искусства»³⁶.

Не согласна И.В. Фаизова и с тезисами В.П. Козлова о том, что музеи, библиотеки комплектуются менее упорядоченно, нежели архивы, что хранение музейных предметов «обеспечивает иллюстративное сохранение исторической памяти» с преувеличением «фрагментарности состава музейных коллекций», а также с мнением о превосходстве архивов в сфере использования фондов³⁷.

А.А. Сундиева в ходе дискуссии отметила неправильное, на ее взгляд, тождественное использование терминов «информация» и «историческая память». По ее мнению, сохранение исторической памяти осуществляется через искусство, мифологию, религию, науку формализованным и неформализованным способом. В сохранении значимой информации, поддерживающей историческую память, участвуют архивы, музеи и библиотеки, и только поэтому они являются основными хранителями исторической памяти, хотя человечество существовало задолго до их возникновения. Оппонируя В.П. Козлову, она считает, что архивы, сохраняющие информацию, позволяющие верховной власти, государству выполнять свои функции, благодаря этому испытывают определенную заботу государства, но и находятся под его контролем. Поэтому порядка и определенности в их работе больше, чем в работе музеев и библиотек.

Музеи появляются тогда, когда человечеству для поддержания исторической памяти оказалось «недостаточно сохранять информацию... возникла необходимость представить себе прошлое наглядно, зримо, так как письменные памятники не всегда могли удовлетворить эту потребность». А.А. Сундиева отмечает, что основное значение музеев – «служить обществу и способствовать его развитию...». Таким образом, она противопоставляет архивы и музеи: архивы в большей мере находятся на службе государства, а музеи – на службе обществу. Интересен ее тезис относительно принципиального отличия музейного предмета от архивного документа, которое заключается в том, что большая часть архивных материалов изначально создавалась для фиксации определенной информации, а затем с этой целью хранилась в архиве, музейные же предметы не создавались для передачи информации. С конца XX в. мировое музейное сообщество обсуждает возможность сохранения нематериального наследия, к которому относят обычаи, знания, навыки, язык, устный эпос, музыку, танцы, игры, мифологию, ритуалы, ремесла, традиционные экологические представления.

Соглашаясь в общем с тезисом о фрагментарности знания о прошлом, А.А. Сундиева указывает на тот факт, что фрагментарную информацию дают не только музейные, но архивные и музейные фонды.

В заключение дискуссии А.А. Сундиева, представитель «музейного мира», замечает о перспективности тенденции к интеграции музеев и архивов. Усилия музеев, библиотек, архивов в конечном счете направлены на поддержание исторической памяти³⁸.

Продолжая дискуссию, М.Д. Афанасьев считает условным деление на объекты хранения музеев, библиотек, архивов, так как подобная дифференциация характерна для XX в. (архивы, музеи, библиотеки во

Е.В. Алексеева

многих странах изначально собирали различные коллекции, представленные государственными документами, книгами, вещественными памятниками прошлого). Каждому периоду присущи свои социальные институты, призванные сохранять память человечества. В этом смысле архив уникален вне зависимости от названия и выделения в качестве самостоятельной структуры. М.Д. Афанасьев особенно отмечает роль библиотек в качестве универсального места собирания культурных артефактов широкого диапазона, не ограниченного, в отличие от архивов, жесткой заданностью.

Появление музея как хранилища памятников истории, по мнению этого участника дискуссии, – сравнительно новое явление, отражающее новый этап осознания исторической памяти.

М.Д. Афанасьев отмечает принципиальные, с его точки зрения, отличия архивов, музеев, библиотек. Так, «главная задача архива состоит в хранении документов, использование их зависит от общественных потребностей. Факт востребованности информации на функциях архива не отражается. При этом принципиальная особенность архивного источника – его юридическая аутентичность.

Библиотека как институт трансляции исторической памяти не может существовать без использования ее ресурса... Основными качествами хранимых в библиотеке источников является наличие информации, ее полнота и универсальность.

Музей призван транслировать историческую память... музейный предмет должен быть репрезентативен и аутентичен»³⁹.

З.А. Силаев считает, что при рассмотрении сущности форм исторической памяти необходимо выделять общее, а не различия. Будущее – за формированием архивно-музейных, архивно-библиотечных, музейно-библиотечных комплексов⁴⁰.

Т.М. Горяева отметила, что принципиальное различие между музеями, библиотеками и архивами заключается в их функциональной роли в обществе. «В отличие от музеев и библиотек, осуществляющих важнейшие культурно-просветительские и научно-познавательные функции, архивы являются атрибутом государственности, ее правовым гарантом. Только архивы несут важнейшее бремя и обязательство перед государством и гражданами в документальном подтверждении их юридических прав и социальных гарантий»⁴¹.

В заключение отметим, что в принципиальном отношении участники дискуссии сошлись во мнении: прослеживается тенденция сближения трех основных «хранителей» исторической памяти – музеев, библиотек, архивов.

Дискуссия важна для понимания степени взаимодополняемости трех подсистем – музеев, библиотек, архивов – в общей системе исторической памяти, а в более широкой трактовке – социальной памяти общества, их репрезентативности в отражении прошлого, поиска новых теоретико-методических подходов их дальнейшего развития.

С середины XX в. в результате социального прогресса и бурного развития науки и техники произошло лавинообразное нарастание мас-

сы различной информации. Следствием этого «информационного бума» стало развитие новых нетрадиционных носителей информации: кино-, фото-, фоно-, аудио- и наконец – электронных документов. Готовы ли современные архивы принять на хранение эту новую информационную волну? Какие проблемы уже решает и какие придется решать теории и методике архивоведения, чтобы сохранить ведущую роль архивов в социальной памяти общества?

В основе формирования социальной памяти лежит функционально-информационный подход, рассматривающий происхождение социальной информации. В этом контексте под документационной системой понимают информацию, возникающую в конкретной сфере социальной деятельности, которая в свою очередь может быть дифференцирована за счет углубленного структурирования различных видов социальной памяти⁴².

Применительно к архивной сфере социальная информация актуальна в качестве своеобразного «резервуара», из которого черпается (комплектуется) информация для ее последующего длительного (постоянного) хранения и использования в уже ином качестве (ретроспективная документная информация (РДИ)).

Развитие информации как общенаучной категории оказывает всё большее влияние на теорию и методику архивоведения в целом.

Примечания

- 1 *Винер Н.* Кибернетика. М.: Наука, 1983. С. 340–342.
- 2 *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989.
- 3 *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994; Цит. по: *Хургин В.М.* Общая характеристика понятия «информация» // Документация в информационном обществе: парадигмы XXI в.: Докл. и сообщения на десятой межд. научн-практич. конф. 25–26 нояб. 2003 г. / Фед. арх. Агентство. ВНИИДАД. М., 2004. С. 64.
- 4 См.: *Готт В.С., Семенов Э.П., Урсул А.Д.* Социальная роль информатики. М.: Знание, 1987; *Стрельцов А.А.* Содержание понятия «Обеспечение информационной безопасности» // Информационное общество. 2001. № 4; *Урсул А.Д.* Отражение и информация. М., 1973.
- 5 См.: *Жуков Н.И.* Философские основы кибернетики. М., 1976; *Куликовский Л.Ф., Мотов В.В.* Теоретические основы информационных процессов. М.: Высш. школа, 1987 и др.
- 6 *Автократов В.Н.* К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // Труды ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3; *Автократов В.Н.* Некоторые аспекты объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. М., 1976. Т. 4. Ч. 1.
- 7 Там же.
- 8 *Хургин В.М.* Общая характеристика понятия «информация» // Документация в информационном обществе: парадигмы XXI в.: Докл. и сообщения на

Е.В. Алексеева

- десятой межд. научн-практич. конф. 25–26 нояб. 2003 г. // Фед. арх. агентство. ВНИИДАД. М., 2004. С. 70–71.
- 9 Там же.
- 10 См.: *Артюнов С.А.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // *Расы и народы.* Ежегодник. Вып. 2. М.: Наука, 1972. С. 8–30; *Куббель Л.Е.* Культурные традиции в информационной сети культуры: функционирование и трансформации // *Советская этнография.* 1995. № 6. С. 17–27.
- 11 *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975.
- 12 *Воробьев Г.Г.* Информационная культура управленческого труда. М., 1971; *Афанасьев В.Г.* Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972; *Михайлов А.И.* Проблемы информационного обеспечения процессов управления // Вторая Всесоюзная научно-техническая конференция «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью». № 1–4. М., 1972; *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М., 2002.
- 13 *Илизаров Б.С.* Роль документальных памятников в отечественном развитии. М., 1998.
- 14 *Курносков А.А.* К вопросу о природе видов источников. Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 18–25.
- 15 *Илизаров Б.С.* Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1984. С. 47.
- 16 Там же. С. 51.
- 17 Там же.
- 18 *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации – Актуальные проблемы источниковедения в СССР. М., С. 38–39.
- 19 См.: *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М.: Научная книга, 2002.
- 20 См.: *Илизаров Б.С.* Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1984. С. 55.
- 21 *Алешкевич Е.В.* Информационно-документационная модель современной информационной системы // *Документация в информационном обществе: парадигмы XXI в.: Доклады и сообщения на десятой Межд. научно-практич. конф. 25–26 нояб. 2003 г. // Фед. арх. агентство, ВНИИДАД. М., 2004. С. 89.*
- 22 *Илизаров Б.С.* Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1984. С. 57.
- 23 *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., 1935. С. 215.
- 24 *Ребане Я.К.* Принцип социальной памяти. «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1977. № 5; *Он же.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // *Вопросы философии.* 1982. № 8; *Розов М.А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977; *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975 и др.
- 25 *Илизаров Б.С.* Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1984. С. 58.

- 26 Там же. С. 61.
- 27 Там же. С. 69, 70.
- 28 ФЗ № 125. «Об архивном деле в Российской Федерации», 2004.
- 29 Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2002. С. 504.
- 30 *Илизаров Б.С.* Роль документальных памятников в общественном развитии. М., 1988. С. 13.
- 31 См.: *Автократов В.Н.* К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // Труды ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3; *Елпатьевский А.В.* Об использовании понятий теории информации в современном архивоведении // Там же.
- 32 *Илизаров Б.С.* Роль документальных памятников в общественном развитии. М., 1988. С. 20.
- 33 Там же. С. 21.
- 34 *Козлов В.П.* Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы, 2004. № 6. С. 71–74.
- 35 Там же. С. 74.
- 36 Там же. С. 75–76.
- 37 Там же.
- 38 См.: Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 78–80.
- 39 Там же. С. 83–84.
- 40 Там же. С. 84–85.
- 41 Там же. С. 86.
- 42 *Плешаков Е.А.* Знания о документе: к истории вопроса // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 28.

Е.М. Бурова

МАРКЕТИНГ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И АРХИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается денежная (стоимостная) оценка архивных документов в СССР и Российской Федерации с учетом международного опыта. Показаны критерии денежной оценки и принципы распределения цен по отдельным группам документов, применявшиеся как до начала 1990-х гг., так и в 1990–2000-е гг. При этом как отдельная проблема рассматривается установление цены страхования архивных документов. Раскрыты объекты стоимостной оценки при купле-продаже в Российской Федерации с учетом опыта зарубежных стран, в частности освещен опыт аукционных продаж архивных документов на таких аукционах как Сотбис, Кристис и другие, показана роль компании «Де Бирс» в приобретении и возвращении ценных архивных документов в Россию.

В статье наряду с проблемой денежной оценки подлинных архивных документов затрагиваются вопросы стоимости подделок, фальсифицированных раритетов.

Ключевые слова: маркетинг, архивный документ, архивная информация, микроформа, денежная оценка, страхование, аукцион, коллекционирование, продажа.

Документы как объект имущественного права, как вещь могут продаваться и покупаться. В этом случае должна проводиться их денежная (стоимостная) оценка, которая также проводится при коммерческом использовании документов и их страховании. О последних двух аспектах денежной оценки документов широко заговорили лишь с начала 90-х г. XX в. До этого периода советские архивисты, специалисты, работающие в рукописных отделах музеев и библиотек, академических институтах (таких как Институт русской литературы (Пушкинский дом), Институт мировой литературы, входящих в систему Академии Наук СССР, да и собственно в его Архиве), в первую очередь проводили денежную оценку документов с целью их купли-продажи. При этом следует четко понимать, что документы государственных учреждений, в первую очередь являющихся источниками комплектования, объектом купли-продажи никогда не выступали, это могло относиться к документам личного происхождения, автографам, книгам актовым и делопроизводственным, рукописным книгам древнерусской традиции и другим документам XV – начала XX в.

При установлении стоимости документов проводилась их оценка на основе критериев, в ряде случаев схожих с критериями экспертизы ценности, но сам процесс стоимостной оценки ни в коем случае нельзя смешивать с процессом экспертной оценки документов.

Стоимостная оценка документов в СССР

С целью проведения квалифицированной денежной оценки документов в стране в разные периоды были разработаны Методические рекомендации («ценники», как многие их называют), некоторые до 90-х гг. XX в. носили гриф «Для служебного пользования», поэтому об этом широко не говорили и не писали. Первое упоминание о таких рекомендациях с выдержками из них появилось в монографии ВНИИДАД «Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР», вышедшей в 1974 г.¹

В 1982 г. были подготовлены Методические рекомендации по отбору на государственное хранение и денежной оценке фотодокументов, находящихся в личной собственности граждан.

В 1983 г. вышли **«Методические рекомендации по денежной оценке актов документов эпох феодализма и капитализма, рукописных и старопечатных книг, документов личного происхождения XVIII – XX вв., приобретенных в собственность государства»**, где были даны критерии оценки и собственно примерные цены по отдельным группам книг, грамот, документов личного происхождения.

Критериями денежной оценки были названы:

– содержание документа (*оценивать документ необходимо с учетом не только его конкретного содержания, но и точки зрения его значения как памятника истории и культуры; творческие, научные рукописи – с позиции их литературного, художественного, музыкального, научного достоинства; воспоминания, дневники, письма – с учетом зафиксированных в них сведений*);

– историко-культурное значение творчества и деятельности автора (*ценность документов будет тем выше, чем значительнее автор и заметнее его вклад в развитие общества, в том числе науки, литературы, искусства и т. д.*);

– время возникновения документа (*наиболее высоко ценятся документы периодов «неспокойного развития» общества, военных событий, катастроф, катаклизмов – например, документы, образовавшиеся до 1626 г., т. е. до пожара в Москве, когда погибло огромное количество документов московских приказов и других учреждений, периода Крестьянской войны 1773 – 1775 гг., Отечественной войны 1812 г., движения декабристов, революционной ситуации конца 1850-х – начала 1860-х и конца 1870-х – начала 1880-х гг., Революции 1905 – 1907 гг., Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны, Великой Отечественной войны и т. д. и т. п.*);

– неопубликованность документа (*неопубликованные документы дореволюционного периода оцениваются, как правило, выше оценки, пре-*

Е.М. Бурова

дусмотренной рассматриваемыми методическими рекомендациями, повышение стоимости неопубликованных документов послереволюционного периода может производиться только в случае истечения срока авторского права, который в 1980-е гг. составлял 25 лет, а в настоящее время – 50 лет²);

– автографичность документа (*авторская машинопись – когда автор сам печатал текст – приравнивается к автографу, авторизация – когда имеются авторские правки и подписи – увеличивает стоимость рукописи; в качестве примера приведем очень редкий автограф М.А. Булгакова);*

– записи или пометы на документе (*рассматривается как авторская принадлежность сделанных записей и помет, так и их содержательная сторона);*

– редкость документа (*при денежной оценке необходимо установить сохранность личных архивов, учесть редкость отдельных видов документов – например, ревизских сказок);*

– адресат (*чем значительней лицо, кому был адресован документ, тем выше может быть его стоимость);*

– внешние особенности документа (*его палеографические, художественные особенности оформления, материал, на котором изготовлен документ и т. д.);*

– физическое состояние документа (*«рванный» или «потрепанный» документ всегда будет цениться ниже аналогичного, но хорошо сохранившегося);*

– антикварно-букинистическая цена (*на документы как на предметы коллекционирования может быть особый спрос и даже мода, поэтому приходится учитывать цены на рынке и среди коллекционеров).*

Рассмотренные критерии применяются в совокупности, но, как ни парадоксально, последний критерий – антикварно-букинистическая цена – может оказать более чем существенное влияние на предположительную оценку, произведенную по другим критериям.

Архивисты в ряде случаев вынуждены учитывать цены на документы, особенно автографы, сложившиеся на антикварно-букинистическом рынке, которые могут и не соответствовать ни значению автора документа, ни его содержанию, а также вынуждены идти в порядке исключения на повышение оценок с целью сохранения в руках государства ценных автографов. Хотя с этим явлением архивохранилища всегда вели борьбу³.

Следует также отметить, что один документ ценится дороже, нежели комплекс аналогичных документов. «Опт» есть «опт».

Принцип распределения цен по отдельным группам документов был следующий: примерные (базовые) цены устанавливались по таким группам, как книги актовые и делопроизводственные (например, разрядные, боярские, родословные, писцовые книги); грамоты и документы (духовные грамоты, жалованные на землю и крестьян, жалованные на дворянское достоинство, челобитные, прошения и т. д.).

Эти книги, грамоты и документы ценились по периодам с XVI в. до 1626 г., с 1626 по 1700 г., XVIII в., с начала XIX в. до 1861 г., с 1861 по 1917 г.

Рукописные книги древнерусской традиции (Александрия, Апокалипсис, Басни Эзопа, Библия, сборник летописей и т. п.) оценивались отдельно по векам, начиная с XV в. и кончая XX в.

Отдельно были выделены документы государственных, общественных, политических деятелей России, документы участников революционного движения. Здесь цены варьировались в зависимости от «величины» политической фигуры, например, для документов А.Д. Меншикова, Екатерины II, Елизаветы I устанавливалась более высокая цена, нежели для документов братьев Орловых или Ф.Ф. Ушакова.

Аналогичный принцип был применен к документам участников революционного движения; так, одна планка стоимости для документов А.И. Герцена, Н.М. Муравьева, другая – С.Г. Волконского, С.П. Трубецкого.

Более того, цена давалась дифференцированно для рукописей, писем и фото, при этом письма ценились выше рукописей.

Бросив взгляд из прошлого в настоящее, можем заметить печальную тенденцию умирания эпистолярного жанра. Давно мы уже не пишем пространственных писем друзьям, а современная молодежь обменивается сплошь и рядом «эсмэсками» (SMS) да сообщениями по электронной почте, последним каналом охотно пользуются и люди более серьезного возраста.

Документы деятелей литературы и искусства были распределены по периодам: XVIII в., первая половина XIX в., вторая половина XIX в., начало XX в. и т. д. В рамках периода проводилось ранжирование по группам. Так, за советский период к одной группе были отнесены А.М. Горький, В.В. Маяковский, к другой – А.А. Ахматова, С.А. Есенин, к третьей – С.Я. Маршак, А.Т. Твардовский, к четвертой – Н.Г. Анткольская, К.И. Чуковский.

Цена устанавливалась отдельно на прозу, стихи, письма и фотографии. В данном случае наиболее высоко ценились стихи, затем уже письма и проза.

Далее по такому же принципу были даны расценки документов деятелей музыкальной культуры, драматического театра, изобразительного искусства, кинематографии.

На устанавливаемую цену по рассмотренному «ценнику» влияет также вид рукописного произведения, наличие аналогичных произведений в архивохранилищах страны (здесь будет иметь место обратно-пропорциональная зависимость), отклонения от общеизвестного текста или традиционной редакции, характер письма, переплета и многие другие факторы.

С учетом применения в совокупности рассмотренных критериев, принципов деления документов по видовым (номинальным), авторским и хронологическим признакам в стране до 1990-х г. устанавливались примерно следующие цены:

– писцовая книга XVI в. (до 1626 г.) могла оцениваться от 400 до 800 рублей;

Е.М. Бурова

– сборник летописей XV в. – от 250 до 1000 рублей;
– библия XVI в. – от 125 до 400 рублей, а XX в. – от 10 до 35 рублей;
– отпускная в замужество с 1626 по 1700 г. – от 10 до 20 рублей,
XVIII в. – от 7 до 15 рублей, а с начала XIX в. до 1861 г. – от 5 до 10 рублей;
– рукописи Екатерины II – от 120 до 300 рублей, письма – от 150 до 400 рублей;

– проза А.А. Ахматовой, С.А. Есенина от 5 до 25 рублей, стихи – от 20 до 50 рублей, письма – от 10 до 50 рублей, фото – от 3 до 10 рублей.

Сегодня эти суммы кажутся странными и даже смешными. Но надо помнить, что в тот период в стране проезд на метро стоил 5 копеек, средняя заработная плата составляла 120–140 рублей в месяц, а стипендия студента была 28 рублей.

В целом же отдельные комплексы документов ценились достаточно высоко, по отношению, конечно, к ценам того периода. Например, Марина Влади передала безвозмездно в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ныне РГАЛИ) автографы стихотворений и прозы (всего 20 документов за 1968–1980 гг.)⁴ В. Высоцкого, а архив, установив стоимость документов в 2 тыс. рублей, передал их для проведения конкурса на лучший памятник на могиле В. Высоцкого.

Центральному государственному литературному архиву (далее ЦГАЛИ СССР, РГАЛИ) всегда выделялись средства на приобретение документов из личных архивов или у коллекционеров. Это естественно, так как в этом архиве почти половина фондов представлена материалами личного происхождения. Среди купленных архивом выделяется ряд крупных фондов: А.И. Куприна, Н.Д. Телешева, В.В. Вересаева, И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, В.И. Лебедева-Кумача, А.П. Гайдара и др.

Следует отметить, что в последнее время не только происходило увеличение цен, но и росли продажи именно документов личного происхождения вместо прежней передачи документов в дар.

Как показывает опыт (и профессионалы придерживаются такого же мнения), сами фондообразователи могут безвозмездно передать в дар или по завещанию свои документы в то или иное хранилище, но чем более отдаленные родственники обладают личным архивом того или иного лица, тем за более высокую цену они желают его продать.

Принципы денежной оценки и методика установления цен до начала 1990-х гг. были привязаны к уровню цен в стране, а сама практика оценки документов носила несистемный, эмпирический характер. В то же время, например, автографы Ф.М. Достоевского на международном уровне ценились наравне с автографами Байрона и Гёте.

Стоимостная оценка документов в Российской Федерации (1990–2000 гг.)

С учетом международного опыта денежной оценки и уровня цен за рубежом в ВНИИДАД 1993 г. выпустил новые методические рекомендации **«Принципы денежной оценки документов Архивного фонда Российской Федерации и их страхование»**.

Впервые были четко разграничены **три объекта стоимостной оценки**: собственно документ, копия документа и информация, содержащаяся в документе.

Продают и покупают подлинные архивные документы у частных лиц, организаций на аукционах; распространены продажа или обмен копий документов в виде факсимильных форм, муляжей, микрофильмов и микрофиш (микрографические копии, микрографические издания); продают и покупают информацию архивных документов, обработанную по специальным программам и записанную на машинных носителях, а также в форме справочников по архивным документам⁵.

Особо следует обратить внимание на тот факт, что на мировом рынке установлена строгая зависимость между ценами на эти объекты: цена копии или документной информации должна находиться в прямопропорциональной зависимости к цене подлинника.

Факсимильные издания документов, выпускаемые очень ограниченным тиражом для продажи на аукционах, оцениваются в 20–40% от вероятной цены на подлинный архивный документ⁶.

Цена на микрокопии определяется ценностью самого оригинала. Американские специалисты считают, что следует предлагать редкие микрографические формы документов, которые не являются источниками информации для постоянного использования широким кругом пользователей, по низким ценам, превратив тем самым эти товары в обыденные⁷.

Например, фирма «Chadwick-Healey» продавала микрокопии уникальных документов из архива Совета Национальной безопасности США по 3900 долларов за наименование. Именно за такую сумму был продан набор микрокопий, содержащих информацию о «кубинском ракетном кризисе» в 1962 г. И исследователи вынуждены платить такие деньги за микрографические формы, так как не имеют возможности доступа к подлинникам, хранящимся в таких закрытых хранилищах, как архивы Пентагона, ЦРУ, ФБР⁸.

Установление цены рассматривается в двух основных случаях: **при купле-продаже** и **страховании** (в раннее рассмотренных «ценниках» речь шла только о первом случае).

Установление цены в процессе купли-продажи документов

Если в отечественном архивоведении опыт денежной оценки документов в процессе **купли-продажи** был связан в основном с приобретением документов в собственность государства, то за рубежом существует и активно развивается рынок архивных документов, которые всё чаще рассматривают в качестве предметов коллекционирования. Более того, с начала 1990-х гг. сложились практически устойчивые цены на золото, и поэтому многие зарубежные коллекционеры вкладывают деньги с целью спасения их от инфляции в предметы старины и архивные документы, тем более, что во многих странах коллекции не подлежат обложению налогом на собственность.

Е.М. Бурова

В России частное коллекционирование архивных документов практически не распространено.

Архивное законодательство пыталось регулировать процесс коллекционирования. Еще в бытность СССР именно архивным органам было вменено в обязанность выдавать и регулировать в установленном порядке разрешения на соби́рание старинных документальных памятников. Например, в РСФСР существовало «Временное положение о порядке выдачи и регистрации специальных разрешений на соби́рание старинных документальных памятников на территории РСФСР». В Положении о Федеральной архивной службе России 1998 г. говорилось о необходимости получения как юридическим, так и физическим лицам специального разрешения в Федеральной архивной службе на соби́рание старинных документальных памятников⁹. Вопрос этот, правда, дискутировался между Росархивом и прежним Министерством культуры Российской Федерации – кому все-таки такие разрешения выдавать. После административной реформы в марте 2004 г. и преобразования Федеральной архивной службы в Федеральное архивное агентство (которое к тому же оказалось в ведении Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации) в положении о последнем от 17 июня 2004 г. № 290 о подобной роли Росархива в деле соби́рания старинных документальных памятников уже ничего не говорится.

В России можно собирать лишь те старинные документальные памятники, документы личного происхождения, которые не включены в состав Архивного фонда Российской Федерации, а находятся в распоряжении частных лиц, будучи невыявленными, неучтенными, не зарегистрированными в соответствующих архивных учреждениях или учреждениях культуры.

Как показывает опыт собирательской деятельности, старинные документальные памятники нередко встречаются у потомков граждан старообрядческого христианского вероисповедания. Именно в среде русского старообрядческого крестьянства в течение веков сохранялись документы письменной традиционной культуры позднего русского средневековья.

Имеющиеся у населения старинные документы, за редким исключением, не относятся к документам личного происхождения. Но вряд ли их можно отнести к документам, образовавшимся в деятельности какого-либо учреждения, существовавшего ранее. Подчас это просто невозможно установить. Сейчас такие документы представляют собой памятники определенной эпохи, находящиеся в личной собственности граждан или собственности старообрядческой общины. Именно то, что ценные старинные документы являются личной собственностью, определяет многие специфические проблемы их выявления, соби́рания и учета.

Вместе с тем, такие старинные документальные памятники до недавнего времени собирались учреждениями, отдельными гражданами бесконтрольно, нередко оседа́я у частных лиц, и были предметом неза-

конных сделок, иногда просто гибли в плохих условиях хранения. Подлинная научная ценность таких памятников, попавших к случайным лицам, оставалась нераскрытой¹⁰.

Целенаправленно старинные документальные памятники собирают в основном в археографических экспедициях, которые в последнее время организуются чаще всего от научных учреждений и университетов, которым в первую очередь и необходимо получать официальное разрешение. Для архивов наибольший интерес представляют собранные таким образом рукописные книги, например, старообрядческие.

Но официальный рынок архивных документов в России отсутствует, а серьезных коллекционеров практически нет, в целом же коллекционеры в свой круг никого не допускают, стараясь вообще не афишировать свои коллекции, так как в стране обстановка более чем криминализирующаяся. К счастью, как считают специалисты, «новые русские» ценности архивного документа пока до конца не представляют.

В 1990-е гг. мы вошли в «систему» краж и хищений, «махрового» черного рынка не подготовленными ни юридически, ни организационно. Сказалось это и на архивных ценностях. Так, с середины 1990-х гг. некто Файнберг, работавший в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, вместе с милиционером, призванным охранять этот архив, «сколотил воровскую группу». Было похищено около 4 тыс. документов, в том числе 200 царских указов (от Петра Великого до Николая I), ценных книг и редчайших манускриптов. Документы из Берлина, куда их уже вывезли на продажу, через Интерпол были возвращены российской стороне в торжественной обстановке 26 января 2004 г. На мировом рынке эти документы оцениваются до 1,5 млн. долларов.

Частное коллекционирование памятников истории и культуры, в том числе и архивных документов, наибольшее распространение в последние десятилетия получило в странах Западной Европы и США, где документы коллекционируют наряду с предметами антиквариата. Антиквариатный пласт, как считают специалисты, обновляется каждые 20–30 лет. В то же время официально под предметами антиквариата понимаются культурные ценности, созданные более 50 лет назад, включающие наряду с различными категориями предметов и редкие рукописи, документальные памятники, архивы и другие архивные материалы.

Фрагмент документа	Указ Президента Российской Федерации «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей» от 30 мая 1994 г. № 1108
п. 5.	<p>5. Для целей настоящего Указа под предметами антиквариата понимаются культурные ценности, созданные более 50 лет назад, включающие следующие категории предметов:</p> <p>а) исторические ценности, связанные с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки, искусства и техники, а также относящиеся к жизни и</p>

<p>деятельности выдающихся личностей, государственных, политических и общественных деятелей;</p> <p>б) предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок;</p> <p>в) художественные ценности, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none">– картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов,– оригинальные художественные композиции и монтажи из особых материалов,– художественно оформленные предметы культового назначения, в том числе иконы и церковная утварь,– гравюры, эстампы, литографии и их оригинальные печатные формы,– произведения декоративно-прикладного искусства, в том числе – изделия традиционных народных промыслов, и другие художественные изделия из стекла, керамики, дерева, металла, кости, ткани и прочих материалов; <p>г) составные части и фрагменты архитектурных, исторических, художественных памятников и памятников монументального искусства;</p> <p>д) редкие рукописи и документальные памятники, в том числе инкунабулы* и другие издания, представляющие особый исторический, художественный, научный и культурный интерес;</p> <p>е) архивы, включая фоно- и фотоархивы и другие архивные материалы;</p> <p>ж) уникальные и редкие музыкальные инструменты;</p> <p>з) старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы коллекционирования, отнесенные к культурным ценностям и предметам антиквариата.</p> <p>* Инкунабулы [лат. Incunabula – пеленки, колыбель] – название первопечатных книг, вышедших до 1500 г.</p>

В 1994 г. была создана специальная Федеральная служба России по сохранению культурных ценностей, на которую были возложены:

– организация и проведение искусствоведческой, историко-культурной экспертизы и регистрация культурных ценностей, вывозимых из Российской Федерации и ввозимых на ее территорию, а также выдача соответствующих свидетельств физическим и юридическим лицам;

– принятие предусмотренных законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации мер по восстановлению законных прав собственников культурных ценностей при незаконном вывозе и ввозе культурных ценностей и передаче права собственности на них;

- осуществление контроля за соблюдением правил внешнеэкономической деятельности, относящейся к культурным ценностям;
- контроль за соблюдением установленного настоящим Указом порядка реализации предметов антиквариата на территории Российской Федерации.

В ходе административной реформы 2004 г. данная служба была преобразована в Управление по сохранению культурных ценностей в составе Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Коллекционируют рукописи и старопечатные книги, личные архивы, дневники, воспоминания, письма и т. д. и т. п. Это связано с тем, что возросло значение исторических источников как предметов коллекционирования, а поэтому цены на документы рассматриваются в тесной связи с ценами на объекты коллекционирования. В ряде примеров даются цены на предметы музейного характера.

А так как есть спрос, то есть и предложение, есть устойчивый рынок с определенным уровнем цен.

Архивные документы, их факсимильные издания в виде книг продаются, как правило, на таких аукционах как Сотбис и Кристис в Лондоне, Парк-Бернет в Нью-Йорке и Отель Друо в Париже. Наиболее дорогим аукционом в мире признается Сотбис, аукционные цены Кристиса на 20–30% ниже.

На аукционе Сотбис даже есть специальное лицо, занимающееся оценкой архивных документов, которое считается «главным архивариусом». Кстати, Аукционный дом Сотбис с мая 2007 г. имеет свое представительство в г. Москве.

На крупнейших аукционах Сотбис и Кристис в свое время приобретались уникальные отечественные художественные и историко-культурные ценности, в том числе и архивные документы, при финансовой поддержке известной во всем мире крупнейшей алмазодобывающей компании «Де Бирс».

В нашей стране «Де Бирс» работает уже более 40 лет и ведет активную спонсорскую деятельность как в культурной, так и в гуманитарной области. В тесном сотрудничестве с Российским международным фондом культуры корпорация финансировала приобретение за рубежом, в частности на названных аукционах, архивных реликвий. Среди них не публиковавшееся ранее письмо А.С. Пушкина А. Ватгеману, письмо И.С. Тургенева и другие материалы. Что касается роли «Де Бирс» в возвращении автографов А.С. Пушкина и документов, посвященных поэту, то состоялась даже выставка «Де Бирс». Возвращенные реликвии. «Пушкиниана Русского Зарубежья»; в собрании, бережном сохранении и пропаганде большую роль сыграл Пушкинский комитет, созданный в Париже.

Особый интерес представляют архивные документы XIX–XX веков, а именно переписка императора Николая I с главным начальником III отделения и шефом корпуса жандармов, одним из героев войны 1812 г. графом А.Ф. Орловым, приобретенная в Париже. В ней затрагиваются многие важнейшие исторические события середины

Е.М. Бурова

XIX в. – восстание декабристов, холерный бунт в Санкт-Петербурге, Крымская война и другие.

Среди художественных ценностей, приобретенных корпорацией «Де Бирс» и переданных в дар российской стороне, можно отметить портрет княжны З.Н. Волконской художника Д. де Ромилли, приобретенный на аукционе Сотбис в 1989 г, портрет атамана М.И. Платова, написанный в Англии; рисунок И.Е. Репина, на котором изображен Л.Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной, и другие материалы¹¹.

На аукционе Сотбис в июне 2000 г. Декларация независимости США была продана за 6 тыс. долларов. В мае 2003 г. были выставлены личные вещи Ф.И. Шаляпина, в том числе и письма; всё было оценено в 800 фунтов стерлингов, или 1,5 тыс. долларов.

На аукционе Кристис в Лондоне в декабре 2003 г. было продано письмо У. Черчилля своей возлюбленной за 109 тыс. евро; ведущие аукционы мира оценивают, например, двухтомник известного произведения Владимира Набокова «Лолита» с его автографом – надписью сыну Дмитрию – в 270 тыс. долларов, в то время как ранее этот раритет был куплен в уличной книжной лавке всего за 2 доллара.

В марте 2003 г. на аукционе во Франции была продана первая в мире фотография за 600 тыс. долларов, которую купила национальная галерея Франции. Правительство Франции объявило ее национальным достоянием и запретило вывоз за пределы страны. За 20 тыс. франков на аукционе в Отеле Друо (Франция) были проданы письма Екатерины II Корсакову конца 1770-х гг.

В ноябре 2001 г. на аукционе старинных автографов в Германии за 260 тыс. марок при стартовой цене 75 тыс. марок был продан черновик (первый вариант) сказки А.С. Пушкина о царевне и семи богатырях. Покупатель остался неизвестен. Специалисты считают, что реально этот автограф А.С. Пушкина мог бы стоить на аукционе Сотбис примерно 500 тыс. долларов.

В феврале 2005 г. на аукционе Кристис за 72 тыс. долл. был продан достаточно интересный документ, хотя и не реликвия: бизнес-план создания компьютеров 1946 г.

Сегодня Росархив обеспечивает преимущественное право Российской Федерации на покупку архивных документов, находящихся в частной собственности, в случае их аукционной или комиссионной продажи¹².

Ранее было установлено Положением об Архивном фонде Российской Федерации (1994 г.), что в случае продажи документов негосударственной части Архивного фонда Российской Федерации государство имело преимущественное право на их приобретение. «Собственники документов, организаторы аукционов, торгово-посреднические организации обязаны не позднее чем за 10 дней до предстоящей продажи сообщать о ней органам и учреждениям Федеральной архивной службы России с указанием точного времени и места продажи»¹³.

В соответствии с ныне действующим Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г.

№ 125-ФЗ в пункте 4 статьи 11 записано, что «в случае проведения торгов по продаже архивных документов, находящихся в частной собственности, организаторы торгов обязаны не позднее, чем за 30 дней до дня их проведения проинформировать в письменной форме о месте, времени и об условиях продажи архивных документов...» архивные органы. Учитывая, что в настоящее время Положение об Архивном фонде Российской Федерации 1994 г. (с дополнениями и изменениями 1996 и 1998 гг.) остается действующим и при наличии расхождений в сроках должен действовать последний срок (30-дневный) для письменного извещения организаторов о месте, времени и условиях продажи архивных документов, находящихся в частной собственности.

Продажа документов на аукционах в России развита слабо. Собственно, существуют антикварно-букинистические аукционы или ярмарки. Наиболее популярная антикварная торговля проходит на Макарьевской ярмарке, но в основном торговля идет через антикварно-букинистические магазины, большинство которых расположено в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Парадоксально, но факт, сегодня в стране русский антиквариат ценится даже дороже европейского (кроме серебра и золота).

Аукционы могут проводиться и по случаю какого-либо события. Так, например, в 2001 г. на аукционе, открывшем Первый международный фестиваль имени Булата Окуджавы, его друзьями и почитателями были выставлены на аукционе в Театре им. Вахтангова личные вещи. Делалось это с целью собрать деньги на памятник поэту на Арбате. Четыре рукописи стихов Беллы Ахмадулиной были проданы за 300 долларов.

Как ни парадоксально, но автографы, рукописи, как и произведения искусства ныне живущих всегда ценились и ценятся ниже тех, которые принадлежат людям, «ушедшим в мир иной». Один из организаторов аукциона Сотбис, британский эксперт Мартин Сондерз-Роллинз, представляющий Русский департамент аукциона, однажды не выдержал потока русских художников, предлагавших свои творения на аукцион, и воскликнул: «Приходите, когда умрете!».

Но не только частные лица покупают документы, часто это делают научные центры, университеты, библиотеки, музеи, архивы, а также компании-производители, которые специализируются на продаже информации, содержащейся в документах, в основном в виде микрографических копий: микрофильмов или микрофиш. Сегодня уже формируется рынок оптических (лазерных) дисков, содержащих ретроспективную документную информацию. Возможно, за такими формами будущее. Наиболее крупными покупателями архивных документов с целью коллекционирования являются Британская библиотека, Библиотека конгресса США, Национальная библиотека Франции. Эти библиотеки могут позволить себе приобрести уникальные исторические источники или микрографические формы документов. В первую очередь их интересуют архивные документы, относящиеся к собственной истории.

Е.М. Бурова

Среди коллекционеров микрографических форм документов выделяются Брюссельская королевская библиотека, Университетские библиотеки Кембриджа и Оксфорда в Великобритании и др.

На мировом рынке действует около 500 фирм-производителей (в основном американских или английских), которые покупают документы, производят и продают микрографические копии с них. Наиболее крупными производителями копий собственных материалов, что, кстати сказать, за рубежом не очень распространено, являются Библиотека Конгресса США, Публичная библиотека Нью-Йорка, Британская библиотека, Национальная библиотека Франции. А крупнейшим производителем микрографических копий материалов, например, по России является Гуверовский институт войны, революции и мира.

Мировой рынок микроформ документов по истории России представлен в основном историческими источниками в виде изданных книг архивных материалов, периодических и продолжающихся изданий, статистических и других справочников, вышедших в свет до 1917 г. Если количество проданных микроформ с информацией о России составляло в конце 1970-х гг. 100 наименований, то в начале 1990-х гг. – уже около 900 наименований. Среди них Полное собрание русских летописей (СПб. 1841–1918. Т. 1 – 25), стенограммы заседаний Государственной Думы (СПб., 1906–1917. 47 томов) и даже Сведения о питейных сборах в России (СПб., 1860–1861)¹⁴.

Фрагмент документа	Маркетинг информации Архивного фонда Российской Федерации (1995 г.)
--------------------	---

Динамика цен на микрокопии некоторых материалов по истории России

Название документа	Производитель	Цена в долларах США по годам						
		1963	1977	1980	1984	1988	1990	1992
1	2	3						
Стенограммы заседаний Государственной Думы (1906–1917 гг.) Т. 1 – 36. Приложения Т. 1 – 11.	Readex Microprint	190	220	догo-ворная 4950	догo-ворная 4950	догo-ворная	догo-ворная	догo-ворная
	Brookheaven Press Inter Documentation Company Hoover Institution			догo-ворная 700	догo-ворная 700	догo-ворная 13269	догo-ворная	догo-ворная
Русская старина. СПб.,	Readex Microprint	425	500	500	догo-ворная	догo-ворная	догo-ворная	догo-ворная

Маркетинг архивных документов и архивной информации

1	2	3					
1870–1918 гг. Т. 1–176.	Brookheaven Press Inter Documentation Company Hoover Institution			1215		3262	3262
			1215		3262		
			730	1200	2453	2830	2830
			825	825	1155	1155	1155
Сборник русского исторического общества. СПб., 1867– 1916. Т. 1–148.	Datamics Library of Congress University Microfilms		875	875	875	850	850
			509	636	855	855	855
			дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная
Русская историческая библиотека. 1872–1927 гг. СПб.; М. Т. 1–9.	Readex Microprint Brookheaven Press			115	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная
			1035	1035	870	870	870
Первая сеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1897. Т. 1–89	Library of Congress Datamics Inter Documen- tation Company Research Publications		225	379	379	379	379
			600	685	685	685	685
			дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная
		дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная	дого- ворная

Современные критерии
стоимостной оценки документов

При определении цены документа специалисты пользуются также разработанной системой **критериев**, многие из которых не претерпели за последнее время особенных изменений.

Правда, критерии стоимостной оценки, как и критерии экспертизы ценности документов, теперь принято классифицировать по трем группам:

Е.М. Бурова

– *критерии информационной ценности* (вид или адресат, содержание документа);

– *критерии потребительской ценности* (подлинность, время создания, внешние особенности документа, новизна сообщаемой информации, в первую очередь опубликованность документа, уровень или интенсивность спроса на ретроспективную документную информацию);

– *критерии сохранности документов* (сохранность текста, режим хранения и степень риска при последующем перемещении и хранении документа, что требует дополнительных финансовых вливаний. Так, например, древние иконы необходимо хранить в термосейфе).

Процесс оценки документов даже по сформировавшимся достаточно давно критериям является сложным процессом, на который могут оказывать влияние и дополнительные факторы, и сложившийся отечественный опыт, в первую очередь опыт Российской государственной архива литературы и искусства. Следует только отметить, что сначала определяют категорию ценности документа: уникальный, исключительно ценный, а затем применяют критерии в совокупности. Но критерии в цене документа играют разную роль.

Удельный вес критериев в структуре цены документа:

<i>номинал (вид или разновидность)</i>	<i>примерно 10%</i>
<i>автор или адресат</i>	<i>примерно 5%</i>
<i>содержание</i>	<i>не менее 20%</i>
<i>подлинность</i>	<i>не менее 15%</i>
<i>время создания</i>	<i>примерно 5%</i>
<i>внешние особенности</i>	<i>не менее 10%</i>
<i>новизна</i>	<i>не менее 5%</i>
<i>сохранность</i>	<i>не менее 5%</i>
<i>спрос</i>	<i>до 25%</i>

Спрос (степень интенсивности), удельный вес которого может составлять до четверти цены документа, и есть не что иное, как антикварно-букинистическая цена, которая оказывает подчас решающее влияние на окончательную цену документа¹⁵.

В качестве эквивалента при определении цены документов на мировом рынке были взяты цены на французские часовники XV в., темпы роста цен на которые с 1986 г. опережали темпы роста цен на золото. До 2006 г. мы наблюдали определенную стабилизацию цен на золото на мировом рынке, поэтому тенденция, отмеченная в начале 1990-х гг., – опережения роста цен на документы по сравнению с ростом цен на золото – достаточно устойчиво сохранялась примерно до 2006 г.

Но за 2006 – 2007 гг. цена на золото выросла почти на 80% при том, что последние три десятка лет (примерно 27 лет) были отмечены определенной стабилизацией цен на золото.

Сегодня специалисты прогнозируют цену на золото на международных рынках в пределах 1000 \$ за тройскую унцию.

Фрагмент документа	Принципы денежной оценки документов Архивного фонда Российской Федерации и их страхование (1993 г.)
---------------------------	--

Приложение № 1

*Цены на французские часовники XV в.
на аукционе Сотбис в 1990 г.*

<i>Категория ценности</i>	<i>Исторический источник</i>	<i>Начальная цена в тыс. долл.</i>	<i>Окончательная цена в тыс. долл.</i>
<i>Очень ценные документы</i>	<i>«Часовник» (Французская Фландрия), 1490–1500 гг. 220x157 мм.</i>	120	160
<i>Исключительно ценные документы</i>	<i>«Часовник», г. Тур (Франция), 1465–1470 гг., 198 листов, 210x148 мм, роскошно иллюстрирован миниатюрами</i>	400	600
	<i>«Часовник Етьена Шевалье», г. Париж (Франция) 1470–1474 гг., 126 листов (Календарь, Евангелие) 128x93 мм</i>	800	1,2 млн

Приложение № 2

Фрагмент документа	Таблица цен на французские часовники XV века			
	Годы	Цены текущие		Постоянные цены 1990 г. (в долларах) на основе цены на золото 388, 85 доллара за унцию
	фунты стерлингов	доллары		
	1822	31,7	154,14	2877
	1908	595,9	2896	54361
	1929	885,0	4301	80764
	1967	5333	12800	– искусственно заниженная цена на золото
	1972	12500	35000	84532
	1986	62435	87409	93712
	1990	80000	16000	16000

Е.М. Бурова

В том же 1990 г. на этом же аукционе «Евангелие» русского происхождения 1562 г. (246 листов, размер 254x170 мм) первоначально было оценено в 8 тыс. долларов, окончательная цена составила 12 тыс. долларов.

Ранее, в 1978 г., князь Эрнст Август фон Гюнновер выставил на Сотбис знаменитое Евангелие XII в., принадлежавшее первому из рода Ганноверов Генриху Ганноверскому (1129–1195), который явился основателем Мюнхена, что тогда принесло князю 12 млн долларов¹⁶.

Все рассмотренные случаи установления конкретной цены связаны с куплей-продажей документов, их копий (чаще всего микрографических) или документной информации на различных носителях или в виде справочников по архивным документам. Говоря о носителях разного рода, в последнее время все больше внимания уделяется формирующемуся за рубежом рынку оптических (лазерных) дисков, содержащих записи архивной информации.

Установление цены при страховании документов

Но, как выше уже отмечалось, установление цены необходимо и при **страховании архивных документов**, которое производится при экспонировании документов на выставках и в других случаях, например, при проведении их реставрации.

В основном выставляются на выставках ценные и очень ценные документы, уникальные же документы предпочитают заменять муляжами или факсимильными копиями, но бывают и исключения.

Порядок страхования во всех странах определяется законодательным путем. Во всем мире действует принцип, что при экспонировании документов страхование должно проводиться на основе закона о страховании той страны, где проводится выставка, в случае отсутствия такового закона в стране действуют нормы международного права.

В Российской Федерации принят и действует Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-1, с последующими изменениями 1997, 1999, 2002, 2003, 2004 и 2005 гг., но порядок страхования архивных документов в стране до конца не определен.

Можно сказать, что архивные документы страхуются на основе «страхования от всех рисков» по формуле «от гвоздя до гвоздя» (from nail to nail)¹⁷.

Общими же принципами установления страховой цены в рамках международного опыта, в первую очередь опыта таких развитых стран, как США, Англия, Франция, Германия, являются следующие моменты: во-первых, цена устанавливается «по договоренности сторон», во-вторых, «стартовая» цена должна превышать верхнюю границу прогнозируемой цены на аукционе Сотбис (как на самом дорогом в мире) и при этом через 10 лет.

Предполагается, что такая цена способна уберечь архивные документы от краж или непреднамеренной утраты.

В России большой опыт страхования экспонируемых предметов старины имеет фирма «Ингосстрах». Именно так – на основе «цены по договоренности сторон» – эта фирма и страхует вывозимые за рубеж экспонаты, в том числе и архивные документы¹⁸.

И внутри страны страховые суммы могут значительно превышать стоимость предмета. Например, копию Шапки Мономаха, которая была изготовлена в 2003 г. ко дню рождения Президента России В.В. Путина, оценили в 50 тыс. долларов, а застраховали на 10 млн долларов.

Самым дорогим художественным произведением в мире потенциально считается картина «Джоконда». Будучи национальным достоянием Франции, она, естественно, не продается, но страховая сумма на основе оценки этого произведения превышает 100 млн. долларов, что являлось суммой рекордной.

Появилась информация, что самая высокая страховая цена из установленных в последнее время – в 13,5 млн. долл. – установлена на картину Питера Пауля Рубенса с изображением Тарквиния и Лукреции. Возможно, это связано с тем, что в 1942 г. картина исчезла из замка Сан-Сусси на целых 60 лет.

«Подделки» как объект купли-продажи

Все специалисты как в нашей стране, так и за рубежом в качестве объекта купли-продажи рассматривают подлинные архивные документы или их официально изготовленные копии. Но ни в одних методических разработках, рекомендациях не идет речь о подделках, фальсифицированных раритетах, в том числе памятников письменности.

Исторические документы подделывали всегда – порой чтобы доказать древность собственного рода или право на недвижимость.

«Сознательная фальсификация исторических источников в России берет свое начало по крайней мере с конца XVII в. “Завещания” Петра Великого, Екатерины II, “Соборное деяние на мниха Мартына Арменина”, “Требник” митрополита Феоноста, подлоги Бардина, Сулакадзева, Кавкасидзева, Минаева, Иванова – достаточно хорошо известны и изучены каждый по отдельности, а совсем недавно – и в специальном исследовании»¹⁹.

Когда появился спрос на них, появились и сами коллекционеры таких «памятников».

Например, московские коллекционеры первой половины XIX в. хорошо знали антикварную лавку Антона Ивановича Бардина. Антиквар, изготавливая на заказ копии старинных манускриптов, позднее стал выдавать их за оригиналы. Его перу приписывают пять списков «Русской правды», «Пouchение Владимира Мономаха» и др. Или, например, петербуржец, историк-любитель Александр Иванович Сулакадзев, желая ввести в научный оборот рукописи для объяснения вопросов, не дающих покоя историкам, изготавливал фальшивые описания древнерусской культуры – быта, торговли, обрядов, сочетая подлинность с собственными вымыслами.

Е.М. Бурова

В данном контексте важно другое. Фальшивки, оказавшиеся в государственных и частных коллекциях, установить порой сложно. Но сами эти подделки начала XIX в. уже сами по себе представляют определенную ценность.

Не только в контексте купли-продажи можно говорить о фальсификации документов, о чем много пишет член-корреспондент РАН, руководитель Федерального архивного агентства В.П. Козлов. Несколько лет тому назад произошло сенсационное событие, а именно возвращение в страну дневника Н.А. Соколова – судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда – о последних днях жизни и расстреле царской семьи Николая II в доме Ипатьева в Екатеринбурге. Материалы этого дневника ранее, в 1925 г., были опубликованы в Берлине под названием «Убийство царской семьи». Позднее появляются воспоминания бывшего военнослужащего австрийской армии И.П. Мейера, опубликованные на страницах западногерманского журнала с 14 по 25 июля 1956 г., подробно описывающие практически те же события.

Сравнивая два этих исторически важных документа, В.П. Козлов доказывает фальсифицированный характер так называемых воспоминаний И.П. Мейера.

(Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. М., РоссПЭН. 2001.)

В другой работе автор пишет: “Воспоминания Мейера” напоминают нам подлоги В.С. Кавсакидзе, который, стремясь восстановить истинную картину смерти сына Петра Великого – царевича Алексея, прибег к фальсификации переписки Румянцева с одним из близких ему людей.

(Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1994. С. 186–192.)

* * *

Но не стоит считать, что лишь документы, отнесенные к рангу «исторических реликвий», представляют интерес как объект купли-продажи и столь высоко ценятся во всех странах мира.

Справедливости ради надо сказать, что наиболее полно разработана оценка документов уникальных, особо ценных и т. п., а также документов за дореволюционный период. Это понятно, так как в первую очередь это делалось для государственных архивов рукописных отделов музеев и библиотек. А документы действующих учреждений, организаций и предприятий, тем более «среднего звена», с точки зрения стоимости не представляли для специалистов никакого интереса. Но жизнь меняется, вносит свои коррективы, и уже можно говорить о необходимости совершенствования методики стоимостной оценки документов современных организаций.

В любом современном учреждении, организации или предприятии на самом деле нет ничего ценнее документов – даже документов современных, находящихся в делопроизводственном процессе.

Пройдут годы, устареет вся современная техника, а ее парк обновляется стремительно, выйдет из моды мебель или превратится в труху мебель, сделанная из ДСП (древесно-стружечных плит), уже не будет в коллективе людей, когда-то здесь работавших, но останутся документы как молчаливые свидетели когда-то кипевших «учрежденческих страстей».

Можно привести сравнение, которое легко запоминается: «Чем отличается документы от продуктов питания? А тем, что продукты, чем дольше лежат, тем больше портятся, а документы чем дольше лежат, тем больше растут в цене».

Парадоксально, но факт – даже уничтожаемые сегодня в ходе плановой экспертизы ценности документы спустя годы могут оказаться куда более ценными, нежели мы сегодня это представляем.

Печально-поучительная история произошла несколько лет тому назад с бортовым журналом космонавта Юрия Гагарина. Он совершил свой легендарный полет в 1961 г. И вот в начале 2000-х гг. этот документ вдруг был выставлен за рубежом на продажу на аукционе. Сегодня на международном уровне дневники Ю. Гагарина стоят около 200 тыс. долл.

Правильно говорили старые архивисты: «Лучше лишнее сохранить, нежели нужное уничтожить». Этот постулат должен помнить каждый работающий с документами, ибо в итоге от учреждения ничего не остается, кроме его документов.

Это хорошо понимают архивисты; архивные учреждения Российской Федерации в последние годы действительно приобрели значительный опыт коммерческого использования документов, одним из аспектов при оценке которых является установление цены документа, копии документа или документной информации. И несмотря на очевидный разрыв в ценовой политике зарубежных стран и отечественного рынка, в России всё больше изучают и стараются использовать международный опыт оценки исторических реликвий, в том числе и архивных документов.

Примечания

- 1 Труды ВНИИДАД. Т. IV. Ч. 2. С. 314–315.
- 2 Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 19.07.1995 г. № 110-ФЗ. Ст. 27.
- 3 Труды ВНИИДАД. Т. 4. Ч. 2. С. 315.
- 4 Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения // Отечественные архивы, 2001. № 1. С. 51.
- 5 Принципы денежной оценки документов Архивного фонда Российской Федерации и их страхование: Метод рекомендации. М., 1993. С. 3–4.
- 6 Там же. С. 19.
- 7 Маркетинг информации Архивного фонда Российской Федерации. М., 1995. С. 27.
- 8 Там же. С. 12, 82.

Е.М. Бурова

- 9 Положение о Федеральной архивной службе России // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 3–8. Р. 6. П. 17.
- 10 *Еремченко В.А.* О некоторых вопросах собирания старинных документальных памятников // Советские архивы. 1986. № 3. С. 57.
- 11 «Де Бирс»: Возвращенные реликвии. Пушкиниана Русского Зарубежья. М., Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 1, 32.
- 12 Положение о Федеральном архивном агентстве. 17 июня 2004 г. № 290. П. 5.4.6.
- 13 Положение об Архивном фонде Российской Федерации // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 8. П. 22.
- 14 Маркетинг информации Архивного фонда Российской Федерации. М., 1995. С. 41, 62, 68, 70.
- 15 Принципы денежной оценки документов Архивного фонда Российской Федерации и их страхование. М., 1993. С. 9–13.
- 16 Журнал «Деньги». 1996. № 8 (68). С. 52.
- 17 Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации. М., 2002. С. 91.
- 18 Принципы денежной оценки документов Архивного фонда Российской Федерации и их страхование. М., 1993. С. 16.
- 19 *Козлов В.П.* Фальсификация исторических источников: источниковедческий, исторический, архивоведческий аспекты // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1997. С. 32.

Т.С. Волкова

ВЕДОМСТВЕННОСТЬ В АРХИВНОЙ ПРАКТИКЕ
СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(нормативно-правовой аспект)

Тема статьи занимает важное место в изучении особенностей организации архивной системы России в контексте общей истории Отечества. Работа ориентирует читателя на знание и понимание обстоятельств создания и эволюции сети крупнейших ведомственных архивов государства, обладающих особым статусом. Специальное внимание уделено рассматриванию роли нормативно-правового фактора в понимании причин возвращения и развития феномена «ведомственности» в централизованном советском архивном деле, в осмыслении цели, формы и методов его закрепления в архивной практике российского государства на современном этапе.

Ключевые слова: Депозитарное хранение документов Архивного фонда РФ, ведомственные архивы, архивное право, ведомственность, архивы.

В дореволюционный период в ведомствах и учреждениях России на правах их структурных подразделений находилось несколько десятков тысяч архивов, постоянно хранящих исторически сложившиеся комплексы документов и комплектующихся вновь образуемыми материалами. В СССР возрождению ведомственных тенденций в архивном строительстве способствовали коллизия декретов СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» и от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел»; фактическое игнорирование требования последнего о едином 5-летнем сроке хранения документов в советских ведомствах. Декрет утратил силу 28 января 1929 г. с введением в действие «Положения об архивном управлении РСФСР», нечеткость формулировок которого также давала основание для самых разнообразных толкований на практике вопроса о сроках временного хранения архивных материалов¹. Принцип полного отчуждения от ГАФ значительных комплексов документов закрепился в организации архивов в системах внешнеполитического и оборонного ведомств, в органах внутренних дел, спецслужбах и в целом ряде других органов государства. Могущественные ведомства, фактически владея, распоряжаясь и пользуясь документами, отложившимися в пределах отдельных отраслей, становились таким образом их полноправными собственниками; их архивы действовали независимо от государственных органов управления

архивным делом (1918–1922 – ГУАД при Наркомпросе РСФСР; 1922–1929 – Центрархив при ВЦИК РСФСР; 1929–1938 – ЦАУ РСФСР, ЦАУ СССР; 1938–1948 – ГАУ НКВД СССР; 1948–1960 – ГАУ МВД СССР; 1960–1991 – ГАУ при СМ СССР (Главархив СССР)). Характерно, что юридические вопросы управления и контроля за фондами, находившимися на постоянном хранении в ведомствах на основании специальных правительственных постановлений, не оговаривались в первом «Положении о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов СССР» от 29 марта 1941 г., объявленном постановлением СНК СССР № 723. «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР» от 13 августа 1958 г., утвержденное постановлением СМ СССР № 914, лишь перечисляло некоторые «несекретные» ведомства и учреждения. Последнее «Положение о Государственном архивном фонде СССР», утвержденное постановлением СМ СССР № 274 4 апреля 1980 г., констатируя право постоянного государственного хранения документов ГАФ СССР «отраслевыми государственными фондами, министерствами, ведомствами СССР и организациями...», также давало весьма неполный список последних².

Практическое воплощение принципа ведомственности в архивном деле СССР, признанного «не противоречащим идее о централизации архивного дела в стране»³, имело довольно весомое правовое оформление и во многом объяснялось задачами формирования системы официальной секретности государства, ориентированной, в том числе, и на строгий учет и охрану архивов. Хотя в СССР так и не было принято специального законодательства, регулировавшего общественные отношения в области обеспечения государственной тайны, многочисленные нормативно-правовые акты способствовали обособлению ведомственных фондов. К числу таковых в довоенный период отнесем, например, «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» (первый открытый; утвержден Постановлением СНК СССР от 27 апреля 1926 г.) и «Правила пользования архивными материалами ЕГАФ» (издание 1926 г.). «Правила», в частности, определяли, что «секретными являются материалы секретного и несекретного делопроизводства учреждений пореволюционного периода... а равно те материалы дореволюционного периода, разглашение которых по характеру их содержания является в государственных интересах недопустимым» (формулировка закреплена и в пункте 73 вышеупомянутого «Положения об архивном управлении РСФСР»). После Великой Отечественной войны правовое регулирование охраны государственных секретов подкреплялось введением в действие Перечня сведений, составляющих государственную тайну (впервые утвержден Постановлением СМ СССР от 28 апреля 1956 г., впоследствии неоднократно пересматривался), законом об уголовной ответственности за государственные преступления (от 25 декабря 1958 г. с последующими изменениями и дополнениями от 11 января 1984 г.; в закон были включены нормы об ответственности за разглашение государственной

тайны, утрату документов, ее содержащих, передачу иностранным организациям сведений, содержащих служебную тайну)⁴. Порядок сохранения секретных сведений регулировался таким образом, общесоюзными и ведомственными нормативными актами; ряд таковых (приняты Президиумом ВС СССР и СМ СССР) был направлен на совершенствование практики защиты секретной информации (например, «Инструкция по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях СССР», утвержденная Постановлением СМ СССР № 556 – 126 от 12 мая 1987 г., регламентировала порядок определения степени секретности информации, ее пересмотра и обеспечения сохранности).

К моменту ликвидации союзных ведомств осенью 1991 г., согласно «Положению о Государственном архивном фонде СССР» 1980 г. (Приложение № 2), закрепившему давно сложившуюся практику, правом постоянного (государственного) хранения архивных документов официально обладали **отраслевые государственные фонды (ОГФ)**:

– Объединение «Всесоюзный геологический фонд» при Министерстве геологии СССР (с 1973 г.; Союзгеолфонд, ВГФ). ВГФ образован в 1937 г. в составе Главного геологического управления Наркомата тяжелой промышленности СССР, с 1938 по 1946 гг. находился в ведении Комитета по делам геологии при СНК СССР; переименованный в 1946 г. в Главное управление геологических фондов (ГУГФ), до 1953 г. находился в составе Министерства геологии СССР, тесно взаимодействуя с Геологическим управлением МВД СССР, координирующим деятельность геологоразведочных служб лагерных управлений; в связи с реорганизацией Мингеологии ГУГФ, вновь преобразованный в ВГФ, был передан Госплану СССР, затем до 1973 г. действовал на правах Главного управления Министерства геологии СССР (в 1953–1963 гг. – Министерства геологии и охраны недр СССР);

– Центральный картографо-геодезический фонд Главного управления геодезии и картографии при СМ СССР (ЦКГФ): образован в 1938 г. в составе Управления государственного геодезического надзора Главного управления геодезии и картографии (ГУГК) при СНК СССР на базе расформированного Центрального бюро картографо-геодезической изученности (ЦБКГИ) Главного управления государственной съемки и картографии (ГУГСК), действовавшего с 1935 г. в системе НКВД СССР. В 1953–1960 гг. ГУГК также являлось подразделением центрального аппарата МВД СССР, до 1963 г. – Министерства геологии и охраны недр СССР, до 1967 г. – Министерства геологии СССР; в 1967–1991 гг. находилось в ведении СМ-Кабинета Министров СССР;

– Всесоюзный государственный фонд кинофильмов Государственного комитета СССР по кинематографии (с 1991 г. – Комитета по кинематографии СССР): Госфильмофонд СССР образован в 1948 г. при Министерстве культуры СССР, в системе которого находился до 1963 г.;

– Государственный фонд данных о состоянии окружающей природной среды Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды (с 1980 г. – Госфонд): создан в 1957 г. как

Т.С. Волкова

Государственный фонд гидрометеорологических материалов (Гидрометфонд СССР) Главного управления гидрометслужбы при СМ СССР (ГУГМС);

– Всесоюзный информационный фонд стандартов и технических условий Государственного комитета СССР по стандартам (ЦГФСТУ): создан в 1965 г. в структуре Всесоюзного научно-исследовательского института классификации, терминологии и информации по стандартам и качеству (ВНИИКТИ), а также МИД СССР, музеи и библиотеки системы Министерства культуры СССР, Академия наук СССР и академии наук союзных республик.

В соответствии с постановлением СМ СССР от 19 августа 1979 г. № 769 – 236 – КГБ СССР.

По постановлению СМ СССР от 27 декабря 1984 г. № 271 – МВД СССР.

По постановлению СМ СССР от 18 июня 1987 г. № 685 – Минсредмаш СССР (в 1989 г. ликвидировано, функции и полномочия переданы Министерству атомной энергетики и промышленности СССР, предшественниками которого в период с 1945 г. являлись также последовательно Особый комитет при ГКО СССР (с марта 1946 г. и до 1953 г. при СНК–СМ СССР), выделившийся из состава Минсредмаша Государственный комитет по использованию атомной энергии при СМ СССР (1965–1986), Минатом СССР (1986–1989).

Предельный срок хранения документов (75 лет) был установлен для **Министерства обороны СССР** решением СМ СССР от 9 августа 1979 г. № 15509⁵.

Право постоянного (и долговременного) хранения документов ГАФ СССР, предоставленное по согласованию с Главархивом СССР, распространялось не только на сами ОГФ, министерства, ведомства и организации СССР, но и на всю их подведомственную систему. В целом постоянно хранили документы 2023 ведомственных архива, в том числе около 2000 рукописных отделов библиотек и музеев системы Минкультуры СССР (в стране числилось 3286 государственных архивов, в том числе с постоянным составом документов – 628 и с переменным – 2658)⁶.

Первый архивный закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. – **«Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах»** (ст. 17) – наделял правом постоянного хранения документов государственной части Архивного фонда Российской Федерации только государственные архивы, государственные музеи и библиотеки⁷. Норма о постоянном хранении находящихся в государственной собственности документов АФ РФ в государственных архивах, музеях, библиотеках и организациях Российской академии наук закрепляется и пунктом 1 части 1 ст. 18 действующего федерального закона **«Об архивном деле в Российской Федерации»** от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ⁸. Таким образом, право постоянного хранения документов АФ РФ, являющихся государственной собственностью, не предусмотрено для государственных органов и организаций в

«создаваемых ими архивах» (однако закон не содержит прямого запрета на их деятельность в этой области).

Заметим, что статус рукописных материалов и документальных коллекций в системе государственных библиотек и музеев (с 2004 г. последние находятся в ведении Федерального агентства по культуре и кинематографии Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ) также подтверждается федеральными законами «О библиотечном деле» (от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ), «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ), Положением о музейном фонде Российской Федерации (утверждено Постановлением Правительства РФ от 12 февраля 1998 г. № 179) и др. законодательными и подзаконными актами⁹.

Сеть академических архивов также обширна, определяется Положением об Архивном фонде РАН, утвержденном Президиумом РАН. Отметим, что архивами с постоянным составом документов в этой системе являются собственно Архив РАН, региональные научные архивы отделений РАН, их научных центров и региональных отделений РАН. В архивах с постоянно-переменным составом документов (передающих в соответствующие архивы с постоянным составом управленческую документацию) постоянно хранятся только комплексы документов, исторически сложившиеся в результате собирательской деятельности. К ним относятся научно-отраслевые архивы и научные архивы учреждений РАН и ее региональной сети. В Москве, например, таковыми являются Научный архив и Иконотека ИИЕТ им. С.И. Вавилова; Научно-отраслевой архив Института археологии; Научный архив Института востоковедения; Научный архив ИРИ; Группа историко-правовой и архивной информации ИПП; Научный архив ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Научный архив Института психологии; Отдел рукописей и художественных иллюстраций и Архив А.М. Горького ИМЛИ им. А.М. Горького; Рукописный отдел и архивы отделов Института русского языка и др.; в Санкт-Петербурге (и Ленинградской области) – архив СПбФ ИИЕТ; Рукописный архив, фотоархив ИИМК; Фонд восточных документов, Рукописный отдел, Архив востоковедов (Азиатский архив) СПбФ ИВ; Отдел источниковедения и Архив СПбФ ИРИ; Научный архив, Фотонегативы, Отдел «Музей М.В. Ломоносова» Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Научно-отраслевой архив и Музей истории Русского Географического общества; Архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений СПбФ Института социологии; Рукописный отдел, Древлехранилище им. В.И. Малышева, Хранилище фольклорных материалов, Фонограммархив отдела народно-поэтического творчества и Литературный музей ИРЛИ (Пушкинского дома); Научный архив и мемориальный кабинет академика А.Ф. Иоффе ФТИ им. А.Ф. Иоффе; Научно-технический архив СПб ИЯФ им. Б.П. Константинова; Архив Зоологического института; мемориальный музей-квартира академика И.П. Павлова Института физиологии им. И.П. Павлова; Архив Ботанического института им. В.Л. Комарова; Фотоархив ЛАФОКИ СПб научного центра¹⁰.

А как же решен вопрос с бывшими ОГФ, и с теми министерствами и ведомствами РФ – преемниками ликвидированных центральных органов управления СССР, обладавших правом постоянного хранения архивных документов? В 1994 г. Указом Президента РФ от 17 марта № 552 было утверждено **Положение об Архивном фонде Российской Федерации**¹¹. В пункте 7 этого документа определено, что для указанных в нем федеральных органов исполнительной власти, организаций и предприятий (и подведомственных им структур и воинских частей) сроки и условия временного и депозитарного хранения и использования «архивных документов, образовавшихся и образующихся при осуществлении деятельности» и «архивных фондов и архивных документов, принятых в их ведомственные архивы... устанавливаются в соглашениях», заключаемых ими «с Государственной архивной службой России» (официальное название Росархива в декабре 1992 – августе 1996). При этом отметим, что в соответствии с пунктом 9 передача документов государственной части АФ РФ «на постоянное хранение в учреждения Государственной архивной службы России» предусматривалась только для случая истечения «предельных сроков временного хранения» (определены пунктом 6) и, таким образом, не распространялась на материалы депозитарного хранения, подпадавшие под действие пункта 7.

В перечень структур, получивших право заключения соглашений с Росархивом, были включены все бывшие ОГФ, Федеральная служба контрразведки (с 1995 г. – ФСБ), Служба внешней разведки, внешнеполитическое и силовые ведомства, министерство по атомной энергии; позднее, по Указу Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 460, – Федеральная пограничная служба и Федеральное агентство правительственной связи и информации при Президенте РФ¹². Однако две последние структуры, упраздненные 1 июля 2003 г. (согласно Указу Президента РФ «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» от 11 марта 2003 г. № 308 функции ФПС переданы ФСБ с созданием в ее системе Пограничной службы; ФАПСИ – ФСБ, СВР и вновь созданной Службе специальной связи и информации при Федеральной службе охраны Российской Федерации), уже не упоминались в пункте 7 «Положения...» в редакции Указа Президента РФ от 19 ноября 2003 г. № 1365 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области безопасности Российской Федерации»¹³. В целом в нем указывались:

- Министерство обороны Российской Федерации;
- Министерство внутренних дел Российской Федерации;
- Министерство иностранных дел Российской Федерации;
- Министерство Российской Федерации по атомной энергии (с 2004 г. – Федеральное агентство по атомной энергии Правительства РФ);
- Служба внешней разведки Российской Федерации;

Ведомственность в архивной практике СССР и Российской Федерации...

- Федеральная служба безопасности Российской Федерации;
- Служба специальной связи и информации при Федеральной службе охраны Российской Федерации (реорганизована в 2004 г. и включена в состав ФСО с образованием на ее базе структурного подразделения последнего);
- Государственное геологическое предприятие «Российский геологический фонд» Комитета Российской Федерации по геологии и использованию недр (в 1998 г. Росгеолфонд переименован в федеральное государственное унитарное научно-производственное предприятие «Российский федеральный геологический фонд» – РФГФ; с 2004 г. – в ведении Федерального агентства по недропользованию Министерства природных ресурсов РФ);
- Российский государственный фонд данных о состоянии окружающей природной среды Федеральной службы России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (в 1999 г. Госфонд переименован в Единый государственный фонд данных о состоянии окружающей природной среды, ее загрязнении – ЕГФД; действует в системе ВНИИ гидрометеорологической информации – мирового центра данных (ВНИИГМИ – МЦД) Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромета), находящейся с 2004 г. в непосредственном ведении Правительства РФ);
- Центральный картографо-геодезический фонд Федеральной службы геодезии и картографии России (в 2000 г. переименован в Федеральный картографо-геодезический фонд – ФКГФ; с 2004 г. – в ведении Федерального агентства геодезии и картографии (Роскартография) Министерства транспорта РФ);
- Центральный государственный фонд стандартов и технических условий Комитета Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации (в 2003 г. преобразован в Федеральный информационный фонд технических регламентов и стандартов Российского научно-технического центра информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия (ФГУП «Стандартинформ»); с 2004 г. – в ведении Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Министерства промышленности и энергетики РФ);
- Российский государственный фонд кинофильмов Комитета Российской Федерации по кинематографии (с 2004 г. Госфильмофонд (Государственный фонд кинофильмов РФ) курируется Федеральным агентством по культуре и кинематографии Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ).

Отметим, что данные в скобках сведения о переименовании, статусе и подведомственности отдельных структур по состоянию на 2004 г. отражают изменения в процессе современного этапа административной реформы органов исполнительной власти, правовое оформление которой составляют Указы Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 и «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» от 20 мая 2004 г. № 649 (и его последующие редакции)¹⁴.

В период до принятия федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» соответствующие договоренности о депозитарном хранении и использовании для всех категорий документов заключили с Росархивом (август 1996 – март 2004 – Федеральная архивная служба России; с марта 2004 г. – Федеральное архивное агентство Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ) практически все вышеперечисленные ведомства и организации, за исключением МВД РФ (для основной управленческой документации срок временного хранения определен в 85 лет; депозитарное хранение предусмотрено для документов, раскрывающих методы и формы оперативно-розыскной деятельности, иных категорий материалов) и МО РФ (согласован 75-летний срок ведомственного хранения для всех документов, образующихся в деятельности самого ведомства и подчиненных ему органов военного управления, воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций).

«Дополнительно» были заключены соглашения с Аппаратом Правительства Российской Федерации (Департамент делопроизводства и контроля) и Архивом Президента Российской Федерации¹⁵.

С принятием закона пункт 7 «Положения...» утратил силу (Указ Президента РФ от 8 мая 2005 г. № 531 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области безопасности Российской Федерации»). Указом Президента РФ от 26 января 2007 г. № 68 «О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации по вопросам архивного дела» в целом отменено действие указов от 17 марта 1994 г. № 552 «Об утверждении Положения об Архивном фонде Российской Федерации и Положения о Государственной архивной службе России»; от 1 апреля 1996 г. № 460 «О внесении изменения в Положение об Архивном фонде Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 17 марта 1994 г. № 552»; от 1 декабря 1998 г. № 1447 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 1994 г. № 552 “Об утверждении Положения об Архивном фонде Российской Федерации и Положения о Государственной архивной службе России” и в Положение об Архивном фонде Российской Федерации». Также утратил силу пункт 8 приложения № 1 к Указу Президента РФ от 19 ноября 2003 г. № 1365.

В законе впервые дается определение правового понятия «депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации» как одного из основных: это – их хранение в «в течение сроков и на условиях, определенных соответствующими договорами» между «федеральными органами исполнительной власти и организациями (в том числе государственными академиями наук...) и специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти» (пункт 15 ст. 3). В части 2 ст. 18 при этом уточняется, что норма относится к документам АФ РФ, «находящимся в федеральной собственности», а в договорах должны быть

установлены «сроки и условия... использования указанных документов». Здесь также определяется, что перечень структур, осуществляющих депозитарное хранение документов АФ РФ, находящихся в федеральной собственности, «устанавливается Правительством Российской Федерации». Закон не предусмотрена передача депозитарно хранимых документов АФ РФ, находящихся в государственной (федеральной) собственности, на постоянное хранение в соответствующие государственные архивы.

В соответствии с законом Правительством РФ (Постановление № 808 от 27 декабря 2006 г.) утвержден Перечень федеральных органов исполнительной власти и организаций, осуществляющих депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в федеральной собственности¹⁶. Теперь уполномоченными заключать с Росархивом соответствующие договоры являются:

- МВД России;
- МИД России;
- Минобороны России;
- СВР России;
- ФСБ России;
- ФСКН России;
- ФСИН России;
- Росатом;
- Роскартография;
- Российская академия сельскохозяйственных наук;
- Российская академия медицинских наук;
- Российская академия образования;
- Российская академия художеств;
- Российская академия архитектуры и строительных наук;
- Государственное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт гидрометеорологической информации – Мировой центр данных» (г. Обнинск);
- Федеральное государственное учреждение «Государственный фонд телевизионных и радиопрограмм» (г. Москва);
- Федеральное государственное унитарное научно-производственное предприятие «Российский федеральный геологический фонд» (г. Москва);
- Федеральное государственное унитарное предприятие «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» (г. Москва).

Итак, перечень, предусмотренный действующим федеральным архивным законом, утвержден, но, отметим, продолжает оставаться неясным вопрос о статусе целого ряда «организаций и архивохранилищ РФ, не входящих в систему Росархива», список которых содержится на официальном сайте последнего. В их числе значатся, например: Управление Президента РФ по кадровым вопросам и государственным наградам; Управление документационного и информационного обеспечения Аппарата Государственной Думы РФ; Государственный архив печати

Т.С. Волкова

Российской Книжной Палаты; Архив Российской центральной студии документальных фильмов (РЦСДФ); Государственный патентный фонд Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам Министерства образования и науки РФ; Фонд цифровых картографических данных (ЦКД) Государственного научно-внедренческого центра геоинформационных систем и технологий (Госгисцентр) Федерального агентства геодезии и картографии Министерства транспорта РФ; Отдел архивов Департамента управления делами Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации; архивы Федеральных агентств Министерства транспорта РФ; Центральный архив Министерства финансов РФ; Архив Главной военной прокуратуры; Отдел по вопросам записи актов гражданского состояния Федеральной регистрационной службы Министерства юстиции РФ и др.¹⁷

Необходимо подчеркнуть, что складывающуюся систему депозитарного хранения и использования документов АФ РФ, находящихся в государственной (федеральной) собственности, наряду с архивным законодательством подкрепляют законы «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 41, ст. 4673; 2003, № 27, ст. 2700; № 46, ст. 4449; 2004 г. № 27, ст. 2711; № 35, ст. 3607); «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, сменивший действовавший с 1995 г. закон «Об информации, информатизации и защите информации» (и в редакции от 10 января 2003 г. № 15-ФЗ)); «информационные» статьи законов о безопасности, оперативно-розыскной деятельности, внешней разведке и др.; законодательные и подзаконные акты о бывших ОГФ.

В современной отечественной историографии, затрагивающей вопросы особой роли ряда ведомств в области владения, распоряжения и пользования создаваемыми документами, а также документальными комплексами их предшественников в советское время, архивохранилища этих ведомств иногда обозначаются как **специализированные отраслевые ведомственные фонды (синоним – отраслевые архивные фонды)**. Заметим, что как правовые такие понятия не содержатся в архивном законодательстве. В зависимости от доступности документов для пользователей такие архивохранилища подразделяются на типы: **ограниченно-публичные** (доступные для определенных категорий юридических и физических лиц), **доверительные** (доступные для доверенных юридических и физических лиц), **закрытые или оперативно-текущие** (доступные только юридическим лицам и их представителям для выполнения служебных задач). Отмечается, что в архивах ограниченно-публичного типа проводится «жесткий отбор пользователей в зависимости от целей их работы, уровня профессионализма, определяющий границы знакомства с научно-справочным аппаратом, документальными комплексами»; архивы доверительного типа отличает «жесткая селекция пользователей по исключительно субъективным критериям и невозможность какой-либо проверки выходящей из них

архивной информации на подлинность, достоверность, адекватность и пр.»; архивы закрытого типа предполагают, что «находящаяся в них информация не только или даже не столько секретная или конфиденциальная, сколько оперативная», имеет «практическое значение», еще не перешла «в разряд исторических источников»¹⁸.

Следует также отметить, что в докладе руководителя Росархива на Парламентских слушаниях по проблемам безопасности, комплектования и использования Архивного фонда Российской Федерации (февраль 1999 г.) отмечено «настойчивое стремление получить право постоянного хранения документов» некоторыми силовыми ведомствами и министерствами, «что может привести к ослаблению контроля за их сохранностью и использованием»¹⁹.

Формирование в постсоветский период системы депозитарного хранения и использования документов АФ РФ, находящихся в государственной (федеральной) собственности, – важная отличительная черта российского архивного дела и в целом современной российской модели информационного общества²⁰.

Примечания

- 1 Основные декреты и постановления советского правительства по архивному делу. 1918–1982 гг. М., 1985. С. 6–7; 9–11. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 35–61.
- 2 Основные декреты и постановления... С. 49–60.
- 3 См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980. М., 1994. С. 309–310.
- 4 См.: *Северин В.А.* Правовое регулирование охраны государственных секретов в СССР // Советское государство и право, 1991. № 1. С. 39–47.
- 5 См.: *Тарасов И.Н., Викторова Т.В.* Новые аспекты сотрудничества Росархива с министерствами и ведомствами // Отечественные архивы, 1995. № 2. С. 15.
- 6 *Елатьевский А.В.* Через 17 лет... (размышления архивиста о перспективном планировании) // Отечественные архивы, 1992. № 1. С. 35.
- 7 Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993. № 33, ст. 1311.
- 8 Собрание законодательства Российской Федерации, 2004. № 43, ст. 4169; с изменениями, внесенными федеральным законом от 4 декабря 2006 г. № 202-ФЗ (Российская газета, № 277, 08.12.2006).
- 9 См., например, извлечение из текста закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ: Сборник законодательных и нормативных правовых актов об архивном деле. М., 2002. С. 91–94. См. также: Архивные документы в библиотеках и музеях Российской Федерации. Справочник. М., 2003. С. 623.
- 10 Подробнее см.: Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997. С. 341–437.
- 11 Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1994. № 12. Ст. 878.

Т.С. Волкова

- 12 Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 15. Ст. 1575.
- 13 Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. № 47. Ст. 4520.
- 14 Собрание законодательства Российской Федерации, 2004. № 11. Ст. 945;
Собрание законодательства Российской Федерации, 2004. № 21. Ст. 2023.
- 15 *Тарасов И.Н., Викторова Т.В.* Указ. соч. С. 17.
- 16 Собрание законодательства Российской Федерации. № 1 (ч. II), 01.01.2007. Ст. 266.
- 17 Подробнее см. web-сайты:
Архивы России. Запросы и услуги: Адреса организаций и архивохранилищ РФ, не входящих в систему Росархива (Перечень) [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/demands/adress/vedom.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.06.08.
Управление документационного и информационного обеспечения: Состав и структура Государственной Думы. Аппарат Государственной Думы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – Электрон. данные. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/index.jsp?t=apparatus/cpr.jsp&u=52200138>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.05.08.
Федеральное агентство по недропользованию «Роснедра»: Российский государственный геологический фонд [Электронный ресурс] // Информационный сайт ФГУНПП «Росгеолфонд». – Электрон. данные. – 2005–2007. – Режим доступа: <http://www.rfgf.ru/index.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.06.08.
Государственный фонд телевизионных и радиопрограмм [Электронный ресурс] // Информационный портал о работе Гостелерадиофонда – Электрон. данные. – М., 2004 – 2008. – Режим доступа: <http://www.gtrf.ru/flash.asp>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.05.08.
Российская книжная палата [Электронный ресурс] // Информационный сайт РКБ. – Электрон. данные. – М., 2006 – 2008. – Режим доступа: <http://www.bookchamber.ru/publicationArchive.htm>, свободный. – Данные соответствуют 03.05.2008.
Кинолетопись [Электронный ресурс] // Архив Российской Центральной Студии Документальных Фильмов / Марина Гридина. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.kinohronica.narod.ru/index2.htm>, свободный. – Данные соответствуют 03.05.2008.
Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент): Государственный патентный фонд [Электронный ресурс] // Информационный сайт Роспатента. – Электрон. данные. – 2001 – 2008. – Режим доступа: <http://www.fips.ru/vptb/gpf.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.06.08.
Государственный награды России: Комиссия по государственным наградам при Президенте Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Ко-

Ведомственность в архивной практике СССР и Российской Федерации...

миссии по государственным наградам при Президенте РФ. – Электрон. данные. – 1999 – 2008. – Режим доступа: http://www.award.adm.gov.ru/upr/upr_1.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.06.08.

Архив Российской академии наук: Общая информация [Электронный ресурс] // Официальный сайт РАН. – Электрон. данные. – М., 2007. – Режим доступа: http://isir.ras.ru/win/db/show_org.asp?P=oi-816.ln-ru, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Международная служба розыска (ITS): Архив судеб жертв нацистских репрессий [Электронный ресурс] // Официальный сайт ITS. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.its-arolsen.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.06.08.

Центр розыска и информации Российского Красного Креста [Электронный ресурс] // Информационный сайт РОКК. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://cri-rkk.ru/page_08.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.06.08.

Федеральное агентство геодезии и картографии (Роскартография) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Роскартографии. – Электрон. данные. – 2002 – 2008. – Режим доступа: <http://www.roskart.gov.ru/default.asp>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.06.08.

Федеральное государственное агентство по техническому регулированию и метрологии «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГУП «Стандартинформ». – Электрон. данные. – 2006 – 2008. – Режим доступа: http://www.vniiki.ru/federal_fund_of_standards.asp, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Федеральное государственное агентство по техническому регулированию и метрологии «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГУП «Стандартинформ». – Электрон. данные. – 2006 – 2008. – Режим доступа: <http://www.gostinfo.ru/show.php?/news/news.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

18 См., в частности, *Козлов В.П.* Публичность архивов и свобода архивной информации // Российское архивное дело. Архивно-источниковедческие исследования. М., 1999. С. 269.

19 Цит. по: Парламентские слушания по проблемам безопасности, комплектования и использования Архивного фонда Российской Федерации // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 4.

20 При подготовке статьи были также использованы материалы Web-сайтов: Архивы России. Архивная отрасль: Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/branch/rosarchive>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Т.С. Волкова

Архивы России. Ссылки: Архивы государственных организаций [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001 – 2008. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/links/russian/vedom.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Архивы России. Архивное законодательство: Федеральный закон «Об архивном деле в РФ» [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/lows/fz.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Архивы России. Архивное законодательство: Положение об архивном фонде РФ [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/lows/archfond.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Федеральные органы власти: Федеральная архивная служба России (Росархив) [Электронный ресурс] // Сайт Информационно-исследовательского центра «Панорама». – Электрон. данные. – 1999 – 2008. – Режим доступа: <http://www.panorama.ru/prav/rosarhiv.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Архивы России. Архивная отрасль: Федеральное архивное агентство (История) [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/branch/rosarchive/history.shtml>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

Архивы России. Архивная отрасль: Положение о Федеральном архивном агентстве [Электронный ресурс] // Сайт Федерального архивного агентства (Росархива) при поддержке Института «Открытое общество» («Фонд Сороса») и Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/branch/rosarchive/poloj_faa.shtml, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.

О.Н. Косенко

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ
НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЗОНЫ
ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ (1945–1949 гг.)

На территории Советской зоны оккупации Германии в 1945–1949 гг. функционировали следующие органы управления архивным делом: архивные подразделения Советской военной администрации Германии (СВАГ), а также созданный в 1949 г. Главный архивный отдел Немецкого управления внутренних дел. Статья посвящена рассмотрению процесса создания и эволюции этих органов, основных направлений их деятельности, а также исследованию характера их взаимодействия с советскими и немецкими учреждениями.

Ключевые слова: СВАГ, архивное дело, трофейные архивы, реституция, Германия, Советская зона оккупации.

Одним из наименее изученных аспектов истории российского архивоведения является деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ)¹ по организации архивного дела на территории советской оккупационной зоны в 1945–1949 гг. Несмотря на то, что многие аспекты истории СВАГ неоднократно становились объектом рассмотрения историографии данной проблемы, архивная политика, проводимая СВАГ на оккупированной территории Германии, не подвергалась исследованию. Между тем изучение данной темы представляется важным не только с точки зрения истории архивоведения: рассмотрение и анализ деятельности органов СВАГ в архивной сфере даст возможность осветить новые аспекты таких проблем, как демилитаризация и денацификация Германии, реституция архивных документов и других культурных объектов.

При исследовании конкретных действий СВАГ, связанных с архивами, прежде всего необходимо установить круг органов управления архивным делом, существовавших на территории Советской зоны оккупации Германии. Структура, подчиненность, кадровый состав, функции этих органов, характер взаимодействия с другими учреждениями – всё это определяло порядок работы и проведения тех или иных мероприятий, а также во многом влияло на положительный или отрицательный результат предпринимаемых мер.

Существует немало работ, так или иначе касающихся вопросов послевоенного перемещения немецких и возвращения советских культурных объектов (в том числе и архивов) в СССР. Однако в предмет иссле-

О.Н. Косенко

дования этих работ входило не подробное рассмотрение учрежденческого аспекта, а описание конкретных действий по розыску, выявлению и перемещению архивов, библиотек и музейных объектов². В контексте изучаемой проблемы большое значение имеют статьи В.В. Цаплина о розыске архивов, вывезенных с оккупированной территории СССР в период Великой Отечественной войны³. В этих работах рассматриваются не только мероприятия по розыску и возвращению советских архивных документов, но также говорится и об архивной службе СВАГ.

В настоящей статье описан процесс становления и эволюции органов управления архивным делом на территории Советской зоны оккупации Германии в 1945–1949 гг. – архивных подразделений СВАГ, а также образованного в последний год советской оккупации Главному архивному отделу Немецкого управления внутренних дел. Источниковой базой послужили архивные документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)⁴.

«В целях сохранения и использования архивов министерств, имперской канцелярии и местных немецких учреждений Советской зоны оккупации Германии» Главным начальствующим СВАГ маршал Советского Союза Г.К. Жуков 6 декабря 1945 г. издал приказ № 0103 «О формировании Архивного отдела СВА в Германии, архивных отделений в провинциях Советской зоны оккупации Германии и введении архивных инспекторов при окружных военных комендатурах»⁵.

Приказом предусматривалось образование Архивного отдела СВАГ численностью 20 человек и архивных отделений в составе управлений Советской военной администрации (УСВА) провинций и федеральных земель: Мекленбург, Бранденбург, Саксония-Ангальт, Саксония и Тюрингия численностью по 4 человека в каждой провинции/земле, а также введение при управлениях окружных военных комендатур по одной штатной должности инспектора по архивам. Ответственность за формирование указанных структурных единиц возлагалась на начальника Отдела внутренних дел (ОВД) СВАГ. Штатное расписание Архивного отдела, архивных отделений при УСВА земель и архивных инспекторов при окружных военных комендатурах было утверждено постановлением Государственной штатной комиссии при СНК СССР № 1666-с от 21 ноября 1945 г.

Итак, Архивный отдел СВАГ создавался прежде всего в целях выявления всех архивов, находящихся на территории Советской оккупационной зоны. Следует отметить, что в поле его внимания попали лишь центральные, провинциальные и городские архивы. Архивы учреждений и частных фирм научного и технического характера не входили в предмет ведения архивной службы СВАГ. Выявление, учет и отбор данных архивов в целях их изучения и последующей отправки в Советский Союз являлись прерогативой следующих органов: специальных государственных комиссий, занимавшихся приоритетными для СССР научно-техническими проблемами (ракетостроение, физика атомного ядра и т. п.); аппарата уполномоченного Особого комитета при ГКО (СНК – Совете Министров) СССР по Германии, осуществлявшем об-

щее руководство деятельностью представительств отраслевых министерств и ведомств в Германии; Технического отдела СВАГ, Управления СВАГ по изучению науки и техники Германии, Военного управления СВАГ и др., а также соответствующих органов СВАГ на местах (отделений – бюро – отделов по науке и технике УСВА земель и др.)⁶.

По всей видимости, этот ведомственный подход к архивам и стал причиной невыполнения приказа Главноначальствующего СВАГ № 0103 от 6 декабря 1945 г. – Архивный отдел не был сформирован, а его функции длительное время исполнялись одним из отделений УВД СВАГ. Архивное отделение как самостоятельная единица в составе УВД СВАГ было образовано лишь 20 февраля 1947 г. при утверждении нового штата управления.

В федеральных землях и провинциях УСВА в соответствии с приказом в составе отделов внутренних дел к середине 1946 г. были сформированы архивные отделения со штатом из 4 человек: начальника отделения, старшего инспектора, инспектора и переводчика немецкого языка. Число инспекторов по архивам при управлениях окружных военных комендатур зависело от количества округов в каждой земле, всего округов на территории Советской зоны оккупации насчитывалось 18. В 1948 г. ликвидируются архивные отделения при ОВД УСВА земель/провинций и штатные должности инспекторов по архивам при управлениях окружных военных комендатур. Взамен в составе ОВД УСВА земель оставалось только по одному инспектору по архивам. Между тем в январе 1949 г. была утверждена должность архивного инспектора при Отделе внутренних дел Управления военного коменданта г. Берлина.

Процесс формирования архивных отделений был сопряжен с трудностями организационного и кадрового характера. Так, в апреле 1946 г. начальник Сектора (позже – Отдела) внутренних дел СВА федеральной земли Саксония майор З.И. Федоров доложил начальнику Отдела внутренних дел СВАГ генерал-майору П.М. Малькову о том, что приказ Главноначальствующего СВАГ № 0103 от 6 декабря 1945 г. не выполнен, несмотря на то, что им этот вопрос ставился неоднократно перед руководством СВА федеральной земли Саксония⁷. Приказание начальника Управления Советской военной администрации (УСВА) федеральной земли Саксония генерал-майора Д.Г. Дубровского № 0460 от 23 мая 1946 г. всем начальникам управлений комендантской службы (УКС) о назначении инспекторов по архивам в округах Дрезден, Хемниц, Баутцен и Лейпциг не было исполнено, в связи с чем он издал приказ от № 0107 2 июля 1946 г. «О срыве работы Архивного отделения СВА федеральной земли Саксония и наложении дисциплинарного взыскания на виновников»⁸.

Часто инспекторы по архивам в округах привлекались к выполнению работ, не имеющих прямого отношения к их служебным обязанностям. В целях устранения подобной практики руководство отделов внутренних дел УСВА федеральных земель и провинций издавали соответствующие приказания. Так, начальник УКС УСВА федеральной земли

О.Н. Косенко

Саксония генерал-лейтенант Н.И. Труфанов 13 декабря 1946 г. приказал коменданту округа Цвиккау полковнику П.Е. Жаркову «обратить капитана Щербакова⁹ к исполнению своих непосредственных обязанностей инспектора по архивам, освободив его от исполнения обязанностей в Гражданском отделе»¹⁰.

В разрешении кадровой проблемы не смогло оказать помощь и Главное архивное управление (ГАУ) МВД СССР. В ответном письме начальника ГАУ МВД СССР И.И. Никитинского от 2 августа 1946 г. на просьбу П.М. Малькова¹¹ направить в Германию группу архивистов констатировалось, что обнаруженные в Советской зоне оккупации Германии различные германские архивы «безусловно, представляют научный интерес», однако командировать в Германию специальную группу научных сотрудников архивных органов МВД СССР в «настоящее время не представляется возможным». Для проведения практической работы по изучению выявленных архивов И.И. Никитинский считал целесообразным создание немецких архивных учреждений, укомплектованных антифашистскими научными кадрами. Всю работу этих учреждений по приведению в порядок «общеисторических» немецких архивов он рекомендовал проводить под контролем архивных органов СВАГ, а разработку архивов, имеющих «практическое и оперативное значение для советского государства», производить только в Архивном отделе Советской военной администрации¹².

Кадровые трудности были тесно связаны и с организационными: сотрудники отделов внутренних дел не только не имели специальной подготовки и опыта работы в архивной сфере, но и не всегда ясно представляли характер своих должностных функций¹³. Каждый Отдел внутренних дел или коменданты округов выходили из этой ситуации по-разному – просили инструкции и разъяснения в работе либо проявляли полное нежелание выполнять свои должностные обязанности. Примером подобного безответственного отношения к архивной работе может служить обстановка в некоторых городах провинции Бранденбург летом 1946 г. Сложившееся положение стало причиной издания приказа заместителя начальника СВА провинции Бранденбург гвардии генерал-майора В.М. Шарова № 0202 от 21 июня 1946 г. «О мероприятиях по сохранению и приведению в порядок немецких архивов в провинции Бранденбург». В приказе говорилось, что проверкой установлено неудовлетворительное хранение в военных комендатурах и немецких учреждениях архивных материалов. «Архивы, среди которых имеются ценные исторические книги и документы, а также материалы, разоблачающие фашистский элемент, военных и других преступников, находятся в хаотическом состоянии, свалены в подвалах и сырых сараях, мокнут под дождем, разбазариваются как бумага, для разных надобностей. Приведением архивов в порядок на местах никто не занимается. Военные коменданты районов и городов к разборке архивных материалов относятся безответственно. В г. Креммен (Берлинский округ) военный комендант гвардии подполковник И.С. Дедов сжег свыше 15 тонн разных архивов, в том числе и архив гитлеровской полиции.

Имеются факты, когда военные коменданты без ведома СВА провинции выдают архивные материалы, книги и даже целые библиотеки представителям разных учреждений вместо того, чтобы сохранить и разобрать на месте. Начальники управлений военных комендатур Коттбуского и Эберсвальдского округов приказ Главного начальствующего СВА в Германии № 0103 от 6 декабря 1945 г. и мое распоряжение № 0126 от 13 марта с.г. о выделении инспекторов по архивам не выполнили и инспектора до сих пор не назначены»¹⁴. В отличие от подобных приказов, изданных начальниками других УСВА земель и устанавливающих дисциплинарные взыскания в качестве устранения недостатков в работе¹⁵, приказ генерал-майора В.М. Шарова примечателен тем, что содержит перечень конкретных мер по выходу из создавшейся ситуации. Одним из важнейших пунктов этого приказа, по мнению автора, является следующая: «Собранные материалы сложить под охраной в сухих помещениях и организовать разборку силами специалистов из местного населения, для чего провинциальным управлением переведены оберландратам необходимые суммы (Бранденбургскому и Эберсвальдскому округам по 10.000 марок каждому, Берлинскому – 6.000 марок и Коттбускому – 4.000 марок)». Таким образом, не только давалось разрешение на участие немецких специалистов (а не просто технических работников) в работе по приведению в порядок архивов, но и сразу выделялись необходимые суммы на покрытие расходов. Почти 3 месяца спустя – 16 сентября 1946 г. – последовала директива № 41/00501921 заместителя Главного начальствующего СВАГ генерал-полковника И.А. Серова: «...для разработки, изучения и перевода немецких архивов допустить к работе немцев, после предварительной тщательной проверки их». Директива также фиксировала порядок финансирования работ – за счет местных бюджетов согласно утвержденным сметам¹⁶. Позже было установлено число немецких сотрудников: в каждой провинции, в зависимости от потребности – 6–12 человек научных и технических работников и до трех переводчиков¹⁷. Следует отметить, что практика привлечения немецких архивистов для разборки документальных материалов существовала и до издания директивы И.А. Серова. Еще в июне 1946 г. для приведения в порядок извлеченных из-под развалин Имперского и Военного архивов в г. Потсдаме была привлечена группа немецких архивистов (в том числе и бывших работников этих архивов) в количестве пяти человек, а также трое специалистов из сформированного в Потсдаме Немецкого центрального архива Советской оккупационной зоны¹⁸.

Тем не менее к середине 1946 г. архивные отделения были укомплектованы, за исключением некоторых военных округов. По состоянию на июль 1946 г. начальники архивных отделений имели звание от капитана до подполковника и, как правило, имели высшее или незаконченное высшее образование. Инспекторы архивных отделений и инспекторы по архивам при окружных военных комендатурах по большей части имели звание старшего лейтенанта, около 70% из них имели среднее образование (6–10 классов общеобразовательной школы), 30% – высшее и неза-

О.Н. Косенко

конченное высшее. Специальная архивная подготовка или опыт работы с архивами были лишь у единиц. Однако в дальнейшем штатный состав постоянно менялся. Комплектование архивных отделений в землях было возложено на отделы кадров УСВА, но последние осуществляли это без достаточного внимания, вследствие чего много работников, направляемых в архивные отделения, по выражению начальника Архивного отделения СВАГ В.И. Курицына¹⁹ «оказывались людьми морально-неустойчивыми и к этому же недостаточно грамотными, что порождало сильную текучесть кадров и естественно отражалось на работе»²⁰.

Отсутствие должностных инструкций у работников архивных отделений заменили первоначально, при складывании указанных подразделений, инструктажи у начальника ОВД СВАГ. В июле 1946 г. была составлена форма плана работы архивного отделения (№ 41/0050131 от 5 июля 1946 г.)²¹, в которой, по сути, фиксировались направления работы отделений, а именно: наряду с мерами по укомплектованию штата и обеспечением архивов надлежащими помещениями и оборудованием, на каждый месяц должны быть расписаны следующие мероприятия: приведение архивов в порядок, анализ архивных материалов, представляющих интерес с точки зрения их оперативного использования, а также планируемые действия по еще не учтенным архивам. В отчетах о работе архивных отделений и состоянии архивов (также составленным по определенной форме от 5 июля 1946 г. № 41/0050132²²) должны были отражаться не только сведения об архивах и их состоянии (список архивов, имеющихся в провинции с кратким перечнем основных архивных материалов), но и следующее: чем характеризуется отношение местных немецких органов и военных комендатур к архивному делу, к архивным отделениям в провинции и к инспекторам в округах; какие принимаются меры к выявлению еще не учтенных архивов – как через посредство местного населения, полиции, военных комендатур, так и агентурным путем; имеются ли виды на выявление архивов полиции, жандармерии, гестапо и судов масштаба провинции, округа и уезда, а также ценностей и архивов, вывезенных немцами из СССР и из других стран.

Само Архивное отделение СВАГ как самостоятельное структурное подразделение было образовано позже архивных отделений ОВД УСВА земель и провинций – 20 февраля 1947 г., а фактически оно сформировалось в июле 1947 г. Численность его составляла не 20 человек, как было предусмотрено приказом Главного начальствующего СВАГ № 0130 от 6 декабря 1945 г., а четыре человека, а в июле 1948 г. штат и вовсе сократили до трех человек: начальника отделения, старшего научного сотрудника и переводчика немецкого языка²³. В отчете начальника Архивного отделения В.И. Курицына за 1949 г. справедливо отмечалось, что отсутствие этой структурной единицы до июля 1947 г. «создавало обезличку и порождало целый ряд ненормальностей в организационном учете, розыске, изучении и оперативном использовании немецких архивных материалов»²⁴.

Лишь в апреле 1947 г., спустя почти год после образования архивных отделений, П.М. Мальков попросил начальника ГАУ МВД СССР

И.И. Никитинского выслать инструкции и формы единого учета по работе с архивами²⁵, отсутствие которых затрудняло разработку, изучение и ведение учета архивных материалов. В ответ на просьбу были направлены следующие нормативно-методические документы²⁶: Положение о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР (1941 г.), приказы НКВД – МВД СССР о введении в действие следующих инструкций: для работы архивов, о порядке пользования документальными материалами в читальных залах, их выдачи из хранилищ государственных архивов, а также о порядке проведения проверки наличия и состояния документальных материалов и др.²⁷

Таким образом, задачи архивных отделений в 1945 – 1949 гг. сводились к следующему:

– розыск и учет имевшихся на территории каждой земли сохранившихся архивов;

– розыск архивных материалов, библиотек и прочих ценностей, вывезенных немцами с оккупированной территории Советского Союза и стран объединенных наций, а также проведение следственных мероприятий (розыск и допрос лиц, имеющих отношение к вывозу культурно-художественных ценностей)²⁸;

– розыск, выявление, первичная обработка, определение ценности и отбор документов, представляющих «оперативную, научную, техническую и другую ценность» как для органов СВАГ (Управление по изучению достижений науки и техники Германии, Отдел репатриации и розыска граждан объединенных наций, Управление репараций и поставок и др.), так и для различных ведомств СССР: ГАУ МВД СССР, Министерства иностранных дел СССР, Академии наук СССР, Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ), Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР и др.;

– розыск немецких архивных материалов по запросам учреждений Советского Союза, а также союзнических властей и военных миссий в Германии;

– оказание помощи в разоблачении нацистских и военных преступников путем выявления соответствующих уличающих документов²⁹.

Что касается проблемы упорядочения немецких архивов на территории Советской оккупационной зоны, то архивные отделения СВАГ не были в состоянии ее самостоятельно выполнить. В своей работе они сотрудничали с Немецким центральным управлением народного образования. В начале 1946 г. начались переговоры об образовании Центрального архива в Потсдаме, и к середине 1946 г. был создан Немецкий Центральный архив Советской оккупационной зоны при Немецком центральном управлении народного образования. В конце 1946 г. генерал-майор П.М. Мальков поручил президенту Немецкого управления внутренних дел (НУВД) Э. Решке перевести Центральный архив в ведение НУВД³⁰. В июне 1949 г. не только была произведена реорганизация архива, но и был образован Главный архивный отдел – орган управления архивным делом на территории Советской оккупационной зоны.

О.Н. Косенко

В целях экономии и уплотнения штата все административные функции Центрального архива и Главного архивного отдела были объединены при последнем, а штат Главного архивного отдела (29 человек) по сравнению с Центральным архивом (22 человека) несколько увеличен, поскольку первоочередной задачей являлись мероприятия по приведению в порядок архивов. В связи с тем, что Центральный архив из-за отсутствия помещения располагался в непригодной оранжерее парка Сан-Суси в Потсдаме, предусматривалось капитально отстроить соответствующие рабочие помещения и хранилища, а также приобрести необходимое оборудование³¹.

Главный архивный отдел имел следующие функции: осуществление общего заведования архивными делами советской зоны; наблюдение за Центральным архивом и архивами земель; разработка указаний по руководству архивами, основных инструкций и директив по хранению и порядку использования документальных материалов; обработка правовых, научных и технических дел архивов; наблюдение и контроль за архивами земель, городов, районов и общин; проведение подготовки кадров архивных работников, организация специальных совещаний и конференций по архивным вопросам³².

С переходом немецких архивов, находящихся на территории советской оккупационной зоны, в ведение Немецкого управления внутренних дел вступило в действие «Положение о Немецком архивном фонде Советской зоны оккупации Германии». Разработка этого документа, определяющего порядок деятельности архивов, началась еще в августе 1948 г. «Положение» обсуждалось различными инстанциями СВАГ: Правовым отделом, Отделом народного образования, Штабом СВАГ, заместителями политсоветника. После длительного обсуждения (главным образом того, кто должен был подписать и утвердить «Положение») было решено документ санкционировать СВАГ, утвердить постановлением Немецкой экономической комиссии (НЭК)³³ за подписью президента Немецкого управления внутренних дел К. Фишера.

Согласно «Положению» Немецкий архивный фонд Советской зоны оккупации Германии создавался в целях обеспечения централизованного учета, хранения, а также научного и практического использования архивных материалов. В состав Немецкого архивного фонда советской зоны оккупации Германии входили все «архивные материалы, имеющие научное, политическое и практическое значение независимо от времени их происхождения, содержания, оформления, техники и способа воспроизводства». Они подлежали хранению в Центральном, земельных, городских и районных архивах³⁴. Немецкий архивный фонд Советской оккупационной зоны находился в непосредственном ведении Архивного отдела Немецкого управления внутренних дел.

Таким образом, в 1946–1949 гг. на территории Советской зоны оккупации Германии функционировали следующие архивные органы СВАГ: Архивное отделение СВАГ, архивные отделения при отделах внутренних дел УСВА земель и провинций, а также инспекторы по архивам при окружных военных комендатурах. В первый год существова-

ния архивной службы СВАГ отмечалась несогласованность действий в ее работе – имели место случаи несанкционированного уничтожения немецких документов или их перемещения на территории советской оккупационной зоны. Как справедливо отметил В.В. Цаплин, ответственность за не всегда удачные действия представителей архивных органов СВАГ в значительной мере ложится на ГАУ МВД СССР.

Передаваемая архивными отделениями ОВД УСВА земель и провинций и инспекторов по архивам при окружных военных комендатурах информация об обнаруженных архивах и других культурных ценностях поступала в УВД СВАГ/Архивное отделение УВД СВАГ, откуда сведения направлялись подразделениям СВАГ или ведомствам СССР в соответствии профилем деятельности последних. В результате решалась судьба тех или иных комплексов архивных материалов (библиотек/музейных ценностей): отправка в адрес заинтересованных учреждений или передача немецким властям. Можно сказать, что Архивное отделение СВАГ выполняло роль некоего координирующего центра, связующего звена между различными ведомствами, заинтересованными в возврате своих архивных материалов или получении архивов иностранного, преимущественно немецкого, происхождения, т. е. трофейных документов. Однако централизованным органом управления архивным делом на территории Советской зоны оккупации архивная служба СВАГ не являлась. Эта миссия возлагалась на образованный в 1949 г. Главный архивный отдел Немецкого управления внутренних дел. В этой связи следует отметить, что отсутствие достаточного числа квалифицированных архивных работников в структуре СВАГ восполнялось именно за счет привлечения к работе немецких специалистов.

Выявление архивных материалов проводилось архивной службой СВАГ не только с целью их отправки в СССР, но для более широких целей денацификации и демилитаризации Германии, поскольку обнаруженные документы позволяли выявить военных преступников и бывших нацистов или обнаружить места размещения немецких военных объектов и сооружений. И, конечно, выявление архивных документов способствовало накоплению источниковой базы для проведения Нюрнбергского процесса. Одновременно СВАГ в кооперации с немецкими государственными учреждениями занималась строительством и восстановлением сети центральных и региональных архивов в советской оккупационной зоне.

В заключение следует также отметить, что рассматриваемая проблема носит не только исторический, но и общественно-политический характер. Дискуссии о перемещенных немецких архивных документах и других культурных объектах до сих пор не утихают и остаются актуальными. В свете реституционных споров сложно однозначно оценить итоги деятельности архивной службы СВАГ, да и в целом архивную политику, проводимую на территории Советской зоны оккупации Германии. Следует учитывать реалии того времени, когда не существовало понятия компенсаторных реституций, и Советский Союз стремился реализовать свое право победителя в отношении части архивного немецкого насле-

О.Н. Косенко

дия. Остроту «трофейной проблеме» придает тот факт, что наряду с собственными немецкими архивами в СССР были также вывезены и архивы, захваченные гитлеровцами на территории оккупированных Германией европейских государств в период Второй мировой войны. Всё это, конечно, не может сказываться благоприятным образом на международных отношениях России с рядом стран. С другой стороны, нельзя игнорировать и положительные стороны трансферта архивов в СССР. Помимо бесспорных преимуществ, полученных Советским Союзом в результате использования «трофейной архивной информации», был и другой аспект; так или иначе, перемещенные на советскую территорию архивы сохранились и многие из них открыты для исследователей³⁵.

Примечания

- ¹ В соответствии с решениями Ялтинской конференции трех держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.), к которым затем присоединилась и Франция, вся территория Германии была разделена на 4 зоны оккупации, контроль в каждой из которых осуществлялся соответствующим главнокомандующим союзными войсками. Для контроля за выполнением Германией своих обязательств, связанных с оккупационным периодом, в каждой зоне под руководством главнокомандующих оккупационными войсками были созданы органы военной администрации. Для управления Советской оккупационной зоной постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 6 июня 1945 г. № 1326-301сс «Об организации СВАГ» была создана Советская военная администрация в Германии. Главнначальствующим СВАГ был назначен Главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Органы СВАГ включали в себя: Штаб, 3 управления, 21 отдел, 5 управлений СВА в провинциях и землях зоны (Мекленбург, Бранденбург, Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия) и Управление военного коменданта советского сектора оккупации Берлина, которым, в свою очередь, подчинялись районные, городские и окружные военные комендатуры. С образованием Германской Демократической Республики 7 октября 1949 г. СВАГ была ликвидирована на основании постановления Совета Министров СССР № 5159-1967сс от 15 ноября 1949 г.
- ² См.: *Гримстед П.К.* Дважды захваченные или «дважды спасенные»? Розыск российских «трофейных» архивов и добычи Главного управления имперской безопасности. Социальная история: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2005; *Зинич М.С.* Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003; *Кнышевский П.Н.* Добыча. Тайны германских репараций. – М., 1994; *Николаев Л.В.* Похищение Европы. Судьба европейских культурных ценностей в годы нацизма. М.: Логос, 2001; *Akinscha K., Koslow G., Toussaint C.* Operation Beutekunst: die Verlagerung deutscher Kulturgüter in die Sowjetunion nach 1945; zusammengestellt nach bisher unveröffentlichten Dokumenten aus Archiven der Russischen Föderation. Nürnberg 1995; *Grimsted P.K.* Displaced Archives on the Eastern Front:

- Restitution Problems from World War II and its Aftermath // IISG Research Paper 18. Amsterdam, 1995; Grimsted P.K. Trophies of War and Empire: the Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution. Cambridge, Massachusetts, 2001 и др.
- 3 Цаплин В.В. О розыске документов, похищенных в годы войны из архивохранилищ СССР // Отечественные архивы, 1997. № 5–6.
 - 4 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. (Государственный архив Российской Федерации. Советская военная администрация в Германии. Архивное отделение Управления внутренних дел); Ф.Р-5325 (Главное архивное управление МВД СССР).
 - 5 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 33. Л. 39–40. О предыстории создания архивной службы СВАГ см.: Цаплин В.В. Указ. соч. С. 9–11.
 - 6 Подробнее см.: Захаров В.В. Научно-технический трансферт из Германии в СССР в 1945–1949 гг. // Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949 гг.: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2007. С. 39–124.
 - 7 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 13. Л. 1.
 - 8 Там же. Л. 9–11.
 - 9 Щербачков Ефим Логинович – инспектор по архивам округа Цвиккау, образование среднее, по специальности учитель.
 - 10 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 14. Л. 18.
 - 11 ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 55. Д. 1704. Л. 23.
 - 12 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 17. Л. 44.
 - 13 Там же. Д. 12. Л. 63.
 - 14 Там же. Д. 17. Л. 17–18.
 - 15 См., например: приказ начальника управления окружной военной комендантуры Берлинского округа полковника П.Г. Фоменко от 2 августа 1946 г. № 0118 «О безответственном и несерьезном отношении к выявлению, учету и сбережению государственных и иностранных архивов» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 17. Л. 48).
 - 16 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 11. Л. 26.
 - 17 Там же. Л. 38.
 - 18 Там же. Д. 17. Л. 38.
 - 19 Курицын Василий Иванович, подполковник, 1918 г.р. В Вооруженных Силах СССР с августа 1937 г., служил в действующей армии в 1944–1945 гг. Окончил рабфак (1937 г.), Тамбовское кавалерийское училище (1939 г.). На должность начальника Архивного отдела УВД СВАГ назначен с должности офицера по поручениям при секретаре Главного начальствующего СВАГ приказом Главного начальствующего СВАГ № 0320 от 23 марта 1949 г. (ГА РФ. Ф. Р-7313. Оп. 60. Д. 116. Л. 196).
 - 20 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 33. Л. 32.
 - 21 Там же. Д. 8. Л. 41.
 - 22 Там же. Л. 52–53.
 - 23 Там же. Д. 33. Л. 31–32; Д. 34. Л. 148–150.
 - 24 Там же. Д. 33. Л. 31.
 - 25 Там же. Д. 10. Л. 59.
 - 26 Там же. Л. 65 – 66.

О.Н. Косенко

- 27 Приказ НКВД СССР № 114 от 23 февраля 1940 г. «С объявлением Инструкции для работы архивов народных комиссариатов, учреждений, предприятий и организаций СССР»; приказ НКВД СССР № 451 от 12 ноября 1945 г. «О введении в действие Инструкции о порядке пользования документальными материалами Государственного архивного фонда Союза ССР в читальных залах государственных архивов СССР»; приказ МВД СССР № 409 от 20 октября 1946 г. «О введении в действие «Инструкции о порядке выдачи документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР из хранилищ государственных архивов СССР»; приказ МВД СССР № 114 от 28 марта 1947 г. «О введении в действие «Инструкции о порядке проведения проверки наличия и состоянии документальных материалов в государственных архивах СССР»; циркуляр НКВД СССР № 247 от 23 июня 1942 г. «О задачах экспертно-поверочных комиссий Отделов государственных архивов НКВД-УНКВД» и др. (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а); Положение о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР (1941 г.); Инструкция для работы технических архивов, Правила для посетителей читальных залов государственных архивов СССР.
- 28 Согласно приказу Главного начальствующего СВАГ № 194 от 7 августа 1947 г. «О выявлении имущества, насильственно вывезенного или похищенного немцами из бывшей в оккупации части территории СССР» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 10. Л. 69–73).
- 29 См.: отчеты о работе Архивного отделения УВД СВАГ (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 33. Л. 31 – 34; Д. 34. Л. 148–150).
- 30 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 10. Л. 38.
- 31 Там же. Д. 32. Л. 290–295.
- 32 Там же. Д. 35. Л. 259.
- 33 Немецкая экономическая комиссия была образована в 1947 г. на основании приказа СВАГ № 138 как общезональный планирующий орган. В 1948 г. ее функции были значительно расширены приказом СВАГ: все решения НЭК подлежали исполнению всеми немецкими органами на территории Советской оккупационной зоны.
- 34 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 17. Д. 32. Л. 213–221.
- 35 В Российском государственном военном архиве (РГВА) находятся на хранении официальные документы высших государственных органов Германии от начала нацистского правления до конца Второй мировой войны; документы органов власти и управления европейских государств (Польша, Бельгия, Австрия и др.), фонды различных европейских неправительственных учреждений и организаций, которые были захвачены нацистскими властями на территории этих государств, а затем обнаружены советскими войсками в Чехословакии, Польше (Силезия) и Германии в 1945 г.; коллекции уникальных материалов иностранного происхождения из личных и родовых архивов. Документы коммунистических и социалистических организаций Западной Европы и их членов хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Материалы российских эмигрантских организаций и российских эмигрантов находятся в составе Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

А.В. Попов

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И АРХИВЫ:
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ
ЭМИГРАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ХРАНИЛИЩАХ

Статья посвящена истории и формированию архивных собраний российской эмиграции в отечественных и зарубежных архивах, рукописных отделах музеев и библиотек и других хранилищах. В статье приводится типология и классификация основных хранилищ, имеющих в своем составе фонды по истории российской эмиграции. По мнению автора, параллельно складыванию и формированию комплекса архивных материалов эмиграции шел процесс собирания и формирования комплекса этих материалов в архивах России. Этот процесс развивался с «опозданием на одну волну», т. е. в определенный исторический период активности одной волны эмиграции в России собирались документы предшествующей волны. Это объясняется тем, что эмиграция, бежавшая от одного конкретного режима, не хотела идти с ним на сотрудничество, а тем более передавать свои документы. После истечения исторического отрезка времени и изменения ситуации в России эмиграция, став «старой» и в прямом, и в переносном смысле, начинала передавать свои документы на историческую Родину. Еще одно обстоятельство этого явления кроется в архивной сфере. В период активной жизни и деятельности эмиграции ее документы не успевали обрести ретроспективность и стать историческими источниками, архивными документами: они составляли часть делопроизводства эмигрантских организаций, политических партий и т. д.

Статья адресована историкам, архивистам и другим исследователям, интересующихся проблемами русского зарубежья и зарубежной архивной россики.

Ключевые слова: Зарубежная архивная россика, русское зарубежье, архивы, архивы русского зарубежья, архивы россики за рубежом.

Для современного российского общества большое значение имеет процесс объединения в единое целое двух, временно оторванных друг от друга, ветвей российской культуры. Речь идет о культуре посткоммунистической России и культуре Русского зарубежья. Обе ветви выросли из русской культуры, сложившейся на протяжении нескольких столетий. В XX в. произошло их искусственное и насильственное разделение. Несколько десятилетий они развивались параллельно и независимо друг от друга, сохраняя вместе с тем общий родовой корень. Раздельное развитие трансформировало обе ветви российской культуры. Русская культура, развивавшаяся в метрополии, за годы советской власти подверглась трансформации в большей степени.

После революции и Гражданской войны значительная часть русской национальной элиты была уничтожена либо оказалась в эмиграции. Именно с этого момента можно говорить о появлении феномена Русского зарубежья, его Духовной Миссии и о бережном сохранении эмигрантами русской духовности, культуры, православной веры. Российские эмигранты смогли полностью воссоздать за рубежом институты и проявления жизни дореволюционной России. Конечно, это не был слепок со старой России. Получилось нечто иное – то, что принято называть Русским зарубежьем. Если говорить о наполнении Русского зарубежья, его формах, то следует отметить следующие компоненты: система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и органов периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, балет, кино, литература, музыка, театр), сложившаяся инфраструктура русских зарубежных архивов, музеев, библиотек и др. Известный эмигрантский поэт и публицист С.М. Рафальский писал: «Как-то стерлась в зарубежной памяти и та блестящая эпоха, когда эмиграция еще пахла пылью, порохом и кровью донских степей, а ее элита по любому звонку в полночь могла представить на смену “узурпаторам” и полный комплект Совета министров и необходимый кворум Законодательных Палат, и Генеральный Штаб, и корпус жандармов, и сыскное отделение, и Торговую палату, и Священный Синод, и Правительствующий Сенат, не говоря уже о профессуре и представителях искусств, в особенности – литераторы»¹. Часть русского народа, насильственно отторгнутая от Родины, пыталась сохранить традиции и культуру исторической России.

На наш взгляд, очень важное значение для России и для российской культуры имеет освоение того духовного начала, которое наши соотечественники смогли сохранить за рубежом. Именно сейчас должно быть востребовано духовное наследие русской эмиграции. Должна быть подхвачена и не погашена та «свеча», которую они столь бережно хранили, стремились донести до нас. Они верили в это в любых испытаниях, верили, что их труд, их жизнь, борьба не напрасны. Именно этим объясняется огромный интерес к истории и духовному наследию Русского зарубежья в современной России. В полной мере это относится и к архивам Русского зарубежья.

Российская эмиграция как социально значимое явление появилась в середине XIX в., а массовый характер приобрела в конце XIX в. На всем протяжении последующей истории России существовал устойчивый феномен эмиграции: она постоянно воспроизводилась новыми волнами, вызванными социальными и военными катаклизмами в России. Это отчетливо проявилось в событиях Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, Великой Отечественной войны, создавших условия для образования волн эмиграции. В 1980–1990-х гг. в связи с распадом СССР и громадными социальными и общественными изменениями в стране возникли предпосылки для складывания новой волны эмиграции. Представители всех волн русской эмиграции создавали частные и общественные архивы.

Таким образом, история эмиграции насчитывает уже более 150 лет. Формирование совокупности архивного наследия эмиграции тоже имеет свою историю, зеркально отражающую историю эмиграции. Значительное количество архивных материалов, отражающих историю эмиграции, отложилось в государственных архивах США, Германии, Франции, Голландии, Италии, Югославии, Чехословакии, Болгарии и Великобритании. Наличие большого объема материалов русских эмигрантов в США объясняется не только существованием большой русской диаспоры, но и рядом объективных причин. В годы холодной войны США были лидером Западного мира в его противостоянии СССР. Именно в США было создано наибольшее количество советологических центров, работавших прямо или косвенно на нужды холодной войны. В годы холодной войны подобные центры процветали, имея постоянное финансирование, выделяемое в том числе и для создания архивов.

Параллельно складыванию и формированию комплекса архивных материалов эмиграции шел процесс собирания и формирования комплекса этих материалов в архивах России. Этот процесс развивался с «опозданием на одну волну», т. е. в определенный исторический период активности одной волны эмиграции в России собирались документы предшествующей волны. Это объясняется тем, что эмиграция, бежавшая от конкретного режима, не хотела идти с ним на сотрудничество, а тем более передавать свои документы. После истечения исторического отрезка времени и изменения ситуации в России эмиграция, став «старой» и в прямом, и в переносном смысле, начинала передавать свои документы на историческую родину. Еще одно объяснение этого явления кроется в архивной сфере. В период активной жизни и деятельности эмиграции ее документы не успевали обрести ретроспективность и стать историческими источниками, архивными документами: они составляли часть делопроизводства эмигрантских организаций, политических партий и т. д.

Во второй половине XIX – начале XX в. архивные материалы эмиграции в России практически не собирались, их собиранию не придавалось особого значения. Исключение представляет деятельность Московского Публичного и Румянцевского музея, работавшего без поддержки правительства. Собираение материалов русской эмиграции в данный период представлено главным образом деятельностью коллекционеров и эмигрантских политических партий. Подобная ситуация с собиранием архивных материалов эмиграции объясняется не только отсутствием русской эмиграции как массового устойчивого явления до середины XIX в., но и состоянием архивной мысли, архивного дела в России того периода.

После Октябрьской революции 1917 г. изменилось положение в архивном деле: государство стало проводить четко выраженную политику в области архивного строительства, в том числе в вопросах комплектования возникших государственных архивов. К этому времени за пределами России сложился комплекс архивных документов русской эмиграции XIX – начала XX в. Ситуация с собиранием архивных доку-

А.В. Попов

ментов русской эмиграции на протяжении предвоенного периода определялась политикой пришедшей к власти эмигрантской партии РСДРП(б), которая была направлена на возвращение архивов партии из-за границы. Эта политика нашла отражение в деятельности Истпарта, ИМЭЛ, Института В.И. Ленина, Центрального партийного архива. Большую роль в формировании комплекса эмигрантских материалов в архивах Москвы сыграли Государственный литературный музей (ГЛМ) и возглавлявший его в 1931–1941 гг. В.Д. Бонч-Бруевич.

Государственным литературным музеем были установлены тесные и постоянные связи с полпредами СССР в европейских государствах. Особенно значительное содействие ГЛМ оказывали полпреды во Франции – В.С. Довгалецкий, в Великобритании – И.М. Майский, в Чехословакии – А.Я. Аросеев (с 1934 г. С.А. Александровский), в Польше – В.А. Антонов-Овсеенко, в Болгарии – Ф.Ф. Раскольников, в Германии – Л.М. Хинчук, в Швеции – А.М. Коллонтай и др., а также советники полпредств в Чехословакии – А.Ф. Ильин-Женевский и во Франции – М.С. Мерле. Приобретенные в результате переговоров с владельцами архивов документы и фотокопии, сделанные по заказу ГЛМ, высылались полпредствами СССР в адрес музея дипломатической почтой.

Важную роль в комплектовании ГЛМ играли личные связи В.Д. Бонч-Бруевича со старыми русскими эмигрантами. Именно благодаря таким связям удалось в 1936 г. получить из Швейцарии личный архив друга и биографа Л.Н. Толстого – П.И. Бирюкова. Его передала вдова П.И. Бирюкова – П.Н. Бирюкова, которую Бонч-Бруевич знал более сорока лет. Помощь в комплектовании Литературного музея оказывали П.Г. Богатырев, Г.И. Бакалов, Н.А. Рубакин, Р.В. Плеханова. В.Д. Бонч-Бруевич состоял в постоянной переписке с потомками русских эмигрантов, такими как Жанна Тургенева, Н.А. Герцен и др.

В.Д. Бонч-Бруевич придавал большое значение выявлению и систематизации информации об имеющихся за границей архивных материалах российского происхождения. Он неоднократно обращался с просьбами к сотрудникам полпредств о присылке сведений о продажах таких материалов на аукционах, об экспонируемых на выставках, хранящихся в частных и государственных архивах материалах русских эмигрантов и материалов российского происхождения вообще. Большую работу по выявлению и копированию эмигрантских материалов проводил по заданию Государственного литературного музея этнограф профессор П.Г. Богатырев, выехавший в 1921 г. на учебу за границу и оставшийся в Чехословакии. Им были обследованы архивы Народного музея, Славянской библиотеки, Министерства иностранных дел, Военного министерства, Национального театра и многие частные архивы. Начиная с 1934 г. проводилось фотокопирование некоторых документов из Русского Заграничного Исторического Архива в Праге в обмен на советские издания². При содействии П.Г. Богатырева было получено несколько тысяч фотокопий рукописей Герцена, Бакунина, Толстого³. П.Г. Богатырев добился того, чтобы Министерство просвещения разо-

сладо особый циркуляр под названием «Россика», в соответствии с которым все музеи и архивы Чехословакии должны были представить списки всех имеющихся у них русских рукописей. Всего же, как следует из отчета П.Г. Богатырева, им было обследовано 12 государственных, 10 частных, 32 провинциальных архива, сделано 7295 фотоснимков. По данным В.Д. Бонч-Бруевича, в общей сложности в Чехословакии было обследовано 57 музеев и архивов, получено около 20000 фотографий, писем, рукописей, портретов⁴. По свидетельству П.Г. Богатырева, наибольшее содействие ГЛМ оказывали архив Министерства иностранных дел Чехословакии и его директор доктор Опоченин, а также доктор Матоуша⁵. С одним из самых интересных архивов по истории русской эмиграции – Славянской библиотекой в Париже – В.Д. Бонч-Бруевичу удалось установить контакт в 1932 г., когда между ним и директором Библиотеки Руэ де Журнелем завязалась переписка. Уже в мае 1932 г. В.Д. Бонч-Бруевич получил списки архивных материалов библиотеки, относящихся к русской культуре.

В предвоенные годы Государственный литературный музей занимал лидирующее место в собирании, хранении и использовании эмигрантских материалов личного происхождения, за исключением материалов, касающихся эмиграции В.И. Ленина и других деятелей эмиграции, связанных с историей ВКП(б). Характерной чертой собирательской деятельности ГЛМ являлось установление связей с представителями дореволюционной эмиграции и их потомками. В этот период за рубежом существовала большая русская диаспора, состоящая в основном из представителей белой эмиграции, со своей разветвленной сетью общественных и частных архивов. Но представители этой волны эмиграции неохотно шли на контакты с представителями советской власти, зачастую относились к ним крайне враждебно. В связи с этим в ГЛМ почти не поступали материалы этой волны эмиграции и материалы, вывезенные ею из России. Исключением является лишь эпизодическое копирование материалов Русского Заграничного Исторического Архива (РЗИА) в Праге, прерванное после оккупации Чехословакии Германией. При этом необходимо отметить, что работа с РЗИА шла в основном через сотрудников Министерства иностранных дел Чехословакии, так как русские представители РЗИА не шли на контакт с представителями советской России.

Вторая мировая война и ее итоги кардинально изменили состав и содержание комплекса архивных материалов русской эмиграции в отечественных архивах. Важной вехой явилось поступление в Москву Русского заграничного исторического архива (РЗИА), который был передан правительством Чехословакии в дар АН СССР. До настоящего времени собрание РЗИА является самым крупным архивным комплексом материалов эмиграции не только в России, но и в мире. В дальнейшем собирание архивных материалов эмиграции в основном связано с деятельностью ЦГАЛИ СССР (РГАЛИ), а с конца 1980-х гг. – ЦГАОР СССР (ГА РФ). Значительную работу в этом направлении проводили отдел рукописей РГБ, отдел рукописей ИМЛИ, а также Рукописный

А.В. Попов

отдел ЦНБ СТД РФ. Продолжал собирательскую деятельность Центральный партийный архив, куда поступало немало документов, выявленных за рубежом.

Значительная часть архивных документов российской эмиграции хранится в зарубежных архивах. Эти документы были либо вывезены эмигрантами из России, либо образовались в результате деятельности за рубежом эмигрантских учреждений, организаций и частных лиц.

По происхождению документы российской эмиграции можно классифицировать следующим образом:

- образовавшиеся в результате деятельности эмигрантских организаций и учреждений;
- образовавшиеся в результате деятельности частных (физических) лиц.

Как правило, среди таких документов имеются документы, вывезенные эмигрантами из России. Переходный статус между архивной русской и документами эмигрантского происхождения имеют документы, архивы, образовавшиеся в результате деятельности за рубежом бывших учреждений царского и Временного правительств, учреждений и частей белой армии и некоторые другие. Во многом эта неопределенность связана с неуловимой гранью изменения статуса человека, в какой-то момент меняющего временное пребывание за границей, командировку на положение эмигранта.

По месту хранению эмигрантские материалы можно классифицировать следующим образом:

- хранящиеся в государственных архивах различных стран;
- хранящиеся в архивах университетов, музеев, библиотек;
- хранящиеся в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами;
- хранящиеся в архивах эмигрантских общественных и других организаций;
- хранящиеся в личных архивах эмигрантов и их потомков.

В настоящее время самое крупное собрание архивов Русского зарубежья находится на территории США, где имеются все перечисленные хранилища документального наследия российской эмиграции⁶: среди государственных хранилищ – Национальный архив США, Библиотека Конгресса и др.; среди университетских хранилищ – Архив русской восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете, Библиотека Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Центр гуманитарных исследований Техасского университета, библиотеки Гарвардского и других университетов: среди архивов и музеев, созданных российскими эмигрантами – Музей русской культуры в Сан-Франциско, Музей и архив общества «Родина» и др.⁷ В США имеется много эмигрантских организаций, обществ, редакций газет, журналов. В процессе их деятельности также создавались и создаются архивные документы.

Отдельного описания заслуживают документы Русской Православной Церкви, отложившиеся за рубежом⁸. Среди церковных архивов на

Американском континенте объемом и ценностью представленных материалов выделяются Архив Американской Православной Церкви, хранящийся в г. Сайсет (штат Нью-Йорк), архив семинарии Святого Германа на острове Кадьяк (штате Аляска), архивы Синода Русской Православной Церкви за границей (Нью-Йорк), архив Свято-Тихоновской богословской семинарии в Саут-Канаане (Пенсильвания), архив Свято-Владимирской духовной семинарии в Крествуде (штат Нью-Йорк). Крупнейшим центром собирания и хранения российского культурного наследия является основанный в 1930 г. Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк)⁹ Среди европейских церковных архивов следует выделить: в Германии – Архив Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене и Архив Среднеевропейского экзархата Московской Патриархии в Берлине; во Франции – парижский архив Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе.

Значительное число материалов российской эмиграции отложилось в архивах стран, являвшихся в то или иное время центрами русского рассеяния. Среди таких стран Германия, Китай, Польша, Франция, Чехия, Швейцария, Югославия и др.

Международный правовой статус документов эмигрантов и документов эмигрантского происхождения, хранящихся в зарубежных хранилищах, в подавляющем большинстве случаев юридически безупречен и вполне легален. Ведь такие документы были созданы эмигрантами в странах их пребывания либо (чаще всего) на законных основаниях вывезены из России. Поэтому такие документы не являются поводом для претензий России к другим странам. Но, с другой стороны, архивное наследие российской эмиграции, является частью истории и культуры России. Именно поэтому настолько велик интерес к этим собраниям.

В настоящее время проводится выявление и описание таких материалов зарубежными и отечественными архивистами¹⁰. Среди последних работ по этой теме необходимо выделить обзор архивных фондов и собраний русской и украинской эмиграции в Чехословакии, составленный архивистами Архива Академии наук Чехии и Литературного архива Музея национальной культуры. В этом путеводителе выявлено 84 архивных фонда, хранящихся в 16 чешских архивах¹¹. В рамках научного проекта по исследованию российской эмиграции Славянского института АН ЧР был опубликован сборник документов «Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918–1939)»¹², в состав которого вошли документы чешских архивов. Среди обзоров архивного наследия российской эмиграции в Чехии следует отметить обзор фондов Русского зарубежья в Пражской Славянской библиотеке, подготовленный Й. Вайцеком, работу Р. Махатовой, посвященную русским фондам Центрального государственного архива Праги, и обзор фондов Литературного архива Музея чешской литературы, составленный М. Дандовой¹³.

Первая попытка систематизировать архивную документацию о русской белой эмиграции в Болгарии была сделана в 1996 г., когда в связи

А.В. Попов

с экспозицией выставки «Белая эмиграция в Болгарии» был напечатан каталог выставки¹⁴. Следует выделить исследование документов по истории российской эмиграции, подготовленное известной болгарской исследовательницей Русского зарубежья Цветаной Къосевой¹⁵. Ц. Къосева смогла сделать тщательный и подробный обзор документов российской эмиграции и документов о российской эмиграции, хранящихся в болгарских архивах. При этом она обращает внимание исследователей на то, что значительная часть документации о русской белой эмиграции в Болгарии уже находится в России. Все эти документы были изъяты советскими оккупационными властями в 1944 г. и позднее у ликвидированных политических и других организаций русских эмигрантов в Болгарии. Тем не менее многие документы, главным образом связанные с приемом и адаптацией русских, а также с вкладом отдельных эмигрантов в болгарскую науку, культуру, спорт и другие сферы общественно-политической и экономической жизни, были сохранены в государственных архивах Болгарии. В частности, в Центральном государственном архиве в Софии (Централен държавен архив – ЦДА) хранятся фонды некоторых русских эмигрантов, главным образом ученых, деятелей культуры и врачей: князя Александра Ратиева, Екатерины Краснопольской, Р.Ю. Берзина, Ал. Маньковского, Н.О. Масалитинова, Ю. Раппопорта, Евгения Ващенко, Вадима Лазаркевича, Николая Ростовцева, Михаила Малецкого, Анны Воробьевой, Михайло Паращук, Н.Глубоковского, Веры Пушкаревой и др. Архивные документы о деятельности Русской Православной Церкви также отложились в болгарских архивах. В Центральном государственном архиве в составе фонда Священного Синода Болгарской Церкви хранится протокол заседания высшей церковной управы от 30 декабря 1921 г. о признании права Русской Зарубежной Церкви на существование самостоятельной епархии, а также другие решения, касающиеся взаимоотношений двух православных церквей. В региональных архивах Болгарии отложились документы о русских храмах в Софии, Пловдиве, Бургасе, Варне, Преславе и др.¹⁶ Интересна судьба софийского архива выдающегося русского богослова и церковного ученого Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937). Судьбы архива Н.Н. Глубоковского до 1949 г. оставалась неизвестной. В 1949 г. русский эмигрант Пучков обратился к представителям РПЦ в Болгарии с предложением о продаже Московской Патриархии архива Н.Н. Глубоковского за 50 тыс. рублей в болгарских левах. О предложении Пучкова было немедленно доложено Патриарху Алексию, который в свою очередь обратился с просьбой о выделении денег на покупку архива к председателю Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпову. На запрос Г.Г. Карпова Министерство иностранных дел СССР ответило, что «по мнению Посольства ценность рукописей вызывает сомнение. Глубоковский был активным приверженцем протестантизма и экуменизма и его работы написаны с этих позиций». К сообщению прилагается и отзыв от архимандрита Пантелеймона от 17.08.1949 о рукописях Н.Н. Глубоковского, в котором он писал: «...странно было бы Русской Церкви издавать и тем более популяризировать произведения

одного из светских, не духовных богословов, которые полезны лишь для модернистов или деятелей интреконфессионализма и экуменизма, но никак для Православной Церкви», он прямо пишет, что труды Глубоковского не полезны и даже вредны¹⁷. В результате в 1949 г. архив Н.Н. Глубоковского остался в Болгарии. В 2002 г. архив удалось обнаружить в Болгарии иеромонаху Петру (Еремееву), проректору Московской духовной академии. Архив был найден у одного из старых православных священников в Софии и в 2002 г. возвращен в Россию. Архив Н.Н. Глубоковского был аккуратно сложен в чемодан, упакован в пакки и надписан учеником Н.Н. Глубоковского профессором Мариновым. Общий объем архива составил более 6 тыс. листов. Трудно переоценить значение архива Н.Н. Глубоковского для отечественной науки, ведь в его составе находятся в основном творческие рукописи богослова, многие из которых не введены в научный оборот. Сдаточная опись архива Н.Н. Глубоковского была опубликована в журнале «Церковь и время», а также размещена в Интернете¹⁸.

Активно изучается история российской эмиграции в Югославии. В 1993 г. в Белграде прошел симпозиум «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века». Материалы симпозиума составили основу двухтомника, изданного в 1994 г. в Белграде. В этом же году в Белграде была опубликована книга «Русские без России. Сербские русские». В России вышел основанный на архивных источниках великодушный сборник статей югославских и российских авторов «Русская эмиграция в Югославии»¹⁹. Важным событием стала проведенная Историческим архивом Белграда совместно с Театральным музеем Сербии выставка «Русские эмигранты в Белграде: след и инспирация». В 1997 г. подобная выставка «Россия в документах югославских архивов», организованная совместно Архивом Югославии, Государственным Архивом Черногории, Архивом Сербии и другими архивами, была привезена и показана в Москве²⁰.

Обзоры документов по истории российской эмиграции во Франции и Хорватии были подготовлены И.В. Сабенниковой²¹. Обзор российских документов во Франции также был подготовлен профессором Е.В. Старостиным²².

Фундаментальный обзор россики в Германии был составлен российским архивистом Р.Н. Бялькиным. О документах российской эмиграции в фондах Первого исторического архива Китая в Пекине (ПИАК) и Второго исторического архива Китая (ВИАК) рассказывает в статье И.А. Батожок²³.

Важное значение для координации усилий организаций и исследователей, для осмысления места и роли зарубежной архивной россики в контексте мировой культуры имели три международных конференции по этой проблематике, проведенные Федеральной архивной службой России в 1993, 2000, 2003 гг.²⁴ Сообщения участников конференции касались достижений в проделанной работе, а также основных проблем в этой области, главная из которых связана с правовыми основами возвращения выявленных документов. Докладчики акцентировали внима-

А.В. Попов

ние на отсутствии единых критериев, неправовых ситуациях и двойных стандартах, возникающих при передаче документов, что затрудняет переговоры²⁵.

подавляющая часть архивных материалов российской эмиграции, возвращенных из-за рубежа, находится всего лишь в четырех городах России. Это Москва, Санкт-Петербург, Хабаровск и Владивосток. Более 90% архивного наследия Русского зарубежья отложилось в государственных, общественных и частных хранилищах Москвы. Лидерство Москвы не является свидетельством более активной работы московских архивистов, а объясняется объективными причинами – в первую очередь поступлением в 1945 г. из Чехословакии самого большого эмигрантского архива РЗИА, а также наличием большого числа архивных, научных и других учреждений, имеющих давние традиции и возможности для собирания зарубежной архивной россики и, в частности, материалов эмиграции.

Наибольшее значение для комплектования хранилищ СССР эмигрантскими материалами в послевоенное время имело решение правительства Чехословацкой народно-демократической республики о передаче **«Русского заграничного исторического архива»** (РЗИА) в дар Академии Наук СССР в связи с ее 220-летием²⁶. В составе фондов РЗИА были отправлены в Москву и архивные материалы Русского литературно-исторического музея в г. Зbrasлаве. Кроме того на Украину из Праги был отправлен один вагон с документами украинской эмиграции, среди которых были материалы Центральной Рады, правительства С.В. Петлюры и П.П. Скоропадского.

После окончания Второй мировой войны 13 июня 1945 г. правительство Чехословакии приняло постановление о передаче РЗИА в дар Академии наук СССР. В соответствии с постановлением СНК СССР от 27 октября 1945 г. в Прагу была направлена Комиссия для приема РЗИА. В состав комиссии входили начальник ГАУ СССР И.И. Никитинский, С.К. Богоявленский, И.И. Минц, С.Б. Бутоцкий и директор ЦГАОРИСС СССР Н.Р. Прокопенко. К работе по проверке наличия и приемке архива были также привлечены сотрудники РЗИА А.Ф. Изюмов и Д.И. Мейснер. Произведенная проверка позволила установить, что документы РЗИА, несмотря на рассредоточение их в годы войны по различным хранилищам, сохранились почти полностью. 6 декабря 1945 г. премьер-министр Чехословакии З. Фирлинггер вручил Комиссии государственный акт о передаче РЗИА в дар АН СССР²⁷.

13 декабря 1945 г. РЗИА был отправлен из Праги в Москву военным транспортом в составе 9 вагонов. Всего было отправлено 650 ящиков. Документы РЗИА были отправлены в Москву в неполном объеме: журнальное и газетное собрание осталось в Праге (сейчас находится в Славянской библиотеке). Кроме собраний РЗИА в Москву были отправлены документы рукописного отдела и библиотека Русского литературно-исторического музея, документы историка-эмигранта Е.Ф. Шмурло, найденные в Институте Гейдриха, и документы генерала А.А. Брусилова, переданные сестрой его вдовы Н. Брусиловой-Желиховской.

Документы РЗИА прибыли в Москву 3 января 1946 г. В январе 1946 г. состоялось совещание Президиума АН СССР, на котором было принято решение с учетом особой ценности документов передать их на хранение в ЦГАОРиСС СССР. Документы РЗИА разместили в подвально-помещении Главархива на Большой Пироговской улице в корпусе № 5, а затем переместили в хранилище этого же корпуса, находящееся на 6-м этаже²⁸. Общий объем материалов РЗИА, поступивших в ЦГАОРиСС СССР, согласно книге поступлений оценивался в 50 тыс. единиц хранения, большая часть из которых не была разобрана²⁹. В ЦГАОРиСС СССР был создан специальный отдел РЗИА, который возглавил М.И. Рыбинский. Главная задача отдела состояла в обработке и описании фондов РЗИА. Весь состав документальных и печатных фондов отдела был по указанию НКВД СССР засекречен. Все сотрудники отдела РЗИА давали подписку о неразглашении сведений, имеющихся в документах фондов РЗИА. В 40-е гг. в оперативно-чекистских целях по фондам РЗИА была разработана именная картотека на эмигрантов, сохранившая свое научное значение в настоящее время. В 1952 г. под редакцией Н.Р. Прокопенко был издан первый путеводитель по фондам РЗИА – «Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции и Социалистического строительства СССР. Т. 2». Путеводитель состоял из двух разделов: 1. Фонды учреждений и организаций белогвардейских «правительств» и их воинских частей за период иностранной военной интервенции и гражданской войны; 2. Фонды учреждений и организаций белоэмиграции (1918–1945 гг.). В путеводитель были включены характеристики более тысячи белогвардейских и белоэмигрантских фондов. Путеводитель был издан ограниченным тиражом с грифом «секретно» и поэтому был доступен лишь ограниченному кругу лиц.

После поступления в ЦГАОРиСС СССР (с 1992 г. – Государственный архив Российской Федерации) часть фондов РЗИА была передана в различные хранилища СССР. Большое число архивных документов из состава РЗИА поступило в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), причем это были как самостоятельные фонды, так и документы, вошедшие в состав уже имеющихся фондов ЦГАЛИ СССР. В 1988 г. после рассекречивания фондов РЗИА, хранящихся в ЦГАОР СССР, было установлено, что часть их была передана в 26 архивных учреждений: в шесть центральных и во многие областные архивы России, а также в архивы Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии и Грузии.

В послевоенное время, несмотря на частичное раздробление фондов РЗИА ЦГАОРиСС СССР превратился в самое большое хранилище эмигрантских архивов в России. В первую очередь такое положение определилось поступлением в 1946 г. фондов Русского Заграничного Исторического Архива. В настоящее время комплекс документальных материалов РЗИА, хранящихся в ГА РФ, насчитывает более 590 фондов и 90 тыс. дел³⁰. Но работа по комплектованию ЦГАОРиСС СССР (позднее ЦГАОР СССР) фондами русской эмиграции не исчерпыва-

лась единичным поступлением документов РЗИА. Были и другие источники комплектования, не столь масштабные. В частности, в 1948 г. из Югославии поступили эмигрантские архивы, найденные в Русском доме в Белграде. Среди поступивших материалов были фрагменты архивов Державной комиссии Королевства Югославии по делам русской эмиграции, Центрального правления Общества русских офицеров Генерального штаба, Донского казачьего корпуса и др.

Систематическое комплектование эмигрантскими материалами ЦГАОР СССР (с 1992 г. – Государственный архив Российской Федерации) стало возможным только с началом перестройки и изменением отношения к русской диаспоре за рубежом. Фонды бывшего РЗИА, хранящиеся в ЦГАОР СССР, были рассекречены в марте 1987 г. и переведены на открытое хранение. В настоящее время Государственным архивом Российской Федерации (ГА РФ) подготовлен и опубликован межархивный справочник по РЗИА с указанием почти всех архивов и фондов³¹, в составе которых находятся документы и фонды РЗИА³².

В 1989 г. было организовано специальное архивохранилище белогвардейских и эмигрантских фондов. Одним из первых поступлений эмигрантских материалов в ГА РФ были документы, полученные в декабре 1993 г. от М.А. Деникиной-Грей. Среди них были дневники К.В. Деникиной, рукописи книги А.И. Деникина «Путь русского офицера» и др.³³ Документы, переданные М.А. Деникиной-Грей, были присоединены к уже имеющемуся фонду А.И. Деникина (Ф.Р-5827).

За последние 15 лет эмигрантское собрание ГА РФ пополнилось новыми архивными фондами. Среди них – фонды старейшего деятеля российской эмиграции в США Н.А. Троицкого, многолетнего редактора газеты «Русская мысль» З.А. Шаховской, генералов А.В. фон Шварца и М.В. Алексеева, экономиста Б.Д. Бруцкуса, семейный архив Великого князя Андрея Владимировича и его жены балерины М.Ф. Романовской-Красинской (Кшесинской), протоиерея Дмитрия Константинова, архивы русских эмигрантов О.П. Шидловского, В.Г. и К.В. Болдыревых, М.Е. Волковой-Жирар, С.А. Зауэра, А.Ю. Смирновой-Марли, В.А. Пирожковой, Р.В. Полчанинова, Б.В. Прянишникова, А.В. Ржевского, В.С. Русака, К.Ф. Штеппы, княгини Юрьевской (Е.М. Долгоруковой), Р.Г. Шульца и многих других³⁴. Следует также отметить коллекцию материалов по истории Русской Православной церкви за границей, переданную в ГА РФ протоиереем Михаилом Ардовым.

В 1990-е гг. ГА РФ комплектовался также микрофотокопиями документов из зарубежных архивов. Особую значимость имеют документы по истории русской эмиграции, поступившие из Гуверовского института. 17 апреля 1992 г. Роскомархив, Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете (штат Калифорния) и английская издательская компания «Чедвик-Хили» (Кембридж) заключили договор об обмене историческими документами, их тиражировании и распространении. В соответствии с договором в 1993, 1995 гг. в ГА РФ поступило 4628 рулонов микрофильмов Гуверовского института на

позитивной пленке (774 картона), получивших статус коллекции, приравненной к фонду (далее – Гуверовская коллекция)³⁵. В составе материалов, поступивших из Гуверовского института – архивы Парижского бюро Департамента полиции Министерства внутренних дел, Посольства России в США, Посольства России во Франции; личные фонды Г.П. Струве, Е.К. Брешко-Брешковской, В.Л. Бурцева, П.Н. Краснова, М.В. Родзянко и других (всего 106 фондов).

В октябре 2002 г. ГА РФ пополнился новым поступлением микрофотокопий зарубежной россики, получившим название «Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско» (ф. 10143). Проект микрофильмирования документов этого известного эмигрантского музея был осуществлен в 1999–2001 гг. благодаря гранту Национального фонда развития гуманитарных наук (США), полученному Гуверовским институтом войны, революции и мира (штат Калифорния). Реализация проекта позволила обеспечить широкий доступ к некоторым наиболее важным материалам Музея (85 фондов и коллекций), микрокопии которых с 2001 г. стали использоваться в читальном зале Гуверовского архива. В августе 2002 г. Росархив, ГА РФ и Гуверовский институт заключили трехстороннее соглашение, по которому одна позитивная копия микрофильмов в порядке взаимного обмена была передана в Москву³⁶.

В 2006 г. в ГА РФ поступила библиотека Музея русской культуры в Сан-Франциско. Предыстория этого знаменательного события следующая. В 2004 г. ГА РФ и Музей заключили договор, в соответствии с которым сотрудниками Архива была проведена работа по научной обработке и описанию книг и периодических изданий из собрания Музея. В 2006 г. после решения Совета Музея библиотека была передана в ГА РФ, где хранится в качестве отдельного собрания.

Таким образом, комплектование эмигрантскими фондами ГА РФ широко развернулось только после рассекречивания материалов РЗИА и других материалов эмиграции в 1987 г. Несмотря на отсутствие систематичности в комплектовании, ГА РФ по количеству и объему эмигрантских фондов намного опережает все хранилища Москвы и бывшего СССР. ГА РФ является самым большим хранилищем архивов российской эмиграции во всем мире. Как сказал директор Архива С.В. Мироненко, «столь впечатляющее пополнение собрания архива материалами архивной россики стало возможным благодаря помощи и заботе многочисленных друзей архива, содействию граждан разных стран мира, государственных и общественных организаций – всех тех, кому небезразлична история России. Мы стремились сделать так, чтобы выставленные материалы могли дать представление обо всем разнообразии документов русской эмиграции, которые поступили на вечное хранение в Государственный архив России»³⁷.

Особое место среди центров хранения и собирания архивных материалов российской эмиграции занимает **Российский государственный архив литературы и искусства** (РГАЛИ). Архив был образован в 1941 г. на базе документов, переданных из Государственного литературного

А.В. Попов

музея (ГЛМ), в целях упорядочения хранения материалов деятелей литературы и искусства. Первоначально он назывался Центральный государственный литературный архив СССР (ЦГЛА СССР), с 1954 г. – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), с 1992 г. – Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Уже при образовании ЦГЛА СССР обладал значительным количеством эмигрантских материалов, полученных из ГЛМ. В собирании документов русской эмиграции большая заслуга принадлежит директору Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичу. Именно ему обязан отдел рукописных фондов ГЛМ сложившимися традициями, составом хранящихся документов. В дальнейшем деятельность Бонч-Бруевича уже в ЦГАЛИ СССР (РГАЛИ) продолжили И.С. Зильберштейн, Н.Б. Волкова, И.П. Сиروتинская и др. Их работе способствовали постановления Правительства СССР от 13 августа 1958 г. и от 28 июля 1961 г., в которых на Главное архивное управление возлагалась задача систематического комплектования такими материалами³⁸. В 1962 г. при ГАУ СССР был создан Научно-методический совет по приобретению документальных материалов за рубежом, действовавший на общественных началах. Большую роль в организации деятельности совета сыграли И.Л. Андроников и И.С. Зильберштейн³⁹.

В 1950-х гг. ЦГАЛИ СССР получает большое количество эмигрантских фондов деятелей литературы и искусства из фондов РЗИА, переданных из ЦГАОРиСС СССР. Среди них – личные фонды А.Т. Аверченко, Ю.И. Айхенвальда, В.А. Амфитеатрова, М.Ф. Андреевой, А.А. Оцуца, Н.А. Еленева, В.Я. Ирецкого, И.Ф. Наживина, Н.В. Недоброво, Н.Е. Осипова; фонды Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов в Чехословакии, Комитета помощи русским писателям во Франции, редакции газеты и журнала «Звено», Русского камерного театра в Праге, Русского артистического кружка в Париже и др.

Большой вехой в истории архивного наследия А.И. Герцена стало поступление «Пражской коллекции А.И. Герцена» в 1945 г. в составе Русского Заграничного Исторического Архива⁴⁰. Первоначально архив Герцена поступил в ЦГАОРиСС СССР, где был образован фонд «Заграничный архив А.И. Герцена и Н.П. Огарева» (Ф. Р-5770). 22 февраля 1956 г. в соответствии с распоряжением ГАУ МВД СССР № 21/3-1880 этот фонд был передан в ЦГАЛИ СССР. Всего была передана 801 единица хранения в составе 5 описей⁴¹. В ЦГАЛИ СССР был сформирован фонд 2197 «Заграничный архив А.И. Герцена и Н.П. Огарева (Пражская коллекция)», содержащий ту часть архива А.И. Герцена и Н.П. Огарева, которая была передана дочерью А.И. Герцена Натальей Александровной в РЗИА, а также материалы, поступившие в РЗИА от Л.И. Шишмановой. Кроме того, в ЦГАЛИ СССР существовал самостоятельный фонд А.И. Герцена (ф. 129), основу которого составил архив Герцена, полученный в 1941 г. из Государственного литературного музея, а также из Центрального государственного архива древних актов в 1947 и 1948 гг.⁴² В 1949 г. фонд А.И. Герцена пополнился

нился мемуарами и письмами Герцена, полученными от Н.А. Герцен (урожденной Захарьиной).

Всего из-за рубежа поступили в подлинниках 126 фондов и дополнений к фондам РГАЛИ (более 40 тыс. документов, около 20 тыс. единиц хранения). При этом поступления из фондов Русского заграничного исторического архива в Праге составляют 43%, остальные шли из личных архивов. Наиболее объемные фонды поступили из Франции (около 70% от общего объема зарубежных поступлений документов). Кроме того архив получил в копиях документы по истории русской культуры из Гуверовского института, Гарвардского колледжа, Вашингтонского университета, библиотеки Конгресса США, Национального центра научных исследований Франции, Национальной библиотеки Франции, Матицы Сербской, Женевского университета, Чехословацкого госархива и др. (5000 кадров микрокопий, 500 единиц хранения ксерокопий к 42 фондам)⁴³. Значительным событием в истории комплектования РГАЛИ материалами российской эмиграции было поступление в августе 1999 г. переписки писателя И.С. Шмелева с О.А. Бредиус-Субботиной. Всего из Роттердама, при содействии протоиерея Григория Красноцветова поступило более 1150 писем, из них 638 писем И.С. Шмелева и 513 О.А. Бредиус-Субботиной. Голландское собрание включало также дневниковые записи И.С. Шмелева, фотографии, переписку семьи Субботиных. Новые материалы, поступившие в РГАЛИ, были включены в состав уже имеющегося в РГАЛИ фонда «Шмелев Иван Сергеевич»⁴⁴.

Комплектование ЦГАЛИ СССР эмигрантскими документами носило более плановый и систематический характер, чем, например, в ЦГАОР СССР (ЦГАОРиСС СССР). В ЦГАЛИ СССР, в отличие от ЦГАОР СССР, далеко не все эмигрантские фонды находились на секретном хранении. Если в ЦГАОР СССР вообще не ставилась задача установления контактов с эмигрантами и выявления эмигрантских фондов за рубежом, то ЦГАЛИ СССР, развивая традиции Государственного литературного музея, постоянно проводил работу по выявлению и комплектованию эмигрантскими фондами. Собрание РГАЛИ, в том числе его эмигрантская составляющая, является одной из самых главных культурных ценностей России. Его значение трудно переоценить: оно далеко выходит за чисто российские рамки. При поддержке гранта РГНФ сотрудниками РГАЛИ была подготовлена электронная база данных «Фонды русского зарубежья в РГАЛИ». Таким образом, исследователям стала доступна полная информация о крупнейшем в России архивном собрании деятелей литературы и искусства Русского зарубежья.

Большим собранием документов по истории эмиграции обладает **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)**. В настоящее время архив хранит более 550 фондов, среди которых немало эмигрантских. Условно их можно разделить на две большие группы:

1) фонды российских политических партий, действовавших до революции в эмиграции, и материалы эмигрантских учреждений ВКП(б);

А.В. Попов

2) личные фонды эмигрантов.

Среди личных фондов архива – фонды Е.Ф. Азефа (ф. 284), П.Б. Акселерода (ф. 361), Л.Г. Дейча (ф. 338), В.И. Ленина (ф. 2), Г.В. Плеханова (ф. 264), П.Б. Струве (ф. 279), Л.Д. Троцкого (ф. 325) и др.⁴⁵ В настоящее время эти фонды востребованы в основном зарубежными исследователями.

В других московских федеральных архивах объем материалов российской эмиграции незначителен. В **Российском государственном архиве фонодокументов (РГАКФД)** имеется один фонд эмигрантского происхождения, поступивший 23 октября 1997 г. по акту № 57. Материалы эмигранта второй волны Н.А. Троицкого передал в архив проживающий в Москве профессор В.С. Карпов. Всего поступило 45 аудиокассет с записями воспоминаний Н.А. Троицкого о событиях Второй мировой войны, жизни и деятельности второй волны эмиграции, политических партиях и организациях русских эмигрантов⁴⁶.

Российский Государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) хранит фонд эмигранта, собирателя архивных материалов полковника Я.М. Лисового. В РГАКФД документы Лисового были переданы по акту № 1 от 14 марта 1960 г. из Государственной исторической библиотеки. Всего в архив поступило 16 пачек негативов, 1 коробка диапозитивов, папка с портретами, 4 яуфа с киноленткой и др.⁴⁷ Подробное описание коллекции Лисового было сделано в 1997 г.⁴⁸ Следует отметить, что материалы коллекции Я.М. Лисового отложились не только в РГАКФД, но и в РГВИА, Государственной исторической публичной библиотеке. История собрания Лисового была трагична, то, что так трепетно собирал этот искренне любящий Россию человек оказалось раздроблено и на долгие годы недоступно для исследователей. Поэтому стоит рассмотреть историю собрания подробнее.

После эвакуации остатков белой армии в Константинополь участник белого движения полковник Я.М. Лисовой организовал в Константинополе выставку «Борьба против большевизма в России», преобразованную впоследствии в «Музей современных событий в России». В 1924 г. она насчитывала более десяти тысяч экспонатов и состояла из следующих отделов: 1. Старая Россия; 2. Россия и мировая война; 3. Революция в тылу; 4. Революция на фронте; 5. Большевизм; 6. Антибольшевизм; 7. Казачество; 8. Белые армии; 9. Голод в России; 10. Жизнь русских эмигрантов; 11. Большевизм в других странах; 12. Карикатуры; 13. Диаграммы; 14. Карты и схемы; 15. Финансовый; 16. Документально-литературный; 17. Анархизм в России; 18. Кинематографический; 19. Современная Россия; 20. Секретный; 21. Архив⁴⁹. После демонстрации своей выставки в Югославии в 1923 г. Я.М. Лисовой переехал со своей выставкой в США, где показывал ее в штатах Колорадо, Калифорния, Висконсин, Индиана и др. К 1925 г. выставка насчитывала более пятнадцати тысяч экспонатов, 18 000 футов кинолентки. Научное значение выставки было столь высоким, что ей заинтересовался Государственный секретарь США, сделав официальный запрос о составе и содержании коллекции Я.М. Лисового. В 1926 г. вышел первый том «Белого

архива» под редакцией Я.М. Лисового, составленный по материалам его коллекции. В годы Второй мировой войны Я.М. Лисовой, проникнутой симпатией к борьбе советского народа с фашизмом, решил передать свое собрание в дар СССР. В 1943 г. он написал письмо в **Государственную историческую библиотеку** (ГПИБ) в Москве с предложением о передаче коллекции, которое было принято. Первое поступление материалов коллекции Я.М. Лисового в Историческую библиотеку было в 1945 г.

Таким образом, основу собрания ГПИБ составил дар русского эмигранта полковника Я.М. Лисового, поступивший 7 июля 1945 г. из США. Согласно акта о распаковке архива, прибывшего от Я.М. Лисового, в ГПИБ прибыло 30 ящиков. При вскрытии были обнаружены книги, журналы, газеты, плакаты и другие материалы исторического характера в основном на русском и английском языках⁵⁰. Решением Главлита доступ к материалам Я.М. Лисового был закрыт. Они были переданы в спецхран Исторической библиотеки. 21 марта 1947 г. Я.М. Лисовой отправил в адрес Исторической библиотеки оставшиеся у него архивные материалы в количестве 6 пудов. Заместитель директора библиотеки С. Чекрыжов проинформировал Главлит о поступлении архивных материалов Я.М. Лисового и получил разрешение на их прием для последующего секретного хранения.

Лисовой умер в 1965 г. в США. В последние годы своей жизни он сожалел о решении передать свое собрание в СССР, ведь главное условие передачи – доступность материалов для исследователей – не было соблюдено.

К сожалению, архив и книжное собрание Я.М. Лисового были раздроблены. В 1960 г. по распоряжению ГАУ СССР № 3/104-Я от 03.03. документальная часть архива была передана в центральные государственные архивы (ЦГАОР – 40 кг, ЦГВИА – 10 кг, Особый архив – 15 кг, ЦГАКФФД – фотографии и негативы⁵¹). В частности, ЦГВИА согласно акта № 4 от 31.03.1960 г. принял 10 килограмм россыпи. В 1970 г. после обработки материалы Я.М. Лисового вошли в состав фонда № 260 (д. 1–5, 24). Среди документов Я.М. Лисового – подготовительные материалы к книге о Первой мировой войне и Гражданской войне, заметки о международной политике, отрывки из воспоминаний генералов А.М. Адараци, А.П. Будберга, письма И.А. Хольсмана, Н.А. Епанчина и др.⁵²

ЦГАКФФД согласно акта № 1 от 14.03.1960 принял 16 пачек негативов (стекло), 1 коробку диапозитивов, 1 папку с портретами, 1 конверт с фотопленками, 4 яуфа с кинопленкой, 2444 фотодокумента по тематике: Донские фото, Русская эмиграция, Красный, белый, украинский террор, Добровольческая армия, Портреты, Коммунистические беспорядки в США и др., негативы по тематике: Церковные надругательства, Военные, Генералы и вожди белого движения и др., репродукции по тематике: типы эмигрантов, русские на работах в Сербии, остров Антигона и др. В настоящее время в РГАКФД в коллекции Я.М. Лисового хранится 1098 фотодокументов и 95 негативов. Яуфы и другие материалы исчезли. Возможно, они были уничтожены по идеологическим соображениям.

В **Центральный государственный особый архив СССР** документы Я.М. Лисового были переданы согласно акта № 3 от 30.03.1960. В 1964 г. из документов Я.М. Лисового был сформирован фонд 1489, включающий рукописи на немецком языке, произведения татарского, чувашского, украинского фольклора, переписку Общества по изучению народного творчества, географические карты.

ЦГАОР СССР принял 28 марта 1960 г. 40 кг. документов из архива Я.М. Лисового⁵³. Документы Лисового были рассредоточены по нескольким фондам, часть передана впоследствии в ЦГАСА СССР.

Несмотря на раздробление, в составе Отдела специального хранения ГПИБ остались документы Я.М. Лисового⁵⁴ (в настоящее время Отдел фондов русского зарубежья). Среди материалов Я.М. Лисового – его творческие материалы (гранки книг «Россия и Финляндия в подлинном освещении», «Улыбки и гримасы русской эмиграции»), статьи генерал-майора В.Н. фон Дрейера, Ф. Гнесина, эмигрантские листовки и декларации и др., а также около 1060 книг из библиотеки Я.М. Лисового.

В апреле 1996 г. сотрудниками **Российского Государственного Военно-Исторического архива (РГВИА)** был доставлен в Москву из Парижа большой комплекс архивных документов «Архива Кавалергардской семьи». Документы переданы в РГВИА согласно воле последнего хранителя архива русского военного историка В.В. Звегинцова⁵⁵. Среди материалов фонда – документы Кавалергардского полка и офицерского объединения в эмиграции. Архивисты РГВИА, соблюдая принцип недробимости фондов, сохранили единый комплекс документов, образовав дополнительную пятую опись в уже имеющемся фонде Кавалергардского полка (ф. 3445, оп. 5, 151 единица хранения).

В **Российском государственном архиве экономики** (до 1992 г. – ЦГАНХ СССР) особую ценность представляет фонд выдающегося русского кораблестроителя, автора проекта лайнера «Нормандия» В.И. Юркевича⁵⁶. В 1967 г. вдова В.И. Юркевича Ольга Всеволодовна Юркевич передала архив В.И. Юркевича в соответствии с его завещанием в ЦГАНХ СССР, отвергнув предложения Колумбийского университета, Кораблестроительного музея США и других архивов.

В составе **Российского Государственного Военного Архива (РГВА)** имеются фонды Русского Заграничного Исторического Архива в Праге, переданные в 1940–1960-е гг. из ЦГАОР СССР. В основном это фонды войсковых частей и военных учреждений, оказавшихся в ходе Гражданской войны за рубежом. Данные материалы нельзя назвать эмигрантскими, но они имеют отношение к истории Русского зарубежья, русской военной эмиграции.

Большое число архивов Русского зарубежья хранится в рукописных отделах московских библиотек и архивов. Среди них выделяется **Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ)**. Традиции ОР РГБ в выявлении и собирании зарубежной архивной россики восходят еще к деятельности основателя Музея Н.П. Румянцева. Среди личных фондов эмигрантов, хранящихся в ОР РГБ, – фонды И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта, П.А. Кропоткина, И.С. Шмелева и других.

Более 30 фондов писателей-эмигрантов хранит **Отдел рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ)**, известный ранее как Архив советских и зарубежных писателей. Среди них личные фонды И.А. Бунина, Д.Д. Бурлюка, Б.К. Зайцева, В.Ф. Ходасевича, В.В. Шульгина. Из крупных поступлений Отдела рукописей следует назвать большой фонд русского писателя В.Ф. Перелешина, полученный в 1995 г. из Рио-де-Жанейро. Значительное количество материалов фонда относится к жизни В.Ф. Перелешина. Документы фонда отражают литературную и политическую жизнь русского Пекина, а также Харбина и Шанхая⁵⁷.

Личные архивы писателей-эмигрантов Е.И. Апрелевой, П.Г. Богатырева, В.Я. Богучарского, Е.С. Петрова-Скитальца, Б.Ю. Поплавского и других хранятся в **Отделе рукописных фондов Государственного Литературного Музея**.

Для историков, театроведов, занимающихся изучением русского театрального зарубежья, будет важным обращение к фондам **Архивно-рукописного отдела Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ)**. Рукописный отдел ГЦТМ собирает и хранит документы по истории театра, а также проводит работу по их описанию и изучению. Путеводитель по архивному собранию Музея доступен в Интернете. В собрании ГЦТМ немало фондов русских эмигрантов (актеров, режиссеров, художников), среди которых – архивы Ю.П. Анненкова⁵⁸, историка моды А.А. Васильева⁵⁹, Н.Н. Евреинова⁶⁰, К.А. Коровина⁶¹, В.Н. Рекуненко, М.В. Кшесинской⁶², Л.Д. Леонидова⁶³, П.И. Мельникова⁶⁴, М.М. Мордкина⁶⁵, В.И. Никулина⁶⁶, Роциной-Инсаровой⁶⁷, М.А. Чехова⁶⁸, Ф.И. Шаляпина⁶⁹ и др. В составе фондов находятся авторские рукописи пьес, статей, тексты актерских ролей, письма, воспоминания, дневники, а также эскизы декораций и костюмов, выполненные А.Н. Бенуа, Л.С. Бакстом и другими художниками. В 1984 г. в отдел поступил личный архив великой русской балерины, звезды русской сцены 1900–1910-х гг. Ольги Осиповны Преображенской (1871–1962). В эмиграции О.И. Преображенская преподавала в Париже, Милане, Лондоне, Буэнос-Айресе, Берлине. В 1985 г. в ГЦТМ из Италии поступил личный архив певицы О.П. Карасуловой. Документы передала ее дочь М.И. Витвицкая. С 1925 г. О.П. Карасулова жила в Японии, где занималась преподавательской и концертной деятельностью, а в 1950 г. переехала в Италию. В составе фонда О.П. Карасуловой находятся изобразительные материалы и биографические документы⁷⁰.

Большую работу по выявлению и комплектованию, в том числе документами эмигрантов, проводит **Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки**. В Отделе архивно-рукописных материалов Музея хранятся фонды А.Т. Гречанинова, Н.К. Метнера, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина и других музыкантов и композиторов, бывших в эмиграции. В фонде музыковеда Григория Михайловича Шнеерсона отложилось 107 писем выдающегося русского композитора А.Н. Черепнина⁷¹. Важной вехой в комплектовании От-

А.В. Попов

дела архивно-рукописных материалов Музея стало поступление в 2007 г. из США обширного личного архива основателя и многолетнего руководителя Хора донских казаков Сергея Жарова.

Эмигрантские материалы также имеются в Отделе рукописей **Государственной Третьяковской галереи**. Самостоятельный архивный отдел был создан в Третьяковской галерее в 1922 г. Основу его составили дореволюционные материалы, которых к тому времени насчитывалось более 8 тыс. единиц хранения. В 1929 г. материалы архивного отдела легли в основу БАФ ГТГ (отдел библиотеки, архива, фототеки). Современное название отдел получил в 1939 г. В настоящее время в рукописном отделе хранится 229 фондов и более 160 тыс. единиц хранения, прошедших научно-техническую обработку⁷². Среди них фонды эмигрантов, оставивших большей след в истории Русского зарубежья и русского искусства за рубежом: А.Л. Бакста, Л.С. Бакста, Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова, К.А. Коровина, Г.А. Лапшина, Ф.А. Малявина, И.И. Мозалевского, Л.О. Пастернак, И.Е. Репина, Н.К. Рериха, М.П. Рябушинского и др.

Крупным центром хранения эмигрантских материалов стал в 1994 г. **Центральный Музей Вооруженных Сил (ЦМВС)**. В 1992 г. музей при посредничестве американского профессора Джорджа Петерсена вступил в переговоры с Правлением общества «Родина». В результате переговоров Совет старейшин общества 15 мая 1994 г. принял решение о возвращении архивного и музейного собрания в Россию⁷³. В 1994 г. поступила часть архивного и музейного собрания общества «Родина» (г. Лейквуд, США). В 1995, 1996, 1998 и 2000 гг. поступала оставшаяся часть архива общества «Родина». Поступление материалов именно в ЦМВС объясняется близостью материалов «Родины» к профилю ЦМВС. Среди музейных экспонатов, переданных из США, имеется много орденов, медалей, военной формы (в том числе форма генералов М.В. Алексеева, А.И. Деникина, М.Д. Скобелева, Н.Н. Юденича) оружия. Музейные экспонаты, переданные в ЦМВС, экспонировались на выставках, а затем легли в основу постоянной экспозиции музея. Архивные материалы, поступившие в ЦМВС, в значительной мере отражают военную историю белой эмиграции⁷⁴. Всего было передано 8,5 тыс. единиц хранения. Документы Общества «Родина» – это не единственное поступление в ЦМВС из-за рубежа. В 1990 г. от американского публициста Артура Кана поступил очень ценный архив, касающийся репатриации советских граждан из американской зоны оккупации Германии в СССР. Среди переданных документов находится доклад, составленный по результатам допросов советских граждан, доклады об организации лагерей «ди-пи» и др. Общий объем коллекции составляет 33 единицы хранения.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились негосударственные центры собирания и хранения эмигрантских материалов. Важнейшим среди них является **Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (БФРЗ)**. Предыстория возникновения БФРЗ восходит к 1973 г., когда А.И. Солженицын опубликовал обращение к русской эмиграции с просьбой собрать мемуарные свидетельства о прошлом России, о революции, Граж-

данской и двух мировых войнах. Из разных стран мира было получено более 1000 рукописей. В 1990-е гг. это собрание было перевезено в Россию. В июне 1995 г. постановлением Правительства Москвы было образовано архивохранилище документов по истории русской эмиграции – Библиотека-фонд «Русское зарубежье». Учредителями Библиотеки-фонда стали Правительство Москвы, Русский общественный фонд Александра Солженицына, Издательство «ИМКА-пресс». Правительство Москвы передало Библиотеке-фонду здание бывшей библиотеки № 17 (ул. Нижняя Радищевская, 2), освободило Библиотеку-фонд от всех налогов и коммунальных платежей и обязалось выплачивать зарплату ее сотрудникам. Торжественное открытие Библиотеки-фонда состоялось 4 декабря 1995 г. Основой рукописного собрания БФРЗ стали переданные А.И. и Н.Д. Солженицыными архивы Леонида Зурова, секретаря А. Бунина, Семена Франка и Великого князя Николая Николаевича и, конечно, уникальное собрание воспоминаний, составившее «Всероссийскую мемуарную библиотеку». Также в БФРЗ хранится архив парижского русского издательства YMCA-Press, который содержит обширную переписку с выдающимися представителями Русского зарубежья И.А. Буниным, С. Франком, о. Сергием Булгаковым, Н. Берберовой, Б. Зайцевым, Д. Мережковским и др. Н.А. Струве подарил коллекцию писем и рукописей Н. Бердяева, о. Сергия Булгакова, И. Бунина, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Шмелева, П. Струве, митрополита Евлогия, М. Алданова и др.⁷⁵ Среди последних поступлений в БФРЗ – архив РОНДД (Российское Общенациональное Народно-Державное Движение), архив Н.Н. Рутыча, собрание писем М. Цветаевой и др.

Из других негосударственных организаций, занимающихся сбором и хранением материалов российской эмиграции, выделяются **Архив-библиотека Российского фонда культуры и Дом Марины Цветаевой**⁷⁶. В их деятельности не существует параллелизма: источники комплектования, информанты и методы работы у них разные. Деятельность государственных архивов, рукописных отделов музеев и библиотек и архивов общественных организаций дополняет друг друга, способствуя возвращению культурного наследия эмиграции в Россию.

В кратком обзоре невозможно описать и даже назвать все московские архивы и другие организации, собирающие и хранящие архивное наследие Русского зарубежья. Поэтому пришлось ограничиться лишь самыми значимыми.

В Санкт-Петербургских архивах отложилось значительно меньше архивных документов по истории российской эмиграции, чем в Москве. В отчете о выявлении и возвращении зарубежной архивной россики директор **Российского государственного исторического архива (РГИА)** А.Р. Соколов сообщает, что «в РГИА работа по выявлению и возвращению архивной россики строится и в плановом порядке ведется с 1995 г. в соответствии с общими принципами этой деятельности. В ее основе – методические рекомендации Росархива 1993 г.». В результате этой работы в РГИА в 1997–2000 гг. поступило и поставлено на учет в виде ксерокопий и фотокопий около 1000 документов⁷⁷.

А.В. Попов

В РГИА имеются фонды эмигрантов, сформированные из материалов, образовавшихся в результате деятельности будущих эмигрантов в России. С точки зрения автора, такие фонды можно отнести к фондам эмигрантов, но не к фондам эмигрантского происхождения. К ним относится архив выдающегося российского историка профессора Йельского университета Михаила Ивановича Ростовцева (ф. 1041). В эмиграции Ростовцев жил в Англии, где работал в Оксфордском университете. В 1920 г. переехал в США, преподавал на кафедре древней истории в университете Висконсина в Мэдисоне. В 1925 г. был приглашен в Йельский университет. С 1925 по 1939 г. он являлся профессором древней истории и классической археологии, с 1938 по 1940 г. был хранителем древностей в Йельском университете.

Другой фонд эмигранта, образовавшийся за время деятельности фондообразователя в России – это фонд ученого, философа, активного деятеля карпаторосского движения Дмитрия Николаевича Вергуна (ф. 909). В эмиграции Вергун преподавал историю прикарпатской Руси в Русском народном университете в Праге, являлся редактором журналов «Русский Сокол», «Русский сокольский вестник». С 1945 г. – профессор университета в Хьюстоне (США). Являлся председателем Карпато-русского верховного комитета в Нью-Йорке. Материалы Вергуна за эмигрантский период его жизни хранятся в ГА РФ (Ф.Р-6121).

Среди других фондов, хранящихся в РГИА и содержащих документы, образовавшиеся за время жизни и деятельности будущего эмигранта в России – фонд бывшего министра финансов и премьер-министра России графа В.Н. Коковцова, с 1918 г. жившего в Париже (ф. 966).

Среди личных фондов РГИА, сформированных в последние годы, выделяется фонд барона Э.А. Фальц-Фейна. Архивные материалы поступили из Лихтенштейна от самого барона в количестве 527 единиц хранения. После научной обработки материалов был образован фонд № 1669. Личные документы также поступили от князя М.Г. Юрьевского.

В целях стимулирования поступления из-за рубежа документов семейства Романовых был образован фонд Романовых, состоящий пока в основном из копийных материалов. В архиве уже имеются документы императрицы Марии Федоровны (1847–1928), вдовы Александра III и матери Николая II, хранящиеся в составе фонда № 759 «С.Е.И.В. канцелярии по учреждениям имп. Марии». После революции Мария Федоровна проживала на своей родине в Дании⁷⁸. Среди личных фондов членов российской императорской семьи, проживавших за рубежом, – фонды великих княжон Ольги Александровны (1882–1952) и Ольги Константиновны (1851–1926). В РГИА был также создан фонд (коллекция) «Россика», состоящий из небольших зарубежных поступлений. По мере необходимости в зависимости от новых поступлений из него могут выделяться те или иные фонды⁷⁹.

Среди фондов РГИА имеются также архивные материалы, выделенные из состава бывшего РЗИА и переданные в Ленинград. Это архивы агентств министерства торговли и промышленности во Франкфур-

те-на-Майне и Берне (Ф. 23). Документы русских зарубежных агентств поступили в РГИА в 1974 г. из Архива внешней политики России.

Для деятельности РГИА по комплектованию материалами зарубежной архивной россики характерно внимание к документам прежде всего личного происхождения. Очень часто речь идет об установлении контактов с эмигрантами и их потомками, семейные (родовые) фонды которых имеются в архиве (Васильчиковы, Палены и др.), и выявлении документов, сохранившихся в их семейных (родовых) архивах. Для активизации этой работы в архиве регулярно проходят встречи с потомками российских дворянских родов, проживающих за рубежом.

Из федеральных архивов, находящихся в Петербурге, собирает и хранит материалы российской эмиграции также **Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)**. Среди фондов архива выделяется фонд «Пилкины Константин Павлович и Владимир Константинович» (Ф. 1355). Документы фонда входили в состав бывшего РЗИА и поступили в ЦГА ВМФ СССР (с 1992 г. – РГА ВМФ) из ЦГАОР СССР в 1963 г. Сын адмирала К.П. Пилкина Пилкин – контр-адмирал Владимир Константинович был участником Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. проживал в Ницце, где являлся бессменным председателем кают-компании бывших офицеров российского флота⁸⁰.

В последние годы в архив передали документы соотечественники Шилик (ФРГ), Н.В. Солдатенков и Н.Г. Филатов (Франция), А.Н. Балакшин (Эстония), А. Манштейн-Ширинская (Тунис) и др.⁸¹ В результате обменов в архив поступили микрофильмы Русско-Американской компании из Национального архива США. Всего за 1993 – 2000 гг. в архив поступило 155 единиц хранения на бумажной основе, 300 фотоснимков, 709 микрофильмов (30 000 кадров) зарубежной архивной россики.

Наиболее крупное из последних поступлений – документы полярного исследователя Николая Александровича Де-Транзе. На основе этих документов был сформирован фонд Р-2241. В 2000 г. в архив поступили 124 единицы хранения из собрания Общества «Родина», переданные Российским Фондом Культуры.

Значительное число документов Русского зарубежья хранится в **Рукописном отделе Института Русской Литературы (Пушкинского Дома)**. Одним из первых крупных поступлений в Пушкинский Дом из-за рубежа было собрание Музея Пушкина в Париже. Музей был основан русским эмигрантом А.Ф. Онегиным (Отто) в конце 70-х гг. XIX в. в Париже⁸². К концу XIX в. это было очень богатое собрание. В составе Музея находилась часть личных архивов А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и других русских и зарубежных писателей. С 1883 г. П.В. Жуковский стал передавать Онегину материалы своего отца В.А. Жуковского, в том числе более 60 автографов А.С. Пушкина. В 1912 г. после смерти П.В. Жуковского по его завещанию личные архивы П.В. и В.А. Жуковских поступили в Музей Онегина. В архиве Жуковских находилось более тысячи семисот писем литераторов первой половины XIX в. Онегин

А.В. Попов

был страстным собирателем и коллекционером. Он собирал не только архивные материалы, касающиеся русской культуры, но и автографы. Поэтому его часто называют «автографистом». Его ближайший друг – английский русист Вильям Рольстон – регулярно снабжал его автографами, пересылая ему фактически все свои документы. Перед уничтожением своего архива Рольстон выслал Онегину и свою переписку с Тургеневым⁸³. Решение о передаче собрания Онегина в Пушкинский Дом было принято еще до Первой мировой войны. Согласно договора между А.Ф. Онегиным и Академией наук, Академия покупала архивное собрание за 10 тыс. рублей, а также обязывалась выплачивать Онегину пожизненную пенсию в размере 6 тыс. рублей. Таким образом Пушкинский дом стал владельцем собрания Онегина, но фактически оно попало в Пушкинский дом позднее – в 1928 г.⁸⁴

Рукописное собрание Пушкинского дома не исчерпывается автографами А.С. Пушкина и документами, так или иначе связанными с поэтом и его эпохой. На хранении в рукописном отделе имеется немало личных фондов, в том числе и эмигрантского происхождения. В 1987 г., переехавшая из Парижа в Ленинград на постоянное место жительства известная поэтесса И.В. Одоевцева передала в Пушкинский дом свой архив (Ф. 824). Регулярно (с 1992 г.) документы по истории русского зарубежья передает в Пушкинский дом американский ученый Жор Шерон. Среди переданных им документов – материалы, касающиеся Н.Н. Берберовой, З.Н. Гишпиус, В.В. Набокова, В.Ф. Ходасевича и др.⁸⁵ Среди фондов писателей Русского зарубежья, хранящихся в Пушкинском Доме – архивы Л.Н. Андреева (ф. 9), П.Д. Боборыкина (ф. 29), П.М. Бицилли, В.И. Иванова (ф. 607), В.И. Иванова-Разумника (ф. 79), А.И. Куприна (ф. 242), Г.А. Лопатина (ф. 534) Д.А. Лутохина (ф. 592), Е.А. Ляцкого (ф. 163), Д.С. Мережковского (ф. 177), В.И. Немировича-Данченко (ф. 204), А.Ф. Онегина (Отто) (ф. 217), С.Ф. Паниной (ф. 223), А.М. Ремизова (ф. 256), И.С. Тургенева (ф. 306), Е.Н. Чирикова (ф. 380) и др.⁸⁶

Традиции собирания зарубежной архивной россики в **Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (РНБ)** имеют давние традиции. Еще в 1805 г. Отдел рукописей (депо манускриптов) приобрел ценную коллекцию дипломата П.П. Дубровского, собранную им во Франции и других европейских странах. Среди фондов эмигрантов в Отделе рукописей РНБ хранится фонд известного историка права, декана русского юридического факультета при Институте Славяноведения в Париже Бориса Эммануэловича Нольде (ф. 529). Отдел хранит большое число фондов и собраний русских писателей. Среди них представлены материалы А. Белого, З.Н. Гишпиус, Д.С. Мережковского, А.М. Ремизова и др. Документы личного фонда известного поэта, лауреата Нобелевской премии И.А. Бродского отражают ленинградский период его жизни (автобиография, личные документы, свидетельство о рождении, школьные характеристики и др.). Фонд Бродского (ф. 1333) был сформирован в 1993 г. Среди последних поступлений материалов российских эмигрантов – архив писателя, руководителя издательства «Эрмитаж» И.М. Ефимова (ф. 1347).

В составе фонда Ефимова имеются биографические материалы, рукописи, переписка и другие материалы. Одним из самых больших фондов эмигрантов в ОР РНБ является личный фонд писателя Е.Г. Эткинда. Архив Эткинда поступил в РНБ в 1990 г. После научной обработки и описания был образован фонд «Эткинд Ефим Григорьевич» (ф. 1317). В составе материалов фонда 3255 дел за 1893–2000 гг. Часть материалов российских эмигрантов, поступивших из-за рубежа, была присоединена к другим фондам. Письма выдающегося русского генетика Ф.Г. Дображанского были присоединены к фонду № 813 «Филипченко Ю.А.». В составе фонда № 1000 отложились материалы С.Д. Довлатова, И. Северянина, А.И. Солженицына, Н.А. Струве, Ф.И. Шаляпина и др.⁸⁷

Ценнейшим источником по истории Русского зарубежья до 1917 г. является архив философа, деятеля российского революционного движения Г.В. Плеханова (ф. 1093). Архив Плеханова хранится в филиале Отдела рукописей – **Доме Плеханова**. Дом Плеханова был создан в 1929 г. Основу его собрания составил архив Г.В. Плеханова, включающий рукописи его трудов, биографические материалы, переписку и другие документы. Здесь хранится библиотека Плеханова (более 8 тыс. томов), архив его жены Р.М. Боград и личные фонды участников группы «Освобождение труда» В.И. Засулич, Л.Г. Дейча, А.И. Любимова, А.Ф. Бурьянова. Среди других фондов эмигрантов – фонды деятелей кадетской партии П.Н. Милюкова, П.Б. Струве и др.

Личный фонд Александра Николаевича Бенуа (1870–1960) – художника, историка искусства – хранится в архиве **Государственного Эрмитажа** (ф. 9).

В других архивах и учреждениях Санкт-Петербурга фонды эмигрантского происхождения не выявлены. Возможны вкрапления эмигрантских материалов в составе других фондов: например, в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и других архивов. Число фондов эмигрантов и фондов эмигрантского происхождения в петербургских хранилищах не превысит 5% от московских.

Центром собирания и хранения материалов российской эмиграции на Дальнем Востоке является **Государственный Архив Хабаровского Края (ГАХК)**. История и состав собрания ГАХК достаточно подробно освещена в публикациях хабаровских архивистов Н.И. Бендик и Л.А. Вараскиной⁸⁸.

В 1945 г. в архив поступило более трех тонн документов, книг, газет и журналов, вывезенных из Манчжурии. Заслуга в спасении этих документов принадлежит начальнику отдела архивов УНКВД по Хабаровскому краю В.И. Чернышовой. В 1945 г. группа хабаровских архивистов под ее руководством смогла посетить города Харбин, Чанчунь, Мукден, Порт-Артур и спасти от уничтожения значительное число документов русской эмиграции в Китае. История поиска и вывоза этих документов длительное время была неизвестна. Сейчас эту историю можно узнать из воспоминаний В.И. Чернышовой, хранящихся в ее личном фонде в ГАХК (Ф.Р-849)⁸⁹.

А.В. Попов

После обработки и научного описания из прибывших документов были сформированы 10 фондов:

1. Ф.Р-829 «Союз казаков на Дальнем Востоке 1934–1941»;
2. Ф.Р-830 «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи»;
3. Ф.Р-331 «Общество единения народов в Маньчжурской империи Кио-Ва-Кай»;
4. Ф.Р-832 «Комитет по переселению русских эмигрантов в Тооге-ненский район Маньчжурской империи»;
5. Ф.Р-1126 «Харбинское общество землевладельцем и домовладельцев»;
6. Ф.Р-1127 «Отделение Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжу-Диго»;
7. Ф.Р-1128 «Харбинский комитет помощи русским беженцам»;
8. Ф.Р-1129 «Пограничный район Дальневосточного Союза военных в Маньчжурской империи. 1935–1937, 1940 гг.»;
9. Ф.Р-1267 «Управление Харбинского военного начальника и помощника коменданта г. Харбина. 1919 г.»;
10. Ф.Р-1497 «Правление Харбинской трудовой артели инвалидов. 1931–1940 гг.».

В составе фондов 52 992 дела. Также были обработаны и описаны печатные издания, вывезенные из Китая. Печатный фонд состоит из 14 наименований газет и 82 наименований журналов. Среди них немало редких эмигрантских изданий. До 1989 г. эти материалы не были доступны для исследователей и находились на секретном хранении⁹⁰. Самым большим по объему и наиболее востребованным исследователями является фонд «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи». В нем содержится 591 дело в двух описях⁹¹. Большое значение для дальневосточных и сибирских историков имеет собрание более 57 тыс. личных дел эмигрантов, переданных в 1992–1993 гг. из Управления госбезопасности по Хабаровскому краю в госархив.

Благодаря собранию ГАХК историки имеют полноценную документальную базу для изучения дальневосточной ветви российской эмиграции.

Центром работы по выявлению, комплектованию и хранению архивных материалов Русского зарубежья в Приморье и во всем Дальневосточном регионе является Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (ПГОМ). Музей за последние годы смог установить контакты и получить архивные материалы от соотечественников из стран АТР (Рыковых, Бринеров, Шевелевых, Янковских и др.) В 1995 г. сотрудники Музея смогли посетить Сан-Франциско, где работали в музеях Русской культуры и Ветеранов Великой войны⁹². Одним из самых значимых и востребованных фондов ПГОМ является фонд «Русский Харбин».

Огромное значение для российской культуры играют регулярно проходящие во Владивостоке Конгрессы соотечественников стран АТР.

Для многих соотечественников – гостей Форумов – Владивосток является городом, в котором они родились. Поэтому с особым пониманием и поддержкой они относятся к работе Музея им. В.К. Арсеньева по сохранению культурного наследия Русского зарубежья. В дни Форума коллекция музея регулярно пополняется уникальными экспонатами. Во время второго Форума музею были переданы архивные документы от Шереметовой Александры Борисовны, которые связаны с историей КВЖД. Комплект материалов семьи Меркуловых передан Н.Ф. и В.Ф. Меркуловыми. И.В. Черноус решила передать свой личный архив музею и выступать его официальным представителем в Австралии⁹³.

Архивные материалы по истории российской эмиграции также отложились в фондах Общества изучения Амурского края. В настоящее время сформировалась интересная архивная коллекция, связанная с историей эмиграции. В основном это материалы членов Общества, которые после революции стали эмигрантами. Среди них фонды П.Ф. Унтербергера, Н.Л. Гондатти, Д.Л. Хорвата и др.⁹⁴

Важным событием для всего Дальнего Востока было восстановление исторической справедливости – перемещение во Владивосток Российского Государственного Исторического Архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Дальневосточные историки еще только начинают выявление в нем материалов российской эмиграции. Так, в фонде Канцелярии Приамурского генерал-губернатора уже обнаружены комплексы документов об эмиграции русских рабочих в начале XX в. в Америку⁹⁵.

Хочется сказать еще об одной проблеме, ожидающей нас в работе по выявлению и собиранию архивных материалов русского зарубежья рассеянных по всем миру. Это невнимательное отношение к ним, раздробление и распыление собраний. Показательна судьба архивного и музейного собрания Общества «Родина». Документы и экспонаты Общества «Родина» передавались в Центральный музей вооруженных сил, в Российский фонд культуры, Российский государственный архив Военно-морского флота и другие хранилища. Неясна судьба картинной галереи Общества. Как сообщалось в прессе, всего из США в Россию, было передано более 100 тыс. единиц хранения, 70 тыс. из которых в последствии были переданы в 23 музея⁹⁶. То, что многие годы подвижнически собирали и хранили для России русские эмигранты, было раздроблено и распылено по многим архивам и музеям России. Был нарушен главный принцип архивного дела – принцип недробимости фонда и собраний. В результате мы снова упустили шанс создать в России Музей русского зарубежья с рукописным отделом, библиотекой и т. д. Восстановлением исторической правды, своего долга перед изгнанниками, исправлением ошибок предшественников стало опубликование в 1999 г. межархивного путеводителя по фондам бывшего РЗИА⁹⁷. Издание этого тома завершило десятилетний труд, ставший как бы исправлением ошибки послевоенных архивистов, распыливших РЗИА по многим архивам бывшего СССР⁹⁸. Печально, что собрание Общества «Родина» ждала та же судьба – раздробление. Поистине, история ниче-

А.В. Попов

му не учит. Уже сейчас ставится вопрос о необходимости реконструкции собрания «Родины», необходимости составления межархивного путеводителя. Но когда это еще будет? Ведь для составления путеводителя по РЗИА понадобился десятилетний труд архивистов почти из всех республик бывшего СССР.

В заключение следует отметить, что, как это ни парадоксально, историю эмиграции, ее культурное наследие можно изучать не выезжая из страны, не обращаясь в зарубежные архивохранилища. История возвращения, собирания архивного наследия русских эмигрантов на родину насчитывает уже не один десяток лет. За эти годы образовался огромный комплекс материалов русских эмигрантов, вернувшихся в Россию, в отечественных хранилищах.

Примечания

- 1 *Рафальский С.М.* Николин Бор. Париж.: Альбатрос, 1984. С. 75.
- 2 РГАЛИ, Ф. 612, оп. 1, д. 2645.
- 3 Там же. Д. 3423, л. 42.
- 4 Там же. Д. 3406, л. 257.
- 5 ГЛМ ОРФ, Ф. 50, д. 1, л. 10.
- 6 См.: Россика в США. Сборник статей. М.: Институт политического и военного анализа, 2001. С. 352.
- 7 *Попов А.В.* Россика в негосударственных хранилищах США // Отечественные архивы, 1996. № 2. С. 22–26.
- 8 *Попов А.В.* Архивное наследие зарубежного православия // Новый журнал = New Review. Нью-Йорк, 2005. № 239. С. 158–173.; *Попов А.В.* Православие за рубежом: проблемы архивного наследия // 2000-летию Рождества Христова посвящается. Специальный выпуск «Вестника архивиста», М.: Российское общество историков-архивистов, Синодальная Комиссия по канонизации святых, 2001. С. 142–150; *Попов А.В.* Архив Американской Православной церкви // Зарубежная Россия. 1917–1939.: Сборник научных статей. Кн. 2. СПб.: Российская Академия наук; Санкт-Петербургский институт истории; Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Издательство «Лики России», 2003. С. 159–162.
- 9 *Edvard Kasines.* Bibliographical Census: Russian Empire Theologians and Philosophers in the Seminary Library Collection // St Vladimir's Theological Quarterly, 1972. № 16. P. 40–44.
- 10 Зарубежная архивная россика [Электронный ресурс]: Указатель литературы / Сост. А.В. Попов – Электрон. текстовые, граф. дан. / Центр религиозной литературы ВГИБЛ // Интернет сайт «Религиозные деятели и писатели Русского зарубежья». – Режим доступа: Загл. с экрана. http://zarubzhje.narod.ru/texts/popov_rossica01.htm
- 11 Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике. 1918–1938. Путеводитель по фондам и собраниям в Чешской республике. Прага: Архив Академии наук Чешской республики, 1995. С. 131.

- 12 Документы к истории русской и украинской в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага.: Славянский институт АН ЧР, 1998. С. 343.
- 13 *Вайцек Й.* Фонды русского зарубежья в Пражской Славянской библиотеке // Зарубежная Россия 1917–1930 гг. Сборник статей. СПб.: «Европейский Дом», 2000. С. 417–420.; *Махаткова Р.* Помощь российской эмиграции в Чехословакии и русские материалы в коллекциях Центрального государственного архива Праги // Там же. С. 420–424.; *Дандова М.* Литературный архив Музея чешской литературы // Там же. С. 425–430.
- 14 Бялатта эмиграция в Българии. Каталог. София: Главно управление на архивите при Министерския съвет, 1996. С. 80.
- 15 *Кьосева Ц.* Документы о Белой эмиграции в болгарских архивах // Вестник архивиста, 2004. № 3–4. С. 240–265; № 5. С. 289–302.
- 16 Там же. С. 255.
- 17 ГА РФ, Ф. 6991, оп. 1, д. 855, Л. 31.
- 18 *Чапнин С.* Уникальный архив Николая Глубоковского вернулся в Россию // Церковный вестник. Официальное издание Русской Православной Церкви, 2003. № 24 (277).
- 19 Русская эмиграция в Югославии: Сборник статей. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 350.
- 20 Руски емигранты у Београду. Траг и инспирация. Београд: Историјски архив Београда, 1995. С. 12.; Россия в документах югославских архивов. Каталог выставки. Белград.: Архив Югославии, 1997. С. 59.
- 21 *Сабенникова И.В.* Документы архивной россики в зарубежных архивах // Архивоведение и источниковедение Отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на четвертой Всероссийской конференции 24–25 апреля 2002 г. М., 2002. С. 373–383; *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция в Хорватии: обзор архивов // Берега. Информационно-аналитический сборник о Русском зарубежье. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2007. № 8. С. 6–9.
- 22 *Старостин Е.В.* История России в зарубежных архивах. М., 1994. С. 79.
- 23 *Бялькин Р.Н.* Документы по истории России в архивохранилищах Германии: проблемы научного описания и использования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИАИ РГГУ, 1998; *Батожок И.А.* Русские в Китае. Поиск документов в архивах КНР // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 41–43.
- 24 Проблемы зарубежной архивной россики. Сборник статей. М.: Федеральная архивная служба России, 1996. С. 200.; Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. М.: Федеральная архивная служба России, 2001. С. 256; Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции. 29–30 октября 2003 г. М.: РОССПЭН; РГАЛИ, 2005. С. 496.
- 25 *Ракицкая Е.Ю.* Конференция по проблемам зарубежной архивной Россики // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 99–102.
- 26 Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Путеводитель. Часть 2. М., 1952. С. 11.

А.В. Попов

- 27 Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 28.
- 28 РЗИА в Москве: вспоминают очевидцы // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 37.
- 29 Дополнения к книге поступлений архивных материалов в ЦГАОР с № 4365–4423, запись № 4412.
- 30 Райхцаум А.Л. Документальные материалы РЗИА по истории адаптации российской эмиграции // История российского зарубежья. Проблем адаптации: Сб. статей. М., 1996. С. 35.
- 31 Однако 7 из 26 архивов не смогли дать описания документов из состава РЗИА, которые они получили в свое время из ЦГАОР СССР.
- 32 Фонды Русского Исторического Архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. С. 677.
- 33 Книга учета поступлений ГАРФ 1993. № 82.
- 34 *Andrei Popov. Personal Papers of Russian Emigres in the United States in the State Archive of the Russian Federation // Slavic & East European Information Resources. 2006. V. 7. Number 2/3. p. 153–164.*
- 35 Ульяницкий К.Б. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира в ГА РФ // Россия в США: Сборник статей. М.: Институт политического и военного анализа, 2001. С. 309–323.
- 36 Ульяницкий К.Б. Документ о Иннокентия Серышева в микрофотокопиях Государственного архива Российской Федерации (поступление из США) // Макарьевские чтения: материалы Пятой международной конференции (21–22 ноября 2006 г.) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск.: Горно-Алтайский государственный университет, 2006. С. 241.
- 37 Зарубежная архивная россика. Новые поступления. М.: Федеральное архивное агентство; ГА РФ, 2007. С. 2.
- 38 Белов Г.А. Расширение источниковедческой базы истории народов СССР за счет документов, хранящихся в зарубежных архивах // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 224.
- 39 Белов Г.А. Глазами документалиста. М., 1994. С. 127.
- 40 Попов А.В. Архивное наследие А.И. Герцена на родине и за рубежом // Герценовские чтения VIII: Материалы научной конференции. Киров, 2002. С. 6–12.
- 41 Книга передач документальных материалов из ЦГАОР 1946–1961 гг.
- 42 А.И. Герцен опись документальных материалов фонда № 129 ЦГЛА СССР. М., 1951. С. 3.
- 43 Сиротинская И.П. Проблемы собирания зарубежной архивной России. (По материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность: Сборник статей. М.: Российский институт культурологии, 1999. С. 133.
- 44 РГАЛИ, Ф. 1198.
- 45 Краткий путеводитель: Фонды и коллекции, собранные Центр. парт архивом / Сост. Адибеков Ж.Г, Амиантов Ю.Н, Иванов С.С. и др. М.: РЦХДНИ, 1993. С. 201; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Путеводитель по фондам личного происхожде-

- ния / Сост. Адибеков Ж.Г. Амиантов Ю.Н., Антонова Н.С. и др. М.: РЦХДНИ, 1996. С. 405.
- 46 РГАФД. Акт приема-передачи документов № 57.
- 47 ГПИБ, Отдел фондов русского зарубежья, Акт приема-передачи № 4 архива Я.М. Лисового.
- 48 Коллекция Я.М. Лисового. Опыт реконструкции. М.: ГПИБ, 1997. С. 140.
- 49 *Кирилова Н. Г., Кручинин А.С.* Коллекция историка-эмигранта Я.М. Лисового в фондах Государственной публичной исторической библиотеки // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 2. М., 1994. С. 413.
- 50 ГПИБ, Отдел фондов русского зарубежья, Акт о приеме архива Я.М. Лисового.
- 51 Фонд Я.М. Лисового в РГАКФД, насчитывающий около 1000 единиц хранения, так и не был обработан на протяжении свыше 30 лет. В настоящее время находится в процессе описания и научной обработке.
- 52 ГПИБ, Отдел фондов русского зарубежья, Акт приема-передачи № 4 архива Я. М. Лисового.
- 53 Там же. Акт приема-передачи № 2 архива Я.М. Лисового.
- 54 *Кирилова Н.Г., Кручинин А.С.* Коллекция историка-эмигранта Я.М. Лисового в фондах Государственной публичной библиотеки // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 2. С. 412–415.
- 55 *Рыженков М.Р.* Судьба документальной коллекции русского военного историка В.В. Звезгинцова // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. М.: Федеральная архивная служба России, 2001. С. 181.
- 56 РГАЭ, Ф. 341.
- 57 *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. – М.: ИАИ РГГУ, 1998. С. 147–149.
- 58 ГЦТМ, Ф. 328.
- 59 ГЦТМ, Ф. 46.
- 60 ГЦТМ, Ф. 343.
- 61 ГЦТМ, Ф. 120.
- 62 ГЦТМ, Ф. 134.
- 63 ГЦТМ, Ф. 585.
- 64 ГЦТМ, Ф. 647.
- 65 ГЦТМ, Ф. 597.
- 66 ГЦТМ, Ф. 190.
- 67 ГЦТМ, Ф. 210.
- 68 ГЦТМ, Ф. 376.
- 69 ГЦТМ, Ф. 303.
- 70 ГЦТМ ф. 628 оп. 1, л. 2.
- 71 *Тартаковская Н.Ю.* Фонд Г.М. Шнеерсона в ГЦММК им. М.И. Глинки // Вестник архивиста. 2002. № 2 (68). С. 231–234.
- 72 Путеводитель по рукописным фондам Государственной Третьяковской галереи / Ред. Т.А. Лыкова. М.: Сканрус, 2005. С. 8–9.
- 73 Последний подвиг офицеров императорского флота // Русская Америка. 1996. Вып. 7. С. 9–11.

А.В. Попов

- 74 *Попов А.В.* Русская эмиграция в США и архивная Россия. Проблемы выявления и описания материалов хранящихся в архивах общественных организаций и частных лиц // Проблемы зарубежной архивной России. М., 1997. С. 112–120.
- 75 *Москвин В.А.* Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье» // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 244–250.
- 76 *Попов А.В.* Документы негосударственных (общественных) организаций по истории российской эмиграции, как составная часть Архивного фонда Российской Федерации // Архивоведение и источниковедение Отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции. М.: Федеральная архивная служба России, ВНИИДАД, 1999. С. 179–187.
- 77 *Соколов А.Р.* Россия в РГИА: из новых поступлений // Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения. М.: Федеральная архивная служба России, 2001. С. 169.
- 78 *Кудрина Ю.* Императрица Мария Федоровна. 1847–1928. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 319.
- 79 *Соколов А.Р.* Указ. соч. С. 172.
- 80 РГА ВМФ, Ф. 1355, 132 ед.хр.; 1857–1920.
- 81 *Мишанов В.Г.* Опыт работы РГАВМФ по выявлению и возвращению зарубежной архивной России // Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения. М.: Федеральная архивная служба России, 2001. С. 174–177.
- 82 *Музей А.Ф. Онегина в Париже* // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей Русской Культуры в Сан-Франциско, 1966. С. 118–119.
- 83 См. переписку Рольстона с Онегиным в кн.: *Алексеев М.П. Левин Ю.Д.* Вильям Рольстон – пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 242–317.
- 84 *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб.: Институт русской литературы РАН, 2006. С. 23.
- 85 Там же С. 358–359.
- 86 Личные фонды и коллекции рукописного отдела Пушкинского дома. Аннотированный указатель. СПб.: Российская Академия наук. Институт русской литературы, 1999. С. 399.
- 87 Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1989–1993). Каталог. СПб.: РНБ, 1998. С. 149.
- 88 *Бендик Н.И.* Рассекреченные архивы Госархива Хабаровского края // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 97.
- 89 *Вараскина Л.А.* Обзор документов государственного архива Хабаровского края по теме «Харбинская Россия в фондах ГАКХ» // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Книга вторая. Владивосток, 1998. С. 370–377.
- 90 *Бендик Н.И.* Рассекреченные архивы Госархива Хабаровского края // Отечественные архивы, 1995. № 1. С. 97.

- 91 *Вараскина Л.А.* Из истории русской культуры в Харбине в 20–30-е гг. XX в. (По документам Госархива Хабаровского края) // Отечественные архивы. 1999. № 4. С. 30–35.
- 92 *Москвитина С.П.* Совместный проект музея и ДВГМА им. Г.И. Невельского по сбору материалов о российской эмиграции в странах АТР (первые результаты) // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Книга первая. Владивосток, 1998. С. 110–114.
- 93 *Руснак С.С.* Второй Тихоокеанский Форум соотечественников // Трибуна русской мысли. 2002. № 1. С. 187–189.
- 94 *Мизь Н.Г.* Материалы по истории российской эмиграции в фондах Общества по изучению Амурского края // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Книга вторая. Владивосток, 1998. С. 377–383.
- 95 *Троицкая Н.А.* К вопросу об эмиграции русских рабочих с Дальнего Востока в 1906 – 1912 гг. (по материалам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока) // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Книга вторая. Владивосток, 1998. С. 394–398.
- 96 *Кирсанова В.* Дары «Родины» из Лейквуда // Независимая газета. 2002. 26.01.
- 97 Фонды Русского Исторического Архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. С. 677.
- 98 Русский заграничный исторический архив реконструирован. Участники проекта рассказывают о подготовке межархивного путеводителя по фондам РЗИА // Отечественные архивы. 2000. № 6. С. 41–46.

В.Б. Прозорова (Франция)

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ФОНДА НА РОДИНЕ

Статья В.Б. Прозоровой посвящена изучению истории зарождения и развития принципа «единства Фонда» во Франции. Его становление шло в постоянной конфронтации с господствовавшими во Франции предметно-логическими классификациями во Французских архивах. Возобладавшая во Франции идея о несовместимости классической версии единства фонда с современными процессами формирования национального достояния является основной причиной застоя французской теоретической мысли.

Ключевые слова: Принцип единства фонда, французская архивная мысль, архивные фонды, формирование архивных фондов, архивы.

Как, кем и почему был сформулирован принцип единства фонда

Период Июльской монархии – время рождения французской науки об архивах. Впервые мнение, что именно работавшие тогда специалисты «создали науку об архивах такой, какая она сегодня» – высказал Ш. Ланглуа в 1895 г. – и многие специалисты его разделяют¹. Обобщение и анализ архивистами того времени противоречивых практик и теорий закончились созданием главных методических принципов французского архивоведения и организации архивных служб. С точки зрения философии науки И. Лакатоса, тогда возникло «жесткое ядро» научно-исследовательской программы французского архивоведения, и архивоведение вступило в парадигмальный – т. е. характеризующийся согласием научного сообщества относительно существующих методологии и методики – период развития. Всего за пять переломных лет, в 1839–1844 гг. основные виды работ государственных архивов были стандартизированы и модернизированы.

Оптимизация принципов и методов работы архивистов произошла несмотря на сложный методический контекст. Напомним, что схема классификации документов Национального архива, созданная П.-Ф. Дону в 1804–1815 гг. – была преимущественно тематической. В этой схеме классификации имелись совершенно искусственные серии K (Monuments historiques), L (Monuments ecclOsiastiques) и

М (MOlanges)², необходимость которых не ставилась под сомнение, например, историком Ж. Мишле. Тематико-хронологические серии создавались ранее и продолжали пополняться в других архивах. Например, высокую оценку историков разных эпох получила серия М «Записки и сведения» архива военного министерства³. Принцип принадлежности был впервые сформулирован французской архивной мыслью в 1815 г. в связи не с обработкой фондов, а с их реституцией: для обоснования отказа в возврате перемещенных во время наполеоновских войн папских и испанских документов⁴.

Рост значения информации в управленческих и экономических процессах, необходимость оперативного информационного обеспечения неизбежно привели к перевороту в архивной мысли, окончательно разрыв с тематическими классификациями и практикой «тряяжа». Показательно, что в архивах ключевых министерств той эпохи – Иностранных дел и Колоний и морских дел – с конца Первой империи применялись, хотя теоретически не обосновывались – пофондовые классификации. Назначенный в 1812 г. начальником архивного бюро министерства Николая Стевено писал в одном из своих первых докладов министру, что он не видит «более простой и ясной методики классификации документов, как для Морских дел, так и для Колоний, чем их распределение в соответствии с шестью отделами центральной администрации»⁵. За пять лет пребывания на посту Н. Стевено постарался организовать архив в соответствии с этим принципом.

В инструкции департаментским и коммунальным архивам от 24 апреля 1841 г. Н. де Вайи и Л. Гадеблед сформулировали понятие «архивного фонда» и концептуализировали неизбежно – для нас, но не для современников, – вытекающий из него принцип «уважения к фонду». Для них этот принцип состоял в «объединении разных документов в фонды, то есть составления коллекции (sic!) всех актов, созданных какими-либо обществом, учреждением, семьей или личностью». К. Нугаре и Б. Галлан считают, что Вайи и Гадеблед сформулировали «мягкий» вариант принципа единства фонда, когда внутри фонда документы систематизируются по тематико-хронологическому, тематико-топографическому или даже алфавитному признакам. Ф. Хильдешеймер объясняет это тем, что такая систематизация позволяла быстрее отвечать на запросы фондообразователей (в 1845–1848 гг. Национальный архив отвечал в среднем на 120 запросов администрации в год)⁶. Поэтому схема классификации, введенная инструкцией 24 апреля 1841 г., – не шаг назад по сравнению с организацией архива Морского министерства, а свидетельство сильного влияния тематических библиотечных классификаций на архивную методику середины XIX в.

Б. Дельмас настаивает, что эпистемологический переворот произошел во всех архивах Франции. Е.В. Старостин и Б. Дельмас признают наличие пофондовых систематизаций до концептуализации понятия фонда⁷. Но в ситуации, когда архив имел один-два источника комплектования, не было необходимости в понятии фонда и эта практика не распространялась, тогда как инструкцию 1841 г. направили в более чем

В.Б. Прозорова

3700 коммунальных и в 83 департаментских архива. Причем, в департаментском архиве хранилось в среднем 100–150 фондов. Инструкция о фондировании была нужна, поскольку лишь в двух Департаментских архивах в 1841 г. фонды были разобраны, в 13 – работы не были доведены до конца, в шести – ничего не было сделано. В остальных фонды постепенно обрабатывались⁸. Принцип единства фонда стал важнейшим элементом научной программы французского архивоведения, хотя контекст, в котором он применялся, был весьма противоречив.

Даже в «мягкой» формулировке принцип единства фонда противоречил не только организации многих французских ведомственных архивов, но и систематизации документов Национального архива. Хотя составители инструкции 1841 г. не очень различали понятия «фонда» и «коллекции», будущее было за их смелой мыслью. Итак, инструкции 1841–1842 и затем 1854 гг. предписали пофондовую систематизацию документов в архивах департаментов, коммун и медицинских учреждений. В этих инструкциях фонду, как правило, соответствовала «серия», что создаст в будущем проблемы. К сожалению, схема классификации документов коммунальных и департаментских архивов, созданная этими циркулярами, по сути, воспроизводила список источников комплектования. Е.В. Старостин считает, что сформулированный Н. де Вайи принцип был обращен «не столько к будущей документации, сколько к уже отложившейся в архивах»⁹. Иными словами, де Вайи предлагал не программу действий, активно организующую сначала документный фонд страны, а затем ее архивный фонд, наподобие германской «регистратуры», а лишь один из возможных вариантов организации поступивших в архив документов. При этом инструкции 1841 г. вовсе не отменяли существовавшую в Национальном и департаментских архивах систематизацию по сериям, основанную на принципе принадлежности.

Принцип единства фонда и новые реалии

По обе стороны зала всюду были двери, но все запертые.

Алиса обошла обе стены, пробуя каждую дверь, и затем печально вернулась на середину зала, спрашивая себя, каким путем и когда она выйдет отсюда.

Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

История французских схем классификации показывает, что два принципа не вступили в противоречие на практике, несмотря на яркую теоретическую полемику, но уравновесили друг друга. В большинстве архивных учреждений на протяжении XIX–XX вв. схемы классификации документов последовательно развивались от тематических коллекций, полностью организованных в соответствии с принципом принадлежности, к построенным на принципе «функциональной принадлежности» те-

Удивительные приключения принципа единства фонда на родине

матико-хронологическим собраниям (во французском архивном деле – «сериям»), и затем к учрежденческим фондам, основанным на принципе происхождения (и сохранившем во французской архивной практике название «учрежденческой подсерии»). Например, схемы классификации в архиве Исторической службы сухопутных сил (SHAT) на протяжении XIX–XX вв. последовательно развивались от архивных тематических коллекций (серия M «Записки и сведения») к тематико-хронологическим сериям (серия L «Война 1870–1871 гг. и Парижская коммуна»), а затем к сериям учрежденческим (серия R «Центральный аппарат министерства обороны»). Но эта эволюция, отразившая утверждение в мировых архивных эвристике и эпистемологии, а через них и в методике архивного дела, принципа происхождения, не вызвала реформирования созданных ранее тематических серий.

Значительные потери, понесенные военными архивами во Вторую Мировую войну, стали причиной частичного возврата к тематическим классификациям отдельных серий. Например, в серии N «Заморские экспедиции начиная с 1830 года», подсерия 1 N «Армия в Африке» систематизирована по нескольким признакам. Названия разделов «Общая переписка», «Общие материалы об армии в Африке», «Архивы командования инженерных войск в Алжире», «Покорение Сахары» и «Современный период 1945–1967» красноречиво свидетельствуют о трудностях логичной организации остатков некогда обширного фонда. В данном случае смешанная основа классификации стремится восстановить контекстные связи между уцелевшими частями фондов.

Ситуация складывается иначе, когда комплектуемые фонды оказываются связанными частично тематической классификацией. Значительное развитие французских местных учреждений во второй половине XIX–XX вв. привело к быстрому устареванию смешанной схемы классификации Национального и департаментских архивов. Ее закрытый характер стало причиной ее неадекватности по отношению к административному пейзажу.

Гораздо лучше соответствовали новым реалиям учрежденческие серии, появившиеся после войны. Во Франции учрежденческая подсерия (*sous-série organique*), в том случае, когда ее границы грамотно определены (о печальном исключении – серии W в департаментских архивах – мы скажем позже), в значительной степени соответствует понятию открытого, комплектуемого фонда в российском архивоведении. Иногда также встречаются учрежденческие серии (*séries organiques*), объединяющие документы двух или более фондообразователей-правопреемников, подобно российским «объединенным архивным фондам». Описи учрежденческих серий (например, серия S «Генеральный штаб и непосредственно подчиненные ему учреждения» или серия T «Генеральный штаб сухопутных сил и непосредственно подчиненные ему учреждения» в архиве Исторической службы сухопутных сил) построены на структурно-тематическом или структурно-хронологическом принципах классификации, а заголовки дел отличаются краткостью.

Модернизация научно-справочного аппарата (НСА) объясняется началом во второй половине XX в. двух процессов в сфере государственного управления и его документационного обеспечения. Во-первых, во всех без исключения странах стало более интенсивным государственное строительство и значительно вырос государственный аппарат, которому, помимо традиционных функций приходилось, в зависимости от местного контекста, решать задачи демократизации, деколонизации, федерализации или автономизации, децентрализации. В послевоенной Франции такими специфическими задачами государственного строительства были: восстановление республиканской законности и денацификация, оформление выхода из состава республики или диверсификация статуса колоний в процессе распада французской империи. Неудивительно, что когда фонды учреждений, возникавших явочным порядком и быстро сменявших друг друга в этот период интенсивного государственного строительства, стали поступать на хранение, то архивистам было сложно определить их границы, а также иерархические отношения между источниками комплектования и круг полномочий каждого из них. Методике научно-технической обработки (НТО) и тесно связанной с ней методике создания НСА было необходимо найти решение, адекватное изменениям, произошедшим в документальном и архивном фонде страны. Видный теоретик Мишель Дюшен написал в 1977 г. фундаментальную статью «Уважение к фонду в архивоведении: теоретические принципы и практические проблемы», в которой предложил пять критериев фондирования. В течение тридцати последних лет эти положения воспроизводит каждый французский учебник архивоведения. Во-первых, фондообразователь для М. Дюшена обязательно является юридическим лицом. Во-вторых, его функции, компетенция и подчиненность отличаются стабильностью и определены, наряду с датой его создания, в официальном документе. Наконец, в-третьих, внутренняя структура учреждения-фондообразователя также юридически закреплена и отражена в штатном расписании или в функциональной диаграмме¹⁰. Практическое применение этих критериев позволило быстро определять границы фондов, созданных учреждениями одной отрасли, и сохранять между ними иерархические отношения, существовавшие между фондообразователями, что открывало, в свою очередь, возможность снятия межфондовой дублетности. Предложенные Дюшеном критерии повлияли не только на фондирование, но и на определение схемы классификации документов внутри фонда. Считая жесткую версию принципа единства фонда заимствованием германского «структурпринципа», Дюшен сожалеет о невозможности ее применения в странах с латинской традицией невмешательства в делопроизводство (Испания, Италия, Франция). Он долго объясняет, что сложная и изменчивая система французской бюрократии дает массу оснований для несоблюдения порядка дел, существовавшего в делопроизводстве, вместо того, чтобы открыто сказать: никакого порядка и не существовало, он никогда не был наведен. Дюшен предлагает для исправления проблем, вызванных отсутствием «регистратуры», детально изучать ис-

Удивительные приключения принципа единства фонда на родине

торию фондообразователей и строить схемы классификации комплексуемых фондов по хронологическо-структурному принципу, лучше отражающему порядок ведения и хранения дел в структурных подразделениях¹¹. Благодаря построению схем классификации на принципах, сформулированных М. Дюшеном, внутренняя структура фонда в современных описях стала более четкой и одновременно более общей, отражающей основные тенденции развития фондообразователя. После статьи Дюшена теоретическое значение принципа единства фонда более не оспаривалось.

Отход от принципа единства фонда в современной практике

Тут-то и пришла моя погибель. Воображение стало создавать несуществующие опасности, и они множились быстрее, чем я в силах был с ними справиться.

Марк Твен. «Жизнь на Миссисипи»

Чтобы понять место принципа единства фонда в современной практике, необходимо рассмотреть особенности приема документов на постоянное хранение. В этом процессе участвуют не только архивисты, но многие существующие «де факто» процедуры можно объяснить лишь стремлением адаптировать традиционные методы работы к стремительно возрастающему количеству и объему документов, подлежащих НТО.

Инструкции требуют указывать вид документов, входящих в дела, но на практике это редко делается. Архивисты считают, что состав дел столь унифицирован и законодательно регламентирован, что объект дела определяет его состав. Действительно, заголовки «Подряд на выполнение работ», «Отчет о НИР», «Дисциплинарная комиссия», «Материальная помощь сотрудникам» позволяет предположить, какие документы составляют дело. В последние 10–15 лет в НТО современных архивов наметилась еще одна тенденция: сдаточные описи без значительной переработки принимаются за основу постоянных описей. Сторонники этого метода считают, что такой подход позволяет быстро описать поступления. При этом, как правило, виды документов не указываются, документы не объединяются в дела и принцип единства фонда не соблюдается.

Поясним каждое из заявленных положений. С отсутствием в описи указания на вид документов можно смириться, если дело правильно заведено и озаглавлено. Заголовок «Тарифы на финансовые услуги населению, 1999» может описывать документы о тарифах конкурирующих фирм, если дело заведено Департаментом конкуренции, или документы по разработке тарифов банком–фондообразователем. Это могут быть протоколы совещаний и рабочие документы или новые циркуляры.

В.Б. Прозорова

Недостатки составленных таким образом заголовков становятся очевидными, когда архивной службе приходится отвечать на информационные запросы подразделений, одновременно перерабатывая при этом некачественно составленные описи. Было бы проще сразу указывать в заголовках вид документа. Понятно, что «Тарифы на финансовые услуги населению: проспекты, аннотации статей» – это дела о конкуренции, а те же «Тарифы...» с уточнением «циркуляр, сопроводительные письма» – внутренние документы Финансового управления.

Вторая важная особенность – объединение документов в дела не является правилом. Дела, правильно заведенные в делопроизводстве, сохраняют, а неправильно заведенные – расформировывают, но новые формируют не всегда. Причем, если документы однотипные, то из них даже не формируют дела под заголовком «Документы/материалы о...», а просто складывают их в одну коробку, которую очень приблизительно озаглавливают. Очевидно, что если во французских архивах (Национальном, департаментских и частноправовых организаций) не все документы хранятся объединенными в дела, то «дело» не может быть единицей описания и учета. Приведем определение «единицы хранения» (article) из работы Ногаре и Галлана «НСА архивов»: «Совокупность документов, имеющих общее происхождение, относящихся к одному предмету или одному делу *и не превышающая по размерам коробку*»¹² (курсив мой. – В. А.). Намерение отразить в определении двойственную природу документов, их содержательный аспект (как продукта психической деятельности) и их материальный аспект (как информации, закрепленной на носителе) не вызывает возражений. В инструкции Центра современных архивов (Фонтенбло) 2003 г. был преодолен разрыв между единицей хранения (стандартизированная коробка) и единицей описания (архивное дело), и архивное дело было объявлено единицей хранения и описания. Но это положение так и не вошло в повседневную практику. Большинство архивистов, не вникая в теорию, считают «единицей хранения» именно коробку: и в архиве Фонтенбло, и в архивах предприятий и администрации. Поэтому дела – естественно сложившиеся совокупности документов – втискивают в прокрустово ложе коробки. Это ограничение размера дел коробками отнимает у французских архивистов возможность измерения объема фонда.

Поясним третье положение – несоблюдение принципа единства фонда. Отказ от формирования дел уже частично разрушает связи, существовавшие между документами. Система классификации большинства французских архивов так до конца и не преодолела заложенный в ее основу принцип принадлежности. Современная серия охватывает группу учреждений. Фонд отдельного учреждения находится в данной схеме на уровне подсерии (sous-série). Причем систематизация документов комплектующейся серии обязательно построена на хронологическом критерии (структурно-хронологическом или тематико-хронологическом), что позволяет пополнять серию, не перерабатывая ранее созданный НСА при каждом новом поступлении. Эта система удобна и логична, если учесть, что во Франции нет традиции комплексной экс-

пертизы ценности документов (ЭЦД) фондов, а описи даже комплектованных фондов быстро публикуются. Открыв любую опубликованную опись можно обнаружить, что группы дел в составе одного фонда (одной подсерии) не связаны никакой последовательностью. Это происходит оттого, что во французских архивах учитывают и описывают не фонды, а состоящие из нескольких коробок, одновременно переданных в архив одним фондообразователем «поступления» (versement)¹³. Нумерация поступлений валовая, и следующие друг за другом поступления разных фондообразователей получают последовательные номера, тогда как поступающие с перерывом документы одного фондообразователя будут иметь не связанные друг с другом номера «поступлений». Если между двумя отправками документов в архив источник комплектования поменял название или подчиненность (что не такая уж редкость во Франции), а архивист, перегруженный работой, не указал это на титульном листе сдаточной описи (что тоже случается), единство фонда (подсерии) – невосстановимо, поскольку оно нарушено на уровне НСА, ни один элемент которого не позволяет идентифицировать органически связанные между собой документы внутри серии.

Первый пример подобного нарушения имеет оправдание: дополнение к серии N архивов Военного министерства III Республики, описывающее хранившиеся некогда в Особом архиве документы центральных и местных военных учреждений. Возвращенные фонды не включили в соответствующие разделы серии N «III Республика», а описали отдельно. Изучая историю военных учреждений этого периода, исследователь вынужден будет читать два введения, сверять две схемы и делать многое из того, что могла бы сделать комиссия по комплексной ЭЦД. Составители «дополнительных описей» сохранили неповторимый стиль серии N, а решение о сохранении искусственного деления документов фонда на захваченные противником и оставшиеся во Франции честно объяснили нехваткой материальных средств и времени¹⁴.

Вторая группа примеров – серия W департаментских архивов и валовая система учета и описания документов в Центре современных архивов в Фонтенбло. Документный бум 1960-х гг. остро поставил вопрос о применимости принципа единства фонда в современных условиях, и лишь М. Дюшен в своей статье нашел блестящий ответ, до сих пор не потерявший актуальности. Ориентированный ретроспективно и сформулированный по «латинской» традиции применительно только к внешним границам фонда, принцип происхождения пал под тяжестью документальной массы послевоенных лет. Циркуляр AD 65-29 от 16 декабря 1965 г. закрыл тематические серии K и от M до Z в департаментских архивах, оставив открытыми для комплектования только серию E (подсерии документов ЗАГС и нотариальных архивов), а также серии J и Fi для документов, приобретенных у частных лиц. Выбранная без достаточных оснований дата 10 июля 1940 г., чтобы обозначить конец III Республики и конец тематических серий, не вызвала всеобщего одобрения и позже была в отдельных случаях перенесена для сохранения единства фонда последних учреждений серии 4 U: мировых судов, прекративших

В.Б. Прозорова

свое существование в 1958 г. Парадокс в том, что вышеупомянутый циркуляр 1965 г. отменил инструкцию от 24 апреля 1841 г., содержащую не только последнюю тематическую схему классификации департаментских архивов, но и формулировку Вайи и Гадебледом принципа «уважения к фонду». Конечно, составители циркуляра 1965 г. и не думали отменять прочно вошедший во французскую и мировую архивную практику принцип, но они невольно это сделали, не предложив взамен закрытых тематических серий альтернативного решения, основанного на принципе происхождения. Технократическая архивная мысль, потратившая 14 (!) лет на то, чтобы предложить систему классификации для новых поступлений, оказалась неспособной творчески применить принцип единства фонда в современных условиях. Учебник архивоведения 1970 г. предлагает такое множество теоретических решений организации современных открытых фондов, что слабость их теоретических основ становится очевидной. Департаментские архивисты не могли отказаться от приема документов в течение 14 лет, поэтому обозначили неиспользованной в классификации буквой W временную серию, открытую для всех новых поступлений. Некоторые архивисты предлагали даже не давать последовательной нумерации единицам хранения внутри одного «поступления», а просто присваивать коробкам валовые номера в рамках серии W. Итак, новая серия, делившаяся не на фонды (подсерии), а на единицы хранения, в лучшем случае на их группы – «поступления», изначально не имела учрежденческого характера и в методическом отношении явилась шагом назад. Нужно сказать, что W – это не единственная «серия-склад» (*série de rangement*), возникшая в ожидании лучшего решения. Для «отдельных аудиовизуальных документов» была создана серия 8 AV, внутри которой документы получают только валовые номера в порядке поступления. Фондирование документов, пополнявших «серии-склады», было отложено до выхода новой схемы классификации, которая... так никогда и не появилась. Циркуляр управления архивов Франции AD 79-6 от 31 декабря 1979 г., узаконивший существование «чудовищной», по словам самих французских архивистов, серии W и связанных с ней практик – ярчайшее свидетельство бессилия техно-сциентистского подхода к решению проблем современного архивоведения. С долей иронии пишут авторы «Французской архивной практики» о трансформации заведомо временного решения в постоянное как о свидетельстве «силы эмпиризма».

В 1986–1979 гг. новый опыт был распространен на все комплектующиеся архивы: циркуляром 1983 г. на архивы крупных коммун, а циркуляром 1986 г. на Центр современных архивов в Фонтенбло, принимавший документы центрального аппарата¹⁵. К 1986 г. все комплектующиеся в массовом порядке архивы Франции отказались от фондирования, сделали учетной и классификационной единицей не фонд, а произвольно выбранную фондообразователем его часть, на которую составлялась отдельная опись – «поступление», сохраняя единство фонда только на уровне НСА. Правда, в новых циркулярах подчеркивалась необходимость сохранять организацию документов внутри одного «поступле-

ния», а также говорилось о решающем значении каталогизации для качества НСА. Поразительно, что быстро нашлись теоретики, обосновывающие отказ от принципа единства фонда. Существует точка зрения на серию W как на вариант рецепции «рекордз менеджмента»²⁰, который якобы совершенно несовместим с принципом единства фонда, и как на единственное решение проблемы роста документной массы. Единственный положительный результат от введения серии W – создание тезауруса для каталогизации документов XX в., и реже XIX в.

Принцип уважения к внутренней структуре фонда также соблюдается все меньше и меньше. Автору посчастливилось участвовать в обработке личного фонда создателя французской системы социальной защиты, участника Сопротивления, видного юриста Пьера Лярока и в связанных с этим проектом дискуссиях. П. Лярок всю жизнь пополнял и активно использовал свой архив, опираясь на него, опубликовал в 1993 г. мемуары «На службе человека и права: воспоминания и размышления»²¹ и много работ по социальному праву, поэтому обработка данного фонда интересовала и его соратников, и историков госслужбы, и архивистов. За исключением нескольких документов о семье и доходах Лярока, этот фонд представляет собой рабочий архив, настоящее зеркало лаборатории крупного, талантливое управление, проявившего себя как теоретик, эксперт, исследователь и преподаватель. Первоначальная схема классификации фонда, разработанная Лораном Ферри и Викторией Прозоровой, была хронологическо-тематической, выявляла взаимосвязь между различными аспектами деятельности фондообразователя в каждый период его карьеры. Например, кандидатская диссертация Лярока о потребителях коммунальных услуг была написана в первые годы работы в Государственном совете на материале проведенных ее автором служебных расследований. Поэтому нам показалось логичным включить ее в раздел «Специализация по вопросам социальной политики». Известный историк Ги Тюлье, член Комитета по истории социальной защиты, во введении к окончательному варианту описи написал, что «первая обработка фонда, основанная на следовании чисто хронологической классификации, в соответствии с книгой воспоминаний Пьера Лярока, напрасно распределяла по разным хронологическим периодам документы, отражающие непрерывную деятельность в той или иной сфере»²².

Рассмотрим, какие изменения в структуру фонда были внесены под руководством Г. Тюлье. Исходя из формального представления о том, что написание кандидатской есть лишь завершение учебы, Г. Тюлье оторвал диссертацию П. Лярока, написанную в 1930 – 1934 гг. от связанных с ней документов Госсовета и поместил ее в раздел «Годы учебы»; между тем учеба завершилась для известного юриста в... 1929 г.²³ Тюлье настоял, чтобы все материалы о шестидесятилетней (1936–1996) преподавательской и популяризаторской деятельности Лярока были объединены. У разработчиков первой схемы классификации имелось два возражения. Во-первых, для Лярока, потомственного адвоката из состоятельной еврейской семьи, во всех его ипостасях стал переломным

1940 г., когда, изгнанный со всех постов, он составляет коллекцию «Я, Пьер Лярок, до 1940 года» и ищет свой новый путь. После опалы и нищеты, после бегства в Лондон и высадки в Нормандии Лярок не преподавал так же и в тех же учебных заведениях, что и до войны. Он стал учить не только элиту, а всех, кому дорога справедливость. Во-вторых, в последней классификации выступления Лярока по Би-Би-Си в 1943–1944 гг. были необоснованно разделены: воззвания и выступления по правовым вопросам были оставлены в разделе «Свободная Франция», тогда как выступления о правовом регулировании экономики оказались в разделе «популяризаторская деятельность»²⁴. Возможно, Тюлье считает, что участие в Сопротивлении из-за границы – не более чем популяризация французской культуры? Если это так, то будущий автор статьи о Ляроке-преподавателе вряд ли сделает открытие, основываясь на вырванных из контекста документах, собранных в неполную коллекцию.

В архиве Лярока оказалась масса подготовительных материалов к делам, которые он представлял в Госсовете. Первоначальная схема классификации сохраняла принятое Ляроком разделение дел по «большим» и «малым» тяжбам, которые рассматривались разными коллегиями одной секции Госсвета. Для каждого этапа докладчик собирал отдельную папку документов. Мы можем писать о том, как работал аудитор Госсвета Лярок, потому что видели его фонд в первоначальном состоянии и пытались сохранить. Ги Тюлье решил для удобства будущих историков объединить дела «малых» и «больших» тяжб по одному сюжету²⁵. В результате мы получили неполные копии частей фонда секций Госсвета, где работал Лярок, но потеряли информацию о его стиле работы. Подробный предметный указатель мог бы решить проблему связи между документами по одному сюжету, не нарушая структуру фонда, но он, к сожалению, не был составлен.

Историкам, критиковавшим первую версию классификации и настаивавшим на бесполезности составления указателей, представлялось более разумным провести частичную тематическую классификацию фонда. Важнейший раздел «Карьера в Государственном совете и работа в сфере социальной политики, 1944–1980» первоначально был организован по учрежденческо-хронологическому принципу: сначала дела из судебной и социальной секций Госсвета, где постоянно работал Лярок, затем из связанных с Госсветом учреждений социальной политики, далее – результаты работы в специальных миссиях. Тюлье предпочел создать искусственный раздел «Управление социальной безопасностью», куда включил не только миссии по созданию различных структур социальной защиты, но и лекции, а также материалы о работе Лярока в Международном бюро труда (МБТ). В других хронологических периодах работа в МБТ включалась в раздел «Деятельность в качестве международного эксперта». Государственная касса социальной взаимопомощи – самое большое учреждение, созданное и возглавленное Ляроком, – почему-то стала отдельным разделом и была помещена... после Государственного совета²⁶.

Удивительные приключения принципа единства фонда на родине

История НТО фонда П. Лярока с очевидностью свидетельствует об отсутствии и представлений о важности контекста документов, и преимуществах органических классификаций и тематических указателей. Даже если часть архивистов понимает, что принцип единства фонда служит историку, сохраняя для него уникальную информацию о связях между документами, все труднее становится убедить в этом потребительно настроенных исследователей и архивную администрацию.

Писать об особенностях практической деятельности, известной не только по чужим статьям, но и по собственному опыту, всегда сложно. Парадоксальный характер некоторых констатаций, по сравнению с Французской историографией, объясняется тем, что из всех перечисленных проблем французской архивной мысли, в заведомо оправдательном ключе, осмыслены только перипетии создания серии W. Со студенческой скамьи привыкнув слышать одновременно о принципе единства фонда и о вышеописанных практиках, мало кто из французских архивистов считает переход в обработке документов от «дела» к «коробке» и от «фонда» к «поступлению» несовместимым с основополагающим принципом архивоведения. Теоретически не обоснованная идея о несовместимости классической версии принципа единства фонда с современными процессами формирования национального достояния, безусловно, является главным свидетельством и основной причиной застоя французской теоретической архивной мысли.

Примечания

- 1 *Langlois Ch.*-V. La science des archives // Revue international des archives, des bibliothèques et des musées. Paris, 1895. № 1. P. 7–25.
- 2 *Galland B., Nougaret Ch.* Les instruments de recherche dans les archives. Paris : La documentation française, 1999. P. 13, 206.
- 3 Le service historique de l'armée de terre et le château de Vincennes. Vincennes, 1997. P. 43.
- 4 *Kescemèti Ch.* L'histoire des contentieux archivistiques // Archives et patrimoine: tome I. / sous la direction de Cornu M. et Fromageau J. Paris : L'Harmattan, 2004. (Droit du patrimoine culturel et naturel). P. 42.
- 5 *Tallemite E.* Op. cit. P. 8; *Delsalle P.* Une histoire de l'archivistique. P. 188.
- 6 *Galland B., Nougaret Ch.* Op. cit. Paris : La documentation française, 1999. P. 13–14; *Delmas B.* Normalisation et coopération internationale P. 49; *Hildesheimer F.* Des triages au respect des fonds : les archives en France sous la Monarchie de juillet // Revue historique. T. 286 (1991). P. 300–301.
- 7 *Старостин Е.В.* Происхождение фондового принципа классификации документов // Архивы России: методологические аспекты архивоведческого знания. М.: РОИА, 2001. С. 29.
- 8 *Hildesheimer F.* Des triages au respect des fonds : les archives en France sous la Monarchie de juillet // Revue historique. T. 286 (1991). P. 307–308.

В.Б. Прозорова

- 9 *Старостин Е.В.* Происхождение фондового принципа классификации документов // Старостин Е.В. Архивы России: методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. С. 34.
- 10 *Galland B., Nougaret Ch.* Op. cit. P. : La documentation française, 1999. P. 45–46.
- 11 *Duchemin M.* Le respect des fonds en archivistique : principes théoriques et problèmes pratiques // La Gazette des archives. 1977. № 97. P. 85–92.
- 12 *Galland B., Nougaret Ch.* Les instrument de recherche dans les archives. Paris, 1999. P. 59.
- 13 Faire une recherche dans les archives du Premier Ministre: dépliant de la Mission des Archives nationales, 1997. 2p
- 14 Inventaire des archives de la Guerre : supplément de la série N (1872–1940), sous-séries 1 N à 35 N. // Sibille C. avec la collaboration de Cuinier E., Ponnou Cl., Guéna A. T. I–III. Vincennes, 1997.
- 15 La pratique archivistique française / sous la direction de J. Favier. Paris : Archives nationales, 1995. P. 287.
- 16 *Corre B.* Définition, principes d'organisation et fonctionnement du records management // Stage technique international des archives, conférence le 8 mars 2002. P. 2.
- 17 *Laroque P.* Au service de l'homme et du droit, souvenirs et réflexions // Comité d'histoire de la sécurité sociale. Paris, 1993.
- 18 Archives de Pierre Laroque (1907–1997) : répertoire numérique détaillé [Texte] / sous la direction de Ch. Pétillat, avec la collaboration de L. Ferri, M.-P. Schmitt, V. Thomas, C. Woelfing. Paris: La Documentation française, 2007. P. 11.
- 19 Archives de Pierre Laroque (1907–1997) : répertoire numérique détaillé [Texte] / sous la direction de Ch. Pétillat, avec la collaboration de L. Ferri, M.-P. Schmitt, V. Thomas, C. Woelfing. Paris: La Documentation française, 2007. Fonds20030430. art 8.
- 20 Idem.fonds Fonds20030430. art. 49, 155.
- 21 Idem.fonds Fonds20030430. art. 58–78.
- 22 Archives de Pierre Laroque (1907–1997) : répertoire numérique détaillé [Texte] / sous la direction de Ch. Pétillat, avec la collaboration de L. Ferri, M.-P. Schmitt, V. Thomas, C. Woelfing. Paris: La Documentation française, 2007. P. 37–63.

О.Г. Санин

АРХИВ КАБИНЕТА ПЕТРА I в XVIII–XIX веках

В данной статье освещается история и судьба документального наследия Петра I в XVIII–XIX вв., хранившегося в его личном Кабинете и ныне находящегося в РГАДА. Автор на основе неопубликованных источников раскрывает специфику данного архива, являвшегося одновременно и личным архивом царя-реформатора и архивом крупного государственного учреждения начала XVIII в. В работе говорится, как в XVIII–XIX вв. осуществлялось хранение описание и систематизация его документов, раскрывается активная деятельность видного просветителя и историка М.М. Щербатова как руководителя архива, освещается деятельность по научному использованию документов.

Ключевые слова: Архив Кабинета Петра I, Петр I, Кабинет Петра I, М.М. Щербатов, архивы.

В начале XVIII в. реформы Петра I оказали огромное влияние на состояние архивного дела в России. В этот период было положено юридическое основание для появления архивов как самостоятельных, отделенных от делопроизводства частей учреждений. Неслучайно в Генеральном регламенте 1720 г. впервые в российской истории было введено понятие «архив». Специальная глава регламента «Об архивах» и была посвящена вопросу организации архивного дела при коллегиях. В ней говорилось: «Книги, документы, дела, учиненные регистратуры, когда оные три годы в Канцелярии и в конторе лежали, потом в архиве с распиской архивариуса отдаются, токмо из того изъяты суть особливые уставы, регламенты и все те документы, которые в коллегиях и канцеляриях и конторах для справки и правила их всегда при них имеют быть».

Другим последствием петровских преобразований в области государственного строительства и архивного дела стала ликвидация приказов и образование первых исторических архивов, хранивших так называемые «старые дела», т. е. документы, потерявшие текущее практическое значение для работы учреждений, но необходимые для государства. Первым таким архивом стал Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД), образованный в 1724 г. из документов, образовавшихся в деятельности Посольского приказа¹.

Активная преобразовательная деятельность Петра I приводила к появлению большого количества новых государственных учреждений, в деятельности которых образовывались архивы: Сенат, Синод, коллегии, многочисленные местные учреждения. Среди этих новообразованных учреждений особое место занимала личная канцелярия Петра I, или его Кабинет. Изучение истории его архива и является предметом данной статьи.

Можно констатировать факт явно недостаточной историографической изученности данного вопроса. Лишь в работе Ю.Ф. Кононова по истории организации и комплектования Государственного архива Российской империи, опубликованной в 8-м томе «Трудов МГИАИ», содержатся отдельные сведения по истории архива Кабинета Петра I, а в статье Т.А. Лаптевой – сведения о хранившихся в Кабинете документах по внутренней политике. Более подробные сведения содержатся в сопроводительных статьях к описям фонда 9 РГАДА «Кабинет Петра I», но, к сожалению, они носят чисто внутриархивный, справочный характер и предназначены для служебного пользования, а не для научной публикации². Специальных исследований и статей по истории архива Кабинета Петра I до сих пор нет.

Несомненный интерес представляет история самого Кабинета Петра I как учреждения-фондообразователя. Известно, что Кабинет возник в начале XVIII столетия. Его основание связывают с назначением бывшего подьячего Ижорской канцелярии А.В. Макарова «к кабинетным делам» 5 октября 1704 г. Первоначально Кабинет являлся личной канцелярией царя, в задачу которой в основном входило ведение его обширной переписки. При назначении А.В. Макарова на должность кабинет-секретаря Петр I передал ему всю свою накопившуюся до 1704 г. переписку. В дальнейшем в Кабинете отложилась значительная часть писем Петра I как личного, так и общегосударственного характера.

Но постепенно Кабинет перестает выполнять исключительно функции личной царской канцелярии. Он стал превращаться в важнейшее государственное учреждение, игравшее немалую роль в делах внутренней и внешней политики России. Здесь составлялись проекты указов, которые Петр просматривал, исправлял, а затем скреплял своей подписью. Сюда поступали известия обо всех сколько-нибудь важных событиях в жизни страны, здесь велась переписка со всеми правительственными учреждениями, центральными и местными, сюда адресовались донесения с театров военных действий против Турции, Швеции, Персии, от русских послов и агентов за границей, от командиров отдельных воинских соединений, губернаторов, магистратов. В функции Кабинета входило заведывание личными суммами царя, подготовка указов Петра I и запись этих указов в специальную книгу, а также составление журнала о текущей деятельности царя-реформатора. Через Кабинет из-за границы выписывались в Россию специалисты разных профессий и посылались за рубеж русские ученики. В компетенции Кабинета находились вопросы строительства Петербурга и его окрестностей, постройки казенных заводов, различные су-

дебные дела, рассмотрение челобитных, деятельность Садовой канцелярии и Кунсткамеры³.

Понятно, что при таком обширном делопроизводстве при Кабинете вскоре же стал складываться один из богатейших российских архивов своего времени. Можно предположить, что Петр I, мечтая о создании научных трудов по истории своего правления, обращал на архив Кабинета особое внимание и стремился собрать здесь все материалы, необходимые для их написания. Недаром сам он передал в архив Кабинета значительную часть своих бумаг, собственноручный журнал о шведской войне (за 1708–1715 гг.), журналы о своих путешествиях по Западной Европе, свои заметки и записки о реформах государственного управления, о Сенате, Синоде, коллегиях, об организации армии и флота, о промышленности, торговле, финансах, об учреждении Академии наук и проч.⁴

То же самое он приказал сделать видным государственным и военным деятелям своего времени: Б.П. Шереметеву, А.Д. Меншикову, П.М. Апраксину, М.М. Голицыну, Н.И. Репнину. Все они, за исключением А.Д. Меншикова, передали в архив журналы своих служб и некоторые другие материалы, которые с их точки зрения могли иметь историческое значение.

В архиве была также собрана большая коллекция документов о стрелецком восстании (1698 г.), астраханском восстании (1705–1706 гг.), движении К.Ф. Булавина (1707–1708 гг.) Здесь находились русские и заграничные календари и газеты («Ведомости») того времени, свод адмиралтейских регламентов. Наконец, при этом хранилище была по желанию Петра I организована первоклассная для своего времени библиотека, включавшая в себя 125 духовных и гражданских печатных книг⁵.

Таким образом, усилиями Петра I и А.В. Макарова был создан архив-коллекция, в котором сконцентрировался обширный материал, охватывающий многие важные стороны государственной и общественной жизни России того времени. Состав документов, хранившихся в архиве Кабинета, свидетельствует о том, что этот архив сочетал в себе функции как личного архива крупного государственного деятеля, так и архива государственного учреждения, игравшего огромную роль в управлении страной в XVIII в. Эта специфика была вообще характерна для многих архивов династического происхождения, кроме того, она говорила еще об одном достаточно общеизвестном факте: личная жизнь для Петра I была неотделима от его государственной деятельности.

Первым хранителем архива Кабинета Петра I был сам кабинет-секретарь императора А.В. Макаров. Ему же Петр поручил написать по документам архива историю шведской войны («Государева история свейской войны»). Как известно, А.В. Макаров составил четыре варианта этой истории, ни один из которых не удовлетворил Петра I. Петр без конца исправлял его работы, а последний вариант переделал почти заново. Все четыре варианта этого труда отложились в архиве Кабинета. Туда же были переданы на хранение «Историческое описание Север-

О.Г. Санин

ной войны», сочиненное генералом бароном Л.Н. Аллартом, и «История императора Петра Великого от рождения до его Полтавской баталии», написанная и правленная Ф. Прокоповичем⁶. Таким образом, в архиве кабинета отложилась и крупная коллекция исторических трудов и записок о жизни и деятельности Петра I. С высокой степенью вероятности можно предположить, что для их написания использовались многие документы из архива Кабинета.

После смерти Петра I Кабинет как самостоятельное учреждение просуществовал недолгое время. В начале царствования Петра II в мае 1727 г. он был упразднен⁷. В 1731 г. при Анне Иоанновне был учрежден Кабинет Министров, к которому частично перешли бумаги петровского Кабинета. Как самостоятельное учреждение Кабинет был восстановлен Елизаветой Петровной указом от 12 декабря 1741 г.⁸ Примечательно, что его возглавил бывший заместитель А.В. Макарова барон И.А. Черкасов, одновременно выполнявший функции кабинет-секретаря Елизаветы. С этого времени в России вплоть до 1917 г. существовало особое учреждение – «Кабинет Его Императорского Величества», родоначальником которого являлся Кабинет Петра I.

Первоначально материалы Кабинета находились в самом учреждении в ведении его руководителя, кабинет-секретаря А.В. Макарова. В его обязанности входили организация хранения, систематизации и использования документации архива. Таким образом, А.В. Макаров являлся одновременно и руководителем учреждения, и хранителем его архива.

О работе Макарова по приведению в порядок, хранению и описанию дел Кабинета мы, к сожалению, не располагаем какими-либо значительными сведениями. Известно, что в 1721 г. он составил специальную инструкцию о порядке их хранения. Предполагалось всю имеющуюся документацию переплести в книги. В основу распределения документов по книгам А.В. Макаровым был положен хронологический принцип. Внутри книг документы предполагалось расположить по алфавиту корреспондентов. Каждая книга должна была заканчиваться так называемыми «ведомостями»⁹.

После смерти Петра I А.В. Макаров приступил к разборке и описанию его архива, большая часть которого хранилась в Кабинете¹⁰. Основная масса исходящих дел была объединена в 18 книг за 1704–1725 гг., на которые был составлен глухой алфавит с указанием адресатов, но без раскрытия их содержания¹¹. Входящие документы были объединены в 71 книгу¹². Эта работа по формированию книг и описанию архива не была завершена, так как многие входящие и исходящие документы продолжали храниться в россыпи и не были объединены в книги. Так, например, многие корреспонденты Кабинета прилагали к направляемым в кабинет письмам всевозможные ведомости, таблицы, подлинники и копии писем, полученных ими от других лиц. Все эти приложения, по-видимому, хранились у А.В. Макарова вместе с письмами корреспондентов и при формировании книг они были не разобраны, а включены в состав комплекса документов корреспондентов, оставшегося в связках.

Дальнейшая работа по обработке и описанию документов архива Петра I была надолго приостановлена. В 1727 г. Кабинет по настоянию Верховного тайного совета был упразднен. С этого времени начинается тяжелый период в истории его архива, который продолжается до начала второй половины XVIII в.

По указу 14 мая 1727 г. все имущество Кабинета и его дела были переданы в Верховный тайный совет. В августе 1728 г. «кабинетные дела» [так часто называли документы Кабинета Петра I в XVIII в. – *О. С.*] были отправлены из Петербурга в Москву. В октябре того же года генерал-майор Урусов, которому было поручено организовать отправку архива, сообщал, что на ямских подводах «в шести больших ящиках и в малых двух баулах» архив прибыл в Москву. Он был размещен в подвале палат при Камер-коллегии. Тогда же А.В. Макарову было указано «подать немедленно в Верховный тайный совет опись за рукою, росписав секретные и публичные дела порознь, так же и дела, которые подлежат быть в Сенате и в коллегиях особо»¹³. В соответствии с этим распоряжением А.В. Макаров составил несколько реестров на документы Кабинета: входящим письмам за 1698–1720 гг.; письмам и ведомостям с 1700 по 1720 г., переплетенным в книги; реестр «ведомостям старых годов»; входящим письмам с 1721 по 1727 г. «по алфавету»¹⁴. Как видно из сохранившихся реестров, поданных А.В. Макаровым в Верховный тайный совет при передаче архива, документы в основном не были разобраны и находились в связках. Лишь входящая корреспонденция до 1720 г. включительно была систематизирована и подшита в книги погодно¹⁵.

Пребывание в Москве плохо сказалось на состоянии архива. Дела находились в сыром подвале помещения Камер-коллегии. Никакой работы по продолжению их систематизации не велось, в результате чего архив был приведен в крайний беспорядок. Была нарушена и целостность архива. Многие документы забирались в Верховный тайный совет и другие правительственные учреждения. Судя по отметкам, сделанным на выписках об изъятии документов, некоторая часть их вскоре возвращалась. В 1729 г. были возвращены 86 счетов и некоторые входящие документы 1726–1727 гг., переданные ранее в Преображенский приказ¹⁶. Тем не менее, некоторые ценные политические дела из Кабинета были изъяты окончательно. Так, например, после опалы и ареста в конце 1729 г. в Верховный тайный совет попал ряд следственных материалов о царевиче Алексее (среди них – письма П.А. Толстого к Петру I о поведении царевича Алексея в Австрии и Италии в 1716–1717 гг.).

В 1731 г. после ликвидации Верховного тайного совета «кабинетные дела» были переданы Кабинету министров и находились в составе его общего архива. После отъезда Анны Иоанновны из Москвы в Петербург архив оставался в Москве – сначала «при камор-цалмейстерском помощнике» Борисе Слизове, а затем в Интендантской конторе «под смотрением двух майоров – Ефима Чижова и Гаврилы Воейкова»¹⁷.

Правительство Анны Иоанновны так ничего и не предприняло для разборки и описания архива Кабинета. Архив не имел собственных штатов. Вместе с тем, как свидетельствуют «экстракты» из решений Кабинета министров и из указов Анны Иоанновны за 1732–1740 гг., архив Кабинета Петра I довольно активно использовался в это время в практических целях. В случае необходимости проведения работ по запросам от Кабинета министров для этого привлекались находившиеся в Москве обер-офицеры лейб-гвардейских полков. По делам Кабинета Петра I наводились справки и составлялись копии документов об организации армии и флота, о внешней политике, состоянии промышленности и торговли в петровские времена¹⁸.

При Анне Иоанновне продолжилось активное изъятие документов из архива Кабинета Петра I. Так, например, в феврале 1732 г. по указу императрицы в Кабинет министров были взяты 9 связок с делами, касающимися вопросов по организации флота и адмиралтейства¹⁹. Изымались документы, касающиеся судебных дел и вопросов внешней политики и др.²⁰ Были вывезены и некоторые документы личного характера, например, все письма Анны Иоанновны к Петру I, а так же часть переписки членов дома Романовых за 1700 – 1726 гг.²¹ Эти документы в архив возвращены так и не были²². Таким образом, по архиву был нанесен второй, еще более чувствительный удар.

Больше внимания делам Петра I стало уделяться при Елизавете Петровне. Известно, что она дважды вспомнила об архиве Петра I – в начале и в конце своего правления. 25 июня 1742 г. Елизавета, будучи в Сенате, заметила, что дела ее отца нужно привести в порядок, предоставить им хорошие покои, определить к ним штат служителей, разобрать и описать их²³. В результате архив был передан в ведение недавно образованного Кабинета Ее Императорского Величества, а 14 сундуков с документами разместили в одном из зданий Летнего дворца императрицы в Петербурге. Архив находился в крайне тяжелом положении: он не был описан и разобран, не имел собственного штатного хранителя. Принимая дела Петра I в Кабинет Е. И. В., его руководитель кн. И. А. Черкасов писал: «а описи, что в котором сундуке лежит и обще всему архиву не прислано». Черкасов просил, «чтобы опись и тот человек, у которого оной архив был на руках... прислан был, понеже без описи и без того человека разобрать нельзя»²⁴. Позднее, в октябре 1742 г., Черкасов снова доносил об отсутствии описи и плачевном состоянии архива: «А взят старой кабинетной архив родителей в. и. в., которой надлежит вновь переписывать, ибо оной описи не прислано. А как я роскрыл сундуки, то явилось все перемешено так, что без разбору и описи вновь миновать нельзя»²⁵.

Таким образом, проблема разборки и описания архива, а также обеспечения его кадровым составом стояла очень остро. Однако эти вопросы при Елизавете так и не были решены. Причина этого заключалась в том, что архив Кабинета Петра I не являлся самостоятельным структурным подразделением, не имел собственных средств и сотрудников и находился в ведении Кабинета Е. И. В. Поэтому основное вни-

мание сотрудников кабинета во главе с бароном И.А. Черкасовым было направлено на работу с текущей документацией, а архив Петра I пребывал в явно запущенном состоянии. Это серьезно затрудняло его активное практическое и научное использование.

Новые попытки приведения дел Кабинета Петра I были предприняты только в конце правления Елизаветы. 21 мая 1760 г. императрица подписала именной указ, по которому коллежский ассессор Аким Слатин был назначен первым управляющим этого архива с жалованием 600 рублей в год. Слатину указывалось «вышепомянутой тот архив освидетельствовать, все ли дела порядочно разобрано и храняться при надлежащей оным описи и переплетены ли и в прочем оной архив какого требует исправления»²⁶. Надо сказать, что это назначение не освобождало А. Слатина от выполнения других обязанностей по Кабинету е. и. в. и по экспедиции Кольвано-Воскресенских заводов. Проблема обеспечения архива Кабинета Петра I самостоятельными кадрами, которые могли бы провести полноценную обработку и описание, так и не была решена, что негативно влияло на темпы проведения этих работ.

Приступив к работе, А. Слатин вскоре вместе с регистратором Андрианом Ушаковым и канцеляристом Ефимом Степановым провел ревизию архива. По результатам этой ревизии было обнаружено, что архив находится в весьма плачевном положении. Об этом А. Слатин написал в своем первом рапорте от 20 августа 1760 г.: «... архив находится при летнем ея императорского величества дворце в каменном покое наподобие амбара или сарая, в котором печей нет, а в окнах стекла многие разбиты, отчего всякая мокрота и снег в оные покои навевает. Имеющиеся в том покое дела находятся уже несколько лет в пятнадцати сундуках и нескольких ящиках, которые сундуки и ящики от гнилости почти все развалились, к тому же из оных некоторые сундуки не замкнуты, а по сырости того места опасно, чтобы дела не погнили. И для чего всех их надлежит перенести в удобное место и потом оные дела пересушить и к тому разбору и описи приказных служителей определить, ибо при тех делах ни одного приказного служителя не находится»²⁷. Предложение А. Слатина о разборе и описании дел было особенно необходимо потому, что в 1742 г. при передаче архива в Кабинет ея императорского величества на дела не было представлено ни описи, ни реестра. Только на самих сундуках были наклеены ярлыки, дававшие лишь самое общее представление об их содержимом.

По представлению А. Слатина Кабинет Е. И. В. отдал распоряжение главной дворцовой канцелярии предоставить для архива Петра I «четыре теплых покоя» в летнем дворце Царского Села. Отдельным распоряжением было велено отпустить для отопления этих «покоев» «сухих березовых дров». Для обеспечения сохранности документов к делам Петра I был поставлен караул из одного унтер-офицера и 6 солдат²⁸. Условия хранения документов, очевидно, улучшились, но никаких мер к их разбору и описанию предпринято не было – сказалось в первую очередь отсутствие при делах необходимых «приказных служителей».

О.Г. Санин

Лишь в начале правления Екатерины II на архив Петра I было обращено более серьезное внимание. Причиной этого был в первую очередь личный интерес Екатерины II к своему великому предшественнику. Кроме того, хранившиеся в Кабинете справочные материалы и проекты петровских преобразований могли быть использованы и при составлении нового законодательства, о необходимости которого много говорила и писала Екатерина. По указу от 31 августа 1762 г. заведывание делами Кабинета Петра I было поручено статскому советнику Петру Аксакову, в помощь ему дали двух канцелярских служителей – подканцеляриста Луку Иванова и копииста Рябинина. Кроме того, на «покупку бумаги и прочих всяких потребностей» из Кабинета Е. И. В. выделялось 400 руб. в год. Таким образом, хотя архив Кабинета Петра I по-прежнему находился в ведении Кабинета Ее Императорского Величества, он стал фактически самостоятельным учреждением, имеющим свой собственный штат и отдельное место хранения документов.

П.Д. Аксакову поручили не только начать работу по разборке и описанию документов и дел, но и сообщать Екатерине II, что в бумагах «знания и любопытства достойно». Предписывались серьезные меры и по обеспечению секретности. Начальнику архива и его служителям предписывалось «по содержанию важных дел, писанных его величества собственною рукою из оных дел никому ничего, кто б какого звания не был для прочтения и списывания каких-либо копий не давали»²⁹.

П.Д. Аксаков пробыл в должности управляющего архивом три года. Он и его сотрудники еженедельно посылали рапорты о своей работе с приложением многочисленных копий документов петровского времени и жалоб начальнику кабинета А.В. Олсуфьеву о том, что им не платят жалованья за службу и что по этой причине впали они в полное «убожество и скудость»³⁰.

В соответствии с поручениями Екатерины II Аксаков и его канцелярские служащие переписали большое количество документов из архива Петра I без всякой системы, без соблюдения хронологии и тематики. Только за первую половину 1763 г. ими было скопировано и отправлено в Кабинет Е. И. В. для прочтения Екатерине II 85 автографов Петра I. Сам же архив остался в таком же хаотическом состоянии, в каком он был при Анне Иоанновне и Елизавете. По-прежнему многие дела, в частности собственноручные указы Петра I за 1700–1725 гг., «письма, подлежащие до Адмиралтейской коллегии и флота», «дела, касающиеся до истории», личные журналы Петра I и его приближенных не были разобраны и переплетены и хранились в связках³¹. Правда, Аксаков устроил просушку дел, многие материалы были при нем переплетены в книги. Он даже попытался составить краткий реестр именных указов и писем Петра I, но эта работа была только начата им и вскоре заброшена³².

Донесения П.Д. Аксакова дают возможность составить представление о состоянии архива в 1760-е гг. «При разборе означенного архива, – писал в Кабинет в начале своей работы П. Аксаков, – оказалось книг... императора Петра Великого записных посланным к различным perso-

нам исходящих и писанных собственною его императорского величества рукою с 1704-го по 1725 год ... осьмнадцать книг. Да входящих писем, челобитен и ведомостей с 1700-го по 1725 год семдесят одна книга. Прочие же дела, которые не в переплете, разбирать буду немедленно»³³. Из этого рапорта видно, что после сдачи архива в 1727 г. А.В. Макаровым в Верховный тайный совет и до 1762 г. работа над архивом фактически не проводилась. Большая часть документов – указы Петра I, его записки, журналы, рукописи, относящиеся к истории царствования Петра I и другие дела – так и не были разобраны. По-прежнему в связках находилась и вся документация за 1721 – 1727 гг.³⁴

Как уже говорилось выше, при руководстве П.Д. Аксакова практически никакой работы по приведению в порядок и описанию архива проведено не было. 5 февраля 1765 г. на его место был назначен капитан в чине ассессора Евграф Чемезов, но и его трехлетняя деятельность не привела ни к каким результатам. По крайней мере, в делах Дворцового архива, хранивших сведения о работе Кабинета при Екатерине II, никаких следов о его деятельности не отложилось³⁵.

По существу разбор и описание документов были начаты только в 1768 г.; 25 февраля Екатерина II назначила на должность управляющего архивом Петра I известного историка и публициста того времени, камер-юнкера, депутата Уложенной комиссии от Ярославского дворянства князя М.М. Щербатова³⁶. Он проработал в архиве 10 лет. За это время архив Петра I был тщательно разобран, систематизирован и описан. Первоначально Щербатов приступил к обработке ранее не описанных документов. К началу 1771 г. им были составлены описи 20 книг, содержащих исходящие дела, а также 72 книг, содержавших в себе материалы по истории правления Петра I, его личные журнальные записки, проекты указов, записки и справочные материалы по законодательству, военному, морскому делу, финансам и т. д. После этого Щербатов и его сотрудники приступили к обработке и новому описанию исходящей документации кабинета³⁷.

Для облегчения описания и разбора документов Щербатов провел внутреннюю реорганизацию хранения кабинетных дел Петра I. Все дела архива были им разбиты на две группы, названные отделениями. Первое отделение архива составили исходящие от Петра I документы. Это были личные письма и записки Петра I и его жены, записные книги именных указов, черновики указов и писем Петра I Сенату, коллегиям, другим учреждениям, записи, заметки, чертежи по военному и морскому делу, материалы по составлению важнейших законодательных актов с собственноручной правкой Петра I, его записные книжки. В первое отделение помимо документов самого Петра I и Екатерины I Щербатов включил коллекции дел о стрелецком волнении 1698 г., астраханском восстании (1705–1706 гг.) и восстании К. Булавина (1707–1708 гг.), рукописи исторических трудов А.В. Макарова, генерала барона Л.-Н. Алларта, Ф. Прокоповича, Г. Гюйсена (Гизена) по истории правления Петра I, журналы служб П.М. Апраксина, Б.П. Шереметева, М.М. Голицына и др. Здесь же оказались иностранные и русские

О.Г. Санин

календари и газеты, свод иностранных адмиралтейских регламентов³⁸. Большинство этих материалов было описано, как говорилось выше, к февралю 1771 г.

Второе отделение составили «входящие» документы – донесения, ведомости, письма, челобитные, часть которых, как говорилось выше, была разобрана и переплетена в книги еще кабинет-секретарем А.В. Макаровым. На эти дела были составлены новые описи, куда вошли документы, ранее не описанные А.В. Макаровым. В процессе работы с этих книг сняли переплеты, сделанные из «простого худого вида» белой кожи, и вместе с вновь разобранными, описанными и сформированными в дела документами они составили 95 книг II отделения Кабинета. Для них были изготовлены красные кожаные переплеты, сохранившиеся до наших дней. Так же были переплетены и документы I отделения³⁹.

На все дела Кабинета Петра I были составлены четыре обстоятельных описи. Две – на документы первого отделения, две – на материалы второго отделения⁴⁰. При составлении каждой из этих описей Щербатов старался придерживаться правила распределять документы в хронологическом порядке, а в пределах каждого года по алфавиту адресатов.

Однако это удалось ему сделать лишь частично и, главным образом, во второй и третьей описях. Что касается первой описи, то сюда попали многие документы из второго отделения, так, например, донесения Б. Шереметева о расправе с восставшими в Астрахани, известия о походе в Хиву князя А.Б. Черкасского и др. Во второй и третьей описях в систематизации документальных материалов также имеется немало отступлений от тематического и хронологического признаков группировки дел, но эти описи составлены более тщательно и последовательно, чем первая.

Несмотря на эти весьма существенные недостатки, специалисты признают щербатовские описи материалов Кабинета Петра I одними из лучших среди всех описей отечественных архивов, составленных в XVIII – начале XIX в. По качеству составления с ними могут быть сравнены только описи Московского архива Коллегии иностранных дел, составленные Н.Н. Бантыш-Каменским. Описи Щербатова отличались фундаментальностью и высокой подробностью. Каждый документ, вошедший в книгу, описывался отдельно, что в дальнейшем серьезно облегчало поиск необходимой информации и научное использование. Неслучайно эти описи до сих пор широко используются историками, работающими в РГАДА [так же как и описи Н.Н. Бантыш-Каменского. – *О.С.*], а шифры документов, проставленные в них, прочно вошли в научный оборот.

Щербатов не только привел в порядок архив Петра I, но и развернул довольно активную деятельность по научному использованию его документов. Выше уже говорилось о первых попытках А.В. Макарова, Ф. Прокоповича и Л.-Н. Алларта привлечь документы архива Кабинета Петра I для составления исторических трудов. Позднее попытки использования этого архива были предприняты историком и собирателем древ-

ностей П.Н. Крекшиным в 1740-х – 1750-х гг. Известно, что он получил разрешение императрицы Елизаветы Петровны работать с материалами архива и оставил после себя ряд сочинений о жизни и деятельности Петра I⁴¹. Однако гораздо более активное научное использование началось, безусловно, именно при Щербатове, когда сам архив был приведен в относительный порядок. В 1773 г. он подготовил к печати и выпустил в свет хранившееся в архиве сочинение Ф. Прокоповича «История Петра Великого от рождения до Полтавской баталии». Несколько позже такая же работа была им проделана и в отношении «Истории государя Петра I» барона Г. Гуйссена («Гизенов журнал государя Петра I» за 1695–1710 гг.). Кроме того, немало документов архива Щербатов опубликовал в «Древней российской вифлиофике», издаваемой Н.И. Новиковым⁴². Известно, что на базе архивных документов М.М. Щербатов готовил научное исследование об истории царствования Петра I, которое так и не было им завершено. Кроме того, благодаря стараниям Щербатова и по распоряжению Екатерины II к работе с делами Кабинета Петра I был допущен историк, купеческий сын И.И. Голиков. При подготовке и написании своего основного научного труда «Деяния Петра Великого» Голиков использовал более 7000 писем и бумаг Петра I, а так же множество рукописей и исторических сочинений о нем. Многие из этих документов были переданы Голикову из Московского архива коллегии иностранных дел и из архива Кабинета Петра I⁴³.

В феврале 1778 г., после завершения работы по обработке и описанию архива, М.М. Щербатов уходит в отставку, и архив Кабинета Петра I передается под управление коллежского асессора Михаила Григорьева. При нем было окончательно завершено описание документов, был составлен подробный и обстоятельный каталог на хранившуюся при архиве библиотеку⁴⁴. Сам архив, получивший к тому времени название «Архив имени Его Величества» обогатился двумя весьма ценными поступлениями. В это время сюда были переданы бумаги контр-адмирала К. Зотова, одного из ближайших помощников Петра по строительству русского флота. В 1783 г. Ф.Г. Орлов передал коллекцию писем к Петру I от государственных деятелей его времени, которая ранее хранилась в библиотеке его отца – графа Г.Г. Орлова⁴⁵.

Завершение работы по систематизации и описанию привело к тому, что для правительства и дворцового ведомства отпадает необходимость в отдельном финансировании и отдельных штатах этого архива. В результате архив Кабинета Петра I был фактически возвращен в ведение Кабинета Е. И. В. 28 декабря 1786 г. коллежский асессор Михаил Григорьев передал дела Кабинета Петра I в ведение хранителя общего архива кабинета Е. И. В. надворного советника Ивана Несмеянова⁴⁶. Таким образом архив Петра I потерял свою организационную самостоятельность и стал его одной из важнейших составных частей общего архива Кабинета Ее Императорского Величества.

Дальнейшая судьба дел Кабинета Петра I была оказалась непосредственно связана с историей формирования и комплектования Государственного архива министерства иностранных дел.

Причины создания этого архива достаточно активно описывались и обсуждались в исторической и архивоведческой литературе. По мнению большинства специалистов, этот архив создавался в первую очередь для лучшего хранения и использования в правительственных интересах важнейшей политической документации XVIII–XIX вв. Уже в 1801 г. специально для хранения этих документов при Петербургском архиве Коллегии иностранных дел предусматривалось создание специального недипломатического отдела. В дальнейшем на базе этого отдела в 1834 г. сложился так называемый Государственный архив Министерства иностранных дел⁴⁷. Вполне понятно, что документы Кабинета Петра I, отражавшие важнейшие политические события российской истории первой четверти XVIII в., не могли не обратить на себя внимание при комплектовании будущего Государственного архива МИД.

В начале 1827 г. Николай I распорядился провести тщательный разбор и описание всего архива Кабинета Его Императорского Величества, в том числе и дел Кабинета Петра I. Для этого в феврале 1827 г. управляющий общим архивом Кабинета Е. И. В. действительный статский советник Петр Карабанов уложил все дела в три ящика по описи и перевез их в Зимний дворец, под хранение флигель-адъютанта Перовского. Документы были размещены в пяти шкафах. При этом дела по-прежнему находились в ведении Кабинета⁴⁸. Разбор и описание перевезенных документов были поручены статс-секретарю Николаю I Д.Н. Блудову. В течение 1827–1828 гг. Блудов составил опись на все материалы общего архива Кабинета его императорского величества, в том числе и на архив Петра I. Надо сказать, что Блудов, которого сам Николай I называл своим «заместителем по архивной части», пользовался огромным личным расположением царя и играл колоссальную роль в формировании будущего Государственного архива. На полях составленной Блудовым описи Николай I сделал пометки, куда какие дела передать. Основную массу дел кабинета Петра I предполагалось передать в Коллегию иностранных дел (КИД), документы военного характера – в Главный штаб, а печатные книги – в библиотеку Эрмитажа⁴⁹.

Процесс передачи документов в недипломатический отдел Петербургского архива КИД начался практически одновременно с составлением «блудовской описи». 8 июля 1827 г. министр императорского двора П.М. Волконский писал министру иностранных дел К.В. Нессельроде: «статс-секретарь Блудов, описав некоторые секретные бумаги в архиве кабинета е. и. в. сообщил мне... с объявлением воли е. и. в. что сии бумаги должны быть отправлены в Архив коллегии иностранных дел». Специально назначенный от министерства иностранных дел чиновник его Петербургского архива Николай Левицкий 21 июля и 27 августа 1827 г. доносил о принятии в «секретный архив» «двух сундуков по трем реестрам, за подписью статс-секретаря Блудова». Это были в основном дела Кабинета Петра I и Кабинета министров периода правления Анны Иоанновны. Таким образом, летом 1827 г. началась постепенная передача документов Петра I в недипломатический отдел Петербургский архива КИД⁵⁰. Однако в Петербургском архиве для

приема документов не хватало помещений, недипломатический отдел занимал всего одну комнату. Поэтому дела Петра I и других кабинетных учреждений продолжали оставаться в Зимнем дворце.

Окончательно вопрос о передаче и переезде документов кабинета Петра I и Кабинета его императорского величества в Министерство иностранных дел был решен в 1830–1831 гг. 24 января 1830 г. Д.Н. Блудов сообщил К.В. Нессельроде соответствующий приказ императора⁵¹. Прием документов осуществлялся руководителем недипломатического отдела В.Д. Поленовым. Управляющему хозяйственной частью МИД Орлову было поручено «устроение шкафов и картонов одинаковых с имеющимися в архиве министерства»⁵². В результате дела оказались в помещении недипломатического отдела Петербургского архива КИД на Дворцовой площади, где заняли две отдельных комнаты. С этого времени архив кабинета Петра I окончательно потерял свою организационную самостоятельность, а с 1834 г. он стал одной из крупнейших и важнейших составных частей новообразованного Государственного архива МИД (Государственного архива Российской империи).

Дальнейшая судьба документов Кабинета Петра I была напрямую связана с историей и судьбой Государственного архива МИД. В 1860-е гг. под руководством директора архива К.К. Злобина архивисты П.П. Пеккарский и Н.И. Гиббенет провели систематизацию документов Госархива по 29 предметно-тематическим коллекциям («разрядам»). В ходе этой систематизации дела бывшего кабинета Петра I не были разбросаны по различным коллекциям (что произошло с другими документами архива), а образовали самостоятельный разряд № 9. Именно под этим номером, дела Кабинета Петра I активно вводились в научный оборот и публиковались в научных сборниках⁵³.

В Государственном архиве МИД эти дела в XIX в. начинают достаточно активно использоваться исследователями. Их активно изучал А.С. Пушкин в 1831–1832 и 1836 гг. при подготовке к написанию своего так и нереализованного замысла о составлении научного труда о Петре I. В июле 1831 г. он обратился к шефу жандармов и начальнику III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии графу А.Х. Бенкендорфу с просьбой позволить ему «заняться историческими изысканиями в государственных архивах и библиотеках». «Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина, – писал далее Пушкин, – но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III»⁵⁴.

Бенкендорф в ответ на прошение Пушкина сообщал, что «государь велел его принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого». Министр иностранных дел К.В. Нессельроде в связи с этим в январе 1832 г. запрашивал Николая I, «благоугодно ли ему будет», чтобы Пушкину «открыты были все секретные бумаги времен императора Петра Первого», «как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче». На запросе канцлера Николай I наложил резолюцию, чтобы документы выдавались Пушкину,

правда, «под строгим надзором». В специально отведенной комнате Государственного архива на Дворцовой площади в Петербурге Пушкин просматривал толстые дела из Кабинета Петра I, переплетенные и описанные еще при князе М.М. Щербатове, делал из них выписки. В бумагах Пушкина сохранилось и свидетельство этой работы – опись дел под названием «Архив императора Петра I»⁵⁵. Примечательно, что никаких сведений о вмешательстве и «надзоре» за работой Пушкина не было ни в его личных бумагах, ни в документах канцелярии Госархива. Можно предположить, что «строгий надзор» о котором говорилось в резолюции Николая I, был чистой формальностью. Либерализм, проявленный властями при допуске А.С. Пушкина к архивным материалам, на мой взгляд, был вызван достаточно хорошими отношениями его с Николаем I в данный период, а также огромным личным интересом самого императора к истории правления его великого предка.

В дальнейшем к документам Кабинета активно обращался историк профессор Н.Г. Устрялов. Свою работу в Государственном архиве МИД с Кабинетом Петра I он начал в 1843 г., при этом от архива ему был предоставлен переводчик и переписчик документов⁵⁶. Официальный историк, приверженец теории официальной народности Н.Г. Устрялов (1805–1870) собирался создать десятитомный труд, но смог осуществить лишь половину из задуманного. В 1858–1863 гг. вышли пять томов «Истории царствования Петра Великого», которые были основаны на широкой документальной базе, в том числе и на документах Кабинета⁵⁷.

В дальнейшем по мере упрощения доступа к документам государственного архива МИД увеличивается количество исследователей, работавших с документами Петра I. С ними работали историки П.П. Пекарский, Н.С. Гиббенет, И.А. Бычков, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Богословский и многие другие.

Документы архива Петра I активно использовались и в публикаторской деятельности архивов. Особое место среди публикаций документов Кабинета занимает огромная документальная серия «Письма и бумаги императора Петра Великого»⁵⁸.

21 июня 1872 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой направил циркуляр управляющему делами МИД В.И. Вестману о необходимости издания «Писем и бумаг...». Управляющий Государственным архивом К.К. Злобин ответил, что ввиду загруженности архивных чиновников основной работой не в состоянии взять на себя эту публикацию, но может допустить «в оный к снятию списков с хранящихся там писем и бумаг Петра Великого»⁵⁹.

В 1873 г. для подготовки публикации была создана специальная комиссия во главе с Д.А. Толстым, а после назначения последнего в 1882 г. президентом Академии наук именно там была сосредоточена вся работа по подготовке документов к изданию. Активное участие в подготовке этой документальной серии принимали академики А.А. Куник и А.Ф. Бычков, а после смерти последнего в 1899 г. его сын И.А. Бычков. Это издание явилось одной из лучших документальных публикаций Академии наук до 1917 г. Издание было прекрасно отсистематизирова-

но, снабжено подробными именованными, географическими и тематическими указателями. Большую ценность представляли не только опубликованные автографы Петра I, но и многочисленные документы, опубликованные в приложениях. Основным хранилищем, откуда черпались материалы для этой публикации были дела петровского Кабинета (9-й разряд Государственного архива МИД). Сотрудники архива оказывали ученым всестороннюю помощь, в том числе непосредственное содействие при переписке петровских бумаг, «известных своим неразборчивым почерком»⁶⁰. Уникальность этого издания заключается в том, что оно продолжается до сих пор.

Подводя итог, можно отметить, что архив Кабинета Петра I являлся в своем роде уникальным хранилищем. Это был одновременно и личный архив выдающегося государственного деятеля, и архив действующего государственного учреждения, игравшего значительную роль в жизни России первой четверти XVIII в. Подобная двойственность отражалась и на составе его документации: архив хранил как документы личного характера, так и дела общегосударственного значения. В целом его документы отражают все основные направления внутренней и внешней политики России в первой четверти XVIII в., показывают активную государственную деятельность царя-реформатора, дают прекрасный информационный материал о принятии важнейших государственных решений этого периода. Историческая и источниковедческая ценность материалов данного архива не вызывает никаких сомнений. Обращает на себя внимание и то, что дальнейшая судьба архива Кабинета Петра I во многом зависела от личного отношения к Петру со стороны последующих правителей России. Если при Петре II и Анне Иоанновне, частично отказавшихся от петровского политического наследия, состояние архива Кабинета было крайне тяжелым, то при Елизавете Петровне, а особенно при Екатерине II архив начинает постепенно приводиться в порядок. Особенно велика заслуга в его обработке видного историка и общественного деятеля М.М. Щербатова, благодаря которому архив дошел до нас в относительно хорошем и обработанном состоянии, что позволяло начать его активное научное использование.

Примечания

- 1 По вопросу о дате образования Московского архива Коллегии иностранных дел долгое время велись дискуссии между историками. Подробнее об этих дискуссиях см.: *Чуракова Л.Е.* Некоторые вопросы историографии истории МГАМИД // Архивы СССР: история и современность. М., 1989. С. 51–58.
- 2 *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования Государственного архива Российской империи // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. Т. 8. М.: МГИАИ, 1958. С. 283 – 337; *Лантеева Т.А.* Документы по внутренней политике России начала XVIII в. в фонде «Кабинет Петра I и его продолжение» // Советские архивы. М., 1986. № 6.

О.Г. Санин

- 3 РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение. Оп. 8. Предисловие. Рукопись. М., 1987. С. 1.
- 4 Там же. Оп. 9. Д. 173. Л. 20.
- 5 Там же. Ф. 31. Канцелярия Госархива. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
- 6 Кононов Ю.Ф. Указ. соч. С. 294; Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т. I. М., 1991. С. 335.
- 7 Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. СПб., 1830. № 5078. С. 794.
- 8 Там же. Т. IX. СПб., 1830. № 8480. С. 544 – 546.
- 9 РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение. Оп. 8. Предисловие. Рукопись. С. 2, 10.
- 10 Там же. Ф. 31. Д. 21.
- 11 Там же. Ф. 1239. Дворцовый архив. Оп. 3. Д. 51977. Л. 129 об.
- 12 Там же. Л. 15.
- 13 Там же. Ф. 9. Оп. 5. Д. За. Л. 17 и об.
- 14 Там же. Д. 36. Л. 1.
- 15 Там же. Л. 1, 15.
- 16 Там же. Д. За. Л. 19–22.
- 17 Там же. Ф. 139. Дворцовый архив. Оп. 3. Д. 35977. Л. 4–5.
- 18 Там же. Л. 6.
- 19 Там же. Л. 4–5 об.
- 20 Там же. Л. 6–11.
- 21 Там же. Л. 9.
- 22 Там же. Д. 51977. Л. 156–157.
- 23 Там же. Д. 35977. Л. 1.
- 24 Там же. Л. 2.
- 25 Там же. Д. 51949. Л. 41.
- 26 Там же. Д. 51977. Л. 1, 2.
- 27 Там же. Л. 2–4.
- 28 Там же. Л. 5–6.
- 29 Там же. Л. 9–10.
- 30 Там же. Л. 40–41, 108.
- 31 Там же. Л. 129–130 об.
- 32 Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21.
- 33 Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 51977. Л. 15.
- 34 Там же. Л. 129–131.
- 35 Там же. Л. 160–161.
- 36 Там же. Л. 162.
- 37 Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 5; Д. 21. Л. 7.
- 38 Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т. 1. С. 335.
- 39 РГАДА. Ф. 9. Оп. 8. Предисловие. Рукопись. С. 6–8.
- 40 РГАДА. Ф. 9. Оп. 1–4.
- 41 Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII в. М., 1999. С. 81.
- 42 Кононов Ю.Ф. Указ. соч. С. 297.
- 43 Илизаров С.С. Указ. соч. С. 80–81.
- 44 РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 5 об.

- 45 Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 51977. Л. 163–169.
- 46 Там же. Л. 163.
- 47 *Кононов Ю.Ф.* Указ. соч. С. 283; *Самошенко В.Н.* Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга XVIII – нач. XX в. М., 1981. С. 62; *Санин О.Г.* Образование и деятельность Государственного архива министерства иностранных дел в первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». М., 2007. № 1. С. 61–62.
- 48 РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. Л. 5–7.
- 49 Там же. Д. 14. Л. 5–7.
- 50 Там же. Л. 26, 123.
- 51 Там же. Д. 21. Л. 2–4.
- 52 Там же. Д. 28. Л. 5 об.
- 53 Подробнее о деятельности К.К. Злобина, П.П. Пекарского и Н.И. Гиббене-та по систематизации Государственного архива МИД см.: *Кононов Ю.Ф.* Указ. соч. С. 334 – 335; *Самошенко В.Н.* Исторические архивы дореволюци-онной России. М., 1986. С. 152–153; Пекарский П.П. Воспоминания *П.П. Пекарского* о его службе в Государственном архиве. Сообщ. И.А. Быч-ков. // Летопись занятий археографической комиссии за 1926 г. Вып. 34. Л., 1927. С. 268–274.
- 54 *Автокротова М.И., Буганов В.И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1984. С. 94.
- 55 Там же.
- 56 РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.
- 57 *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. I–V. СПб., 1858–1863.
- 58 Письма и бумаги императора Петра Великого. 1688 – 1708. Т. I–VII. СПб., 1887–1912, 1918.
- 59 РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 272. Л. 2–3, 5
- 60 Там же. Д. 64. Л. 88 об.

Е.В. Старостин

АРХИВЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
(XIV–XVII века)

В статье впервые освещается история складывания и развития архивов Русской Православной Церкви в XIV–XVII вв. Особое внимание уделяется политике светской и духовной власти по сохранению историко-культурного наследия РПЦ. В статье подвергаются анализу причины уничтожения крупных документальных комплексов по истории церкви в процессе проведения реформ, войн, стихийных бедствий и т. п.

Ключевые слова: РПЦ, архивы РПЦ, историко-культурное наследие РПЦ, Русская Православная Церковь, архивы.

Более 500 лет Русь пребывала в состоянии политической раздробленности, и только церковь как устойчивая общественная структура, объединенная общей идеологией, в определенной степени выполняла роль связующего звена. Это не значит, что мы принижаем роль языка, культуры, общего менталитета, – это все, несомненно, способствовало усилению центристских тенденций. Русь, освобождаясь постепенно от давления крупных этносов с востока и запада, была еще крайне слаба. К началу XV в. земли, которые в настоящее время относятся к Белоруссии и Украине, были включены в состав Великого княжества Литовского, и сохранившаяся еще от Киевской Руси церковная организация подверглась сильнейшему влиянию католицизма. На съезде польско-литовских феодалов в 1385 г., заключивших так называемую кривскую (династическую) унию, католичество было объявлено государственной религией Литвы. А позднее, в XV в., Витовт, пытаясь усилить независимость русских земель, вошедших в состав его княжества, от Москвы, получил у Константинопольского патриарха согласие на учреждение самостоятельной Киевской митрополии. Где можно найти документальные следы деятельности православных церковных учреждений? Прежде всего в светских хранилищах, например, в материалах Литовской метрики, в актохранилищах крупных польских магнатов, в украинских, белорусских, польских, чешских, словацких и т. п. архивах, несомненно, и в Ватиканском тайном архиве.

На востоке русские земли, объединившиеся под гегемонией московских государей, в большей степени сохранили прежнюю административную структуру. С середины XV в. московская церковь становится

автокефальной, и собор высшего духовенства 1448 г. утвердил, без согласия Константинопольского патриарха, на митрополичий престол ставленника Василия II Иону. Вскоре произошло и разделение русской митрополии на московскую и киевскую (1458 г.)¹. «Русская церковь, – писал М.К. Любавский, – представляла собой в известном смысле государство в государстве»². На местах, в митрополичьей епархии наместники и тиуны, державшие у себя дьяков, подъячих, недельщиков, доводчиков, проветчиков, десятинников и т. п., чинили суд и управу, собирали налоги, наблюдали за благочинием. Светская власть предпочитала не вмешиваться в процесс церковного управления. Исключением являлись, пожалуй, только особо важные дела: о заговорах, государственных изменах, разбое, душегубстве, которые подлежали княжескому суду. Управление в епархиях было аналогичным митрополичьему и в конечном счете копировало княжескую организацию власти.

В этот период происходит перестройка великокняжеского управления в государственную систему, оформление «приказов» с «избами» (канцеляриями), штатами, местом постоянного пребывания и т. д. За исключением отдельных разрозненных документов, удельные архивы (как, впрочем, и епархиальные) от этого периода до нас не дошли. Трагична была судьба великокняжеского архива, так называемых «хранил царских» (Царского архива), содержащих богатые собрания славянских, греческих, восточных рукописей. Наибольший вклад в изучение Царского архива внес С.О. Шмидт, опубликовавший серию статей и книг, в которых детально исследовал историю, состав, формы классификации, описания и использования документов главного хранилища Московского царства³. Предполагаем, что восточные и греческие рукописи скорее всего лежали мертвым грузом, что заставило Василия III отправить посланцев на далекий Афон, чтобы подыскать сведующего монаха для их перевода и описания. Посланникам великого князя удалось в Вартопедском монастыре найти и уговорить отправиться в Московию Максима Грека. Просвещенный монах с помощью выделенных ему толмачей Димитрия Герасимова и Власия, писцов Михаила Медоварцева и троицкого монаха Силуана не только описал рукописные книги, но и перевел на русский язык Толковую псалтырь. Занимался Максим Грек также исправлением литургических книг, в которых были обнаружены ошибки. Впоследствии Максима Грека за внесенные им якобы неканонические изменения обвинили в ереси.

Гибель династии Рюриковичей, польско-шведская интервенция, бурные события смутного времени, городские пожары в Москве 1547 и 1560 гг. оставили незаживающий след в историко-документальном наследии России: часть великокняжеского архива была увезена поляками, другая передана в архив посольского приказа.

Из церковных архивов того времени выделялось митрополичье хранилище, размещавшееся в резиденции митрополита – сначала во Владимире, а с середины XVI в. в Москве. К нему мы еще вернемся, когда будем говорить о составе хранимых документов. Как реакция на национальный и экономический гнет активно стало развиваться монаше-

ство на севере и северо-востоке Руси. Строятся и открываются Троице-Сергиев, Кириллов Белозерский, Ферапонтов, Спасо-Каменный, Соловецкий, Пафнутиев Боровский, Иосифов Волоцкий и др. монастыри, сосредоточившие ценные рукописные собрания. Рядом с монастырскими архивами с XIII в. возникают епархиальные хранилища (Владимирской, Тверской и др. епархий). Усиливаются культурные связи с Константинополем и Афоном. Около 685 русских рукописных книг и их фрагментов дошло до наших дней с XIV в. В следующем столетии эта цифра увеличится до 3500 церковно-славянских книг⁴. Наиболее ранний «отписной список» («отписная», как тогда называли описи), относящийся к концу XV в., фиксировал книги и рукописи культового характера, что свидетельствовало об общем хранении книжных и архивных материалов. Новгород и поднимающаяся Москва были центрами богословского просвещения в XV в. Переезд архиепископа Макария на Московскую митрополию в 1542 г. значительно способствовал становлению Москвы как центра русской книжности. Глава иосифлян и кружка книжников во время московского пожара лично спасал от огня «Книгу Божественная правила, юже Киприан митрополит из Царяграда принесл»⁵.

Процесс объединения русских княжеств вокруг Москвы, начавшийся при Иване Калите, завершился в XVI в. при Василии III (1505–1533) и Иване Грозном (1534–1584). В период складывания централизованного Русского государства, сопровождавшегося стягиванием в Москву документов покоренных княжеств, побежденные князья отдавали на хранение важнейшую документацию в церковные учреждения. Изъятия коснулись как светских, так и духовных хранилищ. Иван Васильевич в 1550 г. настоял на включении в Судебник требования – «старые тарханские грамоты поимати у всех». В этом же году, Иван IV приказал изъять жалованные грамоты у всех монастырей, подготавливая тем самым запрещение им «покупать и принимать в дар или заклад вотчины». Во время карательных экспедиций в Новгород и Псков царь в поисках крамолы приказал конфисковать «ризную казну» Святой Софии и документы монастырей и церквей Северной республики. Однако царь запретил опричникам разорять дома псковских священников и монахов.

Накопление документов обязывало церковное руководство назначать специальных лиц, которым поручалось ведение делопроизводства и хранение документов. Дьяки и подьячие, продолжая выполнять свои обязанности священнослужителей, стали часто возглавлять церковные и светские канцелярии. Укрепление системы церковных хранилищ шло параллельно с образованием архивов приказов. В московском княжестве продолжался процесс перестройки великокняжеского управления в государственную систему. Центральное место в складывающейся сети церковных архивов занимала так называемая «митрополичья казна», в которой хранились материалы, связанные с церковно-административной и хозяйственной деятельностью: послания константинопольских патриархов, решения поместных соборов русской церкви, земельные

акты, тексты митрополичьих посланий, благословенные грамоты, указы по управлению епархиями, монастырями, договорные княжеские грамоты, богослужебные книги и т. п. Здесь мы также встречаем крепостные акты на имения, жалованные, несудимые, тарханные, меновые, отступные грамоты. По приказу митрополита Даниила был составлен сборник этих документов, находящийся сегодня в собрании Синодальной библиотеки ГИМ (№ 276, 173). Там же находится и вторая книга, включавшая наиболее важные документы из митрополичьего архива, что позволяет нам реконструировать его состав. С этим изумительным историческим источником можно познакомиться в ГИМ (№ 662). Несомненно, сохранившиеся грамоты митрополитов Киприана и Фотия (XIV–XV вв.), отправленные в связи с развившейся в Пскове ереси «стригольников», имели то же происхождение. Подлинные грамоты митрополичьего архива XIV–XV вв. погибли, то, что сохранилось в виде списков в копийных книгах при митрополичьей кафедре, впоследствии нашло себе место в Патриаршей библиотеке Московской синодальной конторы.

Первоначальный период царствования Ивана Грозного отмечен ожиданием больших перемен. Духом нравственного очищения и гуманизма проникнуты произведения Максима Грека и других духовных писателей. Много потрудился на почве просвещения митрополит московский Макарий. Владыка любил книгу и чтит память церковных подвижников. Всячески поддерживая поиски старых и составление новых житий, он добился одобрения этой работы церковными соборами 1547 и 1549 гг. На съездах высших церковных иерархов было принято решение о канонизации многих русских, главным образом местных, подвижников, что оживило работу по собиранию в епархиях архивного материала о русских чудотворцах. Сам Макарий внес в подготовленный им сборник, известный в литературе под названием Великие Четы-Минеи, большую часть старых и новых житий. Оживление агиографической деятельности оставило заметный след в русской церковной литературе 40–50-х гг. XVI в. Однако она приходит в упадок во второй половине царствования Ивана Грозного. «Скудная содержанием и утомительно однообразная агиографическая литература, – писал известный русский историк Д.И. Иловайский, – как нельзя более соответствовала той печальной эпохе и тому упадку просвещения, которым отмечена вторая половина царствования Грозного... Ни одно замечательное литературное произведение, ни одно крупное авторское имя не нарушает сего пустынного однообразия»⁶. Использование документов церковных хранилищ проходило в рамках духовного образования; как нельзя лучше этой цели отвечали Степенная книга, к составлению которой руку приложил Макарий, Софийский временник, Царственная книга, История Казанского царства Иоанна Глазатого и др. О церковной археографии говорить еще рано, но ее элементы обозначались отчетливо.

Не меньшее, а скорее большее значение для отечественной науки имеют сохранившиеся памятники письменности из архивов монасты-

Е.В. Старостин

рей. Без этих документов восстановление национальной истории русского народа было бы просто невозможно, поскольку сведения, дошедшие до нас из светских архивохранилищ немногочисленны, а порою случайны. «В этих архивах, – писал М.К. Любавский, – хранились данные грамоты на земли и угодья, полученные от князей и частных лиц, вкладные грамоты от лиц, постригшихся в монашество и жертвовавших при этом земли и угодья монастырю, духовные грамоты, по коим имущество отказывалось тому или другому монастырю, купчие, передававшиеся монастырю вместе с имуществом, меновые на мену землями и угодьями с соседними землевладельцами, отводные, разводные, разъезжие, межевые – по ограничению и разграничению монастырских имений, закладные на имения, отданные монастырю под залог, мировые или рядовые, содержащие различные соглашения относительно имений, правые грамоты, т. е. судебные решения об имениях в пользу монастыря, жалованные грамоты, льготные, предоставлявшие льготы по части податей и повинностей монастырским крестьянам на определенное число лет, жалованные обельные, освобождающие навсегда от тягла монастырских крестьян, жалованные несудимые, освобождающие население монастырских имений от подсудности княжеским наместникам и волостелям и их тиунам, жалованные тарханные, освобождающие население монастырских имений от платежа податей и разных сборов и т. п.»⁷. Сохранившиеся описи отдаленной пустыни на реке Соре позволяют поименно назвать фамилии крупных вкладчиков в монастырскую казну церковных книг: князей Кубенских-Заозерских, ученика Максима Грека В.М. Тучкова, архиепископа Арсения, патриарха Филарета, воеводу М.М. Салтыкова, главу комиссии по составлению Уложения 1649 г. Н.И. Одоевского, «западника» Б.И. Морозова, князя И.А. Воротынского, князей Шаховских и др.⁸

Дьяки монастырских канцелярий по примеру монастырей Византии копировали списки исходящих документов, составляя своеобразные регистры. Историческая наука имеет в своем распоряжении копии документов (акты, грамоты и т. п.) Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Архангельского монастырей. Не все комплексы архивных документов монастырей дошли до нашего времени. Известно, что опустошительный пожар 1746 г. уничтожил большую часть архива Троице-Сергиева монастыря. К этому виду источника следует причислить сборник документов суздальских монастырей, составленный, как полагает Любавский, в XVI в. по повелению местного епископа. Выдающиеся литературные произведения «Сказания о Мамаевом побоище», «Задонщина» были записаны монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином в конце XV в. Иван IV, ведший бесконечные войны со своими западными соседями, с 1550-х гг. пытался ограничить аппетиты монастырских землевладельцев. Он берет на себя обязанность лично выдавать жалованные грамоты на угодья и имущество, передаваемое в монастырское хозяйство. Так, в 1551 г. царь подписывает грамоту о передаче села Раменка Бежецкого верха Троицкому монастырю, завещанного перед смертью А.И. Полуектовым⁹.

Восстановление монастырских актохранилищ после опустошений 1570 г. при Иване Грозном и, особенно, в Смутном времени, шло медленно. Многие документы находились «в розни», т. е. в хаотическом состоянии. Начиная с первой трети XVII в. документы приводятся в порядок, систематизируются и описываются. Остро вставший земельный вопрос вынудил монастырское руководство привести в порядок свои хранилища. Этому способствовала реформа по централизации церковного управления, проводимая Патриархом Филаретом. Копируя светскую государственную структуру, Филарет, объявивший себя Великим государем, учредил при своем дворе ряд приказов: Дворцовый, Казенный, Разрядный, Судный, в результате деятельности которых образовывалась документация. Патриарху были подведомственны митрополиты в четырех епархиях (Новгородской, Казанской, Ростовской и Крутицкой), епископы, архиепископы, управлявшие 13 епархиями. Патриарх, чьи амбиции выходили далеко за рамки традиционных представлений о роли церкви, в 1627 г. отдал распоряжение о том, чтобы все богослужебные книги «литовской печати» были заменены изданиями, опубликованными в Москве¹⁰. Поскольку некоторые церковные учреждения и монастыри были подсудны Приказу Большого дворца, на него была возложена забота о церковном имуществе, документах и т. п. В это же хранилище были переданы бумаги Монастырского приказа, закрытого по настоянию церковной оппозиции в 1677 г.

В связи с намерением провести исправление культовых текстов Патриарх Никон в 1653 г. распорядился составить опись книг и рукописей 39 крупнейших монастырей. На следующий год он послал на далекий Афон старца Арсения (Суханова), который доставил из монашеской республики 498 рукописей. (Эти рукописные памятники, в том числе уникальные списки IX–XIII вв., частично были опубликованы в 1873 г. в Киеве)¹¹. Чтобы прекратить проводить службу по-старому, Никон приказал из городских и сельских приходов изъять старые книги. Встречались случаи сожжения старых книг московской печати. По вполне понятным причинам «двуперстники» не только не отдавали священные книги, но и продолжали служить по ним. В том случае, когда власти прибегали к насилию, книги и архивы уносили в леса, в пустыни.

Монастырские описи XVII в. – явление достаточно распространенное. В «отписных списках», т. е. описях монастырских ценностей, перечислялись не только культовые предметы, но и старые книги, дела, грамоты. Описи составлялись и при передаче монастыря в казну. Так, по указу 1670 г., подписанному царем Алексеем Михайловичем, о передаче Самарского мужского Спасо-Преображенского монастыря в казну, «быть особо от Патриаршего дома», воеводой Василием Яверлаковым в 1672 г. были описаны монастырские переписные книги и другие архивные материалы¹².

Создают свои архивы и некоторые духовные учебные заведения (Киево-Могилянская академия (с 1615 г.), Славяно-греко-латинская академия в Москве (с 1685 г.) и др.), основанные с целью подготовки кадров ученых богословов.

Е.В. Старостин

В досинодальный период документы по истории РПЦ откладывались также в центральных и местных хранилищах учреждений светской власти. В одном из самых крупных приказных архивов – архиве Посольского приказа – наряду с постепенно сформировавшейся группой «монастырские дела» возникла коллекция документов, которая позднее получила название «сношения России с римскими папами» РГАДА. Ф. 78. Неудивительно, что наибольшее число эпистолярных источников пришлось на «смутное» время нашей истории¹³. Нередко документы, хранящиеся в архиве Посольского приказа, сообщают факты курьезные. Иван Грозный, принимая датских послов, к их огорчению не взял у них часы с еретическими, по его мнению, знаками Зодиака. Разными путями входили во дворец Московского кремля послы различных вероисповеданий: христианские по лестнице «у Благовещенья» на соборную паперть и далее к Красному крыльцу; «бусурманские дипломаты» – сразу же по средней лестнице к Красному крыльцу, минуя соборную паперть.

В отличие от аристократии западной Европы, русские боярство и дворянство не создали более или менее стройную систему частных дворянских архивов, в которых могли бы сохраниться источники по истории РПЦ. Они потеряли интерес к сохранности своих архивов особенно после отмены местничества в конце XVII в. Многие документы дворянства, в отличие от библиотек, оказались на чердаках. Переведя столицу государства в Петербург, Петр тем самым выключил старое родовитое московское боярство из активной государственной деятельности. Практическая ценность фамильных документов была сведена к нулю, а историческая еще не народилась. Великий русский поэт А.С. Пушкин писал:

Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей...

Неудивительно, что создавшаяся ситуация привела к массовой гибели частных, семейных архивов в конце XVII – начале XVIII в. знатнейших дворянских родов, чья деятельность была теснейшим образом связана с РПЦ.

Распространение письменной культуры в религиозной массе народа затронуло западные русские территории, пожалуй, глубже, чем восточные. Однако, вслед за митрополитом Макарием, признаем, что «не находим тогда в литовской митрополии никаких следов оригинальной духовной литературы, если не относить к ней местных летописей» (Макарий. С. 57). Многие церковные памятники, судя по описи Слуцкого Троицкого монастыря, являлись копийным материалом, который можно было встретить и в архивах восточных церквей. Перечислим основные памятники церковной литературы Слуцкого монастыря: Апокалипсис; писания отцов и учителей Церкви, носящих преимущественно аскетический характер (Ефрема Сирина, Саввы Дорофея, Феодора Студита, Григория Синаита, Иоанна Лествичника, Симеона нового богослова); Сборники или сборники (Измарагд, Сборник годовой, по-

стный, жития Святых, два Пролога, Патерик Печерский); книги канонического содержания (Правила великия или Кормчая, Никон, т. е. известные сборники Никона черногорца); книги богослужебные и читавшиеся при богослужении (два Евангелия тетры, Апостол тетр и другой апракос, три Службника, два Требника, Две Псалтыри, Часослов, два Устава, Две Триоди, двенадцать месячных Миней, Евангелие толковое). Лишь очень немногие памятники дошли до наших дней. Огромные потери архивы РПЦ несли на Украине и в Белоруссии. Брестская уния 1596 г. развязала руки католическому духовенству, которое с особым пристрастием приступило к чистке архивов церквей, монастырей от памятников письменности, написанных на старобелорусском и украинском языках¹⁴. Уничтожение православной культуры продолжилось и позднее. При взятии в 1651 г. Киева гетманом Я. Радзивилом «от пожара выгорел весь город», в том числе и церковные архивы. В Успенской церкви, стоявшей на Подоле, вместе с церковной утварью сгорели все книги «старовечные» с привилегиями великих князей русских¹⁵. После присоединения Левобережной Украины к России преемник Богдана Хмельницкого Иван Выговский часть гетманского архива передал на хранение в Киевский Межигорский монастырь. А его сторонник Павел Тетеря, придерживавшийся польской ориентации, после очередного поражения бежал в Польшу, прихватив с собою важные светские и духовные документы. Монахи Киево-Печерской Лавры, ожидавшие беды с той и с другой стороны, свои рукописные книги зарыли в землю, где их гибель была неминуема.

Архивы этого периода характеризуются неразвитостью административных структур, преобладанием имущественного права над публичным, частного (личного) владения над общественным, совместным хранением архивных и библиотечных материалов, музейных экспонатов, церковной казны с предметами церковного культа, отсутствием четко выраженного интереса к научному использованию исторических памятников. Зародившееся в XVI в. книгопечатание будет способствовать постепенному разводу нарративных и документальных источников, предоставляя каждой группе специальные места хранения. В церковной практике, в отличие от светской, процесс подразделения литературных и документальных памятников по своим местам хранения растянется на столетия.

Примечания

- 1 Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. М., 1992. С. 1574.
- 2 Любавский М.К. История архивного дела в России. М., 1929. Машинопись. Библиотека ИАИ РГГУ.
- 3 См.: Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. I. Допетровская Русь. Кн. I. М., 2007.

Е.В. Старостин

- 4 Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII веков. М., 1983. С. 4; *Розов Н.Н.* Статистика и география русской книги XV в. (Предварительные данные) // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 37–38.
- 5 ПСРЛ, Степенная книга. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 637.
- 6 *Иловайский Д.* Царская Русь. М., 2003. С. 511.
- 7 *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 34.
- 8 *Шевченко Е.Э.* Книжные вклады «именитых людей» XVI–XVII вв. в Нило-сорскую пустынь // Рукописные памятники. Публикации и исследования. СПб., 1997. Вып. 4. С. 145–162.
- 9 *Шумаков С.А.* Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 1. М., 1899. С. 42.
- 10 Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. С. 94–103.
- 11 «Христианство». Т. I. М., 1993. С. 261.
- 12 Православные святые Самарского края. Самара, 2001. С. 10.
- 13 *Рогожин Н.М.* Посольский приказ – колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 31.
- 14 *Введенский А.* Польские паны в борьбе с белорусской – украинской культурой в XVI–XIX вв. // Известия. 1939. № 27.
- 15 *Закревский Н.* Описание Киева, Москвы. 1868. Ч. I. С. 56.; Ч. II. С. 856–857.

ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА «УСТАВ» И ЗАРОЖДЕНИЕ ЭТОГО ВИДА ДОКУМЕНТА В КИЕВСКОЙ РУСИ

Тема статьи – «Понимание термина «устав» и зарождение этого вида документа в Киевской Руси» – подразумевает, прежде всего, анализ толкований устава, как вида документа, определение его основных функций и, уже на этой основе, изучение возникновения устава в Древнерусском государстве и его дальнейшее развитие.

Автором определены рамки исследования, начиная с момента возникновения устава как, вида документа на Руси (XI в.) и до XVI в. Акцент в статье делается на трех разновидностях первых уставов. Одну из них составляют монастырские уставы, регламентирующие жизнь в монастырях, вторую разновидность представляют церковно-княжеские уставы, устанавливающие отношения между светской и духовной властью и, наконец, третью – княжеские уставы – документы, определяющие наказания за проступки. Наряду с уставом рассматривается возникновение и развитие другого документа – уставной грамоты.

Ключевые слова: термин «устав», монастырский устав, княжеский устав, церковно-княжеский устав, термин «уставная грамота».

Изучение устава как вида документа необходимо начать с определения термина. В справочной литературе дается несколько толкований. Отличия в определениях объясняются тем, что с момента возникновения в Киевской Руси, устав имеет несколько различных функций. Анализ толкований термина «устав» начнем с рассмотрения таблицы определений документа.

Определение устава Наименование справочной литературы

«В Московском государстве к XVII в. уставом стал называться законодательный акт, устанавливающий что-либо новое по теоретическому усмотрению законодателя. Уставы представляли собой форму закона, преимущественно учредительного характера, и являлись предвестием петровских регламентов. Так называемые регламенты или уставы Петра I представляли собой специальные узаконения для известного ведомства или какой-либо части материального права.»

(Энциклопедический словарь / Изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXV. СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгаузъ-Ефронъ, 1902. С. 432.)

Е.Т. Аляутдинова

«1. Свод правил, регламентирующих организацию и порядок деятельности определенной отрасли государственного управления, а также права, обязанности и ответственность должностных лиц, а в отдельных случаях и граждан, за нарушение этих правил. 2. Положение, определяющее задачи, структуру, функции, правоспособность юридических лиц, а также основание и порядок прекращения их деятельности. 3. Правила, определяющие внутренний трудовой распорядок, порядок несения службы, дисциплинарную ответственность и поощрительные меры рабочих и служащих железнодорожного, морского и речного транспорта, связи и некоторых других отраслей.»

(Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. Т. 44. М.: Большая Советская энциклопедия, 1956. С. 392.)

«Положение, определяющее задачи, цели, организацию деятельности, порядок управления имуществом юридического лица. Также дается определение устава воинского – это систематизированный свод правил, регулирующих определенную сторону жизни, быта и деятельности Вооруженных Сил СССР.»

(Энциклопедический словарь правовых знаний (советское право) / Гл. ред. В.М. Чхиквадзе. М., Советская энциклопедия, 1965. С. 487, 489.)

«Правовой акт, определяющий структуру, функции и права социального предприятия.»

(Краткий словарь видов и разновидностей документов. Главархив, ВНИИДАД. М., 1974. С. 42.)

«Свод правил, устанавливающих порядок исполнения или применения чего-либо; свод правил, положений, определяющих построение и деятельность какой-либо организации, права и обязанности ее членов; правила поведения, нормы жизни в каком-либо обществе.»

(Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. С. 1478.)

«Законодательный акт, определяющий статус краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов в качестве субъектов федерации.»

(Популярный энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. С. 1382.)

«Основополагающий нормативный акт, определяющий: правовой статус государственного (область, край и др. виды субъектов РФ) либо муниципального (район, город, муниципальный округ) образования; правовой статус международной организации; правовой статус конкретных юридических лиц (унитарных предприятий, хозяйственных обществ и религиозных организации, профсоюзов и т. д.); организацию определенной сферы деятельности Вооруженных сил.»

(Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Издательский Дом ИНФРА-М, 1999. С. 1015.)

«Свод правил, положений, которые определяют организационные принципы и порядок деятельности какой-либо организации, учреждения и т. п.»

(Комплексный словарь русского языка / Под ред. докт. филол. наук А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. С. 1155.)

Понимание термина «устав» и зарождение этого вида документа...

«Свод правил, регулирующих деятельность организаций, учреждений, их взаимоотношения с другими организациями и гражданами, их права и обязанности в определенной сфере государственного управления или хозяйственной деятельности.»

(Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / Гл. ред. А.М. Прохоров. В Кн. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 1645.)

«Установившийся порядок жизни, поведения, а также положение, принцип, служащие руководством в чем-либо, правило.»

(Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2001. Т. 2: П-Я. С. 873.)

«Название документа, определяющего структуру и порядок деятельности партии, общественной организации, юридического лица.»

(Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. докт. юрид. наук, проф. О.Е. Кутафин. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 498.)

«Церковная книга, в которой определяется состав, порядок и чин церковных богослужений на каждый день года, указываются праздники, посты, излагаются некоторые правила для жизни монашествующих.»

(Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М., Отчий дом, 2004. С. 763.)

«Комплексный нормативный акт, регулирующий правовое положение определенных органов и организаций, либо ту или иную сферу государственной, в первую очередь хозяйственной, деятельности.»

(Толковый словарь юридических терминов. А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына. М.: Эксмо. 2007. С. 394.)

Анализ определений, охватывающих длительный период применения устава как вида документа начиная с XVII в. по сегодняшний день, позволяет сделать вывод о том, что устав прежде всего является организующим и регулирующим что-либо правовым документом. Таким образом, общее, присущее всем толкованиям свойство устава как документа заключается в его организационном начале. Именно поэтому большинство определений связывает устав с правилом или принципом, служащим руководством в любой области. Отличия в толкованиях наблюдаются лишь в том, что в различные временные периоды статус устава колебался от законодательного до нормативного документа. То есть, имея к XVII в. функцию законодательного акта, устав теряет ее в советский период, обретая статус нормативного документа, и возвращает вновь после принятия Конституции 1993 г., сделавшей устав Основным законом края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа. Также анализ толкований устава определяет уникальность данного вида документа, охватывающего не один вопрос, а целую систему правовых вопросов в различных областях деятельности.

Какими функциями обладали первые уставы, можно понять, обратившись к истории зарождения этого вида документа на Руси.

Уставы появляются в Древнерусском государстве в начале XI в. В этот период можно наблюдать три разновидности этого документа. Первую представляют монастырские уставы.

Крещение Руси в 988 г. повлекло за собой необходимость появления документа, который бы упорядочил совершение богослужения и устройство монастырской жизни. В таких литургических центрах, как Иерусалим и Константинополь, в этот период уже действуют церковные уставы, среди которых можно выделить два типа: мирские и монашеские. Мирские уставы (богослужебные) были достоянием кафедральных соборов и отражали правила совершения служб, их характерной особенностью было отсутствие дисциплинарной части. Второй тип устава действовал в монастырях и включал дисциплинарную часть, обеспечивающую устройство внутренней монастырской жизни.

Примером монастырского устава является устав Студийского монастыря, основанного в 463 г. в Константинополе. Своим происхождением документ обязан преподобному Феодору Студиту. Более полный устав был записан много лет спустя после его смерти в конце X – начале XI в., а потом, на основании предания, полно изложен патриархом Константинопольским Алексием (XI в.). Первоначально документ был введен в созданный самим патриархом монастырь. По традиции именно этот устав принято считать Студийским. Однако надо отметить, что поскольку ни одного точного списка устава Феодора Студита до нас не дошло, мы можем говорить лишь о существовании уставов студийского типа. Таковым является, например, Алексеевский устав, принесенный около 1065 г. преподобным Феодосием Печерским в Киев, в свою Лавру, откуда впоследствии был распространен по другим русским обителям.

На смену Студийскому уставу приходит устав Иерусалимский, связанный с преподобным Саввой Освященным и с известной под его именем знаменитой палестинской Лаврой близ Иерусалима. Вследствие постоянных сношений палестинских обителей и пастырей с Иерусалимом на богослужебный устав святого Саввы оказывали влияние обычаи Иерусалимской Патриархии, отчего палестинский устав стал называться «Иерусалимским».

Широкое распространение Иерусалимского устава было связано с весомостью документа, созданного в Иерусалиме – главном городе православия. Способствовали распространению этого устава и приезды иерусалимских патриархов в Константинополь, кроме того, некоторые из константинопольских патриархов происходили из Иерусалима. Надо отметить, что в XV в. Иерусалимский устав уже занимает господствующее положение и распространяется по всем церквам и монастырям в Греции, южнославянских землях и на Руси.

Вторая разновидность устава, действующая в Киевской Руси, представляет собой княжеский устав.

Наиболее ранний из дошедших до нас юридических памятников гражданского права – «Русская правда» – представлен в трех редакциях: Краткой, Пространной и Сокращенной. Древнейшая редакция – Краткая Правда. Времени составления отдельных частей и всей Краткой Правды посвящено много исследований источниковедов. Краткая Правда помещена в Новгородской I летописи под 1016 г., где ей предшествуют слова: «Ярослав иде к Киеву, седе на столе отца своего Володимира, и абие на-

ча вои свои делите: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем, и отпусти их всех домовь и дав им Правду и Устав списав, тако рекши им: “по се грамоте ходите якоже списах вам, такоже держите”¹. Таким образом, в «Краткой правде» мы встречаемся с уставом, хотя понятия «устав» в документе нет, отдельно он не оформлен и начинается со статьи: «Аще убьютъ огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиинци, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен»². Первый раздел Краткой Правды идет под заголовком Правды Ярослава, а второй, включающий Устав Ярославичей, Покон Вирный и Урок Мостников, вместо заголовка содержит следующие слова: «Правда установлена руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула»³. Это говорит о том, что устав, как и другие части Краткой Правды, распространялся на княжеские владения, разбросанные по всей территории Древней Руси.

Княжеский устав, изданный «от имени сыновей Ярослава Изяслава, Святослава и Всеволода и их советников...»⁴, посвящен вопросам доменального хозяйства князей, определяет ответственность за убийство княжеской челяди, за кражу скота и т. п. Возникновение устава Ярославичей относят к середине / второй половине XI в.⁵

Таким образом, благодаря Краткой Правде мы узнаем, что наряду с монастырским уставом, обладающим функцией регулятора монастырской жизни, на Руси возникает светский устав, определяющий наказания за проступки.

Однако наибольшее распространение на Руси получила Пространная редакция Русской Правды⁶. Считается, что Пространная Правда образовалась в результате механического соединения Суда Ярослава Владимировича, появившегося в Киеве в конце XI – начале XII в., и Устава Владимира Мономаха, принятого на совещании в Киеве в 1113 г. (т. е. устав Владимира Мономаха начинает вторую половину Пространной Правды). К этому разделу имеется заголовок: «Устав Володимерь Всеволодича»⁷. Начинается документ со статьи, рассказывающей о взимании процентов.

Устав Владимира Мономаха представляет собой документ, регулирующий порядок получения долговых процентов и допускающий взимание только 100% сверх суммы долга. Таким образом, устав является правовым документом, ограничивающим произвол ростовщиков.

Совершенно новую разновидность устава как документа представляет Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных. В тексте документа упоминается термин «устав» при оговаривании наказания за его нарушение. Устав Владимира принадлежит к числу документов, которыми определялось правовое положение русской церкви в феодальную эпоху. С момента введения христианства русская церковь стремилась обеспечить защиту своих интересов. С этой целью она добивалась получения документов от великокняжеской власти, которые можно отнести к церковно-княжеским законодательным актам.

Сложности, возникающие при изучении древнерусских уставов, объясняются существованием большого числа редакций одного доку-

Е.Т. Аляутдинова

мента, иногда сильно различающихся между собой. Например, устав князя Владимира сохранился в 6 редакциях. Первоначальный текст устава относится к XI – XII вв., но он до нас не дошел⁸.

Устав князя Владимира Святославовича представлен в сборнике «Памятники русского права»⁹ в первой, второй и третьей редакциях. Документ первой редакции представляет единый текст. Разные источники предлагают различные варианты заголовка устава. Начинается документ, как правило, словами: «Се язъ князь Володимерь...»¹⁰.

Последующие редакции устава князя Владимира отличаются большим объемом, наличием единого заголовка и абзацев в тексте. Устав в сохранившихся поздних переработках и списках отражает эволюцию размеров и форм обеспечения церковной организации на Руси, взаимоотношения в сфере юрисдикции между князем и церковью. Можно сказать, что Устав являлся кратким кодексом церковно-судного права начиная с принятия христианства.

Также к уставам, регулировавшим в Древнерусском государстве долю церкви в княжеских доходах и круг преступлений, подлежащих церковному суду, относится устав князя Ярослава. Устав князя Ярослава о церковных судах представляет собой кодекс семейного и брачного права Древнерусского государства, сложившийся в XI–XII вв. и продолжающийся перерабатываться и изменяться в XIII–XVI вв. Термина «устав» в редакции документа, представленной в сборнике «Памятники русского права»¹¹, нет, но в конце текста, при упоминании наказания за нарушение документа, автор называет его установлением.

В уставе князя Ярослава провозглашается независимость церковного суда от светского при разрешении дел о нарушении нравственности. Текст документа не поделен на части и начинается со слов: «Се язъ Князь Великій Ярославъ...»¹².

Устав князя Святослава Ольговича регулирует доходы новгородского епископа и предоставляет ему независимость от княжеской власти. Изданный в 1137 г. устав четко определил размер церковной десятины и источники доходов новгородской церкви и, главное, установил взаимоотношения между княжеской властью и церковью в Новгороде.

Термин «устав» в тексте отсутствует, однако обычно издатели в качестве заголовка к нему помещают ст. 15 церковного устава князя Владимира третьей редакции: «Уставъ бывший преже насъ въ Руси отъ прадедъ и отъ дедъ нашихъ имати пискупомъ десятину отъ дании и отъ вирь и продажъ, что входитъ в княжь двор всего». Отмечаем, что в редакции устава, помещенной в сборнике «Памятники русского права»¹³, данный текст опущен. Однако существует мнение группы ученых о том, что некогда третья редакция Устава Владимира и Устав Князя Святослава образовывали один документ, в котором ст. 15 была переходом от одного устава к другому.

Устав князя Всеволода Мстиславича определяет размер пожалования и льготы князя новгородским церквам, говорит о передаче суда по торговым делам и порядке утверждения ряда торговых пошлин новгородскому епископу, устанавливает оброки, определяет состав людей,

находящихся под патронатом новгородской церкви, уточняет порядок судопроизводства по тяжбе между церковными людьми с остальными новгородцами, а также определяет санкции за нарушение устава. То есть устав князя Всеволода Мстиславича, наравне с уставом князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных, определяет характер взаимоотношений между князем и церковью, источники материального обеспечения церкви и, главное, устанавливает наказания за попытку нарушить устав, подчеркивая важность этого правового документа.

Надо отметить, что наряду с уставом появляется другой документ – уставная грамота¹⁴.

Уставными грамотами в Московском государстве назывались «акты, определявшие управление той или другой области. Различают два вида уставных грамот: 1. уставные грамоты, определявшие порядок местного правительственного управления; 2. уставные грамоты, определявшие порядок местного земского самоуправления. Последние назывались еще уставными земскими грамотами и появились только во времена Иоанна Грозного, когда у правительства явилась мысль даровать самоуправление отдельным областям. Уставные грамоты являлись пожалованием прав населению известной местности раз навсегда, но они не были привилегиями, не заключали в себе исключения из общих норм, а определяли лишь местное применение их, являлись законом местным, но не частным»¹⁵.

Содержание уставных грамот первого рода одинаково: они определяют корм наместника, судебные пошлины и уголовные штрафы в пользу наместника, торговые пошлины, состав лиц наместничьего управления и т. д.

Уставные земские грамоты, возникшая в 1552 г., продолжают развиваться до второй половины XVII в. Данные грамоты, давая самоуправление отдельным областям, отчасти перерабатывают содержание уставных грамот наместничьего управления и касаются права полицейского, уголовного и отчасти гражданского.

Авторы работы «Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.» обращаются к более раннему периоду существования уставных грамот и говорят о том, что уставной грамотой до XVII в. называется «документ, устанавливающий порядок управления, судопроизводства, привилегии и обязанности населения, а также и должностных лиц»¹⁶. В данном определении очевидно сходство уставной грамоты с уставом, заключающееся в существовании организационного начала у двух видов документов.

Как пример рассмотрим уставную грамоту Святослава Ольговича 1137 г., сохранившуюся в трех списках. Следует отметить, что во всех списках грамота следует после устава Владимира. Документы не отделены друг от друга заглавием, что оставляет открытым вопрос, является ли данная уставная грамота продолжением устава Владимира или приложением к нему.

Грамота Святослава Ольговича касается некоторых сторон финансового положения епископии, т. е. содержит установления князя Святослава о ее материальном обеспечении.

Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, относящаяся к началу XII в., свидетельствует об учреждении князем Ростиславом Мстиславичем смоленской епископии и определяет взаимоотношения между светской и духовной властью, объем судебной юрисдикции церкви, а также размер десятины с различных территорий Смоленского княжества в епископскую казну (т. е. этот документ устанавливает правовое положение церкви Смоленского княжества).

Стоит отметить, что в сборнике «Памятники русского права»¹⁷ в состав уставной грамоты князя Ростислава, помимо рассмотренной выше грамоты, входит также подтверждающая грамота епископа Мануила и дополнительная грамота о размере погодья и почестья. Грамота Мануила является подтверждением уставной грамоты Смоленского князя. Кроме того, документ устанавливает строгую санкцию церкви для тех, кто попытается нарушить грамоту князя Ростислава Мстиславича. Дополнительная грамота к уставу князя Ростислава устанавливает размер погодья и почестья, шедших в епископскую казну, а также список городов, обложенных этими повинностями.

Уставная грамота владимиристо-вольнского князя Мстислава Романовича 1289 г. характеризует повинности, ложившиеся на плечи феодально-зависимого населения Руси.

Примером уставной грамоты, определившей порядок правительственного управления, является уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397–1398 г. Документ составлен в период восстания на Двине, в результате которого Двинская земля временно вышла из-под власти Великого Новгорода и признала власть московского князя. Существует мнение, что документ фактически являлся первой попыткой в истории законодательства Русского централизованного государства обобщить действующие в Московском княжестве нормы права и применить их на новой, присоединенной территории.

Белозерская уставная грамота является одним из первых памятников права Русского централизованного государства, в котором законодатель уделяет внимание деятельности органов государственного управления. Документ издан Иваном III в 1488 г. после включения Белозерского княжества в состав Русского государства. Белозерская уставная грамота адресована местному населению и детально регламентирует всевозможные повинности населения по отношению к наместникам, тщательно разрабатывает их административные и судебно-финансовые полномочия.

Введение Белозерской уставной грамоты однотипно с введением всех уставных грамот наместничьего управления и начинается с указания на имя главы государства и той территории, на которую грамота распространяет свое действие. В конце текста уставной грамоты оговаривается наказание за отступление от документа.

Автор работы «Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления» Н. Загоскин, рассмотрев наиболее известные уставные грамоты этого периода¹⁸ сделал вывод

о некоторых общих положениях в таких документах. Как уже говорилось, во вступительных статьях, как правило, указываются лицо, дающее грамоту, причина, вызвавшая ее появление, даются постановления по организации местного управления, предлагаются меры обеспечения населения от самовласти и злоупотреблений со стороны местных управителей. В основной части документа обычно регламентируются размеры кормов, даваемых местной власти, различного рода пошлин и сборов, взимаемых с населения, содержатся постановления, относящиеся к торговле и промышленности, полицейским мерам, к уголовному праву, судопроизводству. В конце документа обычно могут быть различные приписки к уставной грамоте и подтверждающая подпись.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уставы с момента возникновения в Древнерусском государстве имеют три разновидности: монастырский устав, регламентирующий жизнь монастыря, церковно-княжеский устав, организующий отношения между светской и духовной властью, и княжеский устав – документ, определяющий наказания за проступки.

Как правило, в тексте документа присутствует термин «устав», обнаруживающийся либо в заголовке, либо в конце документа. Также стоит отметить, что большинство первых русских уставов не отличается большим объемом, представляет собой единый текст и предусматривает наказание за отступление от норм документа.

Делая вывод об уставных грамотах, издаваемых наряду с уставами, следует отметить, что данные документы с момента зарождения определяли финансовое положение епископии, взаимоотношения между князем и духовной властью и повинности населения. Однако уставная грамота, в отличие от устава, содержит больше конкретных указаний на место и время возникновения, не отличается большой публицистичностью и распространена в малом количестве обработок. То есть уставная грамота составлялась на конкретный случай и для конкретного княжества, в то время как устав являлся более обобщенным, действующим в течение длительного времени и на различных территориях документом.

Примечания

- 1 Памятники русского права / Под ред. проф. С.В. Юшкова. Вып. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. С. 74.
- 2 Там же. С. 79.
- 3 Там же. С. 79.
- 4 *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 83.
- 5 *А.А. Зимин* (1920 – 1980 гг.) – историк, докт. ист. наук. Окончил историко-филологический факультет Среднеазиатского университета. С 1947 по 1972 г. преподавал в Московском историко-архивном институте, с 1948 г. – сотрудник Института истории АН СССР. А.А. Зимину принадлежат многочисленные фундаментальные исследования по политической истории Руси

Е.Т. Аляутдинова

XV–XVI вв., по истории русской общественной мысли, по древнерусской литературе. Говоря о возникновении Устава Ярославичей, необходимо отметить, что ученый связывает документ со временем княжения Ярослава Мудрого (1036–1052 гг.).

- 6 Ученые относят составление протографа Пространной Правды к XIII в., поэтому в этом памятнике отражено уже развитое древнерусское право.
- 7 Памятники русского права. / Под ред. проф. С.В. Юшкова. Вып. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. С. 113.
- 8 *С.В. Юшков* (1888–1952) окончил в 1910 г. юридический факультет Петербургского университета, также слушал лекции на историко-филологическом факультете. С 1918 г. преподавал историю русского права в Саратовском университете. С 1926 г. педагогическая деятельность ученого протекала во многих высших учебных заведениях; С.В. Юшков оставался до конца жизни профессором юридического факультета Московского университета. Перу Юшкова принадлежат около ста научных работ (монографии, учебники, учебные пособия, статьи, рецензии). Из них непреходящую ценность имеют «Феодальные отношения и Киевская Русь» (1924 г.), «Русская Правда» (1935 г. — на украинском языке, «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (1939 г. — на украинском языке, 1940 г. — на русском языке), «История государства и права СССР» (учебник, охватывающий период с древнейших времен до Октябрьской революции, выдержал четыре издания с 1940 по 1961 г.), «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1949 г.) и «Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение» (1950 г.). Из задуманной им девятитомной публикации источников «Памятники русского права» С.В. Юшков уже в последние годы своей жизни смог сам отредактировать только два первых тома (вышли в свет в 1952–1953 гг.) и написать к ним введение. После него издание продолжали более молодые единомышленники профессора Л. Черепнин и К. Софроненко. По мнению С.В. Юшкова, позднейшие, первая и вторая, редакции устава Владимира сложились к концу XII – началу XIII в.
- 9 Памятники русского права / Под ред. проф. С.В. Юшкова. Вып. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.
- 10 Памятники русского права / Под ред. проф. С.В. Юшкова. Вып. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. С. 238.
- 11 Памятники русского права / Под ред. проф. С.В. Юшкова. Вып. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 *Я.Н. Щапов* – историк, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, председатель Научного совета РАН «Роль религий в истории», директор Муниципального музея истории усадьбы Щапово в Подольском районе Московской области. Я.Н. Щапов относит устав и уставную грамоту XI–XV вв. к одному виду документов. Уставная грамота у Щапова – это документ, фиксирующий взаимоотношения светской и церковной властей применительно к конкретному случаю в определенном княжестве, на определенное время. В основе уставов можно усматривать первоначальную уставную грамоту или несколько таких грамот, но это до-

Понимание термина «устав» и зарождение этого вида документа...

кументы, уже обобщившие взаимоотношения светской и церковной властей, существующие в течение длительного времени и на различных территориях.

- 15 Энциклопедический словарь. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXV. СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефронь, 1902.
- 16 Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. Учеб. пособие. М., 1985. С. 34.
- 17 Памятники русского права / Под ред. проф. С.В. Юшкова. Вып. 2. М., 1953.
- 18 Н.П. Загоскин (1851–1912 гг.) – историк русского государственного права, публицист, заслуженный профессор, а позднее ректор Казанского университета. Автор ряда работ об истории Казани и Казанского края, член-основатель общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В своей работе «Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления» ученый рассмотрел следующие документы: Двинская уставная грамота 1398 г., Белозерская уставная грамота 1488 г., Уставная грамота Переяславским рыбакам 1506 г., Уставная грамота Артемоновского стана крестьянам 1506 г., Уставная Онежская грамота 1536 г., Уставная грамота села Высоцкого 1536 г., Уставная грамота села Андреевского 1544 г., Уставная грамота Борисоглебской слободы 1584 г. и т. д.

А.С. Голотик

СОВРЕМЕННАЯ НОРМАТИВНАЯ БАЗА
ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА
(РАЗРАБОТКА И СОДЕРЖАНИЕ)

При написании данного сообщения нами была предпринята попытка: 1) рассмотреть организационно-функциональную структуру австралийского национального органа стандартизации – Стандартов Австралии; 2) проанализировать действующие нормативы в области документационного обеспечения управления, за разработку которых ответственны Стандарты Австралии. Как результат, хотелось бы отметить сбалансированность австралийской национальной системы стандартизации, где заказчики – они же будущие потребители готовой продукции – представлены в органе-разработчике. Соответственно, чиновничьи претензии на финансирование тех или иных проектов наталкиваются вначале на «фильтр» Стандартов Австралии, а после – на необходимость утверждения со стороны высших органов исполнительной власти страны, поэтому все нормативы всецело отвечают требованиям актуальности и своевременности.

Ключевые слова: национальный орган стандартизации Австралии, государственные стандарты в области управления документами.

В сентябре 2007 г. на территории Австралии (Австралийского Союза) состоялся очередной саммит экономик Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в рамках которого прошел Российско-Австралийский деловой форум «Инновационный рост экономики и взаимовыгодное партнерство», а также ряд других мероприятий, направленных на укрепление связей между двумя странами. Можно с большой долей уверенности сказать, что отношения России и Австралии входят в активную фазу и это диктует необходимость изучения законодательной и нормативно-методической базы документационного обеспечения управления Австралии, ведь без понимания того, как на территории Австралии регулируются процессы создания документов и организации работы с ними, невозможно выстроить взаимовыгодное партнерство.

Нами ставилась цель рассмотреть организационно-функциональную структуру австралийских органов, ответственных за разработку нормативов по организации работы с документами, посредством анализа профильных нормативно-методических актов, а именно действующих стандартов.

Современная нормативная база документационного обеспечения управления...

При этом большинство использованных в тексте материалов представляет собой перевод автором источников с языка оригинала, поэтому допускается наличие погрешностей, зачастую связанных с отсутствием в отечественной практике аутентичных австралийским терминов и понятий.

Австралийский Союз – одно из 16 государств Содружества Наций¹. Согласно Вестминстерскому статуту 1931 г. его главой является британский монарх², который утверждает генерал-губернатора, имеющего полномочия вмешиваться в случае конституционного кризиса, а в обычное время играющего исключительно представительскую роль. Как и любой другой доминион, Австралийский Союз абсолютно самостоятелен, поэтому нельзя сказать, чтобы общеупотребимые в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии практики были нормой и на его территории. Соответственно, весь опыт Австралии в области документационного обеспечения управления является квинтэссенцией наработок ее специалистов.

Конституция Австралийского Союза³ закрепляет федеративную форму государственного устройства, в соответствии с которой шесть штатов и две основные территории⁴ на уровне субъектов вправе самостоятельно принимать законодательные и нормативно-методические акты (в том числе и в области делопроизводства). Однако приоритет, естественно, остается за Правительством Союза.

Государственная система стандартизации Австралийского Союза представлена Стандартами Австралии (*Standards Australia Limited or Standards Australia (SA344)*), которые были учреждены в 1922 г.

Стандарты Австралии:

– представляют Австралийский Союз в Международной организации по стандартизации (*International Organization for Standardization (ISO)*), Международной электротехнической комиссии (*International Electrotechnical Commission (IEC)*) и Конгрессе по стандартизации стран Тихоокеанского бассейна (*Pacific Area Standards Congress (PASC)*);

– являются разработчиками и ответственны за внедрение около 7000 национальных стандартов и смежных публикаций, в подготовке которых участвовало 1500 комитетов с общим числом сотрудников 8000 человек. Эти национальные стандарты и смежные публикации ежедневно используются при заключении сделок в различных областях бизнеса, для облегчения взаимодействия между отдельными индивидуумами и целыми корпорациями;

– явились первой организацией подобного рода в мире, которая апробировала он-лайн продажу технических и бизнесстандартов. С 2003 г. Стандарты Австралии осуществляют эту функцию совместно с SAI Global Limited⁵;

– используют схему работы, в основе которой – открытость их деятельности для общественности и активное привлечение заинтересованных в процессе разработки, внедрения национальных стандартов и смежных публикаций сторон (представителей правительственных организаций, торговых и профессиональных ассоциаций, научных работников и прочих потенциальных потребителей будущей продукции);

А.С. Голотик

– участвуют в разработке около 18000 международных стандартов в рамках ISO и ИЕС;

– являются учредителями и организаторами национального конкурса в области дизайна (*Australian Design Awards*), который призван внедрять инновационные технологии и всячески способствовать развитию данной отрасли⁶.

Стандарты Австралии – организация с ответственностью участников в гарантированных ими пределах, которая действует в соответствии с Уставом⁷. В состав ее входят 72 члена, которые представляют заинтересованные в разработке и внедрении национальных стандартов, смежных публикаций и услуг стороны.

Стандарты Австралии – независимая, самостоятельная организация, которая напрямую никак не связана с правительственными учреждениями, хотя ряд представителей высшей и местной исполнительной власти входят в ее состав; тесное сотрудничество между национальной организацией по стандартизации и правительственными структурами является неотъемлемой частью их слаженного функционирования. Именно с этой целью в 1988 г. Стандарты Австралии и Правительство Союза подписали «Протокол о намерениях» (*Memorandum of Understanding*⁸), который закрепляет за Стандартами Австралии статус «высшей неправительственной организации по стандартизации» в стране.

Протокол отражает все устные договоренности, ранее существовавшие между обеими сторонами. Среди наиболее существенных пунктов:

– запрет на разработку и внедрение Стандартами Австралии национальных стандартов и смежных публикаций, которые бы противоречили требованию Всемирной торговой организации (ВТО⁹) об отсутствии нетарифных барьеров для свободной торговли;

– запрет на разработку и внедрение Стандартами Австралии национальных стандартов и смежных публикаций в тех областях, где уже существуют соответствующие международные стандарты и смежные публикации¹⁰.

Как результат, около 33% действующих на данный момент на территории Австралийского Союза стандартов полностью (или, по крайней мере, по всем существенным пунктам) аутентичны международным. Однако в таких областях, как, например, строительство и охрана труда значимых международных стандартов пока нет, поэтому на территории Австралийского Союза действуют национальные нормативно-методические акты. Есть также ряд специфических австралийских стандартов (около 1/3 от общего объема), которым просто не существует эквивалентов в международной практике, и, соответственно, требования, содержащиеся в «Протоколе о намерениях», в их отношении выполнены быть не могут.

Большая часть стандартов в области документационного обеспечения управления Австралийского Союза разработана и внедрена подкомитетами «Системы управления документами (IT-021)» (*Records Management Systems (IT-021)*) и «Применение ЭВМ – Информация и

Современная нормативная база документационного обеспечения управления...

документация (IT-019)» (*Computer Applications – Information and Documentation (IT-019)*), входящими в состав комитета «Информационные технологии» (*Information Technology*) Стандартов Австралии.

Членами IT-019 являются:

- представитель Архивов Новой Зеландии (*Archives New Zealand*);
- представитель Австралийского совета по библиотечному и информационному обслуживанию (*Australian Council of Libraries & Information Services*);
- представитель Австралийской ассоциации информационной индустрии (*Australian Information Industry Association*);
- представитель Австралийской библиотечной и информационной ассоциации (*Australian Library and Information Association*);
- представитель Австралийской ассоциации издателей (*Australian Publishers Association*);
- представитель Центра информационных и коммуникационных технологий (*CSIRO Information and Communication Technologies Centre*);
- председатель подкомитета IT-019 (*Chair IT-019*);
- представитель Австралийской сети документальных фондов (*Collections Australia Network*);
- представитель Совета библиотекарей новозеландских университетов (*Committee of New Zealand University Librarians*);
- представитель Совета австралийских государственных библиотек (*Council of Australian State Libraries*);
- представитель Совета библиотекарей австралийских университетов (*Council of Australian University Librarians*);
- представитель Министерства обороны Австралии (*Department of Defence (Australia)*);
- представитель Министерства образования штата Новый Южный Уэльс (*Department of Education and Training (NSW)*);
- представитель Национальной галереи Австралии (*National Gallery of Australia*);
- представитель Национальной библиотеки Австралии (*National Library of Australia*);
- представитель Национальной библиотеки Новой Зеландии (*National Library of New Zealand*);
- представитель Сети высшего образования в области библиотечного дела (*Tertiary Library Networks*);
- представитель Университета Южного Квинсленда (*University of Southern Queensland*);
- представитель Ассоциации автоматизации библиотек штата Виктория (*Victorian Association for Library Automation*);
- представитель Института технологий Вайкато (*Waikato Institute of Technology*).

В состав IT-021 входят:

- представитель Архивов Новой Зеландии (*Archives New Zealand*);
- представитель Аппарата Генерального прокурора (*Attorney General's Department*);

А.С. Голотик

- представитель Австралийского общества архивистов (*Australian Society of Archivists*);
- председатели некоторых рабочих групп подкомитета IT-021;
- представитель Института дипломированных секретарей Австралии (*Chartered Secretaries Australia*);
- представитель Совета архивных органов и органов управления документами Австралазии (*Council of Australasian Archives and Records Authorities*);
- представитель Министерства обороны Австралии (*Department of Defence (Australia)*);
- представитель Министерства иностранных дел и внешней торговли (*Department of Foreign Affairs and Trade*);
- представитель Федерального министерства по делам миграции, многокультурного и местного населения (*Department of Immigration, Multicultural and Indigenous Affairs (Federal)*);
- представитель Австралийской ассоциации управления охраной труда (*Health Information Management Association of Australia*);
- независимый председатель (*Independent Chairperson*);
- представитель Института информационного менеджмента (*Institute for Information Management*);
- представитель Юридического совета Австралии (*Law Council of Australia*);
- представитель Университета Монаш (*Monash University*);
- представитель Министерства торговли штата Новый Южный Уэльс (*NSW Department of Commerce*);
- представитель Национального архива Австралии (*National Archives of Australia*);
- представитель Национальной библиотеки Австралии (*National Library of Australia*);
- представитель Государственного архива штата Виктория (*Public Record Office Victoria*);
- представитель Государственного архива штата Квинсленд (*Queensland State Archives*);
- представитель Австралазийской ассоциации управления документами (*Records Management Association of Australasia*);
- представитель Управления по дорогам и дорожному движению штата Новый Южный Уэльс (*Roads and Traffic Authority of NSW*);
- представитель Архивов штата Новый Южный Уэльс (*State Records (New South Wales)*);
- представитель Института внутренних аудиторов Австралии (*The Institute of Internal Auditors – Australia*¹¹).

Как уже отмечалось выше, Стандарты Австралии представляют страну в Международной организации по стандартизации. В рамках своей деятельности в ISO они обеспечивают работу подкомитета «Управление архивами/документацией» (*TC 46/SC 11 Archives/Record Management*), созданного в структуре технического комитета «Информация и документация» (*TC 46 Information and Documentation*¹²), формируя его секретариат.

Современная нормативная база документационного обеспечения управления...

ТС 46/SC 11 ответственен за разработку на основе национального стандарта Австралийского Союза AS 4390-1996 «Управление документами» (Records Management¹³) ISO 15489:2001 «Информация и документация. Управление документами» (Information and Documentation – Records Management¹⁴). ISO 15489:2001 рекомендован всем странам, чьи национальные органы по стандартизации представлены в ISO, как эталон при создании соответствующих национальных стандартов¹⁵, что вылилось в принятие в 2002 г. в Австралии AS ISO 15489-2002 «Управление документами» (Records Management¹⁶), а в 2007 г. в России – ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования»¹⁷.

AS ISO 15489-2002 состоит из двух частей: AS ISO 15489.1-2002 «Управление документацией. Общие положения» и AS ISO 15489.2-2002 «Управление документацией. Практическое руководство». Первая часть, по сути, и есть стандарт. Во второй освещаются процедуры управления документацией организации в соответствии с принципами, стандартизированными в первой. Фактически она является техническим отчетом и используется как вспомогательный материал. Цель ее разработки – предложить одну из возможных методологий внедрения систем управления документацией.

С принятием AS ISO 15489-2002 прекратили действие DR 01318 СР «Управление документацией. Часть 1: Общие положения» (*Records Management – Part 1: General*¹⁸) и DR 01319 СР «Управление документацией. Часть 2: Практическое руководство» (*Records Management – Part 2: Guidelines*¹⁹).

Помимо ISO 15489:2001, ТС 46/SC 11 ответственен за разработку и внедрение:

- ISO 22310:2006 «Информация и документация. Руководящие указания для разработчиков стандартов по управлению записями в стандартах» (*Information and Documentation – Guidelines for Standards Drafters for Stating Records Management Requirements in Standards*²⁰);

- ISO 23081-1:2006 «Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Часть 1. Принципы» (*Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 1: Principles*²¹);

- ISO/TS 23081-2:2007 «Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Часть 2. Основные положения и применение норм стандарта» (*Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 2: Conceptual and Implementation Issues*²²).

Впоследствии подкомитетом ИТ-021 были подготовлены национальные нормативно-методические акты, аутентичные ISO 22310:2006, ISO 23081-1:2006 и ISO/TS 23081-2:2007, а именно:

- AS ISO 22310-2006 «Информация и документация. Руководящие указания для разработчиков стандартов по управлению записями в стандартах» (*Information and Documentation – Guidelines for Standards Drafters for Stating Records Management Requirements in Standards*²³);

А.С. Голотик

– AS ISO 23081.1-2006 «Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Принципы» (*Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Principles*²⁴);

– AS/NZS²⁵ ISO 23081.2-2007 «Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Основные положения и применение норм *стандарта*» (*Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Conceptual and Implementation Issues*²⁶).

AS ISO 22310-2006 содержит руководящие указания, которые являются дополнениями к установленной ISO и IEC методологии разработки стандартов как системе принципов и способов организации и построения технической и практической деятельности в данной области. Эти руководящие указания призваны помочь тем, кто разрабатывает разделы, содержащие требования к документам и к управлению документами, как для новых, так и для пересматриваемых стандартов. С принятием AS ISO 22310-2006 прекратил свое действие DR 06019 CP «Информация и документация. Руководящие указания по управлению записями в стандартах» (*Information and Documentation – Guidelines for Stating Records Management Requirements in Standards*²⁷) – документ, в котором были закреплены нормы окончательного проекта международного стандарта ISO/FDIS 22310:2005.

AS ISO 23081.1-2006 устанавливает принципы, которые лежат в основе и определяют управление метаданными. Впервые данный нормативно-методический акт был опубликован в 2004 г., как AS ISO 23081.1-2004²⁸, а в 2006 г. был переиздан. С его принятием прекратил действие DR 06095 CP «Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Часть 1: Принципы» (*Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 1: Principles*²⁹).

AS/NZS ISO 23081.2-2007 заменил собой DR 07195 CP «Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Часть 2: Основные положения и применения норм стандарта» (*Information and Documentation – Records management Processes – Metadata for Records – Part 2: Conceptual and Implementation Issues*³⁰).

Различными техническими комитетами Стандартов Австралии за последнее время также были разработаны и внедрены следующие стандарты и смежные публикации в области документационного обеспечения управления³¹:

– AS 5090-2003 «Анализ технологического процесса хранения документов» (*Work Process Analysis for Recordkeeping*³²). С принятием AS 5090-2003 утратил силу DR 02387 «Анализ технологического процесса хранения» (*Work Process Analysis*³³). В AS 5090-2003 описаны функциональный и последовательный подходы к анализу процессов делопроизводства. Подчеркивается, что анализ такого рода не может выполняться абстрактно и что его успех зависит от точности собранной информа-

ции и от понимания особенностей организации. Для каждого этапа анализа в стандарте приведены списки вопросов, на которые надо ответить или принять во внимание. В приложении дан пример выполнения анализа делового процесса. Стандарт может быть полезен при проведении обследования состояния делопроизводства и документооборота в организациях. В настоящее время ИСО разрабатывает аналогичный стандарт ИСО 26122, который планируется опубликовать в 2008 г.³⁴;

– AS/NZS ISO 15836-2004 «Информация и документация. Набор элементов метаданных Dublin Core» (*Information and Documentation – The Dublin Core Metadata Element Set*³⁵). Набор элементов метаданных Dublin Core используется в дополнение к существующим методам индексации метаданных, имеющихся в сети. AS/NZS ISO 15836-2004 – это стандарт для описания междоменных информационных ресурсов, обычно представляющих собой электронные документы. AS/NZS ISO 15836-2004 заменил собой DR 04216 СР «Информация и документация. Набор элементов метаданных Dublin Core» (*Information and Documentation – The Dublin Core Metadata Element Set*³⁶);

– AS 5044.1-2002 «Набор элементов метаданных AGLS. Справочное описание» (*AGLS Metadata Element Set – Reference Description*³⁷). С принятием AS 5044.1-2002 утратил силу DR 02023 СР «Набор элементов метаданных AGLS. Справочное описание» (*AGLS Metadata Element Set – Part 1: Reference Description*³⁸);

– AS 5044.2-2002 «Набор элементов метаданных AGLS. Руководство пользователя» (*AGLS Metadata Element Set – Usage Guide*³⁹). AS 5044-2002 используется для описания междоменных информационных ресурсов и призван помочь организациям и индивидуумам в создании и управлении информационными ресурсами, размещенными в Интернете. Часть 1 AS 5044-2002 содержит определения набора элементов метаданных AGLS, а соответственно, не может быть применима сама по себе, но только в сочетании с частью 2 AS 5044-2002 «Руководство пользователя»;

– НВ 177-2003: ISO/TR 14105 «Формирование электронных изображений. Человеческие и организационные факторы для успешного осуществления управления электронными изображениями (EIM)» (*Electronic Imaging – Human and Organizational for Successful Electronic Image Management (EIM) Implementation*⁴⁰) был принят Стандартами Австралии, как национальный эквивалент технического отчета ISO/TR 14105:2001⁴¹. В НВ 177-2003 содержатся указания по наиболее эффективному вовлечению человеческого фактора в управление электронными изображениями, а также рассматриваются организационные факторы в приложении на оптимизацию и развитие технологий работы с электронными изображениями;

– AS ISO 19005.1-2006 «Управление документацией. Формат файлов электронных документов для долгосрочного хранения. Часть 1. Использование PDF 1.4 (PDF/A-1)» (*Document Management – Electronic Document File Format for Long-term Preservation – Use of PDF 1.4 (PDF/A-142)*) был разработан как идентичный ISO 19005-1:2005⁴³. AS ISO

А.С. Голотик

19005.1-2006 определяет, как использовать «формат переносимых документов 1.4 (PDF 1.4)» для организации долгосрочного хранения электронных документов;

– AS/NZS ISO 11798-2004 «Информация и документация. Стойкость и долговечность записи, печати и копирования на бумаге. Требования и методы испытаний» (*Information and Documentation – Permanence and Durability of Writing, Printing and Copying on Paper – Requirements and Test Methods*⁴⁴) идентичен ISO 11798:1999⁴⁵. В AS/NZS ISO 11798-2004 содержатся требования и оговариваются методы испытаний стойкости и долговечности записей, печати и копирования на бумаге в отношении документов, хранящихся в библиотеках, архивах и других хранилищах, ответственных за долгосрочное хранение. AS/NZS ISO 11798-2004 заменил собой DR 04214 СР «Информация и документация. Стойкость и долговечность записи, печати и копирования на бумаге. Требования и методы испытаний» (*Information and Documentation – Permanence and Durability of Writing, Printing and Copying on Paper – Requirements and Test Methods*⁴⁶);

– AS ISO 18492-2006 «Обеспечение долговременной сохранности электронных документов» (*Long-term Preservation of Electronic Document-based Information*⁴⁷) был принят Стандартами Австралии, как национальный эквивалент технического отчета ISO/TR 18492:2005⁴⁸. В AS ISO 18492-2006 предложена концепция разработки стратегий обеспечения долговременной сохранности и описаны зарекомендовавшие себя приемы практической работы, которые можно применять в организациях, как государственного, так и частного секторов для обеспечения долговременной доступности и аутентичности электронных документов. С принятием AS ISO 18492-2006 утратил силу DR 06016 СР «Обеспечение долговременной сохранности электронных документов» (*Long-term Preservation of Electronic Document-based Information*⁴⁹);

– AS ISO 15801-2006 «Электронное формирование изображений. Хранение информации в электронном виде. Рекомендации по достоверности и надежности» (*Electronic Imaging – Information Stored Electronically – Recommendations for Trustworthiness and Reliability*⁵⁰) идентичен техническим рекомендациям ISO/TR 15801:2004⁵¹. С его изданием прекратилось действие DR 06020 СР «Электронное формирование изображений. Хранение информации в электронном виде. Рекомендации по достоверности и надежности» (*Electronic Imaging – Information Stored Electronically – Recommendations for Trustworthiness and Reliability*⁵²). AS ISO 15801-2006 описывает принципы функционирования информационных систем управления, когда информация хранится в электронном виде, делая особый акцент на достоверности, надежности, аутентичности и целостности данных.

В настоящее время Стандартами Австралии готовится к публикации ряд нормативно-методических актов, проекты которых уже существуют:

– DR 07194 СР «Электронная обработка изображений. Оптимизация конструкции электронных форм для электронных систем управле-

Современная нормативная база документационного обеспечения управления...

ния изображением» (*Electronic Imaging – Forms Design Optimization for Electronic Image Management*⁵³) представляет собой проект стандарта AS ISO/TS 12029, основой которому послужил ISO/TS 12029:2007⁵⁴;

– DR 07196 СР «Электронная обработка изображений. Оптимизация конструкции электронных форм для электронных систем управления изображением» (*Micrographics – Dimensions for Reels Used for 16 mm and 35 mm microfilm*⁵⁵) является проектом стандарта AS ISO 24537, разрабатываемым на основе ISO 24537:2007⁵⁶;

– DR 07264 СР Amendment 1 to AS ISO 19005.1-2006 «Управление документацией. Формат файлов электронных документов для долгосрочного хранения. Часть 1. Использование PDF 1.4 (PDF/A-1)» (*Document Management – Electronic Document File Format for Long-term Preservation – Part 1: Use of PDF 1.4 (PDF/A-1⁵⁷)*) представляет собой дополнение к стандарту AS ISO 19005.1-2006, основой для которых послужил ISO 19005-1:2005/Cor 1:2007⁵⁸.

Подкомитет IT-021 работает также над:

– первым вариантом (черновиком) документа «Управление документацией – Хранение» (*Records Management – Physical Storage*), который должен увидеть свет 15.01.2008. Он будет содержать инструкции, призванные помочь архивам и другим учреждениям, ответственным за организацию долгосрочного хранения документов;

– первым вариантом (черновиком) документа «Соблюдение требований управления документацией» (*Recordkeeping Compliance*), который должен был быть опубликован 30.05.2007 г., но до сих пор находится в разработке. Он призван разъяснить организациям некоторые положения AS ISO 15489-2002 с тем, чтобы привязать их к практике, существующей в стране.

Анализируя нормативно-методическую базу документационного обеспечения управления Австралийского Союза, можно сделать вывод, что большая часть разработок ее специалистов посвящена метаданным и электронным документам, что отражает потребность современного общества в новых способах фиксации и передачи информации, а также их регулировании. Большая часть стандартов Австралии приведена в соответствие с нормами ИСО, что является подспорьем при выстраивании отношений на международном уровне.

Примечания

- 1 Содружество наций (Содружество) – добровольное межгосударственное объединение независимых суверенных государств, в которое входят Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и почти все его бывшие доминионы, колонии и протектораты.
- 2 С 02.06.1953 г. это – Королева Елизавета II.
- 3 Commonwealth of Australia Constitution Act. Incorporating Amendments to Act No 84 of 1977. Prepared by the Office of Legislative Drafting and Publishing (OLDP). Date of Publication 2003-07-25. 56 p.

- 4 Штаты: Виктория (Victoria), Западная Австралия (Western Australia), Квинсленд (Queensland), Новый Южный Уэльс (New South Wales), Тасмания (Tasmania), Южная Австралия (South Australia). Основные территории: Австралийская Столичная Территория (the Australian Capital Territory), Северная Территория (the Northern Territory).
- 5 С 1922 по 1929 г. организация носила название Ассоциация технических стандартов Австралийского Союза (the Australian Commonwealth Engineering Standards Association). С 1929 г. по 1988 г. – Австралийская организация стандартов (the Standards Association of Australia (SAA)). С 1988 г. по настоящее время – Стандарты Австралии (Standards Australia).
- 6 SAI Global Limited – компания, оказывающая консультационные услуги по информационным запросам организаций. SAI Global призвана помочь организациям в управлении рисками, в соблюдении правовых норм, в усовершенствовании и оптимизации работы. Стандарты Австралии совместно с SAI Global через сайт www.saiglobal.com предоставляют потребителям возможность приобретения он-лайн национальных нормативно-методических актов Австралийского Союза, стандартов ISO и ИЕС, а также публикаций самой SAI Global и ряда других организаций, таких как: Американский национальный институт стандартов (*American National Standards Institute (ANSI)*), Американское общество испытания материалов (*American Society for Testing and Materials (ASTM)*), Британский институт стандартов (*British Standards Institution (BSI)*), Немецкий институт стандартизации (*German Institute for Standardization (DIN)*) и прочих.
- 7 About Us; Company History // www.standards.org.au
- 8 Constitution of Standards Australia Limited. Prepared by SA. Date of Adoption 2006-11-22. 20 p.
- 9 В настоящее время «Протокол о намерениях» действует с поправками, внесенными в 2002 г.
- 10 Это требование прописано в «Правилах работы Всемирной торговой организации» (World Trade Organization's Code of Practice).
- 11 Governance & Constitution // www.standards.org.au
- 12 <https://committees.standards.org.au>
- 13 International Organization for Standardization (ISO) [= Международная организация по стандартизации] [Электронный ресурс] // Официальный сайт ISO. – Электрон. данные. – 2008. – Режим доступа: <http://www.iso.org/iso/home.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.
- 14 AS 4390.1-1996 Records Management – General. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 1996-02-05. 7 p.; AS 4390.2-1996 Records Management – Responsibilities. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 1996-02-05. 4 p.; AS 4390.3-1996 Records Management – Strategies. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 1996-02-05. 25 p.; AS 4390.4-1996 Records Management – Control. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 1996-02-05. 10 p.; AS 4390.5-1996 Records Management – Appraisal and Disposal. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 1996-02-05. 7 p.; AS 4390.6-1996 Records Management – Storage. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 1996-02-05. 13 p.

- 15 ISO 15489-1:2001 Information and Documentation – Records Management – Part 1: General. Prepared by ISO/TC 46/SC 11. Date of Publication 2001-09-28. 19 p.; ISO 15489/TR-2:2001 Information and Documentation – Records Management – Part 2: Guidelines. Prepared by ISO/TC 46/SC 11. Date of Publication 2001-09-28. 39 p.
- 16 Следует особо отметить, что на территории Австралийского Союза принята следующая система обозначения наименований стандартов, например: AS ISO 15489.1-2002. Международная организация по стандартизации использует иную схему: ISO 15489-1:2001.
- 17 AS ISO 15489.1-2002 Records Management – General. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2002-03-13. 19 p.; AS ISO 15489.2-2002 Records Management – Guidelines. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2002-03-13. 39 p.
- 18 ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования. М.: ФГУП «Стандартинформ», 2007. С. 19.
- 19 DR 01318 CP Records Management – Part 1: General. Prepared by SA/IT021. Date of Publication 2001-11-02. 6 p.
- 20 DR 01319 CP Records Management – Part 2: Guidelines. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2001-11-01. 6 p.
- 21 ISO 22310:2006 Information and Documentation – Guidelines for Standards Drafters for Stating Records Management Requirements in Standards. Prepared by ISO/TC 46/SC 11. Date of Publication 2006-04-06. 5 p.
- 22 ISO 23081-1:2006 Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 1: Principles. Prepared by ISO/TC 46/SC 11. Date of Publication 2006-01-31. 20 p.
- 23 ISO/TS 23081-2:2007 Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 2: Conceptual and Implementation Issues. Prepared by ISO/TC 46/SC 11. Date of Publication 2007-07-30. 34 p.
- 24 AS ISO 22310-2006 Information and Documentation – Guidelines for Standards Drafters for Stating Records Management Requirements in Standards. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-05-01. 5 p.
- 25 AS ISO 23081.1-2006 Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Principles. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-05-08. 20 p.
- 26 Большая часть нормативно-методических актов Новой Зеландии разрабатывается ее национальным органом по стандартизации – Стандартами Новой Зеландии (*Standards New Zealand*) – совместно со Стандартами Австралии, поэтому зачастую национальные стандарты обоих государств содержат в названии, помимо аббревиатуры AS, аббревиатуру NZS.
- 27 AS/NZS ISO 23081.2-2007 Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Conceptual and Implementation Issues. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2007-09-12. 34 p.
- 28 DR 06019 CP Information and Documentation – Guidelines for Stating Records Management Requirements in Standards. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-01-09. 1 p.

А.С. Голотик

- 29 AS ISO 23081.1-2004 Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Principles. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2004-10-25. 18 p.
- 30 DR 06095 CP Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 1: Principles. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-02-21. 9 p.
- 31 DR 07195 CP Information and Documentation – Records Management Processes – Metadata for Records – Part 2: Conceptual and Implementation Issues. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2007-04-04. 1 p.
- 32 Territory Records Office Standards Australia [= Отдел регистрации земель] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Отдела регистрации земель Департамента по землям и коммунальным услугам Канберры, Австралия. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.standards.org.au/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.
- 33 AS 5090-2003 Work Process Analysis for Recordkeeping. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2003-08-04. 17 p.
- 34 DR 02387 Work Process Analysis. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2002-07-29. 20 p.
- 35 Храпцовская Н.А. Стандарты: полезный инструмент для современного секретаря // Секретарь-референт, 2006. № 11. С. 41.
- 36 AS/NZS ISO 15836-2004 Information and Documentation – The Dublin Core Metadata Element Set. Prepared by SA/IT-019. Date of Publication 2004-07-19. 6 p.
- 37 DR 04216 CP Information and Documentation – The Dublin Core Metadata Element Set. Prepared by SA/IT-019. Date of Publication 2004-04-08. 3 p.
- 38 AS 5044.1-2002 AGLS Metadata Element Set – Reference Description. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2002-12-06. 18 p.
- 39 DR 02023 CP AGLS Metadata Element Set – Part 1: Reference Description. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2002-01-28. 18 p.
- 40 AS 5044.2-2002 AGLS Metadata Element Set – Usage Guide. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2002-12-06. 65 p.
- 41 HB 177-2003 ISO/TR 14105 Electronic Imaging – Human and Organizational for Successful Electronic Image Management (EIM) Implementation. Prepared by SA/MS-004. Date of Publication 2003-05-12. 20 p.
- 42 ISO/TR 14105:2001 Electronic Imaging – Human and Organizational Issues for Successful Electronic Image Management (EIM) Implementation. Prepared by ISO/TC 171/SC 2. Date of Publication 2001-10-18. 20 p.
- 43 AS ISO 19005.1-2006 Document Management – Electronic Document File Format for Long-term Preservation – Part 1: Use of PDF 1.4 (PDF/A-1). Prepared by SA/IT-21. Date of Publication 2006-05-01. 10 p.
- 44 ISO 19005-1:2005 Document Management – Electronic Document File Format for Long-term Preservation – Part 1: Use of PDF 1.4 (PDF/A-1). Prepared by ISO/TC 171/SC 2. Date of Publication 2005-09-28. 29 p.
- 45 AS/NZS ISO 11798-2004 Information and Documentation – Permanence and Durability of Writing, Printing and Copying on Paper – Requirements and Test Methods. Prepared by SA/IT-019. Date of Publication 2004-07-19. 12 p.

- 46 ISO 11798:1999 Information and Documentation – Permanence and Durability of Writing, Printing and Copying on Paper – Requirements and Test Methods. Prepared by ISO/TC 46. Date of Publication 2004-08-24.
- 47 DR 04214 CP Information and Documentation – Permanence and Durability of Writing, Printing and Copying on Paper – Requirements and Test Methods. Prepared by SA/IT-019. Date of Publication 2004-04-08. 3 p.
- 48 AS ISO 18492-2006 Long-term Preservation of Electronic Document-based Information. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-10-24. 18 p.
- 49 ISO/TR 18492:2005 Long-term Preservation of Electronic Document-based Information. Prepared by ISO/TC 171/SC 3. Date of Publication 2005-09-21. 18 p.
- 50 DR 06016 CP Long-term Preservation of Electronic Document-based Information. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-01-09. 1 p.
- 51 AS ISO 15801-2006 Electronic Imaging – Information Stored Electronically – Recommendations for Trustworthiness and Reliability. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-20-24. 38 p.
- 52 ISO/TR 15801:2004 Electronic Imaging – Information Stored Electronically – Recommendations for Trustworthiness and Reliability. Prepared by ISO/TC 171/SC 3. Date of Publication 2007-08-10. 39 p.
- 53 DR 06020 CP Electronic Imaging – Information Stored Electronically – Recommendations for Trustworthiness and Reliability. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2006-01-09. 1 p.
- 54 DR 07194 CP Electronic Imaging – Forms Design Optimization for Electronic Image Management. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2007-04-04. 1 p.
- 55 ISO/TS 12029:2007 Electronic Imaging – Forms Design Optimization for Electronic Image Management. Prepared by ISO/TC 171/SC 2. Date of Publication 2007-08-07. 16 p.
- 56 DR 07196 CP Micrographics – Dimensions for Reels Used for 16 mm and 35 mm Microfilm. Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2007-04-04. 1 p.
- 57 ISO 24537:2007 Micrographics – Dimensions for Reels Used for 16 mm and 35 mm Microfilm. Prepared by ISO/TC 171/SC 2. Date of Publication 2007-03-30. 5 p.
- 58 DR 07264 CP Amendment 1 to AS ISO 19005.1-2006 Document Management – Electronic Document File Format for Long-term Preservation – Part 1: Usage of PDF 1.4 (PDF/A-1). Prepared by SA/IT-021. Date of Publication 2007-05-23. 1 p.
- 59 ISO 19005-1:2005/Cor 1:2007 Document Management – Electronic Document File Format for Long-term Preservation – Part 1: Use of PDF 1.4 (PDF/A-1). Prepared by ISO/TC 171/SC 2. Date of Publication 2007-03-28. 4 p.

Е.М. Емышева

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ 1720 ГОДА КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДОКУМЕНТА

Одной из наиболее ярких черт, характеризующих делопроизводство начала XVIII в., стало усиление организационного аспекта управленческого документа. Статья посвящена анализу основного документа, регламентировавшего систему управления и делопроизводства. Генеральный Регламент стал одним из первых документов, вместившим в себя элементы современных организационных документов: устава, инструкции по делопроизводству, должностных инструкций, правил внутреннего трудового распорядка, этического кодекса госслужащего.

Ключевые слова: генеральный регламент, организационный документ, устав, инструкция по делопроизводству, этический кодекс.

Деятельность аппарата управления определяет характер и развитие документационных процессов. Система документационного обеспечения является отражением этапов становления управленческих форм и методов их реализации, что прослеживается на протяжении всей истории российского государства.

Одной из основных управленческих функций является организационно-правовая, связанная с: созданием, реорганизацией и ликвидацией учреждения; формированием его структуры; определением штатной численности и номенклатуры должностей; регламентацией деятельности подразделений и должностных лиц; установлением режима работы. Эта функция реализуется путем издания организационных документов, таких как устав, положение, регламент, должностная инструкция, правила внутреннего распорядка, этический кодекс.

Впервые целенаправленная работа по созданию организационных документов проводилась в период проведения коллежской реформы Петра I.

Проекты введения коллегиальной системы управления появились уже в конце XVII в. В 1698 г. Фрэнсис-Ли представил свой проект организации новых учреждений царю. Петр обсуждал этот вопрос с Лейбницем и Любрасом. Но важнейший вклад в осуществление административной реформы центрального аппарата внес Генрих Фик. Он поступил на русскую службу в 1715 г. и был командирован в Швецию для изучения опыта работы государственных учреждений. Он подготовил ряд меморий, которые легли в основу коллежской реформы. С 1715 г. царь

Генеральный регламент 1720 г. как опыт создания организационного документа

поручил подыскивать среди иностранцев образованных людей для службы в новых учреждениях. В 1717 г. генералу Л.В. Измайлову было предложено приглашать на работу в коллегиях пленных шведов, посланных в Сибирь. Кроме того, для обучения в Кенигсберг отправили 30–40 молодых подьячих¹.

Прообразом коллегий явилась открытая в Москве в 1699 г. Бурмистерская палата. На нее было возложено управление посадским населением городов России. В ней существовал коллегиальный принцип принятия решений. Присутствие состояло из бурмистров, назначаемых из представителей купечества. Возглавлял работу палаты президент. В 1700 г. палата была преобразована в Ратушу².

Коллежская реформа была проведена в 1718–1720 гг. 11 декабря 1717 г. перед отъездом за границу Петр I издал указ, определявший штаты коллегий. Назначались президенты коллегий, вице-президенты, советники и ассесоры. Президентам предписывалось «с нового года сочинять свои коллегии»³.

Работа реформированного аппарата управления основывалась на жесткой регламентации его деятельности. Структура, порядок работы, постановка документирования и организации работы с документами все решительнее определялись законодательством.

Основным законодательным актом был Генеральный регламент, изданный 28 февраля 1720 г. («Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не только во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданыше поступать имеют») ⁴. В Генеральном регламенте была закреплена система норм и правил деятельности коллегий и ее служащих, коллежского делопроизводства. Один из основателей направления изучения истории делопроизводства К.Г. Митяев сказал, что Генеральный регламент представляет собой «законченную систему норм по документированию внутренней деятельности коллегий и их переписке с другими учреждениями»⁵.

Этот закон послужил прообразом целого комплекса современных организационных документов, определяющих деятельность учреждения. В регламенте можно выделить элементы текста устава, положения о структурном подразделении (канцелярии), должностных инструкций, правил внутреннего распорядка, инструкций по делопроизводству. Кроме того, в регламенте содержится этический кодекс государственного служащего, чему в современном менеджменте уделяется огромное внимание.

Текст Генерального регламента состоит из преамбулы, 56 глав и словаря иностранных слов. Несмотря на огромную содержательную глубину и большое количество рассматриваемых вопросов, документ пока не делится на отдельные разделы и подразделы. Это определяет отсутствие четкой структуры текста. Отсюда определенная «разбросанность» изложения. Например, правила и режим работы коллегии устанавливаются III, VII, IX, X, XII, XVIII главами. В некоторых главах

Е.М. Емышева

освещается несколько взаимосвязанных вопросов. Должностные обязанности канцелярских служащих рассматриваются вместе с вопросами организации работы с документами. В главу XXX «О должности нотариуса» вошло описание секретарских обязанностей, которым специально была посвящена предыдущая глава. Поэтому мы позволим себе условное выделение основных вопросов, рассмотренных этим законодательным актом.

В преамбуле дается обоснование создания органов коллегиального управления. Коллегиальное управление учреждалось для «порядочного управления Государственных своих дел, исправного определения и исчисления своих приходов, поправления полезной Юстиции и Полиции... также для возможного сохранения Своих верноподданных...». Введение новых центральных учреждений, по замыслу авторов, должно было способствовать развитию вооруженных сил, экономики, промышленности и культуры. Генеральный регламент определил, что в систему коллегиальных учреждений вошло 10 коллегий. Это неполный их список, так как к центральным учреждениям относились также Главный магистрат и Духовная коллегия, образованная в 1721 г.

Регламент достаточно подробно определяет структуру коллегии и состав ее членов. Возглавлял коллегию президент. Он председательствовал на заседаниях присутствия. Кроме президента в состав присутствия входили вице-президент, советники и ассессоры (преамбула, гл. VIII). Обычно состав присутствия насчитывал 10 или 11 человек.

Петр придавал большое значение совещательному порядку рассмотрения и решения дел. Такие решения считались гораздо авторитетнее единоличных. Кроме того, царь возлагал большие надежды на то, что коллегии поставят заслон произволу и продажности чиновничества. Были установлены основные принципы принятия коллегиальных решений. Дела решались общим голосованием, и при равенстве мнений решающим оказывалось мнение председателя – президента коллегии (гл. VI).

В структуру каждой коллегии входила канцелярия. Таким образом, регламент определял организационную форму делопроизводства (гл. XVIII). В состав канцелярии входили секретарь, нотариус, переводчик, актуариус, регистратор, канцеляристы, копиисты.

Коллегии имели свои конторы в Москве для управления во второй столице. Вотчинная коллегия, которая находилась в Москве, имела контору в Петербурге. Возглавлял контору камерир. Также там служили унтер-камериры и камор-шрейберы (гл. XLI, XLII).

Президент назначался на должность царем и осуществлял общее руководство коллегией. В отсутствие президента руководство коллегией возлагалось на вице-президента. Следующим по иерархии был старший советник (гл. VII, VIII).

Регламент установил, что вице-президенты, советники и ассессоры назначались на должности Сенатом из нескольких «достойных» кандидатур. Кроме того, кандидатура вице-президента должна была быть одобрена царем. Секретари, камериры, казначеи и нотариусы избира-

Генеральный регламент 1720 г. как опыт создания организационного документа

лись на заседании присутствия коллегии, утверждались Сенатом и получали от царя патент на чин. Другие служители канцелярии и контор назначались на должности присутствием коллегии и от нее же получали патент (гл. XI). Таким образом, закон установил дифференцированную процедуру назначения на государственную службу в центральных учреждениях. Президент имел право возбуждать перед Сенатом вопрос о замене того члена коллегии, который «мало разумен».

Служба в коллегии являлась присяжной должностью. Все чины коллегии давали торжественную присягу, текст которой был включен в I главу Генерального регламента. Чиновники клялись под страхом страшного суда служить «верой и правдой» государю. Немаловажной деталью является то, что в текст присяги вошло перечисление документов, в соответствии с которыми служащие должны были работать. К ним относились: регламенты «Генеральный, так и особый» (т. е. собственный регламент коллегии); инструкции и указы. Под указами подразумевались уже распорядительные документы вышестоящих учреждений. Ссылка на законодательные и нормативно-методические акты является обязательным элементом современных организационных документов.

Регламент четко определил внутренний распорядок деятельности коллегии. Заседания присутствия должно было проходить по понедельникам, вторникам, средам и пятницам. По четвергам президенты коллегии заседали в Сенате. Рабочий день для членов присутствия составлял 5 часов. Но в случаях, не терпящих отлагательств, предусматривалась возможность сбора коллегии или отдельных ее членов для принятия экстренных решений. Служащие канцелярии должны были являться на работу за час до начала заседания, а продолжительность рабочего дня устанавливалась президентом и другими членами присутствия на заседании (гл. III).

Законодательно определялся порядок предоставления отпусков («отдохновения от трудов»). В этом случае и члены присутствия, и канцелярские служители имели равные права. Летом полагалось 4 недели отдыха. При этом особо оговаривалось, что всем членам присутствия нельзя отлучаться одновременно. Освобождались от работы дни с 25 декабря по 7 января, первая и последняя неделя поста, «сырная и светлая недели» (гл. IX).

X глава Генерального регламента детально определила процедуру предоставления свободных дней служащим. Президенты и вице-президенты в случае необходимости получить более 8 свободных дней (кроме оговоренных выше) обращались за разрешением к царю. Другие чиновники просили разрешения на краткие отлучки у президента коллегии. Для продолжительного отпуска всем членам присутствия, секретарям и камерирам требовалось обратиться с письменной просьбой в Сенат. Без разрешения никому не позволялось покидать место службы. За несвоевременную явку после отпуска без уважительных причин на нарушителей налагался денежный штраф: «вычесть из жалованья за каждый день по неделе, а за неделю по месяцу».

Следует обратить внимание на то, что закон запрещал заниматься служебными делами вне коллегии. Под угрозой лишения полумесячного жалования запрещалось обращаться к чиновникам в нерабочее время дома. Ни при каких обстоятельствах заседание присутствия не могло проходить вне специального помещения коллегии. Президент в случае болезни или по другим уважительным обстоятельствам мог пригласить к себе домой секретаря коллегии или нотариуса и через них передать свое мнение по обсуждаемому вопросу или вызвать нужного члена присутствия (гл. XVIII).

Специальные требования предъявлялись и к устройству помещений коллегии. В комнате для заседаний («каморе аудиенции») должны были лежать дорогие ковры, стол покрывался «добрым» сукном. Стол ставился посередине комнаты, над ним вешался балдахин. На стену вешались часы. Для каждого члена присутствия ставилась чернильница с необходимыми для письма принадлежностями. Справа ставился секретарский стол, а слева протокольный стол для нотариуса. Оговаривалось, что специальный трон для царя можно было ставить только в тех коллегиях, где он сам будет президентствовать (гл. XVIII). Впоследствии присутственный стол в коллегии украсило «зерцало» – треугольная призма с печатными текстами указов: от 17 апреля 1722 г. – «о хранении прав гражданских»; от 21 января 1724 г. – «о поступках в судебных местах»; от 22 января 1724 г. – «о государственных уставах». «Зерцало» должно было напоминать чиновникам и просителям о законности. Для президента в коллегии полагалась специальная «камора».

В канцелярии собственный стол полагался секретарю, переводчику, актуариусу и регистратору. Допускалось сажать за один стол канцеляристов и копиистов. Все столы должны были быть покрыты сукном. Столы изготавливались таким образом, чтобы у всех служителей канцелярии был свой ящик, запирающийся на замок. Регламент запрещал размещать рабочие столы в приемных «прохожих» комнатах, чтобы «от челобитчиков помешательства не было» (гл. XL). Эти же требования предъявлялись к оборудованию контор.

В каждой коллегии должны были быть две приемные «каморы» для того, чтобы «люди знатного характера (или чина) от подлых различны были». В приемной для знатных посетителей ставилась лавка, обитая сукном. Знатные посетители могли ожидать решения своего вопроса сидя. В «прихожих каморах» для простых посетителей лавки не ставились (гл. XLVII).

Большое внимание уделялось в Генеральном Регламенте этическим нормам управления. Глава XXI предписывала служащим коллегии и посетителям «с надлежащим почтением» приступать к делам, запрещала входить в зал заседания коллегии без предварительного доклада вахмистра. Стул в зале заседаний предлагался только лицам, имевшим чины от полковничьего и выше. Недопустимы в коллегии были «непотребные и праздные слова и смех». За каждое нарушение этих правил полагался штраф в 50 рублей. От посетителей также требовалось почтительное отношение к коллегии и к ее чиновникам. Никто не мог «ругательным словом коллегии касаться». Виновные в подобных нару-

Генеральный регламент 1720 г. как опыт создания организационного документа

шениях могли быть наказаны телесно, лишением имени и чести. Несогласным с решением заседания коллегии предлагалось просить надлежащим способом ревизии у царя, не высказывая непочтения к учреждению и его чиновникам (гл. LV).

Чиновники вставали при прибытии на место президента и при его проходах, но встречать и провожать его до выхода было не обязательно (гл. XXIV).

Категорически запрещалось в помещениях коллегий и контор наказывать за «тяжкие вины» или казнить виновных: «сие респекту привилегированного и освященного места весьма противно есть». Но для телесных наказаний и смертных казней должно было быть отведено специальное публичное место, чтобы они могли послужить наглядным уроком для всех наблюдателей (гл. XLVII).

Особое место занимает в этическом кодексе закона глава LIV Высочайшей добродетелью чиновника провозглашалось его верное служение царю. Подчиненные должны были проявлять послушание в отношении вышестоящих чинов. В то же время от высших чинов коллегии требовалось уважительное отношение к остальным служителям, «чтоб наипоследние служители в коллегии непристойным поступком, побоями и другим непорядочным образом, но по приговорам и правам содержаны трактованы были...».

Закон предполагал возникновение определенной корпоративности, единения государственных служащих на благо царя и Родины.

Генеральный Регламент определял должностные обязанности чиновников коллегии. Президент осуществлял «генеральную и верховную дирекцию», председательствовал на заседаниях присутствия. Во время отсутствия его замещал вице-президент. Ассессоры и советники по очереди высказывали свое мнение по обсуждаемым вопросам. Члены присутствия должны были подписывать протокол и составленные на его основе документы. Детальное закрепление распределения обязанностей членов присутствия предполагалось в индивидуальных регламентах коллегий и инструкциях (гл. VIII).

Четко устанавливались обязанности канцелярских служащих. Возглавлял канцелярию секретарь, на котором лежала ответственность за работу с документами, подготовку дел к слушанию. Он докладывал дело с соответствующими выписками из законов на заседании коллегии (гл. XXIX). Нужно отметить, что в Регламенте было названо две секретарские должности: секретарь – руководитель канцелярии и секретарь – личный помощник президента. Личный секретарь подчиняется только руководителю коллегии и выполняет его поручения, а «до коллегии дела не имеет» (гл. XVII).

Обязанности нотариуса заключались в документировании заседания присутствия коллегии. Для ведения сложной системы регистрационных форм был установлен специальный регистраторский чин. Актуариус отвечал за сохранность документов.

Перепиской документов занимались канцеляристы и копиисты (гл. XXX–XXXV).

Е.М. Емышева

В петровское время на государственную службу приглашалось много иностранцев, стала более активной международная жизнь. Поэтому для устных переводов в коллегиях существовали толмачи, а для письменных – переводчики.

Вахмистр исполнял обязанности привратника, следил за наличием приборов, необходимых для письма, его присутствие было обязательным для простановки печатей на документах. Кроме того, предписывалось иметь специальных канцелярских слуг для выполнения курьерских обязанностей, поддержания порядка и тепла в помещениях коллегии и охраны в ночное время (гл. XLVI).

Регламент определял даже правила взаимозаменяемости служителей канцелярии. Например, актуариус и регистратор могли замещать друг друга (гл. XXX).

Достаточно подробно описан порядок деятельности контор и обязанности камерира и камор-шрейберов. Камерир «под высшим надзором коллегии» руководил конторскими служащими, вел переписку с коллегией. Каждый из камор-шрейберов вел свою регистрационную книгу. Книг было шесть, но Регламент предлагал коллегиям, имеющим конторы, подготовить специальные регламенты и инструкции о количестве и составе учетных форм, о порядке работы с ними (гл. XLI–XLIII).

Специальная глава Регламента посвящалась необходимости обучения молодых людей при канцелярии. Обучением должен был руководить секретарь коллегии. Предполагалось обучать письму, арифметике и «всем делам», т. е. порядку работы учреждения. Именно из наиболее достойных учеников предполагалось замещать освобождающиеся вакансии. Закон подчеркивал, что единственным способом для достижения высших чинов является прохождение всех ступеней канцелярской работы: «ибо кроме сего пути никто в высший градус и до Министерского чина произведен быть не может». Устанавливалась другая важная, пережившая века норма, запрещающая всем членам одной фамилии быть только в гражданской или в военной службе.

Генеральный Регламент требовал от чиновников неукоснительного соблюдения законов. Предусматривалась целая система наказаний за должностные преступления, за нарушение государственных интересов (видимо, с учетом склонности русских чиновников к взяточничеству и казнокрадству). Наказания за серьезные должностные преступления полагались весьма суровые: смертная казнь, вечная или временная ссылка на галеры, полная или частичная конфискация имущества, лишение чина, денежные штрафы.

Серьезными должностными преступлениями считались нарушения правил документирования и работы с документами. К ним относились: хищение или вынос на время из коллегии документов, неправильное составление документов с умыслом, искажение их содержания, неисполнение указов, подделка документов, разглашение тайных дел (гл. L). За верную же службу полагалось «во Всемилоствивейшей памяти содержать и по заслугам награждать».

Генеральный регламент 1720 г. как опыт создания организационного документа

Особая ценность Генерального Регламента состоит в том, что он не ограничился перечислением должностных обязанностей чиновников, установил и технологию работы с документами. То есть с принятием этого закона не только устанавливались определенные управленческие нормы и правила, но и предпринималась попытка научить новым способам и приемам работы.

Вопросам технологии делопроизводства отведено такое важное место в основном законодательном акте административной реформы потому, что работа с документами отождествлялась с самой управленческой деятельностью. Поэтому вопрос о том, как работала коллегия, следует рассматривать через призму того, как коллегия работала с документами.

Регламент включил в себя описание всех делопроизводственных процессов: от момента получения или создания документа до его отправки адресату и передачи на хранение. Впервые в законодательстве не только нашли отражение, но и были установлены правила регистрации документов, контроля сроков исполнения, организации архивного хранения.

Одним из ключевых вопросов Регламента стало определение норм документирования управленческой деятельности. Глава II законодательно установила требование обязательного документирования организационно-распорядительной деятельности. Закон безусловно требовал «указы в Сенат и в коллегии, также и из Сената в коллегии отправлять письменно, ибо как в Сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не надлежат».

Генеральный Регламент упорядочил употребление наименований новых видов документов, причем прослеживается стремление классифицировать применяемые виды документов и документопотоки.

Законодательный и распорядительный характер носили указы царя и Сената. В Генеральном Регламенте уже прослеживается тенденция усиления управленческой функции указа как распорядительного документа, направляемого из вышестоящего учреждения в учреждения административно подчиненные. Из текста VI главы видно, что коллегии также могли являться авторами указов: «отправляемые указы только прилучившимся в коллегии подписывать».

Регламенты и инструкции тоже могли быть законодательными документами, но их авторами могли быть и сами коллегии. Кроме распорядительного аспекта, предписывающего совершить то или иное действие, в этих документах присутствуют и организационные начала: каким образом следует выполнить то или иное решение.

Важнейшее место в коллежском делопроизводстве занял протокол, в котором отражался весь ход принятия коллегиального решения.

Корреспонденцию составляли реляции, рапорты, доношения, экзекуции. В Регламенте употреблялся и термин «письмо», но скорее не как вид документа, а как обобщающее слово для всех видов переписки, существенно зависящих от иерархии учреждений (гл. XIV). «Грамота», самый распространенный вид документов до XVIII в., официально сохранился в дипломатической переписке.

Е.М. Емышева

Генеральный регламент переименовал жалованные грамоты в дипломы, а жалованные грамоты на чин получили название патентов (гл. XI).

Регламент определил состав и содержание внутренних документов, связаных с делопроизводственной технологией. К ним относились журналы, книги, реестры.

Каждая коллегия должна была иметь «ландкарты (или чертежи), содержащие описание государственных территорий» (гл. XLVIII).

Так как многие наименования новых видов документов были заимствованы из иностранных языков, к Регламенту прилагался словарь «Толкование иностранных речей, которые в сем Регламенте». Кроме определения конкретных видов документов, там были и определения, относящиеся к процессам документирования в целом. Термин «документ» был определен как «доказательное письмо», «формуляр» – как «образец».

Требования к составлению и содержанию документов проходят через все содержание Генерального Регламента. Закон требовал объективного, обстоятельного и достоверного изложения вопроса в документах – как получаемых, так и отправляемых коллегией. Также авторам документов следовало излагать свои мнения и выводы (гл. XIV). Наиболее важные документы составлялись секретарем коллегии, остальные – канцеляристами, но по указанию и под контролем секретаря. Утверждается практика составления документов по типовым формам – «генеральным формулярам». По таким формулярам канцеляристы изготавливали патенты, дипломы и «прочее» (гл. XXXIV).

Основным внутренним коллегиальным документом стал протокол. Регламент установил требования к его содержанию. Нотариус начинал протокол с указания даты заседания и присутствующих на нем членов присутствия: «прежде подлежит вверх листа год и число написать, потом присутствующие члены написать, и потом протокол держать». В зависимости от важности обсуждаемого вопроса протокол мог быть кратким или «пространным». В протокол включались выписки документов, которые получались или «отпускались» коллегией. Документ должен был отражать ход обсуждения вопроса, поэтому в него включали особые мнения, фиксировали, «когда члены в голосах не согласны» (гл. XXX).

Подробно описывались в законе правила удостоверения документов. Для придания юридической силы документу протокол должен был быть подписан всеми членами присутствия. Документы, составленные на основе принятых решений, подписывались членами коллегии, находящимися на месте. Кроме подписи на документах должна была ставиться скрепа секретаря коллегии. Она свидетельствовала о правильности составления документа и соответствии его закону. Переводчик был обязан подписывать переведенные им документы (гл. VI, XXIX, XXX, XXXI).

XIII глава Генерального Регламента устанавливала порядок использования печатей.

Генеральный регламент 1720 г. как опыт создания организационного документа

Государственная печать, которой удостоверялись грамоты, направляемые иностранным государствам, хранилась в коллегии иностранных дел. Законодательные акты удостоверялись печатью, находившейся в Сенате. Документы, связанные с доходной и расходной частями казны, удостоверялись в Камор и Штатс-Контор коллегиях. В Адмиралтействе печать ставилась на документы, связанные со сбором пошлин.

В остальных коллегиях были печати с изображением царя и наименованием самой коллегии. За сохранность печати отвечал секретарь. Печать проставлялась при обязательном свидетельстве вахмистра.

Огромное значение Генерального Регламента состояло в стремлении законодательно закрепить передовую для того времени технологию работы с документами. Этот документ стал первой инструкцией по делопроизводству, призванной научить новым навыкам управленческой деятельности. В нем нашли отражение все вопросы, связанные с работой с документами: организация рационального документооборота, порядок рассмотрения документов, создание информационно-справочной системы, хранение документов.

Документы от царя и Сената мог распечатывать только президент. Документы из других коллегий и из провинций раскрывал «кто первый по президенте». Затем документы передавались секретарю (гл. XVI).

Секретарь на всех поступивших документах должен был указывать дату поступления и номер документа. Это имело большое значение при определении очередности слушанья дела. Обязанностью секретаря была подготовка документов к слушанью. От того, как подготовил секретарь доклад к слушанью, на какие законы он сослался, во многом зависело решение присутствия коллегии (гл. V, XXIX).

На заседаниях коллегии секретарь делал доклад. Сначала докладывались дела государственные, связанные с казной, а затем частные («приватные»). Секретарь нес ответственность за соблюдение очередности. Вне общего порядка рассматривались дела чрезвычайные и срочные, «которые остановки иметь не могут». Нарушение порядка рассмотрения дел грозило секретарю штрафом. Как уже говорилось, ход заседания фиксировался нотариусом в протоколе. После принятия решения документ должен был быть исполнен. Ответный документ на основании протокола готовил сам секретарь (по наиболее важным делам) или давал указание канцеляристам. Затем ответный документ подписывался присутствующими членами коллегии и скреплялся секретарем. Канцелярист запечатывал документ и канцелярский слуга относил его на почту, а черновики в качестве отпусков оставались в коллегии (гл. XXIX, XXX, XXXIV, XLVI).

XV глава Генерального Регламента содержит очень важную норму, определившую бесплатную пересылку коллежской корреспонденции: «Все пакеты и письма, которые из коллегии в провинции за его Царского Величества определенной печатью, також и из провинции за Губернаторскою или Воеводскою печатьми в Коллегии... отправляются на почте, имеют на генеральном и на всех других почтовых дворах приняты и сохранно в надлежащие места отправлены быть безденежно».

Е.М. Емышева

Регламент огромное внимание уделил вопросам регистрации «полученных» и «отпущенных» документов. Основной целью регистрации были учет и обеспечение сохранности документов. Были установлены методика регистрации документов, состав регистрационных форм, правила их заполнения. Кроме того, делалась попытка связать в единую технологическую цепочку процесс регистрации, контроля исполнения и справочной работы по документам. При регистрации проводилась систематизация документов, так как для разных групп предусматривались свои регистрационные книги. Регистрация сопровождала документы в течение всего процесса производства дел.

Для регистрации документов в коллегии учреждался особый чин коллежского регистратора. XXXIII глава закона поэтапно устанавливала процесс регистрации документов в коллегии.

Прежде всего предусматривалась общая регистрация всех дел, рассматриваемых в коллегии. Для этого предназначался журнал «повседневная записка». В нем «по алфавиту, числу и месяцу» записывалось краткое содержание всех дел с указанием имен, в них упоминавшихся, а также «место к кому и куда дело послано». Повседневная записка велась на основе «концептов всего года», т. е. указов или доношений, являвшихся конечным итогом рассмотрения дел. Все это делало повседневную записку основным пособием при наведении справок о всех делах, рассмотренных в коллегии, а также инструментом контроля их исполнения.

Для учета документов в коллегиях велись четыре книги: «А» и «В» служили для регистрации исходящих документов, «С» и «D» – для входящих.

В книгу «А» вносились тексты писем, реляций, докладов, посланных из коллегии на имя царя и Сената, а в книгу «В» – дела, инструкции, дипломы, патенты, посланные из коллегии другим учреждениям и лицам. Под руководством регистратора копиист вносил в эти книги полный текст таких документов с указанием их даты и фамилий лиц, их подписавших.

В книгу «С» вносились указы, полученные коллегией от царя и Сената. Они располагались в хронологической последовательности и снабжались специальным реестром. Все это переплеталось вместе и приобретало форму книги.

Документы, полученные от других корреспондентов, располагались по провинциям в хронологической последовательности, к ним составлялся реестр. Затем эти материалы переплетались за год, и получалась книга «D» регистратуры. В реестре дела регистрировались в хронологической последовательности, с указанием «коллегий и провинций, откуда дела были присланы», благодаря чему необходимую справку о деле можно было получить и по книге «D», и по журналу «повседневная записка». Таким образом, «повседневная записка» служила указателем к регистратуре.

Нотариус должен был ежемесячно сшивать и готовить специальный алфавитный реестр с «содержанием дел и персон», который при

Генеральный регламент 1720 г. как опыт создания организационного документа

переплете вкладывался первым листом (гл. XXX). Специальные реестры дел, законченных производством, вел и актуариус. При выдаче дела с хранения готовилась квитанция, которая уничтожалась при возврате (гл. XXXII).

Проблема контроля над деятельностью коллегии ставилась автором закона чрезвычайно остро. Каждой коллегии предписывалось иметь своего фискала, который был обязан надзирать за соблюдением законов и инструкций. Об обнаруженных нарушениях он докладывал президенту коллегии. При этом Регламент требовал обосновывать обвинения и «никого безвинно в подозрение не вводить». Если в нарушениях уличался президент, об этом следовало доложить генеральному фискалу (гл. XLV).

Осуществляя «генеральную дирекцию», надзор за ходом дел в коллегии осуществлял президент. Однако Генеральный Регламент уже включил в состав функций, присущих канцелярии, контроль сроков исполнения документов и качество их подготовки.

В VI главе устанавливались сроки исполнения указов. Если дело не требовало сбора дополнительных справок, его следовало исполнить за неделю. Если для решения вопроса возникала необходимость собрать дополнительные сведения, вступить в переписку с провинциями, устанавливался срок в один месяц. При невозможности решить вопрос в месячный срок необходимо было подготовить документ с указанием причин задержки. Срок исполнения мог быть в этом случае увеличен (и составить не более шести недель). Решение вопросов по челобитным по закону должно было выноситься «как возможно» скоро, но не позднее шести месяцев с момента поступления. За неисполнение указов предусматривалось строгое наказание: «под наказанием смертным, или ссылкой на галеры, и лишением всего имения по силе дела и вины». За волокиту при решении частных дел с виновного за каждый день свыше шестимесячного срока взимался штраф в 50 рублей, если не был причинен ущерб. При нанесении ущерба сумма штрафа возрастала в два раза.

Для контроля исполнения служили росписи, которые составлялись нотариусом и секретарем. В одной росписи, которую вел нотариус, перечислялись дела, назначенные к слушанию, отмечались дела, еще «не вершенные». Эта роспись лежала во время заседания перед президентом и поэтому называлась «настольным реестром». Секретарь отмечал, кому из чиновников канцелярии передавалось дело после вынесения решения. Таким образом создавалась роспись дел, которые «вершены, но не исполнены действием». Другая роспись велась на «вершенные и исполненные дела». Копия этих росписей вывешивалась на всеобщее обозрение (гл. XXIX, XXX).

Специальная (XLIV) глава Регламента была посвящена архивному хранению документов. В ней предусматривалось создание целой системы архивов. В канцеляриях и конторах документы должны были храниться три года. Это составляло текущие архивы. После этого срока, документы, кроме тех, которые оставались в канцеляриях для справок

Е.М. Емышева

(уставы, регламенты, книги), должны были сдаваться актуариусу в архив коллегии.

Предполагалось и создание государственных архивов. Для хранения документов, не касающихся «приходу и расходу», должен был быть создан архив при коллегии иностранных дел. Документы по учету доходов и расходов должны были храниться в Ревизион-коллегии. Однако осуществить создание государственных архивов не удалось⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что организация системы управления и его документационного обеспечения с начала XVIII в. существенно отличалась от предыдущего периода. Стремление законодательного закрепления административных норм прослеживалось и в допетровский период. В Судебнике 1550 г., в Соборном Уложении 1649 г., актах местного управления содержались отдельные правила, связанные с документированием управленческой деятельности, вопросами удостоверения документов, обеспечения их сохранности. Но эти нормы основывались на устойчивых традициях и не устанавливали организационной структуры, задач, функций, прав и обязанностей учреждений и чиновников, служащих в них. Процесс документирования в законодательных актах этого периода в основном рассматривался с точки зрения осуществления документом его правовой функции. Характер организационных документов носили наказные памяти, которые выдавались воеводам при отъезде их к месту службы на места. Но они носили частный характер, не влияющий на осуществление процесса управления в целом.

Перестройка системы управления в первой четверти XVIII в. явилась результатом интенсивной законодательной деятельности. Кабинет Петра I, представлявший его личную канцелярию, выполнял большую работу по документированию законодательного процесса. Поискам наиболее совершенных форм законодательных актов уделялось большое внимание. Царь сам принимал активное участие в редактировании документов.

Многие из законодательных актов затрагивали вопросы управления и организации делопроизводства. Создавалась система высших, центральных и местных органов управления с четко установленной законом структурой, компетенцией, коллегиальной формой деятельности. В своей деятельности учреждения и должностные лица руководствовались документами, носящими организационный характер: уставами, регламентами, инструкциями. Генеральный Регламент обобщил предыдущий опыт и создал единые правила, по которым работали центральные и подчиненные им учреждения. Делопроизводство в Генеральном Регламенте было представлено как законченный технологический процесс создания и обработки документов, их регистрации, организации справочной службы, контроля исполнения. Устанавливались правила систематизации документов и организации их архивного хранения. Таким образом, Генеральный Регламент стал прообразом документов, составляющих организационно-методическую базу современных учреждений.

- 1 *Брикнер А.Г.* История Петра Великого [Репринтное воспроизведение с издания А.С. Суворина 1882 г.]. М.: ТЕРРА, 1990. С. 594–596.
- 2 ПСЗ. Собрание первое. Т. III. № 1674, 1683.
- 3 ПСЗ. Собрание первое. Т. V. № 3128.
- 4 ПСЗ. Собрание первое. Т. VI. № 3534.
- 5 *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР. М.: МГИАИ, 1959. С. 43.
- 6 *Илюшенко М.П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. С. 49.

С.А. Пронина

ОТРАЖЕНИЕ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКУМЕНТАХ XIII–XVII ВЕКОВ

Статья посвящена вопросам появления и развития видов распорядительных документов в России в XIII–XVII вв. Процесс их формирования показан в тесной взаимосвязи с процессом складывания русского централизованного государства. При этом документы представлены как основной инструмент реализации распорядительной деятельности органов власти государства. Также в статье определены основные виды распорядительных документов с момента их появления до конца XVII в., дан короткий анализ каждого вида. Указано, с какой целью издавался документ, кем издавался, для кого предназначался. Выявлены особенности формы данных документов и их структуры. Особое внимание уделено распорядительной формуле, проведены аналогии с современными распорядительными документами. Кроме того, затронуты вопросы нормативного характера некоторых видов распорядительных документов. В конце статьи даны предпосылки развития распорядительных документов в последующие века.

Ключевые слова: распорядительные (деятельность и документы), грамота (указная), указы, приговоры, протоколы.

Распорядительный документ является одним из основных понятий в документоведческой науке. Система распорядительной документации представляет собой главный инструмент современного управления.

С юридической точки зрения распорядительные документы являются правовыми актами, в которых отражаются конкретные юридические властные предписания субъектов управления. Сфера действия их необычайно широка и имеет сложную многоуровневую структуру, в которую включены правовые акты федерального уровня, правовые акты, действующие на уровне субъектов РФ, правовые акты организаций, учреждений, предприятий. Такое широкое применение обусловлено основным значением распорядительных документов (регулирование и координация деятельности любой системы управления).

Сложноорганизованность и многоуровневость современных систем управления на первое место ставит задачу упорядочивания использования распорядительных документов.

Решение этой задачи связано с изучением процесса исторического формирования системы распорядительной документации, складывав-

Отражение распорядительной деятельности в документах XIII–XVII вв.

шейся веками, прошедшей множество этапов селекции, основанных исключительно на практическом опыте.

Появление и развитие распорядительных документов во многом связано с процессом складывания государства, так как именно в государстве должен был появиться документ, с помощью которого власть распоряжалась и реализовывала свои властные полномочия.

Уже на этапе феодальной раздробленности, когда каждая земля становится административной единицей, появляется служилая бюрократия. Все виды имеющихся на тот момент документов получили общее название – грамоты. Однако в большинстве своем эти грамоты регулируют вопросы собственности, наследования, правовые и судебные вопросы.

С момента образования московского централизованного государства появляются документы, которые все более имеют характер распоряжения.

К одному из самых ранних видов распорядительных документов можно отнести **жалованную грамоту**.

Появившись еще в XIII в., она просуществовала вплоть до начала XVIII в., претерпевая незначительные изменения. Правом издавать жалованные грамоты обладали князья (позже цари), митрополиты, игумены монастырей.

Характерной особенностью этого документа является наличие двух явно выраженных частей. В первой идет указание на пожалование кому-либо чего-либо; во второй – связанные с этим пожалованием указания выполнить какие-либо управленческие действия. Именно вторая часть и придает жалованной грамоте характер распорядительного документа. Явно выделяются эти две части в царской жалованной грамоте Троицкому Сергиеву монастырю: «Се яз Царь и Великий Князь Федор Иванович всея Руси пожаловал есми Живоначальные Троицы Сергиева монастыря соборного старца Варсунофья Якимова... велел ему к той пустыньке тот луг Конюшь-остров дати... и денежного есмя оброку... впредь имати не велели...»¹.

Нужно также отметить, что есть жалованные грамоты, не содержащие никаких указаний, а только фиксирующие выражение воли – пожалование. Например, «жалованная данная грамота верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Ферапонтова монастыря игумену Герману на лес по реке Сусле, с отводом»².

Таким образом, не все жалованные грамоты могут безоговорочно называться распорядительными документами.

Вслед за жалованными грамотами появляются **указные грамоты** или **царские грамоты**.

Традиционно в опубликованных источниках исследователи разделяют эти два вида грамот, однако изучение их структуры и функционального назначения показывает, что эти документы могут относиться к одному виду.

Указные грамоты появились приблизительно одновременно с жалованными грамотами и по сути имели схожее с ними содержание.

С.А. Пронина

Однако постепенно указные грамоты обособливаются в отдельную разновидность грамот, имеющих распорядительное содержание.

В сравнении с жалованными указные грамоты, несомненно, имеют больше сходства с современными распорядительными документами.

В начале грамоты традиционно идет описание сути вопроса (все чаще описание становится кратким, а не подробным, как в жалованной грамоте), затем указание, кому и что сделать. Структура текста в указных и царских грамотах имеет следующий вид: «От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Белоозеро... поселскому, и старостам... Бил ми челом Кирилова монастыря игумен... а сказывает: вступаются де в них в монастырские земли... староста со крестьяны... И вы б, старосты... и поселской... у игумена в те земли не вступались... ни сен бы есте з пожен не возили...»³.

Тесная смысловая взаимосвязь указных грамот с жалованными проявляется в том, что в некоторых из них идет прямо в тексте упоминание жалованной грамоты, в связи с которой в указной грамоте прописываются некоторые властные предписания, – как, например, в «царской грамоте о ненарушении суда и расправы, принадлежащих Митрополитам Новгородским по жалованным грамотам Новгородскому Софийскому Собору»: «И мы... велели митрополичьих его приказных людей и дьяков, и детей боярских... во всяких исцовых исках ведать и судить... Афоню Метрополиту, по прежним жалованным грамотам...»⁴.

Встречаются также указные грамоты «о ненарушении жалованной грамоты».

Таким образом, указная грамота в этом случае представляла собой выделенную в отдельный документ распорядительную часть жалованной грамоты.

Характер распорядительного документа придает указной грамоте и тем, что в тексте ее достаточно часто можно встретить указание на срок или момент начала управленческого действия.

К примеру, в указной грамоте 9 марта 1654 г. Шуйскому воеводе Петру Овцыну встречаем такую формулировку: «И как к тебе ся наша грамота придет и тыб... велел промышлять без откупу и безоборочно»⁵ – т. е. с момента получения грамоты необходимо начать выполнение управленческого действия, указанного в грамоте.

Однако несмотря на наличие этих элементов текста, характерных для распорядительных документов, ни жалованные грамоты, ни указные грамоты нельзя назвать такими документами в современном понимании этого слова.

В первую очередь это связано с тем, что эти документы регулировали, как правило, вопросы собственности или частных привилегий. Соответственно целью этих документов не было издание непосредственно какого-то властного распоряжения. Они издавались в связи с вопросом пожалования чего-либо кому-либо или закрепления каких-либо прав и привилегий, т. е. наличие распорядительной части не было обязательным условием для жалованных или указных грамот.

Отражение распорядительной деятельности в документах XIII–XVII вв.

Значительно более похожим на современные распорядительные документы можно считать **наказ**, или **наказную память**. В словаре видов и разновидностей документов между двумя этими понятиями ставится знак равенства.

Наказ – один из наиболее распространенных видов документов, наказы можно встретить в большом количестве практически в любом сборнике опубликованных актов.

Наказы издавали цари, воеводы, митрополиты, патриархи.

По признаку авторства также различаются губные, соборные наказы, наказы из приказа.

Круг должностных лиц, которым предназначались для исполнения наказы и наказные памяти необычайно широк.

Анализ опубликованных источников показывает, что чаще всего наказы адресовались воеводам, приказным людям, думным дьякам, боярам, князьям. Однако встречаются и такие, в названии которых упоминается конкретное должностное лицо, которому необходимо выполнить то или иное указание, например, московский пушкарь, «разсылщик», стрелецкий голова, стольник. Также встречаются наказы и наказные памяти попу, слуге Иверского монастыря, «гостю».

Очевидно, что наказы использовались именно как некая общая форма распоряжения, не носящая при этом характер закона.

Первые наказы появились в конце XV – начале XVI вв., однако активно использоваться они стали лишь с начала XVII в.

Характерной особенностью наказов является большое количество глаголов, отвечающих на вопрос «Что сделать?».

Например, в «наказе Вяземскому воеводе князю Ивану Федоровичу Хованскому с товарищами»:

«Лета 7127 марта в 30 день. Государь, царь и великий князь Михаил Федорович вся Руси велел воеводе князю Ивану Федоровичу Хованскому да дьяку Ивану Остапову... *ехать* на государеву службу в Вязьму тотчас не мешкая, а приехавши *взять* ключи городовые и острожные... и государев наказ... и государевы указные грамоты о всяких государевых делах... и списки дворян и детей боярских... да по тем спискам... людей *пересмотреть*. Да *осмотрети* тотчас около города и острогу всяких крепостей и *сметить*... сколько на острожную поделку надобно леса... а сметя, тому всему *прислать* ко государю роспись, а на лес охочих людей *велеть* наймовати...»⁶.

Эта форма глаголов используется в современных распорядительных документах для перечисления управленческих действий.

К примеру:

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Утвердить штатное расписание;
2. Внести изменения в трудовые договора;
3. Ознакомить сотрудников

Таким образом, мы видим, что наказы уже имеют самое непосредственное сходство с текстом современных распорядительных документов.

С.А. Пронина

А указание «тотчас не мешкая» – это, по сути, есть указание, в какой срок нужно выполнить распоряжение.

Вне зависимости от того, кто являлся автором, указы имели достаточно устойчивую форму.

Указы, издаваемые непосредственно царем, занимают пограничное положение между законом и распорядительным документом.

Однако, если указы можно скорее отнести к распорядительным документам, то следующие два вида – указ и приговор – ближе именно к закону.

Чем более развитым становится русское государство, тем отчетливее становится перевес для некоторых видов документов в сторону нормативного характера.

Промежуточное положение этих видов документов является одной из основных проблем отнесения их к распорядительным документам.

Первые **указы** появились с XVI в. Издавались они в основном от имени государя, однако были и те, которые издавали главы церковной власти, к примеру, митрополит.

В связи с принципом, который вплоть до Петра Первого просуществовал в русском государстве, когда многие вопросы решались непосредственно самим государем, многие документы царя издавались как по общегосударственным, так и по частным вопросам.

Понятно, что во втором случае распоряжения царя не носили нормативный характер.

Однако в любом случае царские указы поступали в приказы, в которых подшивались в указы книги, которые по своей сути были дополнительными статьями к судебникам и соответственно частью некоего кодекса, свода законов.

О том, что указы имели более нормативный характер, говорит и структура этого документа.

В отличие от указных или царских грамот, в которых четко прослеживается распорядительная формула «от царя и великого князя... воеводе нашему... велел», далее – указание «что сделать», в указах чаще всего нет точного указания, кому адресован документ, есть только общее распоряжение, волеизъявление государя. Например, указ 1577 г. «о быти головам на поле на прежних местах»: «Лета 7085 марта – государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси указал, а велел послати на поле голов для береженья от приходу воинских людей ...»⁷. Это – достаточно короткий документ, без предшествующей части, в которой традиционно дается выписка из челобитной или письма должностного лица с указанием каких-либо фактов, без росписи конкретных действий, которые необходимо предпринять, – только факт указания.

Таким образом, указы – это документы, которые можно назвать распорядительными лишь в широком понимании этого слова, исходя только из неравенства политических субъектов.

Приговор является также одним из наиболее спорных видов распорядительных документов.

Отражение распорядительной деятельности в документах XIII–XVII вв.

Долгое время приговор не существовал в виде самостоятельного вида документа, а представлял собой составную часть распорядительной формулы документа, издаваемого коллегиальным органом.

Наиболее ранний оформившийся коллегиальный орган власти, не считая веча, – это боярская дума. Появление приговоров традиционно связывают с обширной законотворческой и распорядительной деятельностью думы.

До нас боярские приговоры дошли в виде извлечений из записных книг приказов либо в качестве помет о боярском приговоре на докладных выписках.

Скорее всего приговор был внутренним документом боярской думы, «протоколом» на основании которого создавались распорядительные документы, поступающие в приказы и оседающие там в виде новоуказных статей к судебнику или в виде записей в указных книгах.

Следует различать следующие распорядительные формулы в приговорах:

1. *«По государеву цареву и великого князя приказу (указу) боярин с детьми боярскими (все бояре, боярин с товарищи) приговорили».*

Например, «боярский приговор о лазутчике Ивашке Квашнине...»: «186-го году мая в 23 день, по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича... бояре, слушав сей выписки в передней, приговорили: ...»⁸.

2. *«Боярин да князь и все бояре (боярин и дьяк) приговорили».* Например, «приговор бояр князей Бельского, Мстиславского, Воротынского и друг., о Путивльском станичным головам и боярским детям проезжих денег за изрон»: «Лета 7079 марта в 6 день бояре князь Иван Дмитриевич Бельской да князь Иван Федорович Мстиславский... и все бояре приговорили: ...»⁹.

3. *«Великий государь царь и великий князь указал и бояре приговорили».* Например, «царский указ с боярским приговором, об отобрании у жильцов утаенных ими поместий и вотчин...»: «185-го июня в 6 день великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич... сей выписки слушав, указал и бояре приговорили»¹⁰.

Третий вид придает документу характер единоличного распоряжения царя, в котором распоряжение бояр носит условный характер и говорит лишь о согласии последних с решением государя.

Со времени правления Алексея Михайловича последняя форма становится все более употребляемой. Связано это с двумя процессами: во-первых, политическим, т. е. упрочением роли царя; во-вторых, процессом изменения статуса приговора, который впоследствии станет основным документом, издаваемым правительственным органом – Сенатом.

Схожие процессы трансформации первых распорядительных документов, исчезновения старых и появления новых форм с развитием русского государства проходят все более активно.

С.А. Пронина

В заключение важно отметить, что те виды распорядительных документов, которые постепенно складывались в первые три века российской государственности, и в дальнейшем активно использовались в деятельности различных государственных органов власти.

Примечания

- 1 Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. № 229. С. 434–435.
- 2 Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. М., 1958. № 325. С. 307.
- 3 Там же. № 275. С. 184.
- 4 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 3. С. 3.
- 5 Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографической комиссией под ред. Николая Калачова. Т. I. СПб., 1857. № 55. XIII. С. 273.
- 6 Акты Московского государства. Изданные Императорскою Академией наук под ред. Н.А. Попова. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. № 129. С. 155.
- 7 Там же. № 22. С. 35.
- 8 Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографической комиссией под ред. Николая Калачова. Т. III. СПб., 1884. № 281. С. 55.
- 9 Там же. № 273. С. 25.
- 10 Там же. № 280. С. 50.

Е.Н. Филенко

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «ДОКУМЕНТ» С ВНЕДРЕНИЕМ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье прослеживается история развития понятия «документ» на основе законодательных и нормативно-методических документов. Показаны изменения в трактовках данного понятия в связи с широким использованием новых информационных технологий. Даны характеристики определений «документ на машинном носителе», «машиночитаемый документ», «электронный документ». Отмечается значимость такого реквизита документа как подпись, рассматривается правовой статус электронно-цифровой подписи. Затрагиваются проблемы придания юридической силы электронным документам и правовой аутентичности документов в традиционном и электронном виде. Представлены преимущества и ограничения функционирования бумажных и электронных документов.

Ключевые слова: электронный документ, информационные технологии, машиночитаемый документ, электронная цифровая подпись, документ на машинном носителе, юридическая сила документа.

Внедрение вычислительной техники в систему управления породило понятие электронного документа, которое напрямую связано с термином «документ». Первоначально понятие «документ» отождествлялось с его письменной формой. Так термин «документ» (от лат. documentum – доказательство) был впервые введен в русский язык Петром I, который перевел его как «письменное свидетельство»¹. С данного момента и фактически до второй половины XX в. под документом понимался только письменный источник информации. В конце 1950–1960-х гг. стало распространяться расширенное понимание документа. В 1964 г. в Терминологическом словаре по теории и практике научной информации документ определялся как материальный объект, содержащий информацию в закреплённом виде². Следовательно, таким объектом может быть любой объект материального мира, а не только бумага или аналогичный ей носитель, а информация может быть выражена любым видом сигнала, а не только письменными знаками. Указанная трактовка довольно быстро нашла распространение в литературе по документалистике, кибернетике и информатике³, и сейчас фактически стала общепризнанной в этих областях. В то же время весьма широкое распространение получило определение документа как любого материального носителя информации, предназначенного для ее передачи во

Е.Н. Филенко

времени и пространстве⁴. Последняя трактовка понятия «документ» выделяет информационную функцию документа и является методологическим обоснованием постоянно идущего процесса образования новых средств фиксации информации и последовательного включения их законодательством в юрисдикционную сферу. Например, в 1979 г. были законодательно урегулированы вопросы, связанные с правовым статусом документов микрофильмов⁵. В 1990 г. в качестве доказательств, способных участвовать в уголовном процессе, признаны видео- и фоно-документы⁶.

После принятия первой части Гражданского кодекса РФ и Федерального Закона «Об информации, информатизации и защите информации» от 25 января 1995 г., можно говорить об окончательном утверждении информационной трактовки понятия документа и «электронного» документа. В ст. 2. указанного Закона сформулировано определение документированной информации или документа (эти понятия закон рассматривал как равнозначные, их основными критериями являются фиксация и идентификация): «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать». Эта же формулировка была дословно воспроизведена в принятом в 1996 г. Федеральном Законе «Об участии в международном информационном обмене». Данное определение документа завершает эволюцию законодательного определения документа в сторону его информационной трактовки, начатую еще в 1994 г. Именно тогда в ст. 1 Федерального Закона «Об обязательном экземпляре документа», принятого 23 ноября 1994 г., документ был определен как «материальный объект с зафиксированной на нем информацией в виде текста, звукозаписи или изображения, предназначенного для передачи во времени и пространстве в целях хранения и общественного использования». Приведенное определение очень близко по содержанию к определению, сформулированному в ФЗ 1995 г., но оно содержит ограничительные условия по отношению к форме фиксации информации (текст, звукозапись, изображение), что исключает из сферы его применения ряд документов (например, документы, в которых информация зафиксирована в форме электромагнитных сигналов).

Под идентификацией понимается установление точного совпадения, тождественности информации первоначальному содержанию.

Поэтому только в ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» впервые на законодательном уровне получило закрепление информационное понятие документа, не связанное ни с какой-либо определенной формой представления, ни с типом носителя информации или с какой-то иной спецификой технологии его изготовления. В сформулированном в этом Законе определении документа можно выделить три составные части: 1) содержание документа, т. е. информация, независимо от формы ее представления; 2) материальный носитель этой информации; 3) реквизиты, позволяющие идентифицировать документ. В традиционных бумажных документах реквизиты и содержание документа неразрывно связаны с материальным носителем доку-

мента. В электронных документах каждая из этих составляющих (и в этом их важное отличие от бумажных документов) относительно самостоятельна, что обусловлено особенностями их изготовления, обработки, хранения, передачи. Данная особенность электронных документов в значительной мере определяет специфику их юридического статуса.

Дальнейшее развитие понятие «документ» получило в связи с принятием ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ 27 июля 2006 г., пришедшему на смену ФЗ от 20.02.1995 г. В новом Федеральном Законе отсутствует понятие «документ», приводится только понятие «документированная информация». Оно по сути аналогично понятию, использованному в ранее действовавшем Законе об информации от 1995 г., однако предусматривает уточнение, что реквизиты документируемой информации должны позволять определять не только саму такую информацию, но и в установленных законодательством случаях материальный носитель документируемой информации⁸.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в п. 3 статьи 11 дает определение, какой документ признается электронным: «электронное сообщение, подписанное электронно-цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи, признается электронным документом, равнозначным документу, подписанному собственноручной подписью, в случаях, если федеральными законами или иными нормативными правовыми актами не устанавливается или не подразумевается требование о составлении такого документа на бумажном носителе»⁹.

Наиболее значимым реквизитом документа является подпись. В соответствии с п. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной и иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Статья 160 Гражданского кодекса РФ допускает возможность использования электронной цифровой подписи (ЭЦП) и других аналогов собственноручной подписи при заключении и совершении гражданско-правовых письменных сделок «в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон»¹⁰. Выделяются разновидности подписи на письменном документе: собственноручная подпись лица; собственноручная подпись лица, воспроизведенная и переданная с помощью технических средств и средств связи; ЭЦП и иные аналоги собственноручной подписи. Иными реквизитами документа, имеющими значение в тех или иных случаях, могут выступать печать, время и место создания документа. Необходимо отметить, что такие реквизиты, как печать, собственноручная подпись лица, принципиально неприемлемы для электронных документов из-за специфической природы электронных носителей информации.

Специфика электронных документов заключается также в том, что они имеют свою физическую и логическую структуру, не совпадающую

с традиционными представлениями о документе. Она зависит от способа размещения данных на машинных носителях и от используемых программных и технических средств. Логическая структура электронных документов определяет смысловые взаимосвязи в различных формах: текст, таблицы, графики, мультимедиа записи и т. п. Запечатление и воспроизведение документа осуществляется с помощью соответствующих информационных технологий. Электронные документы находятся в прямой зависимости от информационных технологий, которые имеют необратимую тенденцию устаревать (изменяться) по мере научно-технического прогресса в области техники и программного обеспечения. В этой связи велика опасность утраты доступа к таким документам через определенный промежуток времени, когда при наличии физического носителя информации из-за отсутствия соответствующей техники и программного обеспечения электронную запись невозможно будет прочитать. Такие случаи уже имели место. Так, созданная на больших ЭВМ типа ЕС автоматизированная система по документам ГАФ СССР прекратила свое существование именно по этой причине¹¹.

Специфические особенности электронных документов, а также массовое применение новых информационных технологий привело к созданию различных определений понятия «электронный документ». Из всего разнообразия подходов к определению этого термина можно выделить три группы основных определений: 1) электронный документ – машиночитаемый документ, документ на машинном носителе; 2) электронный документ – особый тип документа; 3) электронный документ – электронная форма документа¹².

Термин «машиночитаемый документ» появился в СССР в 1970-е гг. в связи с развертыванием работ по внедрению автоматизированных систем управления в народное хозяйство. На первом этапе своего существования машиночитаемые документы не наделялись какими-то особыми свойствами и характеристиками, обособляющими их от обычной документации, за исключением того, что по ГОСТ 6.10-88 «Унифицированные системы документации. Основные положения»¹³ они должны были быть пригодны для обработки на ЭВМ или созданы с помощью вычислительной техники. Но их реквизиты должны были оформляться в установленном для всех документов порядке. Кроме того, в тот период результатом документирования информации с помощью ЭВМ в подавляющем большинстве случаев являлся документ на бумажном носителе.

С появлением компьютеров, компьютерных сетей, более совершенных технологий и программного обеспечения возникла реальная возможность перехода на так называемое «безбумажное» делопроизводство. Именно в этот период зарождается термин «электронный документ» для обозначения документа, обладающего новыми, отличными от традиционных характеристиками¹⁴. Однако переход к безбумажным технологиям потребовал создания законодательной и нормативно-методической базы. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже с середины 1970-х гг., когда началась разработка и принятие

Развитие понятия «документ» с внедрением новых информационных...

нормативных актов, касающихся регулирования отношений в связи и по поводу электронных документов.

Так, в 1980 г. Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий Приказом № 158 (от 29.12.1980) утвердил Положение о всесоюзной магнитно-ленточной службе патентной информации. Но это в большей степени касалось внутриотраслевых электронных документов. 20 апреля 1981 г. Государственный комитет по науке и технике СССР постановлением № 100 утвердил «Временные общепромышленные руководящие указания о придании юридической силы документам, создаваемым средствами вычислительной техники». В этом акте, в частности, говорилось, что документ на магнитном носителе «используется без преобразования в человекочитаемую (визуальную) форму при передаче информации на предприятия, в организации и учреждения или для обмена информацией между ними» (п. 3).

Государственный комитет СССР по стандартам 9 октября 1984 г. ввел ГОСТ 6.10.4-84 «Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники». Данный стандарт определял требования к составу и содержанию реквизитов, придающих юридическую силу документам на машинных носителях информации, создаваемым средствами вычислительной техники, а также порядок внесения изменений в указанные документы.

Как и во Временных указаниях, в стандарте допускалось «транспортирование (передача, пересылка и т. д.) документа на магнитном носителе». Правда, при этом требовались сопроводительное письмо на бланке организации с личной подписью уполномоченного лица и передача магнитного носителя, на котором записан документ, что, по существу, ставило вне данного ГОСТа передачу электронных документов (ЭД) по телекоммуникационным каналам.

В ГОСТе подробно описывались требования к реквизитам документов, перечислялись обязательные реквизиты (наименование организации-создателя документа, наименование документа, дата создания, код ответственного лица и т. п.), т. е. устанавливались требования к форме документа, связанные с его информационным наполнением. В нем было введено понятие подлинника, дубликата, копии документа. Эти понятия рассматриваются ГОСТом в соответствии с определениями, данными в документалистике, где под подлинником (оригиналом) понимается первый экземпляр составленного документа¹⁵. Копия образуется в результате воспроизведения текста с изменением или заменой носителя, но воспроизводящего точно содержание и внешние признаки исходного документа¹⁶. Также следует отметить, что в ГОСТе рассматривались отдельно подлинники, дубликаты и копии документов на машинном носителе и на бумажном носителе (машинограммы). Для разграничения понятий «подлинник» и «копия» в ГОСТе привлекаются два критерия: 1) момент времени изготовления: подлинник – первая по времени запись документа на машинном носителе или первый по времени напечатанный средствами вычислительной техники экземп-

Е.Н. Филенко

ляр документа на бумажном носителе (машинограмма), дубликат и копии – последующие по времени записи; 2) специальное указание на документе, является ли он копией, дубликатом или подлинником. Все три вида документа имеют аутентичное содержание (п. 3.3, 3.4), одни и те же реквизиты (ч. 2 п. 3.4) и одинаковую юридическую силу (п. 3.1).

Рекомендации РД 50-613-85 «Методические указания по внедрению и применению ГОСТ 6.10-84» вносят важное добавление, определяющее порядок использования подлинников и других видов документов. Подлинники используются только для изготовления дубликатов и копий, а также внесения изменений, их держателем является организация – создатель документа. Такой порядок достаточно сложно соблюсти при использовании документов в различных общественных отношениях.

Современные устройства обработки компьютерной информации и электронные средства связи делают весьма условной границу между оригиналом документа и его копиями¹⁷. Такие способы передачи информации, как факсимильная связь, электронная почта, телеконференции позволяют передавать значительное количество экземпляров документа, аутентичных друг другу. То же самое происходит при обмене информацией в компьютерных сетях, при преобразовании документа с одного носителя на другой. В приведенных примерах очень сложно разграничить оригинал и копию, к тому же в ГОСТе отсутствует процедура заверки дубликатов и копий. Термин «аутентичность», принятый в англоязычной литературе, означает свойство документа быть тем, о чем заявлено в нем самом, т. е. содержать информацию, подтверждающую его происхождение (авторство, время и место создания и т. п.), причем таким образом, чтобы это гарантировало документ от подделок. Российские исследователи чаще всего используют другой термин – подлинность. Отечественный ГОСТ Р51141-98 трактует «подлинный документ» как документ, «сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения». Понятие «аутентичность» имеет более широкий смысл, чем понятие «подлинник», особенно применительно к анализу электронных документов. Понятие аутентичность относится не только к оригиналам, но к копиям документов, а в более широком смысле – не столько к документу как к материальному носителю объекту, сколько к документированной информации. Документ может быть производным от подлинника, но информация, содержащаяся в нем, может быть признана аутентичной информации подлинника. Этот факт имеет принципиальное значение для электронных документов. Так как в оригинальном виде они не могут быть сохранены в течение продолжительного промежутка времени, то в долговременной перспективе можно говорить именно об обеспечении аутентичности электронных документов¹⁸. До сих пор главным средством аутентификации электронной документации служат протоколы аудита сетевых ресурсов. С их помощью можно проследить историю документов и выявить случаи несанкционированного доступа

к ним. Однако слабым местом такой системы аутентификации являются сами протоколы, находящиеся в практически бесконтрольной власти сетевых администраторов. Другая проблема – обеспечение аутентичности в межсетевом (межкорпоративном) пространстве. Без четких представлений о происхождении электронных документов и твердых гарантий их целостности суды отказываются признавать за ними доказательную силу и принимать в качестве письменных свидетельств. В свое время именно нерешенность вопросов аутентичности и целостности электронных документов помешала реализации идей «безбумажного офиса». В этой связи интересной представляется позиция, согласно которой документ, выполненный в нескольких аутентичных экземплярах, имеет несколько оригиналов и нельзя рассматривать первый экземпляр как подлинник, а остальные как копии. Вместе с тем существует мнение о том, что электронный документ вообще не может иметь дубликатов и копий. Тем не менее, на данном этапе представляется целесообразным исходить из положений ГОСТа. В соответствии с ним подлинники, дубликаты и копии имеют одинаковую юридическую силу при наличии соответствующих реквизитов. Подлинником будет считаться документ либо первый по времени изготовления (если это можно установить), либо тот документ, статус подлинника которому будет присвоен его изготовителем либо владельцем. На держателе подлинника будет лежать обязанность принять меры (правовые и технические) для возможности установления того, что определенный документ является подлинником (оригиналом). В случае расхождения между подлинником и копией за подлинником признается статус эталонного документа. При возникновении спора вопрос о возможности и причинах искажения подлинника электронного документа решается по существу. Следовательно, в суд подлинник электронного документа представляется в обязательном порядке только в случае разногласий между содержанием одних и тех же документов, имеющих у сторон. Наряду с этим распространена практика признания за электронным документом, выполненным в нескольких аутентичных экземплярах, наличия нескольких подлинников. Эта практика применяется прежде всего в тех случаях, когда существует ограниченный круг субъектов, которым адресован документ¹⁹.

Тем не менее, необходимо отметить, что за последний год отечественные арбитражные суды начали принимать электронные документы в качестве доказательств. В ходе судебных разбирательств использовались такие материалы, как сообщения электронной почты, базы данных и выписки из них, компьютерные файлы (причем было несколько случаев, когда в качестве доказательств были приняты восстановленные после уничтожения файлы), документы, подписанные ЭЦП, отчетность, представленная в государственные органы в электронном виде, материалы и данные с интернет-сайтов организаций и компаний²⁰.

Несмотря на массовое использование в отечественной и зарубежной литературе термина «электронный документ» его определение еще не устоялось. Обязательными признаками электронного документа, от-

Е.Н. Филенко

личающими его от бумажного являются: 1) машинный носитель информации²¹; 2) электронная форма представления информации²²; 3) способность храниться, обрабатываться и передаваться с помощью электронных средств (программных и технических средств)²³.

Дополнительно в качестве обязательного признака электронного документа также указывается наличие в нем ЭЦП²⁴.

Характерная особенность отечественных нормативных актов, касающихся электронных документов, состоит в том, что они рассматривают электронный документ в одном ряду с традиционными документами, выдвигая те же требования: наличие обязательных реквизитов, соответствующих аналогичным реквизитам бумажного документа. Все нововведения в области работы с электронными документами сводятся к уравниванию в правовых актах юридической силы электронных и бумажных документов.

Несмотря на множество определений, приводимых в законодательстве, и разнообразие подходов к данному термину, известные ученые предлагают относиться к электронным документам так же, как и к другим технотронным документам, учитывая в действующих правилах и инструкциях специфику носителя информации²⁵. Такая позиция позволит решать и последующие задачи архивной обработки «электронных» документов (в том числе определения их форматов и стандартов записи), вопросы программного и технического обеспечения хранения электронной документации, а также миграции информации и т. п. В связи с компьютеризацией управления и переходом к хранению информации на нетрадиционных носителях в нормативно-методические документы были также внесены изменения. Так, положения новой редакции Типовой инструкции по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти²⁶ (утвержденной приказом Минкультуры России от 8 ноября 2005 г. № 536) распространяются на организацию работы с документами независимо от вида носителя, включая их подготовку, регистрацию, учет и контроль исполнения с помощью автоматизированных (компьютерных) технологий, которые должны отвечать определенным требованиям.

Развитие новых информационных технологий, рост объемов информации, циркулирующей в компьютерных системах и передаваемой по сетям, увеличивает число как электронных документов, так и бумажных. Эта тенденция напрямую связана с одной из главных проблем электронных документов – проблемой юридической силы документа.

Юридическая сила электронного документа – его свойство, позволяющее использовать документ отдельно или в сочетании с другими документами для совершения юридически значимых действий в соответствии с законодательством²⁷.

Понятие юридической силы электронных документов по основным своим признакам не отличается от общепринятого понимания юридической силы традиционных документов. Однако юридическую силу электронного документа возможно обеспечить только исполнением специальной юридической процедуры. В частности, одной из таких

процедур является установление электронной подписи, используемой в качестве аналога собственноручной подписи. При этом обеспечение юридической силы электронного документа обусловлено технологией формирования электронной подписи и процедурой подписания.

Правовой статус электронной цифровой подписи, общий порядок и условия ее применения, при которых электронный документ будет иметь юридическую силу, определил принятый в 2002 г. ФЗ «Об электронной цифровой подписи»²⁸. В нем под электронной цифровой подписью понимается «реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного электронного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа ЭЦП и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе». В этом законе впервые в российском законодательстве предпринята попытка отказаться от реквизита «печать», заменив его определенным видом подписи, приемлемой для данного носителя, в частности, электронной цифровой подписью. Такая подпись в соответствии с законом обладает уже свойствами двух реквизитов: «подпись» и «печать»²⁹. Это соответствует тенденции к слиянию в будущем реквизитов «подпись» и «печать» в один, который станет универсальным средством идентификации как документа, так и личности.

Следует отметить, что юридическая сила электронного документа зависит не только от наличия в нем ЭЦП для подтверждения его подлинности, но и от соблюдения ряда других правовых требований. К таким требованиям относятся присутствие в документе необходимых реквизитов³⁰, компетентность источника документа³¹, гарантия неизменности содержания документа³².

Информация электронного документа, как и бумажного, должна быть значимой, и накладывать на субъект определенные обязательства и, как правило, вызывать определенные последствия, побуждать к действиям, иметь однозначную интерпретацию, являться общепонятной.

Таким образом, рассматривая электронный и бумажный документ применительно к юридическим требованиям, предъявляемым к их использованию, необходимо заметить, что законодательством не должна предусматриваться полная эквивалентность документов, поскольку для электронных документов требования, предъявляемые к бумажным документам, выполняются только при определенных условиях.

В то же время понятие электронного документа следует рассматривать в органичном единстве зафиксированной информации (в виде файла или файлов), реквизитов и носителя информации.

Также следует учитывать особенность электронного документа, заключающуюся в том, что без применения адекватных технологий электронный документ остается лишь файлом на носителе. По аналогии такой электронный документ можно сравнить с бумажным документом с угасшим тестом. То есть электронный документ только тогда можно считать «документом», если можно воспроизвести файл и воспринять ин-

Е.Н. Филенко

формацию в форме, понятной человеку, т. е. с экрана монитора³³. При этом материальность записи файла и его документированной информации как объективной формы остается необходимым и обязательным условием существования файла. Это позволяет файлу как форме представления электронного документа, с одной стороны, в полной мере отвечать признакам, определяющим документ как материальный объект, а с другой стороны, обладать нематериальными свойствами, что позволяет организовать передачу по каналам связи электронных документов и юридически обосновать нематериальное перемещение и тождественность принятых электронных документов их отправленным аналогам³⁴.

Как бумажные, так и электронные документы имеют свои преимущества и одновременно ограничения, связанные с носителем информации. Однако необходимо отметить, что даже в тех случаях, когда электронный документ имеет неоспоримые преимущества перед бумажным, могут возникнуть проблемы организационного, правового и технического характера.

Таким образом, с внедрением новых информационных технологий возникли новые формы записи информации и типы носителей, новые приемы идентификации, появились электронные документы, имеющие свои отличительные формы и особенности. Информация, созданная электронно-вычислительными устройствами, программами и включенная в информационные сети, сохраняет свойства материально зафиксированных сведений, хотя машинный носитель – не привычная бумага. Тем не менее материальность (например, записи файла) остается необходимым условием существования электронного документа. За многообразием форм электронного документа («файл», «страница», «сайт», «сообщение», «база данных») стоят проблемы их правового регулирования и отношений по поводу их использования, а также вопросы придания им юридической силы. Законодательное закрепление основных форм представления электронных материалов позволило бы четко определить электронный документ как объект права и предмет правового регулирования в деятельности, связанной с оборотом и использованием электронных документов.

Примечания

- ¹ Воробьев Г.Г. Документы: информационный анализ. М., 1973. С. 5.
- ² Терминологический словарь по теории и практике научной информации. ВИНТИ. М., 1964. С. 44.
- ³ Напр.: Автоматизированные системы управления в народном хозяйстве / Под ред. В.С. Сияка. М., 1987. С. 122.; Миронов Г.А., Фролов Г.Д. Автоматизированные информационные системы. 1982. С. 238–239.
- ⁴ Советский энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Прохорова, 4-е изд. М., 1989. С. 407.; Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы). М., 1978. С. 114.
- ⁵ ГОСТ 13.002.79 Микрофильм на правах подлинника. Основные положения.

- 6 О внесении изменений и дополнений в основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Закон СССР от 12 июня 1990 г.
- 7 Федеральный Закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
- 8 *Королев А.Н., Плешакова О.В.* Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (постатейный). М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 14.
- 9 Федеральный Закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
- 10 Гражданский кодекс РФ, часть первая (с. 160, п. 2; 434, п. 2.) от 30 ноября 1994 г. с изменениями, внесенными ФЗ от 10 января 2003 № 15-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2003. № 2. Ст. 167.
- 11 *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М.: Научная книга, 2002. С. 88.
- 12 Там же. С. 90.
- 13 ГОСТ 6.10-88 Унифицированные системы документации. Основные положения. М.: Изд-во стандартов, 1988.
- 14 *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М.: Научная книга, 2002. С. 92.
- 15 *Воробьев Г.Г.* Документы: информационный анализ. М., 1973. С. 185.
- 16 *Сокова А., Предеин Е.* Обеспечение юридической силы документа // Хозяйство и право. 1989. № 9. С. 132.
- 17 *Воробьев Г.Г.* Автоматизированная контора. М., 1989. С. 185–186.
- 18 *Тихонов В.И.* Когда наступит время компьютерной палеографии? // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001. С. 43–370.
- 19 *Ткачев А.В.* Правовой статус компьютерных документов: основные характеристики. М.: Городец-издат, 2000. С. 62.
- 20 *Храмцовская Н.* Системы электронного документооборота в России: первые плоды «ползучей революции» [Электронный ресурс] // Новостной сайт CNews, версия для КПК. – Электрон. данные. – Холдинг РБК, 1995–2007. – Режим доступа: <http://pda.cnews.ru/reviews/index.shtml?2007/08/16/262770>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.06.08.
- 21 В частности такой подход нашел отражение в российском праве – Законе «О бухгалтерском учете», ГОСТе «Делопроизводство и архивное дело», в зарубежном – В Законе Республики Беларусь «Об электронном документе», Законе Таджикистана «Об электронном документе», Законе Болгарии «Об электронном документе и электронной подписи», Законе Канады «О защите персональной информации и электронных документов» используются сходные по смыслу термины.
- 22 В ФЗ РФ «Об электронной цифровой подписи» электронный документ определяется как документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.
- 23 Данный термин используется в Законе США «Об электронных подписях», в Законе Украины «О платежных системах и переводе денег в Украине», в

Е.Н. Филенко

- законах Республики Беларусь, Туркменистана, Таджикистана «Об электронном документе».
- 24 Законы «Об электронном документе» Беларуси, Туркменистана, Таджикистана, Закон Украины «О платежных системах и переводе денег в Украине».
- 25 *Костомаров М.Н.* Организация хранения и обеспечения сохранности документов в США // Секретарское дело. 1998. № 4. С. 89.; *Ларин М.В.* Управление документацией в организациях. М.: Научная книга, 2002. С. 97.
- 26 Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти (утверждена приказом Минкультуры России от 08.11.2005) // Делопроизводство в федеральных органах исполнительной власти. Типовая инструкция по делопроизводству. 2-е изд. М.: «Ось-89», 2006.
- 27 ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172.
- 28 Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 127.
- 29 *Кукаркина Ю.М.* Формирование понятий «электронный документ» и «электронная цифровая подпись» в законодательных и нормативно-методических актах Российской Федерации // Делопроизводство. 2003. № 1. С. 50.
- 30 В ГОСТ 6.10.4-84 «Унифицированные системы документации. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения» в п. 2.1. определены состав и содержание реквизитов, придающих юридическую силу документам на машинном носителе.
- 31 Это требование содержится в ГОСТ Р 51141-98. «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» в п. 25, определяющем термин «юридическая сила документа» как свойство официального документа, созданного юридическим или физическим лицом, оформленного и удостоверенного в установленном порядке, сообщаемое ему действующим законодательством, компетенцией издавшего его органа и установленным порядком его оформления.
- 32 В ФЗ «Об ЭЦП» в ст. 3 дается определение ЭЦП, где акцентируется роль ЭЦП как средства защиты и гарантии отсутствия искажения информации в электронном документе.
- 33 *Тихонов В.И.* Организация архивного хранения электронных документов: проблемы, практика, рекомендации // Электронная Россия. 2004. № 2 (11). С. 17.
- 34 *Семилетов С.И.* Документы в социальной сфере: подходы к классификации // Электронный документ и документооборот: Правовые аспекты. Сб. науч. тр. РАН ИНИОН / Отв. ред. Алферова Е.В., Бачило И.Л. М., 2003. С. 31.

Abstracts

THE CONFERENCE OF THE ROUND TABLE ON THE SUBJECT: “TEACHING ARCHEOGRAPHY IN RGGU: THE MODERN CONDI- TION AND DEVELOPMENT PROSPECTS. APRIL 4, 2007”

On the conference of the round table the report was heard made by the Chair of Arch archeography at the Institute for History and Archives (RSUH), Cand. Sc. (History), V.Yu. Afiani on the problems of teaching arch archeography at a university. Leading specialists in the field of arch archeography took part in discussing the report: RSUH and IHA RSUH officials and teachers, officials and members of staff of the Federal Archival Agency of Russia and the Moscow Archival Association, heads of several federal archives, heads of institutes and departments of the Russian Academy of Sciences. Recommendations on the expansion of teaching of arch archeography in RSUH were endorsed. The conference of the round table was presided by the head of RSUH, Prof. E.I. Pivovarov and the honorable chairman of the Arch archeographical commission (RAS), member of the Russian Academy of Education, Prof. S.O. Shmidt.

A.D. Stepansky

TRENDS IN RUSSIAN ARCHAEOGRAPHY IN THE MIDDLE 1950S AND 1960S AND THE LEADING MEMBERS OF THE RUSSIAN ARCHAEOGRAPHICAL SCHOOL

This article forms a part of the cycle of papers by A.D. Stepansky on the history of Russian archaeography in the 20th century. The archaeological science began its development in the middle of the 1950s and the 1960s, at the time when archaeological activities in the country were on an intensive rise.

This paper analyses in detail the process of discussing challenging issues of theory and methods of archaeography as it was carried out at the Chair of Archaeography at the Historical Archives Institute, at the Archaeographical Commission at the Academy of Sciences of USSR, at the scientific conferences and in periodicals. The statements and suppositions made at that time might now be divided into those which have retained their relevance and those which are now irrelevant.

E.V. Alekseyeva

THE DOCUMENT IN SOCIAL COMMUNICATIONS

The article is devoted to the analysis of the problem of document functioning in social communications, including the analysis of the archivists'

views on the subject. The author examines different definitions of the notion of the record and thereby describes its functions. The research also discusses differences in the understanding of the notion of the record in various fields of knowledge, such as linguistics, information science, psychology and archives administration.

Great emphasis is made on archival system and archives as the main storage areas for retrospective documents. The author describes the essence of the overall work with a document and the process of formation of information data bases, which help systematically analyze information. The article also touches upon the works of V.N. Avtokratov, B.S. Ilizarov and other scholars.

Specialists in many fields, such as history, linguistics, philosophy and psychology, may take interest in the present research.

E.M. Burova

THE MARKETING OF ARCHIVAL DOCUMENTS AND THE ARCHIVAL INFORMATION

The article deals with the monetary appraisal of archival documents in the USSR and the Russian Federation taking into account the international practice. The research shows the criteria for the monetary appraisal and the principles of price distribution for separate groups of documents. The criteria and the principles were used both before the 1990s, and in the 1990s–2000s. The formation of the insurance price for archival documents is discussed as a separate problem. The article reveals the objects of the monetary appraisal in the purchase-selling procedure in the Russian Federation taking into account the international practice, for example, the auctioning of archival documents at the Sotheby's, Christie's, etc. The work also reveals the role of the De Beers company in the acquisition and further return of important archival documents to Russia.

Alongside with the problem of monetary appraisal of genuine archival documents, the article touches upon issues of fake documents and falsified rarities.

T.S. Volkova

THE JURIDICIAL ASPECT OF THE ARCHIVES ADMINISTRATION IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION

The issue discussed in the article is very important for the study of the specific features of the development of the Russian archival system within the context of Russian history. The reader is helped on the way to understanding the circumstances of the origin and evolution of the network of the special status archives of the major state departments. Special attention is drawn to the discussion of the role of the regulatory factor in understanding of the process of reappearance and development of the 'departmentalism' phenomenon in the centralized Soviet archival practice and in understanding its present domination in the archival practice of the contemporary Russian state.

O.N. Kosenko

ARCHIVES ADMINISTRATION BODIES IN THE SOVIET OCCUPATION ZONE IN GERMANY (1945–1949)

In the Soviet occupation zone in Germany during 1945-1949 the following Archival Boards were open: archival departments of the Soviet Military Administration in Germany and the Main Archival Department of the German Board of Domestic Affairs, established in 1949. The article deals with the process of creation of these boards, their main activities as well as their interaction with Soviet and German institutions.

A.V. Popov

RUSSIAN EMIGRANTS AND ARCHIVES: HISTORY OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN RUSSIAN AND FOREIGN HOLDINGS

The article describes the origins and development of archival collections relating to Russian emigrants in archives, library and museum manuscript repositories, and other repositories of the Russian Federation and abroad. Attention is directed to creating a typology and classification of the major repositories holding materials considering Russian emigrants. In the authors opinion, the formation and development of Russian archival holdings abroad was paralleled by a similar process in the Soviet Union, albeit with a constant lag of "one wave", i.e., during the active period of one wave of the emigration, our archives were busy collecting the materials on the wave that had preceded it. The process is explained by the fact that those Russian emigrants who had fled the totalitarian regime had no desire to maintain relations with it, let alone transfer documents to it. Following the conclusion of the historical epoch and the changes in the political situation in the Russian Federation, the "old" (in both the literal and figurative sense) Russian diaspora began to transfer its documents to the historical motherland. Another explanation of this change may be found in archival practices: in the period of the high emigration activity, its documents had not yet acquired the adequate level of retrospectiveness to become historically valuable sources or genuine archival documents: they had been simply a part of various emigratory organizations' and political movements' records.

This article will be of interest to historians, archivists and other researchers interested in the Russian emigration and the foreign archival Rossica.

V.B. Prozorova

MIRACULOUS ADVENTURES OF THE STOCK UNITY PRINCIPLE IN ITS HOMELAND

V. Prozorova studies the history of origin and development of the stock unity principle in France. On the way of its development it was entering

constantly in contradiction with subject-oriented and logical classifications dominating then in French archives. The thesis, reigning nowadays, that the classical version of the stock unity principle is incompatible with contemporary national heritage formation processes is the main reason for the stagnation of the French theoretical thought.

O.G. Sanin

THE ARCHIVE OF THE GOVERNMENT OF PETER THE GREAT
IN THE 18th–19th CENTURIES

The article examines the fate of the documental heritage of Peter I, kept at first in his Study and now preserved in the Russian Archive of Ancient Acts. Basing on yet unpublished sources the author reveals specific features of this particular archive, the private archive of the Czar-reformer and at the same time the archive of a major state department at the beginning of the 18th century. The article discusses ways of the records keeping, description, systematization and use in the 18th–19th centuries. Also under scrutiny are energetic activities of the head of the archive M.M. Shcherbatov, historian and enlightener.

Eu.V. Starostin

ARCHIVES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING
THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MOSCOW STATE
(14th–17th CENTURIES)

The article discusses previously unexplored topic of origin and development of the Russian Orthodox Church's Archives in the 14th–17th centuries. Special attention is drawn to the policy of secular authorities and clergy directed toward the preservation of the historical and cultural heritage of the Russian Orthodox Church. The article analyses the reasons for the destruction of major archival stocks containing documents on the history of the Church, during reforms, wars, catastrophes etc.

E.T. Alyautdinova

THE MEANING OF THE TERM "USTAV" AND THE ORIGIN OF
THIS TYPE OF DOCUMENT IN KIEVAN RUS'

The theme of this article – "Understanding of the term "the state" and origin of this kind of the document in the Kiev Russia" – means, first of all, the analysis of interpretation of the state, as kind of the document, definition of its basic functions and, already on this basis, studying of occurrence of the state in the Kiev Russia and its further development. The author certain frameworks of research, since the moment of occurrence of the state as, a kind of the document in Russia (XI century) and till XVI century.

The accent in the article is done on three versions of the first states. One of them is made with the monastic states regulating a life in monasteries, the second version is made with the church-princely states establishing represent attitudes between secular and spiritual authority and, at last, third – princely states – the documents defining punishments for offences.

A.S. Golotiik

THE CONTEMPORARY REGULATORY SYSTEM FOR THE RECORDS MANAGEMENT IN AUSTRALIA, ITS ORIGIN AND CONTENT

In this article we tried to examine organization and function chart of Standards Australia as the peak non-government standards development body in Australia. We also tried to analyze current record management standards issued by Standards Australia. As a result we would like to note the equilibrium of Australian standardization system where standards' users are represented in the development body. On the other hand all the standards should be approved by both Standards Australia and a superior executive body. Therefore they are always up-to-date.

E.M. Emysheva

GENERAL REGULATIONS' OF 1720 AS AN EXAMPLE OF AN ATTEMPT TO CREATE AN ORGANIZATIONAL DOCUMENT

The organizational aspect of administrative records became one of the most important characteristics of the records management system at the beginning of the 18th century. The analyses the main document, which aimed to regulate the administrative system and the records management system of that period. "General Regulations" became one of the first documents which contained elements of modern organizational support documentation, such as a charter, a document management regulation, a job description, internal regulations, a moral code of a state employee.

S.A. Pronina

THE ADMINISTRATIONAL ACTIVITY AS REFLECTED IN THE DOCUMENTS OF THE 13th–17th CENTURIES

This article is devoted to the matter of appearance and development of administrative documents in Russia in the 13th–17th centuries. The process of their development is represented in tight connection with the process of formation of the Russian centralized state. At the same time the documents are represented as the main tool of realization of administrative activity of state institutions. Primary types of administrative documents are specified in this article from the moment of their appearance till the end of the 17th

century. The aims of creating these documents are described, whom they were intended and created for. Also attention is paid to the peculiarities of the documents' form and structure. Special emphasis is made on administrative formulae, administrative documents of the period discussed are compared with modern ones. Matters of normative character are also touched upon. At the end of the article the suppositions on the scheme of development of administrative documents in the following centuries are provided.

E.N. Filenco

THE DEVELOPMENT OF THE NOTION OF THE RECORD FOLLOWING THE IMPLEMENTATION OF NEW INFORMATION TECHNOLOGIES

In the article the developmental history of the concept of the records is traced on the basis of legislative and normative methodical documents. Changes in interpretations of the given concept are shown in connection with the beginning of the wide use of new information technologies. Descriptions are given of the following terms: "the document on the machine medium", "the machine-readable document", and "the electronic document". The importance of such an essential element of a document as a signature is noted and the legal status of the electronic-digital signature is examined. Problems of giving validity to electronic documents and the legal authenticity of documents in the traditional and electronic form are mentioned. Advantages and limitations of the use of paper and electronic documents are exposed.

Сведения об авторах

- Бурова Елена Михайловна* – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой архивоведения ИАИ РГГУ.
- Алексеева Елена Викторовна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения ИАИ РГГУ.
- Попов Андрей Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ.
- Прозорова Виктория* – аспирант кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ, внештатный сотрудник Национального архива Франции.
- Емышева Елена Михайловна* – старший преподаватель кафедры документоведения ИАИ РГГУ.
- Пронина Светлана Александровна* – преподаватель кафедры документоведения ИАИ РГГУ.
- Санин Олег Геннадиевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ.
- Аляутдинова Екатерина Тагировна* – аспирант кафедры документоведения ИАИ РГГУ.
- Волкова Тамара Серафимовна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ.
- Голотик Анастасия Сергеевна* – аспирант Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).
- Косенко Оксана Николаевна* – аспирант кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ, ведущий специалист Отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).
- Старостин Евгений Васильевич* – доктор исторических наук, завкафедрой истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ.
- Степанский Александр Давидович* – доктор исторических наук, профессор кафедры археографии ИАИ РГГУ.
- Филенко Екатерина Николаевна* – аспирант кафедры документоведения ИАИ РГГУ.

Журнал «Вестник РГГУ»
по различным аспектам гуманитарных знаний
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений (индекс 36626).

Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!

Корректор *И.Е. Чибисов*
Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать
Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 132

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Ф.В. Лазарев